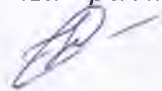

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический
университет»

На правах рукописи

Калёнова Наталья Алексеевна

**Когнитивно-прагматические механизмы фразеологической
объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе**

Диссертация

на соискание учёной степени
доктора филологических наук
по специальности 10.02.01 – русский язык

Научный консультант:
доктор филологических наук, профессор
Брысина Евгения Валентиновна

Волгоград
2015

Содержание

Введение	7
Глава 1. Частный эпистолярный дискурс как среда функционирования эмотивной фразеологии	22
1.1. Частное письмо как дискурсивное пространство эпистолярной фразеологии	22
1.1.1. Частное письмо в лингвистике	23
1.1.2. Лингвофилософские основы частной эпистолярной коммуникации и эпистолярной фразеологии	32
1.1.3. Правовой и этический аспекты частной переписки в свете лингвистики	42
1.1.4. Эмотивность фразеологии в психолингвистическом аспекте частной эпистолярной коммуникации	51
1.1.5. Социолингвистические факторы частной эпистолярной коммуникации в порождении фразеологической эмотивности	63
1.2. Когнитивно-прагматические координаты частного эпистолярного дискурса в осмыслении фразеологической эмотивности	68
1.2.1. Критерии выделения частного письма как источника исследования эмотивной фразеологии	68
1.2.2. Понятие частного эпистолярного дискурса	87
Выводы по Главе 1.	97
Глава 2. Фразеологическая единица в системе средств объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе	103
2.1. Эмотивность как одно из главных свойств частного эпистолярного дискурса	104

2.2.	Средства объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе	111
2.2.1.	Невербальные средства объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе	112
2.2.2.	Вербальные средства объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе	117
2.3.	Место фразеологической единицы в системе средств объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе	120
2.4.	Специфика фразеологической эмотивности в частном эпистолярном дискурсе	127
2.4.1.	Внутренние ресурсы фразеологической эмотивности	128
2.4.2.	Культурные коннотации ФЕ и эмотивность	139
2.5.	Методы анализа фразеологической эмотивности в частном эпистолярном дискурсе	147
2.6.	Способы фразеологической объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе	159
	Выводы по Главе 2.	170
	Глава 3. Когнитивно-прагматические механизмы трансляции эмоциональной информации в частном эпистолярном дискурсе посредством фразеологии	173
3.1.	Когнитивно-прагматическая модель частного эпистолярного дискурса	174
3.2.	Роль и место фразеологической единицы в когнитивно-прагматической модели частного эпистолярного дискурса	199
3.3.	Когнитивно-прагматические механизмы	214

фразеологической трансляции эмоциональной информации в частном эпистолярном дискурсе	
Выводы по Главе 3.	239
Глава 4. Когнитивно-прагматические механизмы смысловой реализации фразеологической эмотивности в частном эпистолярном дискурсе	241
4.1. Когнитивно-прагматическая природа структурно-семантических трансформаций фразеологических единиц в частном эпистолярном дискурсе	242
4.2. Роль приёмов структурно -семантических трансформаций фразеологических единиц в трансляции эмоциональной информации в частном эпистолярном дискурсе	254
4.2.1. Роль семантических трансформаций фразеологических единиц в объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе	254
4.2.2. Роль структурно-семантических трансформаций фразеологических единиц в объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе	263
Выводы по Главе 4.	289
Глава 5. Интердискурсивные факторы когнитивно-прагматических механизмов трансляции эмоциональной информации посредством фразеологических единиц в частном эпистолярном дискурсе	293
5.1. Итердискурсивные факторы когнитивно-прагматических механизмов фразеологической объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе	294
5.2. Интердискурс в когнитивно-прагматических механизмах	

трансляции эмоциональной информации в частном эпистолярном дискурсе отдельной языковой личности	305
5.3. Интердискурс и языковая личность автора частного эпистолярного дискурса в когнитивно-прагматических механизмах фразеологической объективации эмоций (лексикографический аспект)	316
Выводы по Главе 5.	336
Заключение	339
Библиография	346
Приложения	403

Принятые сокращения

- ФЕ – фразеологическая единица
- ЭК – ЭМОТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ
- ЧЭД – частный эпистолярный дискурс

Введение

Когнитивистика [Алефиренко 2011; Болдырев 2001; Демьянков 1992, 1994; Кубрякова 2004а и 2004б; Маслова 2004; Попова 2010 и др.] расширила горизонты современной лингвистики, заставила посмотреть на традиционно исследуемый языковедами материал взглядом, обращённым на человека в языке. Вместе с тем, и это реализация того же интереса к человеку говорящему, всё более привлекают исследователей источники личного происхождения [Белоусов 1998; Зырянова 2009; Козлова 1996; Козлова 2012; Лебедева 2008, 2011 и др.] как среда функционирования языковых единиц.

О степени разработанности проблемы можно судить по достижениям в области эпистоляриведения, фразеологии, эмотивологии, когнитивно-дискурсивной лингвистики, векторы которых пересекаются в данном диссертационном исследовании. Изыскания прошлых лет «от литературоведения и философии до истории и психолингвистики» [Сапожникова 2005: 86] [Степанов 1926; Гурвич-Лищинер 1963; Дёмин 1964; Климова 1970; Лысакова 1971; Сметанин 1970; Кувалина 1975; Грехнёв 1978; Григорьева 1981; Акишина 1982; Дмитриева 1985, 1986 и др.] демонстрируют стремление раскрыть сложную природу эпистолярной коммуникации, которая «позволяет с достаточной долей достоверности воссоздавать психологический облик автора» [Ковалёва 2002: 25–26]. История частного письма [Белунова 2000: 6–10, 34–36; Ковалёва 2002: 50–69; Курьянович 2013б: 5–7; и др.] отражает развитие культуры и общества, «позволяет проследить параболу искривления исторического пространства» [Сапожникова 2005: 86]. Эмоции, эта неотъемлемая часть существования человека, как в зеркале, отражаются в откровенных строках частных писем.

Выбирая объектом изучения частное письмо, лингвисты сосредоточивают своё внимание на таких его элементах, как этикетные формулы [Богуславская 1990; Глинкина 1985; Акимова 2009 и др.], языковая организация и текст в целом, его выразительные средства [Александрова

1972; Гусева 2003; Паршина 1995 и др.] и т.д. Научный поиск при этом организован в разных аспектах: семантическом [Данкер 1992], стилистическом [Бакина 2004; Седова 1985; Рушчак 1985], жанрово-стилистическом [Курьянович 2013а и 2013в], жанрово-коммуникативном [Ковалёва 2002], коммуникативном и коммуникативно-прагматическом [Белунова 2000] и др. (Подробнее в обзорах: [Белунова 2000: 13–15; Калёнова 2013а; Курьянович 2013а: 3–5; Курьянович 2013б: 16–18 и др.]). Специфика частного письма как коммуникативного события обуславливает актуальность когнитивно-прагматического подхода к его изучению.

Термин *эпистолярный дискурс* является стремлением авторов [Буняева 2010; Гусева 2003; Курьянович 2013а; Фесенко 2009; Забабурова 2002; Фокина 2010 и др.] наиболее полно передать суть исследуемого объекта. Подчеркнём, что частное письмо не всегда рассматривается отдельно от других видов писем и под термином *эпистолярный* имеется в виду вся совокупность писем: и неофициально-деловых, и частных, и даже не писем, а записок, телеграмм, открыток. На наш взгляд, названные типы речевых произведений, безусловно, имеют общие признаки, однако частное письмо имеет свою специфику [Белунова 2000; Ковалёва 2002; Фесенко 2009 и др.].

Частное письмо – генетически когнитивно-прагматическое явление. Письмо как феномен рождается в потребности передать мысль и чувство другому человеку, находящемуся на расстоянии, при этом иных каналов коммуникации нет. Адресант вынужден пользоваться тем арсеналом средств (вербальных и невербальных), которые доступны при эпистолярной коммуникации, т.е. заданы спецификой частного эпистолярного дискурса как когнитивно-коммуникативного события, а также определены тезаурусом языковой личности его автора, ориентированного в выборе языковых средств на эффективность трансляции эмоциональной информации для адресата.

Научные разработки теории эпистолярия, как уже отмечалось, велись в разных аспектах, но так или иначе касались проблем когнитивно-

прагматического статуса частного письма. Как «словесно выраженное знание внешнего мира», письмо – «знаковое отображение индивидуальной картины мира» [Ковалёва 2002: 133]. Исследуя частное письмо, учёные неизбежно сталкиваются с тем, что находится «за» текстом. Эпистолярный как «разновидность исторически обусловленной дискурсивной практики» находится «в тесной зависимости от комплекса экстралингвистических факторов» [Курьянович 2013а: 12]. При этом нет комплексного исследования именно этой тесной взаимосвязи текста как элемента частного эпистолярного дискурса и других его составляющих. Решить эту задачу может, на наш взгляд когнитивно-прагматический подход: «В эпицентре исследования оказывается *коммуникативное событие* (выделено нами – *К.Н.*) в синергетическом единстве всех его составляющих: говорящего, слушающего, их личностных и социальных характеристик, а также суггестивных аспектов словесно-художественного воплощения коммуникативной ситуации и дискурсивной интенциональности» [Алефиренко 2011: 26].

В понимании частного эпистолярного дискурса мы идём от определения Т.А. ван Дейка, считавшего дискурс «сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» [Дейк 1989: 122]. Таким образом, частный эпистолярный дискурс рассматриваем через призму когнитивно-прагматической субпарадигмы (См. работы [Алефиренко 2011; Семененко 2011; Перехватова 2011; и др.]), опираясь на мощную методологическую базу когнитивистики, лингвопрагматики и смежных, комплексных, изысканий [Кубрякова 2004а; Арутюнова 1990; Демьянков 1994; Болдырев 2001 и др.].

Когнитивно-прагматический аспект исследования частного эпистолярного дискурса способен раскрыть механизмы реализации исходной авторской интенциональности, отталкиваясь от знаний пресуппозиций [Алефиренко 2011: 26]. Объектом когнитивно-прагматической субпарадигмы

является частный эпистолярный дискурс как речевое *действие*, ситуативно обусловленное, как «деятельностное единство языка, речевого общения и человека» [Там же]. В когнитивно-прагматическом исследовании частного эпистолярного дискурса особую важность приобретает механизм объективации «информационного сгущения» [Алефиренко 2011: 21], которое является частью индивидуальной картины мира личности адресанта, другими словами, трансляция «информационного сгущения» в концептосферу языковой личности адресата. В фокусе нашего внимания оказываются механизмы объективации эмоциональной информации средствами фразеологии.

Интерес к фразеологической единице (ФЕ) в когнитивно-прагматическом аспекте закономерен в силу когнитивно-дискурсивной природы знака косвенной номинации и его мощной прагматической функции: «Когнитивно-дискурсивная парадигма современной фразеологии исходит из возможности познания взаимосвязей языковых и внеязыковых факторов, обуславливающих лингвокреативный статус фраземы в языковом сознании человека» [Золотых 2007: 8]. С другой стороны, «в дискурсивной деятельности нередко проявляются такие смыслы, которые системой языка не эксплицируются» [Алефиренко 2006а: 32], а потому исследование ФЕ в частном эпистолярном дискурсе раскрывает когнитивно-прагматический потенциал единицы.

В когнитивно-прагматической субпарадигме рассматривается «фраземный знак в двух его ипостасях: языковой и дискурсивной» [Алефиренко 2008: 117]. На их комплексном взаимодействии основан механизм «передачи», трансляции соответствующих ментальных структур из концептосферы адресанта в концептосферу адресата посредством знака косвенно-производной номинации. Исследование этого сложнейшего речемыслительного механизма может быть эффективным, на наш взгляд, при

обращении к методологии когнитивной лингвистики и коммуникативной прагматики, т.е. при полипарадигмальном подходе.

Исследования классиков лингвистического компаративизма [Попов 1976; Мокиенко 1989; Бабкин 1970 и др.], а также представителей системно-структурной [Виноградов 1977; Гвоздарёв 2010; Диброва 1979; Жуков 1986 и 1987 и др.] и коммуникативно-прагматической [Телия 1996; Добрыднева 2000; Поселенова 1999; Баркова 1982 и др.] парадигм языковедения легли в основу методологии фразеологической науки. Становление когнитивно-дискурсивной парадигмы в исследовании русской фразеологии [Баранов 1990; Алефиренко 2008; Золотых 2007, 2008; Декатова 2009; Багаутдинова 2007 и др.] реализует интерес учёных к особенностям объективации ментальных структур ФЕ, являющихся «носителями определённым образом интерпретированных довербальных смыслов, на основе которых и сформировались значения ФЕ» [Алефиренко 2008: 27].

Изучение когнитивно-прагматических механизмов трансляции эмоциональной информации становится **актуальным** в связи с всё возрастающей ролью методов информационно-психологического воздействия на носителя лингвокультуры в самых разных сферах. Частный эпистолярный дискурс в этом смысле интересен, так как представляет собой часть дискурса повседневности в его диахроническом аспекте. Актуальными становятся изыскания, посвящённые «классификации средств информационно-психологического воздействия, пониманию[ю] механизма их влияния на сознание масс, отдельно взятого индивида посредством средств коммуникации» [Тагильцева 2012: 175]. Фразеологический фонд русского языка, расширяющийся за счёт преобразованных и окказиональных речевых единиц, является ёмким в когнитивно-семантическом наполнении ресурсом в трансляции эмоциональной информации.

Актуальность настоящего исследования, таким образом, обусловлена тем, что оно раскрывает один из аспектов проблемы объективации эмоций в

дискурсе повседневности, предлагает методiku исследования этой проблемы в других языковых реализациях дискурса повседневности, что имеет важное культурное значение. Иными словами, изучение механизмов объективации эмоциональной информации позволяет выявить закономерности, которые можно использовать для эффективной объективации эмоциональной информации, а также для того, чтобы выработать методы противостояния нежелательным программам влияния.

Объектом предпринятого диссертационного исследования является фразеологическая эмотивность в частном эпистолярном дискурсе.

Предмет изучения – когнитивно-прагматические механизмы трансляции эмоциональной информации в частном эпистолярном дискурсе посредством ФЕ.

Гипотеза исследования. Гипотеза об особом статусе ФЕ как знака косвенно-производного происхождения в процессе трансляции эмоциональной информации в акте эпистолярной коммуникации исходит из того, что частный эпистолярный дискурс представляет собой письменную форму разговорного стиля, предрасположенного к передаче субъективного, включающего эмоции. Когнитивно-прагматические механизмы фразеологической объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе, базирующиеся на общих принципах кодирования и декодирования информации, возможно, имеют специфику, обусловленную, с одной стороны, прагматическими координатами частного письма как дискурса, с другой, – особенностями ФЕ как знака дискурсивно обусловленного.

Цель диссертационного исследования: изучить и описать когнитивно-прагматические механизмы трансляции эмоциональной информации посредством ФЕ в частном эпистолярном дискурсе.

Достижение поставленной в исследовании цели предполагает постановку и решение следующих **задач**:

1. Выявить критерии, на основании которых можно осуществить отбор частных писем из массива других речевых произведений для анализа эмотивной фразеологии.

2. Дать определение понятию частного эпистолярного дискурса и разработать его когнитивно-прагматическую модель.

3. Выявить роль ФЕ в системе средств объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе.

4. Изучить и описать способы фразеологической объективации эмоций.

5. Выявить и описать когнитивно-прагматические механизмы кодирования и декодирования эмоциональной информации посредством фразеологических единиц в частном эпистолярном дискурсе.

6. Определить роль структурно-семантических трансформаций фразеологических единиц в выполнении ими эмотивной функции и когнитивно-прагматические механизмы смысловой реализации фразеологической эмотивности в частном эпистолярном дискурсе.

7. Выявить и описать интердискурсивные факторы когнитивно-прагматических механизмов фразеологической объективации эмоций посредством ФЕ в частном эпистолярном дискурсе.

8. Разработать принципы словаря эпистолярной фразеологии отдельной языковой личности и создать такой словарь, отражающий специфику фразеологической объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе.

Материалом исследования послужила авторская картотека эпистолярных ФЕ, выбранных методом сплошной выборки из русских частных писем XIX–XXI вв., авторами которых являлись художники слова, представители творческой интеллигенции, а также простые, неизвестные люди. Картотека составляет более 5000 фразеопотреблений. Использовали Национальный корпус русского языка, а также словари и справочники, список которых представлен в разделе «Библиография».

Выбор методов исследования определялся стремлением обеспечить объективность результатов диссертационного изыскания, поэтому, учитывая сложность объекта изучения, применялся комплекс методов и приёмов: метод сплошной выборки; метод словарных дефиниций; метод лингвистического описания, включающий наблюдение, систематизацию, обобщение языковых фактов, и позволяющий объяснять особенности строения и функционирования языковых единиц с учетом переходных случаев; метод фразеологической аппликации, заключающийся в наложении семантических структур ФЕ и слова, имеющих тождественные денотаты; метод компонентного анализа; метод фразеоморфологической комбинаторики; метод модальной рамки А. Вежбицкой, трансформированный для исследования эмотивной семантики ФЕ; методика психолингвистического эксперимента (ассоциативный эксперимент, анкетирование) в сочетании с методом модальной рамки в эксперименте; классифицирование.

Методологическая база исследования. Диссертационное изыскание базируется на теоретических положениях когнитивно-дискурсивной лингвистики [Баранов 1990; Демьянков 1992, 1994; Алефиренко 2006б, 2011; Болдырев 2001, 2004; Кубрякова 2004а, 2004б; Маслова 2004; Попова 2010; Бабушкин 2013 и др.]; разноаспектных лингвистических исследований эпистолярия [Александрова 1972; Глинкина 1985; Богуславская 1990; Данкер 1992; Паршина 1995; Бакина 2004; Седова 1985; Рушчак 1985; Белунова 2000; Гусева 2003; Ковалёва 2002; Фесенко 2009; Курьянович 2013а и 2013в; Акимова 2013, 2014 и др.]; исследований разговорной речи, разновидностью которой является частное письмо [Лебедева 2001; 2008; 2011]; теории фразеологии [Попов 1976; Мокиенко 1989, 2007, 2013; Бабкин 1970; Виноградов 1977; Гвоздарёв 2010; Диброва 1979, 1994; Жуков 1986, 1987; Телия 1996; Добрыднева 2000; Поселенова 1999; Баркова 1982; Баранов 1990; Алефиренко 2008; Золотых 2007, 2008; Декатова 2009; Багаутдинова 2007 и

др.]; эмотивологии [Артёмова 1991, 2000; Бабенко 1986, 1989, 1995; Баженова 2005; Болдарева 2008; Жельвис 1990; Ионова 1998; Калимуллина 2006; Шаховский 1983, 1987 и др.].

Научная новизна представленного диссертационного исследования состоит в том, что в нём впервые разработаны критерии выделения частного письма как речевого произведения; дано определение частного эпистолярного дискурса; внесены дополнения в методику когнитивно-прагматического моделирования, которая включает построение когнитивно-прагматической модели дискурса; разработана методика анализа фразеологической эмотивности, включающая комплекс операций, нацеленных на выявление роли ФЕ в объективации эмоций, которая может быть использована в исследовании другого материала; описаны когнитивно-прагматические механизмы объективации эмоциональной информации в частном эпистолярном дискурсе с помощью ФЕ; разработаны принципы словаря эпистолярной фразеологии отдельной языковой личности, отражающего роль ФЕ в объективации эмоций.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что оно дополняет знания о частном письме как явлении русской лингвокультуры, вносит вклад в теорию дискурса, расширяя спектр изучаемых типов дискурса понятием частного эпистолярного дискурса; развивает эмотивологию в том её направлении, которое посвящено единицам, служащим для выражения эмоций носителями языка; расширяет знание о контекстуальных проявлениях ФЕ, свидетельствующих о потенциальных возможностях единицы; развивает идеи авторской лексикографии.

Практическая ценность исследования обусловлена тем, что его результаты могут быть использованы в преподавании лексики и фразеологии, эмотивологии, лингвистики текста, когнитивно-дискурсивной лингвистики, а также при изучении языка С.А. Есенина. Материалы могут быть взяты за

основу в практике преподавания РКИ с учётом их доработки в соответствии с целями и задачами обучения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Частным письмом признаётся речевое произведение, отвечающее следующим критериям, которые могут быть сгруппированы как 1) дискурсивные, внетекстовые, обусловленные самой ситуацией общения, в которой оно создаётся; и 2) текстовые, связанные с функционированием единиц в тексте частного письма. Критерии первой группы обязательны в своей совокупности: 1) дистантность общения; 2) приватность сообщения; 3) близость отношений коммуникантов (семейные, дружеские, любовные); 4) выполнение фатической или информативной функций; 5) отражение повседневной жизни в её субъективном восприятии коммуникантами; 6) длительность, отсроченность коммуникации; 7) зафиксированность на бумаге. Критерии второй группы могут быть нарушены, трансформированы, иначе говоря, вариативны: 1) наличие элементов коммуникативной структуры текста частного письма; 2) эмотивность текста. Такие свойства как диалогичность, разговорность, политематичность имеют дискурсивно-семантическую корреляцию, проявляясь как в дискурсивном, так и в текстовом воплощении.

2. Частный эпистолярный дискурс понимается как акт взаимодействия участников частной эпистолярной коммуникации; акт трансляции информации (рациональной и эмоциональной) из концептосферы адресанта в концептосферу адресата; отсроченное коммуникативное *событие*, происходящее при условии дистантного расположения двух коммуникантов, находящихся в близких отношениях (семейных, дружеских, любовных); предполагающее приватность передачи сообщения, зафиксированного на бумаге; выполняющее информативную и фатическую функции; предметом данного коммуникативного события выступает повседневная жизнь в её субъективном восприятии коммуникантами.

3. Трансляция эмоциональной информации в частном эпистолярном дискурсе осуществляется комплексом средств. Роль ФЕ как средства объективации эмоций определяется следующими факторами: 1. ФЕ аккумулирует когнитивно-прагматический потенциал вербальных и невербальных средств объективации эмоций, что отражается в структуре и семантике ФЕ. В формировании эмотивности эпистолярной фразеологии не задействован фонетический уровень. 2. Внутренние ресурсы фразеологической эмотивности, сосредоточенные в коннотативном макрокомпоненте фразеологического значения, по-разному участвуют в её формировании и функционировании как на этапе фразеологического формирования, так и на этапе фразеологического употребления в частном эпистолярном дискурсе. 3. ФЕ вступает в когнитивно-семантическое взаимодействие с другими единицами высказывания, объективируя эмоции. Специфической для эпистолярной фразеологии является ориентация этих факторов на прагматический эффект, направленный на конкретного адресата.

4. Выделяются способы фразеологической объективации эмоций: Выделены группы ФЕ, объективирующие эмоции в ЧЭД: 1) междометные ФЕ, специфика функционирования которых в ЧЭД заключается в том, что эти ФЕ имеют в ядре своей семантической структуры особый семантический компонент, коррелирующий с эмотивным компонентом другой языковой единицы, входящей в структуру высказывания; 2) узуально эмотивные ФЕ, эмотивный компонент коннотативного макрокомпонента которых актуализируется и в смысловой структуре ФЕ; 3) эмотивные ФЕ, которые объективируют контекстуальную эмотивность, не свойственную узуальной; 4) ФЕ, которые узуально не эмотивны, но контекстуально реализуют потенциальную эмотивность единицы; 5) ФЕ, которые сами не являются эмотивными, но, вступая в сложное семантическое взаимодействие, участвуют в объективации эмоций; 6) окказиональные и речевые эмотивные ФЕ.

5. Когнитивно-прагматическая модель частного эпистолярного дискурса отражает его структуру как акта трансляции эмоциональной информации. Такая модель содержит указание на когнитивный блок адресанта, в котором формируются информационные сгущения, подлежащие трансляции посредством частного эпистолярного дискурса. Когнитивно-текстовый блок является зоной смыслового содержания транслируемого сгущения, для объективации которого адресант осуществляет поиск наиболее подходящей формы языкового воплощения. Текстовый блок отражает уровень смысла текста письма. В зоне модели частного эпистолярного дискурса, относящейся к блоку адресата, эти же зоны расположены в обратном порядке, однако процесс декодирования не является зеркальным отражением процесса кодирования.

ФЕ используется в частном эпистолярном дискурсе как ёмкое по когнитивно-семантическому наполнению средство кодирования эмоциональной информации, специфика которого в особой роли индивидуальных, личностных смыслов, актуальных для участников коммуникации.

6. Когнитивно-прагматический механизмы представляют собой совокупность состояний, процессов и операций, которые обеспечивают трансформацию эмоциональной информации в эмотивный компонент смысловой структуры ФЕ и далее из эмотивного компонента смысловой структуры ФЕ в эмоциональную информацию, декодированную адресатом. Мотивационные, ассоциативные механизмы, механизмы памяти и воображения, речевой механизм, включающий ориентировку, планирование, реализацию плана и контроль правильности высказывания, образуют основу деятельности адресанта по трансляции эмоциональной информации в частном эпистолярном дискурсе. Специфика этих механизмов в ориентации каждого из них на конкретного адресата. Инференция как механизм формирования информационного сгущения в концептосфере адресата

подвергается воздействию разнонаправленных факторов, одним из которых является фактор адресанта.

7. Когнитивно-прагматические механизмы смысловой реализации фразеологического значения состоят в выполнении таких когнитивных операций, которые обеспечивают передачу информации при отсутствии подходящей для коммуникативных целей единицы. В структуре частного эпистолярного дискурса процессы преобразования когнитивных и формальных структур языковых ФЕ являются попыткой «подогнать» их под те когнитивные структуры, которые подлежат вербализации. Результатом этих лингвокреативных процессов становятся структурно-семантические трансформации, в основе которых лежат такие когнитивные механизмы, как выдвижение и лаконизация.

8. Когнитивно-прагматические механизмы трансляции эмоциональной информации в частном эпистолярном дискурсе испытывают влияние интердискурсивных факторов. Координаты интердискурса, понимаемого как когнитивное пространство, которое находится за дискурсом и определяет его формацию, задают параметры коммуникативной ситуации, в которой создаётся и функционирует частный эпистолярный дискурс, влияют на выбор ФЕ в трансляции эмоциональной информации.

9. Роль языковой личности в организации частного эпистолярного дискурса, начиная от мотивационных механизмов, продолжает проявляться в выборе той информации, которая предполагается для трансляции посредством частного эпистолярного дискурса, а затем обнаруживается в выборе языковых единиц разных уровней, в том числе и ФЕ, а также в организации их комплексного взаимодействия, рассчитанного на наиболее эффективное воздействие на адресата. Словарь эпистолярной фразеологии отдельной языковой личности строится на принципах полноты охвата иллюстративного материала; многоаспектности анализа ФЕ с применением комплекса методик; максимальной представленности дискурсивного фона

фразеомупотребления, что привносит в словарь энциклопедический компонент; на принципах вычленения эмотивной семантики и анализа ФЕ по её роли в объективации эмоций в ЧЭД С.А. Есенина. Указанные принципы основаны на антропоцентрическом подходе к анализируемому материалу и реализуют внимание к психолингвистическому аспекту языковой личности. Словарь эпистолярной фразеологии С.А. Есенина отражает особенности фразеомупотребления, дискурсивные и интердискурсивные факторы фразеологической семантики, а также демонстрирует специфику фразеологической объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе отдельной языковой личности.

Апробация и внедрение основных результатов диссертационного исследования. Отдельные положения диссертационного изыскания опубликованы в материалах таких научных мероприятий, как II Международная научная конференция «Фразеология, познание, культура» (Белгород, 2010); Международная междисциплинарная научная конференция «Синергетика в естественных науках» (Тверь, 2010, 2012); Фразеологические чтения памяти профессора В.А. Лебединской (Курган, 2011); Международная научно-практическая Интернет-конференция «Современная филология в международном пространстве языка и культуры» (Астрахань, 2011, 2013); Всероссийская научная конференция с международным участием «Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства» (Уфа, 2012); Международная научно-практическая конференция «Славянское культурное пространство» (Москва, 2012); VI Международная научная конференция «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» Челябинск, 2012, 2014); III Международная научная конференция «Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами» (Белгород 2013); Международная научная конференция, посвящённая 100-летию со дня рождения В.Л. Архангельского «Устойчивые фразы в

парадигмах науки» (Тула, 2015); Царицынские рождественские чтения (Волгоград, 2015) и др., а также международных сборниках научных трудов «Актуальные проблемы коммуникации и культуры. Вып. 12» (Пятигорск, 2010); г.; «Документ как текст культуры». Вып. 4 (Тула, 2011) и межвузовских: «Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Вып. 15» (Сочи, 2010, 2012); «Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания» Москва, 2011; «Исследования по семантике» (Уфа, 2013) и др.

Основные результаты исследования отражены в 62 публикациях, общим объёмом более 40 п.л., из них 16 статей (6,5 п.л.) в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, глава в коллективной монографии (2,2 п.л.), словарь (4,8 п.л.), авторская монография (11,6 п.л.), а также статьи и тезисы докладов международных и всероссийских научных мероприятий.

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии, содержащей источники, словари и список основной научной литературы, а также приложений.

Глава 1. Частный эпистолярный дискурс как среда функционирования эмотивной фразеологии

Частный эпистолярный дискурс (ЧЭД) нас интересует как среда функционирования фразеологии, использующейся в качестве средства объективации эмоций. В свете поставленных нами исследовательских задач необходимым оказывается тот перечень критериев, на основании которых можно осуществить отбор источников исследования. Изучение когнитивно-прагматических механизмов объективации эмоций посредством ФЕ предполагает рассмотрение источника исследования в его дискурсивной ипостаси, поэтому мы обращаемся к понятию ЧЭД. Учёные так или иначе уже осмысливали дискурсивную специфику частного письма, что позволяет оттолкнуться от добытого ими знания и рассмотреть ЧЭД как среду функционирования эмотивной фразеологии.

1.1. Частное письмо как дискурсивное пространство эпистолярной фразеологии

Частное письмо с момента своего появления так или иначе привлекало внимание учёных, в основном, литературоведов [Гурвич-Лищинер 1963; Дмитриева 1985; Логунова 1999; Тодд 1994; Прохоров 1964; Степанов 1926 и др.] и историков [Иванов 2009; Иванов 2011 и др.]. Лингвистика, осознав ценность этого источника для изучения языка повседневности, всё активнее использует этот интереснейший материал в самых разных ракурсах научного поиска [Александрова 1972; Глинкина 1985; Богуславская 1990; Данкер 1992; Паршина 1995; Бакина 2004; Седова 1985; Рушчак 1985; Белунова 2000; Гусева 2003; Ковалёва 2002; Фесенко 2009; Курьянович 2013а и 2013в; Акимова 2013, 2014 и др.]. Обратимся к результатам лингвистических изысканий в поисках чётких критериев для отбора материала исследования.

1.1.1. Частное письмо в лингвистике

Всё увеличивающееся количество работ, объектом которых становится исследуемое явление лингвокультуры (подробнее в обзорах [Белунова 2000: 13–15; Калёнова 2013а; Курьянович 2013а: 3–5; Курьянович 2013б: 16–18; Фесенко 2008 и др.]), позволяет предположить, что лингвистика уже имеет достаточно полное представление о частном письме. Для нас важными оказываются критерии, на основании которых можно осуществить отбор материала исследования, а именно такой перечень специфических признаков, который отличал бы частное письмо от других речевых произведений.

В поисках таких критериев и самого определения частного письма обратимся к словарным дефинициям [КСРЯ: 677; ССРЯ: 517; ТСРЯ 3: 268–269], которые фиксируют такие характеристики письма, как 1) *текст*, 2) *посылаемый/передаваемый (на расстоянии)*; 3) *кому-либо*; 4) *с целью сообщить о чём-либо*. При этом названные признаки могут быть релевантными в отношении не всех речевых произведений, квалифицирующихся как письма. Например, известна «Переписка из двух углов» Вячеслава Иванова и Михаила Гершензона [Иванов 1979]: *«Наша случайно начавшаяся переписка из угла в угол начинает меня занимать. Вы помните: в мое отсутствие вы написали мне первое письмо и, уходя, оставили его на моем столе; и я отвечал вам на него, когда вас не было дома. Теперь я пишу при вас...»* (М.О. Гершензон В.И. Иванову, 19 июня 1920 г.) [Иванов 1979: 387]. Обратим внимание на свободносинтаксическое словосочетание *из угла в угол*, в котором единицы выступают в своих прямономинативных значениях. Словосочетание является генетической основой ФЕ *из угла в угол*, имеющей значение ‘Разг. Туда и обратно, в различных направлениях’ [ФСРЛЯ 2: 319]. При этом название созданного произведения подчёркивает искусственность условий коммуникации, акцентирует внимание на абсурдности номинируемой ситуации.

Анализируемая нами «Переписка из двух углов» содержит написанные *тексты, посылаемые для сообщения чего-нибудь кому-нибудь* (участники коммуникации оставляли письма на столе), созданные *для изложения своих мыслей, выражения своих чувств*, однако коммуниканты не были разделены *расстоянием*. Условие, по которому нельзя было непосредственно общаться, создано искусственно. С другой стороны, записка, переданная от одного человека другому, например, на собрании, где невозможна или нежелательна непосредственная коммуникация, даже если коммуниканты не разделены *расстоянием*, а сидят рядом, но не могут или не желают разговаривать, чтобы не мешать выступающему, не привлекать всеобщее внимание и т.д., – это *текст/бумага с текстом, переданный адресату с целью сообщить о чём-либо*, но это речевое произведение не является при этом письмом.

На современном этапе учёные работают «точечно», концентрируя внимание на узких проблемах эпистолярия. Обобщающими можно назвать труды Н.А. Ковалёвой [2002], рассмотревшей частное письмо с позиций коммуникативной лингвистики, и А.В. Курьянович [2013], представившей теорию эпистолярия в русле коммуникативной стилистики текста, при этом в эпистолярий включаются разные виды писем, не только частные. К сожалению, перечня критериев выделения частного письма в данных исследованиях не находим, возможно, в связи с тем, что учёные не ставили перед собой такой задачи.

Наиболее полно, подчеркнём, частное письмо изучено Н.А. Ковалёвой: «Представляя личностное речевое общение, эпистолярий отражает культуру, язык, стилистику своего времени в лексико-семантическом и синтаксическом контексте. Жанр текста письма – социально обусловленная конвенция языкового общения, существующая как единство коммуникативно-прагматических, структурно-семантических и эмотивно-аксиологических свойств. Коммуникативные функции эпистолярия отвечают запросам эпохи и эволюционируют вместе с ней, отражая преобразование видов частного

письма XIX в.» [Ковалёва 2002: 6]. Учёный прямо указывает на важность такой характеристики как «личностное», в чём, очевидно, и следует искать специфику данного типа речевых произведений. Характеризуя частное письмо как специфическую форму общения, как адресованную речевую деятельность, А.В. Белова уточняет: «переписка отражает дистантный диалог, диалогическое общение двух коммуникантов, которое представляет собой эпистолярный дискурс» [2005: 9]. На наш взгляд, ключевыми в этом определении следует считать два понятия: дистантность и диалогичность, которые сами по себе не являются исчерпывающими свойствами частного письма, а должны выступать в купе с другими.

Анализ научной литературы, посвящённой лингвистике частного письма, выявляет, что одними из перспективных направлений научного поиска являются сопоставительный анализ языкового своеобразия источников личного происхождения автора и его художественного произведения [Подъяпольская 2004; Wright 1989 и др.], а также изучение происходивших в языке повседневности изменений [Ковалёва 2002: 66–69; Nevalainen 1997 и др.]. С позиций нашего исследования интересна мысль об отражении социокультурных установок в языке частного письма. Анализ специфики билингвизма как речемыслительной деятельности на материале писем российских дворян [Блинохватова 2005] показал, что выбор языкового кода зависит от многих факторов, среди которых пол коммуникантов, степень близости их отношений, речевые нормы, эмоциональное состояние адресанта, отсутствие таких единиц в первом языке для обозначения некоторых объектов реальной действительности, которые есть во втором, и т.д.

В когнитивно-дискурсивной парадигме поднимается вопрос о гендерных особенностях речевой коммуникации (А.А. Денисова, В.И. Карасик, Г.Е. Крейдлин и др.). Эпистолярный в гендерном аспекте – малоизученный феномен, при этом проблем, касающихся различий и в

создании эпистолярного дискурса, и в его восприятии, достаточно много [Fesenko 2006; Christer 2003 и др.]. Интересно обратить внимание не только на различия в «манере письма» (в выборе языковых средств, композиционном своеобразии, в специфике использования этикетных формул и т.д.), но и на то, какие объекты или явления реальной действительности репрезентированы в ЧЭД.

Частное письмо рассматривается как результат речемыслительной деятельности адресанта с позиций психофизиологии [Mortensen 2005]. Экспериментально доказана роль когнитивных механизмов в создании частного письма: испытуемые 1) с афазией (после инсульта), 2) с нарушениями умственной и речевой деятельности как следствием травмы головного мозга, 3) не имеющие травм и нарушений головного мозга, создавали эпистолярные тексты. Проследив реализацию двух функций частного письма (информативной и функции социальной коммуникации) в исполнении реципиентов всех групп, автор делает вывод, что нарушения головного мозга отражаются в структуре и языковом коде письма. Авторы писем, страдающие афазией, например, следуют целостной структуре письма, однако в меньшей степени используют богатства родного языка [Mortensen 2005: 247]. Частное письмо как результат речемыслительной деятельности должно стать междисциплинарным объектом, в том числе и психолингвистики, особенно экспериментальной. Например, с целью выявления взаимосвязанных тенденций изучен цикл писем самоубийцы. Цикл включает 23 письма молодого человека, покончившего жизнь самоубийством. Анализируемый эпистолярный охватывает около двух лет до смерти автора [Daher]. Учёные находят в тексте частного письма закономерности, лингвистические маркеры формирующейся мысли о самоубийстве [Barnes 2007]. В связи с этим возникает мысль о той роли, которую могут иметь исследования трансляции эмоциональной информации в повседневной речи в прикладном аспекте.

При выявлении критериев частного письма следует учитывать роль участников эпистолярной коммуникации, так как «переписка создает контекст реального диалога, который ведется с реальным собеседником, что воспроизводит исторический адресантно-адресатный облик коммуникантов» [Лешутина 2006: 14]. Признание позиции адресанта лидирующей происходит через призму языковой оценки как антропоцентрической категории [Кириянова 2007]. Несмотря на ведущую роль адресанта в создании частного письма, следует учитывать особую роль адресата, так как категория адресованности является одной из ведущих категорий эпистолярного текста [Подъяпольская 2004].

Как вторичная речевая форма синкретичного типа, эпистолярный жанр включает в свой состав первичные жанры (приветствие, просьба, благодарность, пожелание, приказ) [Ковалёва 2002: 13; Белова 2005: 105–112]. Нужно сказать, что до настоящего времени репертуар первичных жанров, составляющих единое целое, которым выступает частное письмо, не изучен в должной мере.

Коммуникативная структура частного письма имеет свои особенности. На материале эпистолярия русской интеллигенции XX века изучена специфика эпистолярного текста с позиций теории речевого общения [Кабанова 2004]. Характеризующая письмо фатическая функция, как считает Т.Н. Кабанова, реализуется контактоустанавливающими и контактоподдерживающими единицами, являющимися коммуникативно-организующими, они обязательны в любом письме [2004]. Прагматический анализ обратимой эпистолярной коммуникации как дистантного диалога обнаруживает роль языковых средств в речевом оформлении интенций, в формировании эмоционально-интимного тона переписки, особенности речевого поведения коммуникантов с учётом их языковой личности и ситуации общения [Белова 2005].

Подробно рассмотрев частное письмо как стиль, жанр, дискурс и историю изучения частного письма с этих позиций, О.П. Фесенко приходит к выводу, что «представляется неправомерным выделение переписки в самостоятельный функциональный стиль» [Фесенко 2008: 134]. Опираясь на определение дискурса, данное К.Ф. Седовым, исследовательница резюмирует: «Эпистолярный дискурс – это речевое произведение, созданное и функционирующее с учётом определённой национально-временной эпистолярной традиции, имеющее письменную форму и реализующееся во всём многообразии его когнитивно-коммуникативных функций» [Фесенко 2008: 140]. В аспекте жанроведения частное письмо предстаёт как гипержанр, а «набор речевых жанров, составляющих структуру эпистолярного дискурса, будет зависеть от экстралингвистических факторов (личностей автора и адресата, их коммуникативных установок и ситуации общения)» [Фесенко 2008: 141].

Для выявления признаков, характеризующих частное письмо, может оказаться продуктивной коммуникативно-семиотическая модель жанров естественной письменной речи [Лебедева 2001], получившая развитие у учеников Н.Б. Лебедевой (Е.Г. Зыряновой, Н.Ю. Плаксиной, Н.И. Тюкаевой и др.). Учёный выделяет 12 фациентов (факторообразующих компонентов ситуации [Лебедева 2000: 90]), составляющих основу этой коммуникативно-семиотической модели, которая «лишь перечисляет параметры исследования и не включает в себе критериев разграничения одного жанра от другого» [Лебедева 2003: 95]. Представим анализ признаков частного письма в русле идей, разрабатываемых Барнаульско-Кемеровской школой (табл. 1).

Автор частного письма – частное лицо. Адресант пишет на материальном носителе (бумаге) сообщение с целью проинформировать о событиях своей жизни и о результатах их субъективного (в том числе эмоционального) восприятия другому частному лицу, вкладывая материальный носитель с написанным сообщением в конверт. Последнее

условие может оказаться важным для определения специфики частного письма, так как открытое письмо (написанное на открытке) по характеру содержания отлично от закрытого. Адресант частного письма состоит в дружеских, любовных или семейных отношениях с адресатом. Данный вид коммуникации обеспечивает сферу повседневности. Время создания письма и время его получения и прочтения не совпадают, сроки доставки писем варьируются.

Таблица 1.		
№	Фациент	Параметры частного письма
1	Автор	Частное лицо
2	Цель	Сообщить о событиях личной / частной жизни, о результатах их субъективного восприятия адресантом, поддержать общение.
3	Адресат	Другое частное лицо
4	Диктумно-модусное содержание	События повседневной жизни коммуникантов в их субъективном восприятии адресантом.
5	Ход коммуникации	Элементы эпистолярной коммуникации; «шаги», этапы коммуникативного акта: планирование содержания письма, подбор языковых средств для объективации этой информации, создание письма с учётом взаимодействия всего комплекса вербальных и невербальных средств, доступных при эпистолярной коммуникации. Адресат декодирует сообщение.
6	Субстрат, материальный носитель (на чём)	Материальный носитель, бумага
7	Графико-пространственный параметр	Паралингвистические средства эпистолярной коммуникации (почерк, качество бумаги и т.д.)
8	Среда коммуникации	Неофициальные (семейные, дружеские, любовные) отношения, повседневность.
9	Коммуникативное время – время восприятия знака	Время создания письма и время его получения и прочтения не совпадают, срок доставки писем варьируется.
10	Орудие и средство (Чем?)	Для письма этот параметр может

		быть объединён с другими паралингвистическими средствами, письмо может быть написано чернилами, карандашом.
11	Носитель субстрата (В чём? На чём?)	Конверт.
12	Социальная оценка	Письмо вызывает положительную оценку членов общества, чтение чужих писем осуждается.

На наш взгляд, требуют уточнения такие фациенты как «Адресант» и «Адресат», что возможно в процессе социолингвистического осмысления частной эпистолярной коммуникации. Описание хода коммуникации позволит представить частное письмо в координатах дискурсивной лингвистики, однако этот аспект частной эпистолярной коммуникации требует более глубокого изучения. Кроме того, в перечне критериев выделения частного письма должно фигурировать очень важное, возможно, определяющее его свойство: письмо предназначено только для адресата, оно закрыто для третьих лиц. Действительно продуктивную для изучения жанров естественной письменной речи модель мы берём за основу, разрабатывая критерии для выделения частных писем в качестве материала исследования, а также для характеристики ЧЭД.

Анализ функционирования языковых единиц в частном письме [Дубинина 2005; Ковалёва 2002; Фесенко 2009; Montgomery 1995 и др.] показывает, что в частном письме, речевом произведении, наиболее приближенном к ситуации реального, неподготовленного общения, проявляется всё многообразие речевых свойств языковых единиц. Эпистолярная фразеология также привлекала внимание лингвистов. Совмещая традиционный структурно-семантический и функциональный анализ ФЕ с концептуальным и дискурсивным, а также синхронный и диахронический аспекты исследования, О.П. Фесенко выявляет дискурсивные свойства дружеского эпистолярия, реализующиеся средствами фразеологии [2009]. Обнаружено, что специфика языковых единиц,

придающих тексту частного письма свойства «разговорности», в своеобразии их использования, в смысловых наращениях семантики единиц разного уровня, так как письмо занимает промежуточное положение между разговорной и книжной речью [Белова 2005]. Фразеология, функционирующая в частном письме, является языковым средством, которое создаёт эту характеристику частного письма в силу своих стилистических характеристик.

Набор обыденного речевого инструментария, используемого участником эпистолярной коммуникации, в том числе и фразеология тезауруса языковой личности, так или иначе отражён в частном письме. Стилистика лексико-фразеологического состава частного письма определяет его жанровые характеристики [Ковалёва 2002], фразеология признаётся средством интимизации эпистолярной коммуникации [Белова 2005: 145]. А.М. Дубинина [2005] определяет роль и место фразеологии и французских вкраплений в частном письме и авторских идиостилях русского литературного языка, доказывая, что особенности авторской русско-французской фразеологии и французских вкраплений в двуязычной переписке соотносятся с языковой ситуацией и речевой культурой русского общества XIX в. Термин *эпистолярная фразеология* использовал А.Г. Балакай [СРРЭ: 75], понимая его как фразеологию, функционирующую в письмах, в нашей работе под этим термином понимается фразеология в частных письмах. Понятие сопоставимо с активно разрабатываемым понятием *поэтической фразеологии* [Алещенко 1998; Бондарь 2013 и др.].

Итак, сделаем вывод, какие свойства и характеристики учёные выделяют как специфические для частного письма. Частное письмо является письменной формой разговорного стиля, частью дистантной коммуникации, формой личностного общения, «репликой» в эпистолярном диалоге. Частное письмо выполняет фатическую и информативную функции, отражает культуру своего времени, аксиологические установки эпохи, реализует

эмотивно-оценочные установки адресанта. Текст частного письма имеет специфическую коммуникативную структуру, элементы которой могут быть не использованы автором, чаще это допускается в частотной переписке или между коммуникантами – близкими людьми. Анализ результатов изучения частного письма приводит к выводу, что на сегодняшний день не выделен перечень критериев, дающий возможность отобрать частные письма из массива других речевых произведений. Традиционно выделяемые как специфические для письма элементы коммуникативной структуры текста могут быть не соблюдены, т.е. искать специфику частного письма только в структуре и содержании его текста оказывается непродуктивным в аспекте выявления критериев для отбора частного письма как источника дальнейшего лингвистического исследования.

Необходимость в когнитивном, дискурсивном, лингвопрагматическом, лингвокультурологическом подходах к языку и речи обусловлена тем, что «реализация и интерпретация определённых стратегий речевого общения не могут осуществляться без учёта многообразных личностных и социокультурных аспектов коммуникативного процесса» [Алефиренко 2011: 17]. В связи с этим мы приходим к мысли о том, что, возможно, следует выйти за пределы собственно лингвистики, задавшись вопросами о том, в чём психолингвистическая сущность частной эпистолярной коммуникации, каковы её лингвофилософские и социолингвистические основы, какое значение имеет определение *частный* и др. Это поможет не только составить перечень критериев для отбора частных писем как материала исследования, но и осмыслить роль фразеологии в реализации её эмотивной функции.

1.1.2. Лингвофилософские основы частной эпистолярной коммуникации и эпистолярной фразеологии

Рассматривая философские основы эпистолярия, мы пришли к выводу [Калёнова 2012в], что действительно специфика частного письма может быть

раскрыта только в разноаспектном подходе, потому что это наисложнейший когнитивно-коммуникативный феномен. Начнём с того, что частный эпистолярный – специфический способ и вид коммуникации, сформировавшийся из потребности в общении при отсутствии других его способов: *«Дорогой Иероним Иеронимович! Очень хотелось бы поговорить с Вами, но совсем закабалили солдатскими узами, так что и вырваться не могу»* (С.А. Есенин И.И. Ясинскому, 20 ноября 1916 г., Царское Село) [Есенин 1999: 88–89].; *«Я давно чувствовал потребность писать к Вам, многоуважаемый Павел Васильевич, но останавливался перед мыслью, что Вы за границей»* (М.Е. Салтыков-Щедрин П.В. Анненкову, 2 января 1859 г., Рязань) [Салтыков-Щедрин 1925: 7] и др. Так как общение «не обладает самостоятельной историей», это «структурный элемент человеческой деятельности, его формы входят в состав человеческой культуры и имеют, следовательно, общую с ней историю» [Докучаев 2003: 3], то «интенсивная разработка коммуникативной проблематики в качестве существенного и даже преимущественного предмета философствования стала приобретением лишь философской мысли XX в.» [Перов 2004: 12].

Для понимания природы частного письма уместно обратиться к дихотомии «я» и «другой»: «Общение понимается как одна из форм человеческой деятельности, реализованная во всех разновидностях человеческой культуры, т.е. межсубъектное взаимодействие или процесс конкретного, деятельностного приобщения одного уникального субъекта к другому уникальному субъекту во всех его разновидностях, процесс целостного сопереживания ему, и духовного, и практического» [Докучаев 2003: 3]. В частной эпистолярной коммуникации адресант, осознающий, осмысливающий себя и события своей жизни, ориентирован на адресата, «я» и «другой» являются образующими коммуникативное событие факторами: *«Каждое утро буду тебе писать покамест; и это мне в потребность, потому что думаю о тебе ежесекундно»* (Ф.М. Достоевский

А.Г. Сниткиной, 17 мая 1887, Hombourg) [Достоевский 1976: 11]. Думается, специфика реализации этой дихотомической модели в частной эпистолярной коммуникации в особой, определяющей роли адресата в процессах создания письма адресантом и адресанта в процессах декодирования сообщения адресатом.

Моделирование представлений о себе самом, о характере событий, происходящих в его жизни, о том мире, который воспринимается как реальность в сознании субъекта, становится важным процессом для субъекта. По результатам речевой деятельности интерпретатор получает возможность восстановить эту модель, так как «эпистолярное письмо как матрица служит специфичным функционально-смысловым отражателем личности, её идентификационным кодом» [Сапожникова 2004: 32]. Особенность этой модели в том, что она создаётся с учётом адресата, конкретной личности, в отличие, например, от модели, создаваемой в ходе необъективируемой саморефлексии. На основе имеющейся в сознании картины мира создаётся модель, та «картинка», которую планирует адресант для трансляции посредством частного письма. Эта подготовленная для трансляции модель может быть сопоставима с картиной мира, имеющейся в сознании адресанта, а может и не в полной мере соответствовать ей.

«Другой» – тоже творец смысла речевого произведения, создаваемого данным способом коммуникации. Адресат декодирует сообщение, по итогам этой деятельности у него формируется некоторая когнитивная модель, такая, которую адресант предлагает считать действительной. Анализ предлагаемой модели с учётом многих факторов, в том числе и с учётом знаний о характере адресанта и основ его мировоззрения, позволяет адресату создать свою модель. Отчётливо об этом сказано, например, в одном из писем М.И. Цветаевой: *«Я искала образ ваших мыслей; ... я не буду верить вашим словам, а стану сама отгадывать ваши мысли и толковать их по-своему»* (апрель 1895 г. Цит. по [Сапожникова 2004: 59]). Или, например: *«Долго*

пояснять моё положение, да вы отгадаете сами всё нужное и даже ненужное в нём» (П.В. Анненков И.С. Тургеневу, 6 (18) июля 1853 г., Петербург) [Анненков 2005: 27]. Таким образом, мы, по сути, имеем возможность декодировать, восстановить ту модель, которую закодировал автор для адресата, а через неё, опираясь также на результаты исследования иных источников и сведений биографического характера, исследователь имеет возможность по крупицам создать предполагаемую первообразную индивидуальной картины мира автора частного письма. Проблема, связанная с интерпретацией результата речевой деятельности, касается не только частного письма, так как «исследователь, обращаясь к прошлому напрямую, критерии суждений черпает из эпохи, в которой живёт» [Сапожникова 2004: 52]. Смыслы, которые интерпретатор извлекает из исследуемого материала, – смыслы всё же создаваемые, а частное письмо изначально не ориентировано на извлечение смысла третьими лицами.

Философия в осмыслении эпистолярной коммуникации не дифференцирует изучаемый материал, т.е. термин *эпистолярный* при этом включает письма не только частные, но и другие виды писем. Эпистолярная коммуникация в исследованиях философов предстаёт как способ репрезентации мысли, мировоззрения, концепции мировосприятия, как «базовый феномен конструирования миров-феноменов: мира письма (как феноменологического способа презентации личности, самого процесса написания, визуально-телесного опыта, когда можно «думать» и рукой) и мира человека в условиях интересубъективной обусловленности (не только пишущего, но читающего и интерпретирующего письмо), сводимых в мир-феномен эпистолярного дискурса» [Сапожникова 2004: 18]. Фрагменты этой картины мира в сознании одного человека, т.е. индивидуальной картины мира слагаются в одну большую панораму, так как «мелкие подробности личной жизни» «в некоторых случаях лучше освещают эпоху, чем целые

страницы рассуждений» [Кропоткин 1990: 3]. Частное письмо можно образно представить в виде экрана, демонстрирующего эту панораму.

В ракурсе нашего исследования интересно вводимое в научный оборот Н.В. Сапожниковой понятие «эпистолярный интеракционизм, в рамках которого прослеживается действие механизма «эпистолярно-информационного онтогенеза» – специфического обмена между полюсами эпистемно-коммуникативной дуги (автор – адресат – исследователь) с возможным выявлением их информационно-психологической совместимости» [2004: 25]. Информационно-психологическая совместимость полюсов, а вернее, определённый её уровень, является основанием для классификации писем, в частности, для выделения частного письма как особого вида писем. Информационно-психологическая совместимость полюсов частной эпистолярной коммуникации чаще всего создаётся до её наступления, например, в общении родственников: *«Здравствуйте, милой мой Папилька и милая моя Маменька! Получил я, слава Богу, письмо Ваше, можете поверить, как я оному рад был, не получая так давно от вас оных»* (А.С. Норов С.А. и Т.М. Норовым, 22 июля 1812 г., Смоленск) [Оригинальные... 1996: 152–153]. Особую роль транслятора эмоциональной информации играет ФЕ *слава Богу* в значении ‘Выражение чувства радости, облегчения, удовлетворения и т.п.’ [ФСРЛЯ 2: 245]. Очевидно, что знак косвенно-производной номинации выступает в своей эмотивной функции не один, а в купе с лексемой *рад* в значении ‘1. О чувстве радости, удовольствия по какому-н. поводу. 2. Об охоте, готовности сделать что-н.; часто ирон. 3. с отриц., обычно в сочетании с *и, уж и*. О чувстве сожаления, недовольства тем, что сделал’ [ТСРЯ: 639], номинирующей эмоциональное состояние.

Неофициальная эпистолярная коммуникация может отражать изменения в отношениях её участников. Отношения коммуникантов становятся близкими, иногда этот процесс обеспечивается перепиской, так формируется информационно-психологическая совместимость полюсов

коммуникации, что особенно интересно наблюдать, так как письмо в таком случае является единственным каналом общения и все вербальные средства, используемые коммуникантами для установления более близких отношений, остаются зафиксированными и доступными для анализа.

Коммуникация как процесс трансляции информации «протекает в основном в рамках двух основных каналов: вербального и визуального» [Почепцов 2001: 31]. В частной эпистолярной коммуникации адресант и адресат не имеют возможности воспринимать информацию, закодированную в тексте письма, опираясь на те невербальные знаки, визуальную информацию, которые свойственны прямому живому диалогу, однако могут опираться на свои представления, на воображаемый или вспоминаемый визуальный ряд. Адресат, читая текст письма, иногда даже, образно говоря, «слышит» интонацию, с которой мог произнести этот текст адресант, при условии, что участники коммуникации хорошо знают друг друга. Например, *«Родной мой, незаменимый, Любченышек, достопочтеннейший Тулен и драгоценные мои детеныши! Вот уже ровно неделя, как мы расстались, а кажется, будто давно. В то же время я еще вполне ясно вспоминаю все мелочи нашей стокгольмской жизни и вижу вас всех как наяву такими, какими вы были на вокзале в минуту проводов»* (Л.Б. Красин жене и детям, 16 (29) октября 1917 г.) [Красин 2002: 89]. В письме объективирован визуальный ряд, автор письма не создаёт образы, а отсылает воображение адресата к известной им обоим ситуации. Когнитивная модель данного коммуникативного акта включает некий информационный узел, доступный только адресанту и адресату.

Вместе с «картинкой», передаваемой образом, кодируются эмоциональные смыслы, связанные с воспроизводимой ситуацией: *«Постоянно представляется мне ты с Васей, Мик с Тикой и отдельно Оля. Мик с Тикой мне запомнились обнявшиеся, на тахте у печки и грустно молчащие, это было, когда заболела мама. Они тогда присмирели от испуга,*

бедные. И такими все время представляются мне» (П.А. Флоренский родным, 18 января 1934 г., Свободный) [Флоренский 1998: 67]. Адресанту достаточно вызвать в памяти адресата этот образ, чтобы огромная по объёму эмоциональная информация была декодирована и стала частью смысла декодируемого высказывания.

Письмо – сложно устроенный коммуникативный сигнал в акте коммуникации, так как «...минимальным сигналом, своего рода квантом сигнализации, следует считать такой сигнал, на который может последовать ответ, могущий быть воспринятым субъектом сигнализации» [Пятигорский 1962: 153]. В аспекте философского осмысления эпистолярной коммуникации интересно, что «один текст следует считать одним сигналом, ибо при рассмотрении со стороны субъекта текста ответ может изменить иной текст, но не данный, хотя со стороны объекта может последовать множество всяких сигнальных и несигнальных ответов на часть текста или даже на сам факт его появления» [Пятигорский 1962: 153].

Этот сигнал транслирует некоторый объём информации, нас в аспекте нашего исследования интересует субъективная, а именно, эмоциональная, информация, транслируемая фразеологическими ресурсами. ФЕ в силу своего косвенно-производного характера является таким средством, которое способно транслировать бо́льший по сравнению с единицей лексического уровня языка объём самой разнообразной информации: *«Сегодня меня выбрали в члены ревизионной комиссии на будущий 1893 г. и в почётные мировые судьи. Выборы идут очень хорошо, так как я-де собранию понравился (Ильин в частном разговоре напирал, что не одни крестьяне подают за вас, но и мы и тому подобное). Пока, как новый человек. С одной стороны, как новые обязанности мне это очень неприятно и страшно неловко, так что всё кажется «ворона в павлиньих перьях», должно быть натура у меня такая гадкая (не сердись, Тутя)»* (В.И. Вернадский Н.Е. Вернадской, 27 октября 1892 г., Моршанск) [Вернадский 1991: 224]. ФЕ

ворона в павлиньих перьях имеет значение 'Ирон. Человек, тщетно пытающийся казаться более важным, значительным, чем он есть на самом деле, старающийся играть более важную, не свойственную ему, роль' [ФСРЛЯ 1: 96]. Словарь фиксирует ЭК, объективирующий эмоцию иронии. Внутреннее состояние объективируется комплексом средств, среди которых лексемы *неприятно, неловко*. Эмоциональная информация, а именно информация о том, что адресант относится к описываемой ситуации с иронией, транслирует ФЕ *ворона в павлиньих перьях*. Иначе говоря, адресант сообщает, что [я чувствую себя неловко, непривычно, как человек тщетно пытающийся казаться более важным, значительным, чем он есть на самом деле, старающийся играть более важную, не свойственную ему, роль] + [я говорю это с эмоцией иронии]. Эффект использования ФЕ в контексте обусловлен функционированием ассоциативно-образных смысловых элементов, возможных благодаря прозрачной внутренней форме, а также своеобразным стилистическим диссонансом, что подчёркивается использованием кавычек.

Предлагая воспринимать любой текст в координатах «пространство», «время», «объект», А.М.Пятигорский замечает: «Для письма время функционально не значимо, наоборот, основная тенденция корреспонденции – предельное сокращение времени» [1962: 147]. Действительно, частное письмо преодолевает расстояние, разделяющее участников коммуникации: *«Вы, верно, руководствуетесь какими-нибудь особенными соображениями при посылке ко мне писем. Ваше письмо, писанное 18 мая, получено мною 18 июня, т. е. ровно через месяц! Кажется, оно съездило в Москву, потом воротилось к Вам в П<етербург> и затем уж отправилось по назначению. Это письмо служит, впрочем, ответом на мое письмо, еще не полученное Вами, в котором я излагаю разные свои предположения»* (И.С. Аксаков А.Д. Блудовой, 18 июня 1854 г., Курск) [Аксаков 2001: 337–338]. Адресант и адресат, не имея иной возможности, ощущая при этом острую

необходимость в общении, заинтересованы в максимально меньшем сроке между написанием и отправлением письма и его прочтением. Например: *«Полно Вам сердится на меня, дорогой Николай Сергеевич, дайте весточку о себе, о неизменно дорогих для меня калужских друзьях, о всём, что у Вас делается. Сознаю вполне, что кругом виноват перед Вами своим молчанием»* (Н.А. Серно-Соловьевич Н.С. Кашкину, 4/16 мая 1960 г., Ахен) [Серно-Соловьевич 1963: 253]. Объясняя причины, по которым не мог написать письмо, адресант стремится возобновить общение. Как видим, игнорирование сигнала (в данном случае, письма) в эпистолярной коммуникации демонстрирует незаинтересованность в общении со стороны одного из участников коммуникации и может спровоцировать завершение всей эпистолярной цепочки.

В эпистолярной коммуникации роль молчания несколько иная, нежели в прямом, непосредственном общении. «Молчание как последовательная линия речевого поведения, решая определённые задачи коммуникации, безусловно, обладает значительными стратегическими ресурсами» [Носова 2009: 94]. Если рассматривать частное письмо как некий сигнал, то можно сказать, что отсутствие письма в эпистолярной коммуникации – тоже некий сигнал: *«Отчего Вы не пишете? Больны, сердиты, недовольны? Во всех трёх случаях – нехорошо и даже более, чем нехорошо. Не получая от Вас отзвика, я чувствую себя как бы сиротой и к этому чувству привыкать не хочу»* (П.В. Анненков И.С. Тургеневу, 20 марта (1 апреля) 1873 г., Висбаден) [Анненков 2005: 217]. Молчание одного из коммуникантов воздействует на состояние другого, вызывая дискомфорт, волнение. Допустивший молчание коммуникант осознаёт характер своего поступка и необходимость прибегнуть к пояснениям, выполняющим роль извинения: *«Другие же к причины, по которым я не отвечал и теперь не отвечаю на ваши вопросы, те, что в письме такие вопросы выяснить нельзя: о них надо или беседовать устно, или писать сочинения, что я и делаю по мере сил»* (Л.Н. Толстой

П.В. Попову, 1 февраля 1890 г., Ясная Поляна) [Толстой 1953]. Автор завершает объяснение причин молчания ФЕ *по мере сил* в значении 'В зависимости от чего-либо, соответственно с чем-либо' [ФСРЛЯ 1: 372]. Если осмысливать значение данной ФЕ, содержание генетической базы знака косвенно-производной номинации в координатах данного речевого акта извинения, то приходим к идее о стремлении носителя лингвокультуры, породившей данную единицу, переложить ответственность на факторы, которые, по сути, не регулируются автором сообщения, являются выше него. Отчётливо это видно в следующем фрагменте: *«Я обещание своё помню и работаю по мере сил; но вот беда: сил-то у меня мало становится»* (А. Островский П.А. Стрепетовой, 13 августа 1884 г.) [Островский 1953в]. В данном фразеопотреблении обнаруживается структурно-семантическая трансформация, актуализирующая внутреннюю форму знака вторичной номинации.

Итак, анализ частного письма с позиций лингвофилософии позволяет обратить внимание на то, что частное письмо – это сигнал в системе информационных сигналов; канал коммуникации/ взаимодействия; способ сложного взаимодействия коммуникантов; система кодов, свойственных письму как каналу коммуникации, письмо как процессность перевод информации в код, характерный для письма, а также обратный процесс декодирования письма как системы знаков; письмо – это мир-феномен, в котором отражены миры пишущего и читающего, иначе говоря, в письме объективируется фрагмент индивидуальной картины мира автора, который пишет, опираясь на его собственное представление об устройстве мира адресата; письмо – это транслятор информации. Это позволяет выделить информативную функцию ЧЭД. Кроме того, следует чётко разграничивать частное письмо как процесс (коммуникативную деятельность) и как результат (продукт этой коммуникативной деятельности).

Раскрыть определение «частное» поможет, на наш взгляд, обращение к правовому и этическому аспекту частного эпистолярия в свете его лингвокогнитивной специфики.

1.1.3. Правовой и этический аспекты частной переписки в свете лингвистики

Анализ материалов, демонстрирующих правовой и этический статус частного письма, помог разобраться в одной из важнейших характеристик частной эпистолярной коммуникации, имеется в виду приватность, обеспечивающую доверительность, открытость общения. Учёные давно указывают на приватность как на один из главных характеристик частного письма, имея по этому поводу чёткую позицию: «...публикация личных писем выдающихся деятелей прошлого стала общепризнанным фактом, и никто уже не видит здесь какого-либо нарушения юридических или этических норм, праздного любопытства или самоуправного вмешательства в авторскую волю... Что бы ни говорили противники публикации личной переписки, можно утверждать, что это потребность науки и широких масс читателей» [Прохоров 1964: 16]. Очень глубоко проблема приватности частного письма осмыслена Ф. Кони [1969], который подчёркивал «интимный характер писем» [Там же: 289], так как «совершенно особый характер» их затрагивает интересы не одного только адресанта [Кони 1969: 290]. На приватность письма в лингвистических исследованиях указания не всегда, но есть [Ковалёва 2000], однако это свойство частного письма не учитывается как фактор, воздействующий на характер коммуникации и выбор языковых средств.

В статье [Калёнова 2015б] мы подробно рассмотрели правовой и этический аспекты опубликования частных писем и пришли к выводу, что приватность (или интимность) эпистолярной коммуникации – это, во-первых, одно из её основных свойств, а во-вторых, это то, что обеспечивает

искренность, открытость общения между коммуникантами, т.е. возможность транслировать субъективную информацию, ориентируясь только на адресата. Обратившись к истории волнующего нас вопроса, мы увидели его сложность и с позиций юриспруденции, и с позиций общественного мнения. Не углубляясь в историю авторского права в России [Чупова 2000, Свечникова 2009 и др.], отметим, что правовые проблемы обнародования частных писем не становились объектом специального рассмотрения, за исключением статьи [Попов 1913], в которой анализу подвергнута нормативно-правовая база авторского права в редакции 15 марта 1911 г.; статьи [Киселёва 2006], которая «раскрывает некоторые объекты авторского права XIX века, а именно устные произведения и частные письма»; а также статьи [Красавчикова 1979], рассматривающей авторское право на письма, дневники, записки и заметки в структуре советского законодательства. Современное правовое пространство, по сути, практикой применения законодательных актов приравнивает частное письмо к художественному произведению [Калёнова 2015б].

На весах оказываются, с одной стороны, воля автора (или отсутствие чёткого распоряжения судьбой источников личного происхождения), а с другой, – значимость материалов для научных изысканий: «Полное собрание писем образует основу и для биографии, и для истории творчества» [Яковлев 1924: с. III]. Д.С. Лихачёв обосновывая понятие «воля автора» как один из основных научных критериев в признании текста художественного произведения основным, резюмирует: «Я думаю, что вопрос о воле автора следовало бы обсудить более внимательно, чем это делалось до сих пор» [Лихачёв 1965: 160]. Можно сказать, что сами авторы писем иногда очень отчётливо высказывали своё мнение по поводу возможности опубликования их писем, что свидетельствует о том, что эти речевые произведения оцениваются авторами не как творчество, а как часть их повседневной жизни. «Письменная «эстафета памяти» («память до востребования»)

нуждается в осмыслении: и как культурная задача общества, и как нравственный императив личности» [Алексеев 2007: 51]. Мы обратились к изучению общественного мнения по анализируемой проблеме и выяснили, что в случае, если имеются в виду письма известных людей, давно ушедших из жизни, то чтение таких писем не считается аморальным, в отличие от чтения писем близких и знакомых людей [Калёнова 2015б].

Следовательно, с одной стороны, «приватное письмо принципиально не должно быть «прозрачным», а всякая перлюстрация (за исключением специально оговоренных Законом случаев) является посягательством на тайну личной жизни, равно как и не разрешенное автором и адресатом «чтение чужих писем» подлежит моральному осуждению» [Алексеев 2007: 55]; с другой стороны, признана «целесообразность и перспективность специализированного исследования *письма*, для постижения не только природы этого социального феномена и множественности его ипостасей, но и его места и роли в системе человеческой коммуникации и жизни общества, от глубокой древности до наших дней» [Алексеев 2007: 56]. Иначе говоря, одним из основных специфических признаков частного письма является его приватность. Эта черта и делает письмо столь информативным для науки.

Приватность как одна из основных черт частного письма роднит его с дневником и запиской. Мемуары, воспоминания ориентированы на автокоммуникацию, но допускают обнародование, создаются специально, чтобы сохранить информацию для потомков. Иначе говоря, даже если и не предполагают опубликование при жизни их автора, хотя и такое возможно, то допускают опубликование после его смерти.

Таким образом, опубликование частного письма противоречит понятию приватности коммуникации. При этом приватность эпистолярной коммуникации обеспечивает и максимальную открытость языковой личности, что составляет особенную ценность для её изучения. «О том, что письма многих поэтов и писателей (А.С. Пушкина, П.А. Вяземского,

В.А. Жуковского и др.) были в свое время фактом художественной литературы, говорит чтение их в кружках и салонах наравне с литературными произведениями» [Белунова 2000: 8]. Как справедливо указывает Н.И. Белунова, «это не означает, что все дружеские письма поэтов и писателей в начале XIX века были художественными» [Там же]. Итак, создавая письмо, адресант предполагает, что сообщение будет доступно только для адресата, именно это знание организует такую подачу информации, которая ориентирована именно на данного адресата.

Наличие не одного, а иногда нескольких адресатов не нарушает принципа интимности частной эпистолярной коммуникации, поскольку эти несколько адресатов объединены родственными или дружескими связями: *«Дорогая Анна, наконец, 1-го октября, я приехал на место, хотя и не знаю – окончательное ли <...> Скучаю без вас, моих милых, беспокоюсь о том, как то вы живете одни. Надеюсь, что Вася и Кира уже вернулись <...> – Дорогой Мик, вероятно ты уже дома, с мамой. <...> – Дорогая Тика, заботишься ли ты о мамочке? <...> – Дорогая Олечка, найди посредством мамы у меня в шкафу (наверху справа) «Географию» Семенова»* (П.А. Флоренский А.М. Флоренской, 3 октября 1933 г., Станция Ксениевская Забайкальской железной дороги) [Флоренский 1998: 31]. Оформляя абзацное членение из-за экономии бумаги с помощью тире, автор письма, по сути, в одном письме создаёт несколько микротекстов, каждый из которых имеет конкретного адресата. При этом первый микротекст, адресованный Анне Михайловне Флоренской, содержит информацию, которая предназначена для всех указанных адресатов. Иначе говоря, создавая письмо, адресант кодирует информацию для нескольких адресатов, ведущим, основным из них является Анна Михайловна, его жена. В зависимости от того, кому предназначено данное конкретное сообщение, меняется и содержание сообщения, и система средств объективации информации.

Подобное явление можно наблюдать в переписке декабристов. Сами коммуниканты ощущают себя частью некоего единства, для них каждый из товарищей – член этой большой семьи: *«Клянусь тебе, одно утешение осталось – получать от друзей известия; всё глупость, всё дрянь, эти хозяйства, эта промышленность, эти заботы, одно осталось нам утешение вспоминать и поминать своих друзей и товарищей общего нашего несчастья»* (И.И. Горбачевский Н.А. Бестужеву, 23 сентября 1839 г., Петровский завод) [Горбачевский 1963: 128]. Эти письма удивительно сочетают в себе все параметры частного письма как речевого произведения, но при этом сознательно адресантом и адресатом нарушается требование приватности эпистолярной коммуникации: *«Ты жалуешься, что ни Пущин, ни Трубецкой тебе не пишут. Я получил много писем даже от тех, от которых не ожидал, а от Пущина и Поджио ни строчки, ни слова, ни полслова. <...> Я собрал все письма и посылаю к тебе для прочтения; пожалуйста, при верной okazji пришли мне обратно – я их пошлю к Петру Ивановичу Борису, который в незавидном положении»* (И.И. Горбачевский Е.П. Оболенскому, 9 сентября 1839 г., Петровский завод) [Горбачевский 1963: 125]. Считаем, что требование приватности коммуникации в эпистолярной переписке декабристов нарушено лишь формально. От того, что адресант знает о возможности прочтения письма третьими лицами, его письмо не перестаёт быть адресованным, и содержательно, и по языковому оформлению, конкретному адресату. Конечно, эта группа писем имеет свою специфику, обусловленную несколькими факторами, в числе которых и преломление параметра приватности сообщения, передаваемого посредством эпистолярной коммуникации.

Приватность как свойство частного письма может быть актуальным, необходимым условием коммуникации, к которой прибегает автор, а может не приниматься как главное условие предпринимаемой им коммуникации. Например, в письме В.И. Вернадского нелестная характеристика третьих

лиц, коллег адресанта, скорее всего, была бы невозможной, если бы автор сообщения не был уверен в закрытости этой информации для них во избежание недоразумений или негативных последствий данного отзыва: *«Работаю плохо – мешают мои немцы (удивительно грязно работают), и затем я всё простуживаюсь, и например, сегодня такой насморк и такая страшная головная боль, что не могу работать»* (В.И. Вернадский Н.Е. Вернадской, 5 апреля 1889 г., Париж) [Вернадский 1991: 20]. Или сравним средства обращения к жене, Наталье Евгеньевне: *«Дорогой мой, ненаглядный Тутик, моё счастье, моя хорошая девочка»* (В.И. Вернадский Н.Е. Вернадской, 30/18 марта 1889 г., Париж) [Вернадский 1991: 18]. В данном случае речь идёт не о секретности передаваемой информации, а о том, что в силу закрытости коммуникации автор, иногда неосознанно, воспринимая это свойство частной эпистолярной коммуникации как само собой разумеющееся, ориентируется только на адресата. Уверенность автора в закрытости сообщения оказывает влияние на характер транслируемой информации, выбор языковых средств её трансляции.

Удалённость, отсутствие прямого, непосредственного общения «с глазу на глаз», а не только закрытость общения, также могло формировать возможность искреннего общения: *«На расстоянии **Бог знает** скольких тысяч верст и на высоте, сколько помнится, 4 тыс. фут. над уровнем моря простительно быть не только искренним, но и откровенным, не только думать, что следует, но и говорить, что думаешь»* (В.О. Ключевский Н.И. Сперанскому) [Ключевский 1994: 174]. ФЕ *Бог знает* в значении ‘Разг. Неизвестно’ [ФСРЛЯ 1: 33] используется автором как единица образная, экспрессивная, усиливающая семантику языковых единиц, указывающих на количественные показатели расстояния, сравним: *«На расстоянии **неизвестно** скольких тысяч верст и на высоте, сколько помнится, 4 тыс. фут. над уровнем моря простительно быть не только искренним...»**. По

мнению автора письма, удалённость от получателя сообщения позволяет быть ему искренним, требует от него искренности общения.

Частное письмо, предполагающее приватность коммуникации, подвергалось в разное время цензуре. Знание о том, что органы цензуры будут проверять содержание письма, т.е. о том, что предполагается ознакомление с содержанием письма третьими лицами, действует как некий ограничитель, не позволяющий писать именно так, как автору письма хотелось бы. С другой стороны, в письмах, созданных в условиях цензуры, обнаруживаются две тенденции, преодолевающие этот ограничитель.

Первая тенденция заключается в том, что авторы, длительно пребывающие в условиях цензуры, привыкают к ней, не стесняются выражать чувства, а единственное ограничение, которое они соблюдают, – ограничение высказываний в письме на запрещённые цензурой темы, например, политические в период сталинский репрессий и т.д. Так, в одном из «соловецких» писем есть зачёркивания, выполненные представителями цензуры: *«Ночью придется дежурить (одно слово зачеркнуто цензурой – Ред.), т. е. сидеть ночью у дверей с 12 до 6 утра, так как сегодня моя очередь. До сих пор у меня нет работы. Это нехорошо в смысле еды, потому что безработные получают (замарано цензурой две трети строки – Ред.), а при длительном отсутствии это начинает сказываться. Кроме того, нет денежного вознаграждения, так что и ларек не помогает. В прошлую выдачу писем я не получил ничего. А так как выдача идет теперь два раза в месяц, 1 и 15, то теперь жди две недели <...> Во всяком случае, если не будет изменений, на ближайшие 1,5 месяца я обеспечен деньгами, а в ларьке есть даже маргарин и сахар, хлеба хватает, книжки есть, окружение смешанное, есть приятное, но есть и отвратительное. Но не исключена возможность переезда, а куда – пес его знает, потому что мои пункты считаются очень опасными. А самое главное, будь здорова, не падай духом, помни, что я тебя крепко люблю, не забывай о твоём Р.»*

(Р.Н. Литвинов В.С. Литвиновой, 19 сентября 1937 г., Соловки) [Флоренский 1998: 727]. Учитывая то, что адресант, Р.Н. Литвинов, осознаёт степень опасности ситуации, в которой он и его семья оказались, можно предположить, что автор письма допускает такие высказывания, которые представители цензуры впоследствии вычеркнули, так как не считает их «опасными».

Обратим более пристальное внимание на ФЕ, использующиеся в данном письме: «*Но не исключена возможность переезда, а куда – **пес его знает**, потому что мои пункты считаются очень опасными*» (Там же). ФЕ *пёс его знает* в значении ‘Прост. Неизвестно; никто не знает’ [ФСРЛЯ 2: 90] синонимична ФЕ *бог его знает* [ФСРЛЯ 1: 33] и *чёрт его знает* [ФСРЛЯ 2: 369]. Компонент *пёс*, как лексическая единица, имеющая культурнообусловленную семантику (См., например [Маругина 2009]), в ходе фразеомобразовательной комбинаторики продуцирует эмотивно-оценочные компоненты в структуре фразеологического значения. Слова поддержки содержат ФЕ (не) *падать духом* – (не) ‘Отчаиваться, глубоко расстраиваться, приходиться в уныние’ [ФСРЛЯ 2: 72–73]. Знаки косвенно-производной номинации служат вмещением большого объёма информации, в том числе эмоциональной.

Вторая тенденция связана с попыткой преодолеть ограничения на запрет конкретных тем. Коммуниканты в процессе переписки устанавливают код, которым пользуются для объективации необходимой информации. «*Не бойтесь, что мелко пишете: письма благополучно доходят. Вы справляйтесь о моих знакомых? Благодарю. С Мясниковым я не виделся с самого взятия в плен. Филиппова и Веселова тоже давно не видел. Даже Сытов навещает меня очень, очень редко. Только когда получаю посылку*» (М.Н. Миловский К.Д. Миловской, 22 июня 1916 г.) [Письма из немецкого плена 1995: 470], – сообщает узник немецкого плена о своей нелёгкой жизни. *С Мясниковым не виделся* используется как средство передать информацию о

том, что мяса автор сообщения не ел. *Сытов не навещает* – имеется в виду, автор сообщения не бывает сытым [Письма из немецкого плена 1995: 467]. Следует сказать, что письма, о которых идёт речь, с большим трудом были сохранены, тем более лишь малая часть из них публикуется. Кроме того, вспомним эзоповский язык в письмах арзамасцев [Тодд 1994: 182]. Находим ещё один пример использования специального кода: *«Шифрую указанным вами ключом: с_в_я_з_и_с_Ю_г_а_н_и_к_а_к_о_й_,_с_М_о_с_к_в_о_й_ т_е_п_е_р_ь_ пропала, должно быть там все погибли. Ваши письма оба дошли благополучно – не следует ли думать, что мое письмо, хотя бы по чудесной случайности, не читалось? <...> Этот пункт целиком следовало бы зашифровать, но времени нет – уже утро белеет, а завтра непременно хочу послать письмо. Да и собьёшься еще»* (П.Ф. Якубович Л.А. Тихомирову, 31 октября 1884 г., Санкт-Петербург) [Якубович].

Отдельно следует сказать о таком особенном явлении русской культуры – об эпистолярной творческой интеллигенции XVIII–XIX вв. Признавая за ним важнейшую роль по формированию разговорного стиля, средства повседневной коммуникации, следует учитывать, что не все письма даже в начале XIX века художники слова и общественные деятели предназначали для чтения их третьими лицами, о чём говорит Н.И. Белунова, посвятившая своё диссертационное исследование письмам творческой интеллигенции XVIII–XIX вв. [Белунова 2000: 8]. Мы уже обращались к воле авторов писем, представители творческой интеллигенции воспринимали частные письма как часть их частной жизни, не предназначая их для чтения третьими лицами: *«Так как наши письма, дорогой мой, дружеская, интимная беседа, то не показывайте их никому, кроме членов Вашей семьи»* (А.П. Чехов М.Е. Чехову, 11 апреля 1886 г., Москва) [Чехов 1963: 91].

Итак, одним из основных признаков частного письма является интимность, или приватность, коммуникации, т.е. изначальная адресованность одному, реже – большему количеству коммуникантов. В том

случае, если уже изначально, по замыслу автора этот признак нарушен, можно говорить о стилизации художественного произведения, созданного по некоторым жанровым «правилам». Так, «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя нельзя отнести к личной переписке: автор подготовил эти записи к публикации, преобразуя тексты личных писем: *«Я как рассмотрел все то, что писал разным лицам в последнее время, особенно нуждавшимся и требовавшим от меня душевной помощи, вижу, что из этого может составиться книга, полезная людям, страждущим на разных поприщах...»* (Н.В. Гоголь Н.М. Языкову, 21 апреля 1846 г.) [Гоголь 2009: 543]. Автор, чувствуя важность той информации, которая заключена в письмах, подготовил тексты к публикации, а не опубликовал их в том виде, в каком они были написаны конкретным адресатам.

Таким образом, частное письмо характеризуется таким признаком как приватность, или интимность, коммуникации. Это один из основных специфических параметров частного письма как речевого произведения, отличающее его от иных речевых произведений, например, от мемуаров, воспоминаний, а сближающее с дневником, запиской.

Подчеркнём, что ранее приватность (интимность) частной эпистолярной коммуникации не была выделена как специфическая черта частного письма. С позиций лингвистического анализа важно то, что именно приватность частного письма обеспечивает, с одной стороны, искренность коммуникации, возможность поделиться с адресатом своим душевным, эмоциональным состоянием; а с другой, – направленность её на конкретного адресата, в том числе с учётом психологических особенностей его личности.

1.1.4. Эмотивность фразеологии в психолингвистическом аспекте частной эпистолярной коммуникации

В соответствии с широким пониманием общения, идущим от идей В.М. Бехтерева, частную эпистолярную коммуникацию можно

охарактеризовать как «посредственное», или опосредованное, (в противовес непосредственному) взаимодействие людей, при этом посредником становится частное письмо, которое объединяет адресанта и адресата. Если исходить из мысли, что «посредники могут объединять людей, находящихся не только на огромном расстоянии, но и живущих в разные эпохи» [Бехтерев 1921: 108], то читатель опубликованного эпистолярия некоторым образом приобщается к миру, объективированному в частной переписке. Общение в широком понимании этого термина – «процесс взаимодействия конкретных личностей, определённым образом относящихся друг к другу и воздействующих друг на друга» [Бодалев 1985: 28]. Как специфический вид деятельности, общение задаёт социальный характер индивидуального развития личности, влияет на формирование всей психической организации человека [Ильин 2013].

Психолингвистика, «наука о речевой деятельности людей в психологических и лингвистических аспектах, включая экспериментальное исследование психологической деятельности людей по усвоению и использованию системы языка как организованной и автономной системы» [КСКТ: 147], призвана ответить на вопрос о природе дискурсивной деятельности. В истории развития психолингвистики [Жельвис 1990; Выготский 1970, 1984, 1999; Горелов 1980, 1998; Залевская 1985, 1990, 1999а, 1999б; Зимняя 1976, 1985а, 1985б, 1993, 2001; Кацнельсон 1984; Леонтьев 1969, 1979, 1997; Маслова 1989, 2004 и др.] находим доказательства, что комплексный, междисциплинарный подход к сложному по своей природе явлению как речь объясняется тем, что «для понимания речи её надо воспринимать как единое целое, а для обработки полученной информации надо разложить это целое на дискретные элементы» [Жинкин 1982: 19].

Рассмотрение частного письма с позиций психолингвистики актуально ещё и в силу того, что «объектом психолингвистики всегда является совокупность речевых событий или речевых ситуаций» [Леонтьев

2003: 16]. Эпистолярная коммуникация в её психолингвистическом осмыслении предстаёт как деятельность адресанта (кодирование) и адресата (декодирование), их взаимодействие в ходе этой совместной деятельности. В условиях, когда близкие люди разделены расстоянием, единственный способ реализовать их потребность в общении – письмо. Анализируя частный эпистолярный, приходим к выводу, что авторы писем создают речевое произведение для того, чтобы проинформировать адресата о событиях своей жизни, о своём отношении к этим событиям. Иначе говоря, если есть то, о чём хотелось бы рассказать, то письмо создаётся именно потому, что адресанту хочется (это ключевая мотивация для понимания ведущей функции эпистолярного) поделиться этой информацией. Например: *«Расписался я, но приятно писать, когда хотелось бы потолковать, и поругаться, и приласкаться к человеку»* (П.В. Анненков И.С. Тургеневу, 12/24 октября 1852 г., Чирьково) [Анненков 2005: 8]. Сравним: *«Да, откровенно говоря, не понимаю я того писания к дорогим и близким людям, которое пишется по обязанности, а не в минуты хорошего настроения, когда не боишься ни за свою искренность, не за размер письма»* (А.П. Чехов М.Е. Чехову, 11 апреля 1886 г., Москва) [Чехов 1963: 88–89]. В осмыслении целей, которые преследуют авторы писем, реализуя потребность в общении, мы задаёмся вопросом о ведущей функции или функциях частного письма и предполагаем, что ими являются фатическая и информативная функции.

Доказательством выдвигаемого предположения может служить, например, письмо И.И. Пущина: *«Вы уже знаете печальную, тяжёлую весть из Иркутска. Сию минуту принесли мне письмо Волконского, который описывает кончину Никиты Муравьева и говорит, что с тою же почтою пишет к вам. Тяжело будет вам услышать это горе. Писать не умею теперь. Говорить бы ещё мог, а лучше бы всего вместе помолчать и подумать»* (И.И. Пущин И.Д. Якушину, 28 мая 1843 г., Туринск) [Пущин 1988: 192]. Слова соболезнования, поддержки всегда с трудом находятся и в

непосредственном, очном общении, тем более их сложно подобрать в условиях дистантной коммуникации. Тем не менее адресант пишет письмо И.Д. Якушину, чтобы тот почувствовал плечо своего соратника в трудную минуту. Обратим внимание, что письмо с новостью о кончине Никиты Муравьева принесли «сию минуту», т.е. Пущин, получив известие, тут же принялся за письмо И.Д. Якушину.

Информация делового характера в частном письме, в отличие от письма неофициально-делового или официально-делового, как правило, объективируется эмоционально, что выражается в выборе языковых средств: «*Отвечаю тебе, дорогой друг, на письмо от 7 сентября*», – пишет брату Н.А. Серно-Соловьевич (В.А. Серно-Соловьевичу, 8 сентября 1862 г., Петропавловская крепость, Алексеевский рavelин) [Серно-Соловьевич 1963: 260]. Далее он скрупулёзно отвечает на все вопросы, заданные Владимиром Александровичем, придерживаясь чёткой структуры, оформленной пронумерованным списком. При этом объективация этой информации сопровождается использованием средств, относящихся к разговорному стилю речи, уместному в частном письме: «*А самое главное, чтоб дворник держал ухо востро!*» [Серно-Соловьевич 1963: 261]. Или даже таких языковых средств, которые являются ненормативными: «*Что может быть характеристичнее: закрытая читальня сменяется пивною. Недостает, чтобы мою квартиру сняли под б...ть*» [Серно-Соловьевич 1963: 260]. Итак, обратим внимание на стилистическую семантику ФЕ *держат ухо востро* в значении ‘Разг. Экспрес. 1. Быть крайне осмотрительным с кем-либо, не доверять кому-либо. 2. Быть постоянно начеку’ [ФСРЛЯ 1: 201]. В словарной статье зафиксирована стилистическая характеристика ФЕ пометой ‘Разг.’. Несмотря на то, что предмет данной эпистолярной коммуникации – деловые вопросы, общение происходит между двумя родными братьями, их объединяет не только общее дело, но в первую очередь, родственные

отношения. Данная эпистолярная коммуникация, несмотря на наличие деловых вопросов, является частной.

Психолингвистическое осмысление природы частной эпистолярной коммуникации наталкивает на размышления о роли частного письма в психических и психологических процессах личности. Письмо выполняет, как считают специалисты, психотерапевтическую функцию. Она заключается в том, что в процессе написания частного письма человек осуществляет саморефлексию, выстраивает цепь произошедших событий по психологической значимости (в системе координат адресанта и/или адресата): *«Написание письма – чрезвычайно полезная процедура. Да-да, я не ошиблась, воспользовавшись медицинским термином. Именно «процедура». Она сродни самостоятельной психотерапии, осуществляя которую, мы имеем возможность разобраться во многих вопросах нашей жизни»* [<http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-51565/>]. В психологическом плане именно частное письмо помогает систематизировать проблемы, волнующие автора письма, проанализировать их, объективировать в словесной форме. Психотерапевтический эффект частного письма направлен, по мнению автора, в большей степени на адресанта, но и чтение писем имеет психологическое воздействие на адресата: *«Этой весной я с семьёй переезжала и во время сбора вещей наткнулась на коробку с письмами. Эти письма мы с мужем писали друг другу в периоды разлук ещё до того, как поженились. Не передать, что я испытала от прочтения этих писем. Ведь многое из того далёкого прошлого уже забылось и затёрлось... И тут такой подарок – как будто старое кино про себя в молодости увидела. В общем, писать письма близким и дорогим людям – это здорово!»* (Елена Реальная, 12 января 2012 г. 14.55) [Там же]. Адресат испытывает комплекс эмоциональных состояний, которые она объективирует в данном сообщении лексемами *подарок, здорово.*

«Письма, – пишет другой практикующий семейный психолог, – как живая память, а если они от особенно близкого тебе человека, конечно, ты захочешь их сохранить. <...> Потому что потом они принесут тебе не меньше радости, чем при первом прочтении. Хорошие, добрые письма, написанные от души, обладают какой-то особой магией. Когда у тебя плохое настроение, стоит достать из укромного местечка пару-тройку таких писем и прочитать их, и тогда радостная улыбка целый день не покинет твоего лица» [<http://help4family.ru/kak-pisat-pisma/>]. Ассоциативно, тонкими нитями психологической памяти письмо, предмет реального мира, вызывает в сознании читающего то состояние, которое он испытывал тогда, читая это письмо. «Глубинная психология человека, равно как и дискурсивные резервы письма таковы, что разговор с «другим» скорее предоставляет возможность ещё раз оказаться наедине с самим собой и разрешить в письменной эпистолярно-адресной форме возникшие (а порой ещё и не вполне осознанные) сомнения, и уже в самом процессе письма попытаться их разрешить» [Сапожникова 2004: 85].

Итак, воздействие частного письма на личность реализуется на разных этапах эпистолярной коммуникации. Во-первых, процесс написания письма – возможность осмыслить события реальной действительности в координатах своих мировоззренческих, психологических установок, а также в координатах установок адресата. Во-вторых, адресат, получая письмо, декодирует сообщение, совершая свой внутренний диалог с адресантом. В третьих, по прошествии времени получатель письма имеет возможность снова обратиться к письму, перечитать его, письмо в этом случае также оказывает воздействие на психологическое состояние адресата.

Одно из условий эффективности акта коммуникации, в том числе и эпистолярной, – создание в нём благоприятного психологического климата. Для этого следует учитывать такие потребности адресата, как потребность в самовыражении и достижении понимания, потребность в эмоциональном

понимании, потребность в признании личности, что в полной мере учитывают «максимы общения» [Грайс 1985]. Механизм эмпатии позволяет реализовать потребность партнёра по коммуникации в эмоциональном понимании: *«Вы писали как-то, выражая мысль, что я **не сочувствую** вашей деятельности. Мое отношение к вашей деятельности особенное. Не могу я не сочувствовать изданиям, которые распространяют те истины, которыми я живу, и еще более тому, что в них передаются те мои мысли и опыты внутренней духовной жизни, которые того стоят, и передаются и отбираются человеком, который мне особенно близок по духу и потому делает это дело наилучшим образом. Но эта вторая сторона дела имеет в себе сторону личного удовлетворения, славы людской, и потому я невольно **сдерживаю** свое **сочувствие** к этой стороне вашей деятельности. Пожалуйста, не упрекайте меня ни в лишней скромности, ни гордости, **перенесите в меня и поймите это**»* (Л.Н. Толстой В.Г. и А.К. Чертковым, 28 февраля 1900 г., Москва) [Толстой 1984: 471]. Иначе говоря, адресант, Л.Н. Толстой, участвуя в эпистолярной коммуникации, по тем или иным причинам не учитывает потребность адресата в эмоциональном понимании. Очевидно, адресат в своём ответном письме указывает на это: *«Вы писали как-то, выражая мысль, что я **не сочувствую** вашей деятельности»*. В свою очередь, Л.Н. Толстой представил подробное объяснение, почему он этого не сделал, завершив его просьбой к пониманию и сочувствию: *«Перенесите в меня и поймите это»*. Интересно использование тактики восхваления заслуг партнёра, лесть: *«Делает это дело наилучшим образом»*), преследующее цель добиться восстановления комфортного психологического климата в эпистолярной коммуникации.

Таким образом, особый психологический климат частной эпистолярной коммуникации поддерживается на протяжении всей цепочки писем, коммуниканты стремятся сохранить его. Можно сказать, что психотерапевтический эффект частного письма отчасти создаётся этим

особым психологическим климатом. Лингвистические средства создания психологического климата частного письма ещё не изучены, но очевидно, что реализация потребности в самовыражении и достижении понимания, в эмоциональном понимании и в признании личности достигается комплексом языковых средств разных уровней в их взаимодействии.

Одним из главнейших достижений психолингвистики по праву считается теория об универсальном предметном коде, благодаря которому «совершается перевод мысли на язык человека» [Жинкин 1982: 54]. Трансляция информации в частном письме, в том числе и эмоциональной, обеспечивается когнитивно-прагматическими механизмами, обусловленными свойствами и законами речи вообще и корректируемыми параметрами частного письма как речевого произведения. В частном письме находит отражение рациональная и эмоциональная информация. Само письмо, факт получения и процесс чтения письма провоцируют различные эмоции: *«Стало гораздо привычней получать электронные послания типа "привед медвед", "как сам?" и т.д. Совсем недавно я получила настоящее письмо с поздравительной открыткой от своей далёкой подруги, с которой мы периодически общаемся по скайпу. Чувства которые я испытала обнаружив это письмо в почтовом ящике непередаваемы! Как будто частичка этого, дорогого мне человека, оказалась в моих руках»* (Ольга, 8 февраля 2012 г.) [<http://help4family.ru/kak-pisat-pisma/>]. В этом комментарии к статье, содержащей советы психолога, значимо описание эмоционального состояния в момент получения письма, автор комментария сам некогда участвовал в эпистолярной коммуникации и имеет представление о «настоящем» частном письме. Ср.: *«Я хочу написать вам еще **настоящее** (не деловое) письмо. Попробую»* (К.Г. Паустовский Г.А. Арбузовой и В.В. Медведеву 20 сентября 1966 г., Ялта) [Паустовский: 463]. Адресант указывает на различие настоящего, имеется в виду частное, и деловое письмо, подчёркивая, что частное письмо – «частичка» его автора.

Эмоциональная информация, транслируемая средствами частного письма, может превалировать над рациональной, и наоборот. Сравним два фрагмента писем одного и того же автора: *«Ах, Аня, как ненавистны мне всегда были письма! Ну что в письме расскажешь об иных делах? и потому напишу только сухие голые факты: во-первых, я уже тебе писал, что Соне всё в тот же день открыл, и как она была рада. Не беспокойся, не забыл передать ей твой поклон, и она тебя уже очень, очень любит»* (Ф.М. Достоевский А.Г. Сниткиной, 2 января 1887, Москва) [Достоевский 1976: 7]. Фрагмент другого письма Ф.М. Достоевского: *«Всю дорогу думал о тебе <...> Всё думал о тебе и воображал, зачем я мою Аню покинул. Всю тебя вспомнил, до последней складочки твоей души и твоего сердца, за всё это время с октября месяца начиная и понял, что такого цельного, ясного, тихого, кроткого, прекрасного, невинного и в меня верующего ангела как ты, – я и не стою. Как мог я бросить тебя? Зачем я еду? Куда я еду? Мне бог тебя вручил, чтоб ничего из зачатков и богатств твоей души и твоего сердца не пропало, а напротив, чтоб богато и роскошно возросло и расцвело; дал мне тебя, чтоб я свои грехи огромные тобою искупил, представив тебя богу развитой, направленной, сохранённой, спасённой от всего, что низко и дух мертвит; а я (хоть эта мысль непрерывно и прежде мне втихомолку про себя приходила, особенно когда я молился) – а я такими бесхарактерными, **сбитыми с толку** вещами, как эта глупая теперешняя поездка моя сюда, – самое тебя могу **сбить с толку**»* (Ф.М. Достоевский А.Г. Сниткиной 17 мая 1887, Nombourg) [Достоевский 1976: 10]. Как видим, в первом фрагменте автор ставит цель отказаться от объективации эмоциональной информации, хотя ему это не совсем удаётся, о чём свидетельствует использование лексем *ненавистен*, *рад*, *любить*, являющихся номинантами эмоций и состояний.

Второй фрагмент письма полностью посвящён состоянию адресанта, его внутреннему диалогу и с адресатом, и с самим собой. Эмоциональное

состояние тревоги объективируется комплексом языковых средств, среди которых особенно отчётливо выделяются риторические вопросы, ряды однородных членов предложения, которыми автор словно подыскивает точное, самое нужное слово для объективации мысли и чувства. ФЕ *сбить с толку* 'Прост. Приводить в замешательство, в растерянность, в заблуждение кого-либо' [ФСРЛЯ 2: 216] с одной стороны, объективирует состояние, приписываемое автором адресату письма, с другой, – объективирует эмоцию досады, тревоги за адресата и по поводу состояния адресата.

Специфика средств объективации рациональной и эмоциональной информации в частном письме, другими словами, особенности кодирования этой информации, – важнейший вопрос когнитивного исследования частного эпистолярия. Процесс декодирования информации – не менее важная для когнитивной лингвистики проблема. Результаты декодирования информации, закодированной в частном письме, можно обнаружить в ответном письме, где адресат выступает уже в роли адресанта. При этом нужно учитывать, что объективация результатов декодирования – это процесс опосредованный.

Понимая частное письмо как процесс кодирования, а затем декодирования, понимаемый как процесс трансляции информации в акте коммуникации, мы выходим на определение дискурса. При трансляции информации задействованными оказываются средства вербальные и невербальные, а на уровне когнитивных блоков отправителя сообщения и получателя – различные когнитивные структуры. Особенности трансляции информации связаны не только со спецификой определённого дискурса, в психолингвистическом аспекте интерес вызывает языковая личность адресанта, а также языковая личность адресата частного письма. Выбор информации, а затем средств для её кодирования в частном письме изначально обусловлены языковой личностью, в первую очередь, адресанта и также адресата, так как адресант ориентирован на диалог с ним.

Рассмотрение психологических особенностей адресанта как отправителя сообщения и адресата, осуществляющего декодирование сообщения, с позиций теории языковой личности сквозь призму имеющегося исследовательского материала заставило учёных обратиться к гендерному аспекту современной лингвистики. Гендер вызывал бурную научную дискуссию [Бурукина 2000, Горошко 2003, Кириллина 1999, Колоколова 2008; Ласкова 2001; и др.], в том числе учёных привлекли гендерные проблемы эпистолярия как источника личного происхождения [Минец 2012 и др.], а также фразеология в аспекте гендерной специфики [Самарина 2010, Зыкова 2003 и др.]. Даже характер информации, подвергающейся кодированию, в письмах мужчин и женщин, как показывают наблюдения, различен. Так, О.П. Фесенко рассмотрела гендерный аспект дружеского эпистолярия [Fesenko 2006].

Женские частные письма опубликованы и, соответственно, доступны для исследования в меньшей степени, чем мужские. Это не является основанием считать, что женщины меньше писали писем. Частную жизнь женщины Древней Руси и Московии, например, из-за отсутствия автобиографических и художественных произведений, написанных женщинами, а тем более частных писем, можно воссоздать с большим трудом: «Лишь комплексный, системный подход к летописным, фольклорным, церковноучительным памятникам приоткрывает эту плотную завесу, позволяя приблизиться к пониманию эмоционального мира матерей, «жёнок» и «дщерей» древнерусских князей и простолюдинов, воссоздать некоторые детали их частной жизни» [Пушкарёва 2011: 9]. Гендерный аспект частного письма, подчеркнём, ещё не стал объектом глубокого научного осмысления, как, например, проявление гендерного фактора в художественном тексте [Балакина 2005 и др.].

Проблема восприятия информации, объективированной средствами языка, – одна из центральных в психолингвистике [Зимняя 1976; Кравченко

2004; Леонтьев 1979 и др.]. Особенно внимательно при изучении частного письма и роли ФЕ в трансляции эмоциональной информации, как представляется, следует отнестись к психолингвистическому эксперименту. Методики экспериментов разрабатываются в соответствии с задачами исследования и особенностями его материала. Проблема объективности полученных результатов связана с тем, что испытуемые – современные носители языка, а материал исследования охватывает период от XIX до XX века. Восприятие смысла языковой единицы и высказывания в целом обусловлены множеством факторов. Один из них – пресуппозиции, которыми владеют носители языка того или иного поколения.

Подводя итог размышлениям о психолингвистическом аспекте эпистолярной коммуникации, подчеркнём, психологические корни эпистолярная лежат в структуре самой личности, в потребности этой личности в общении. Эффективность эпистолярной коммуникации достигается созданием особого психологического микроклимата, который является одной из главных целей частного письма, так как благодаря этому оно реализует психотерапевтическую функцию. Главным для нашего исследования в психолингвистическом аспекте становится вопрос о роли ФЕ в трансляции информации в частном письме. Отталкиваясь от идей о кодировании и декодировании информации, представим частное письмо как процесс трансляции информации, учитывая все факторы, которые влияют на его ход. Особая роль при этом отводится эксперименту, который используется нами как один из методов выявления эмотивности высказывания в целом и конкретной единицы.

Коммуникация может осуществляться на трёх уровнях отношений.

- 1) Личное – личное, это тот тип общения, та сфера, которая обслуживается частным письмом при отсутствии иных каналов коммуникации. Другие типы общения – 2) личное-официальное и 3) официальное-официальное. Второй тип общения – группа источников неофициально-деловой коммуникации,

неофициально-деловые письма, а третий – официально-деловые. Важным, таким образом, оказывается условие, что письмо обслуживает сферу личного общения адресанта. Это один из определяющих его параметров.

Очень тесно психолингвистика связана с социолингвистикой, так как обе дисциплины обращены к человеку, его взаимодействию с окружающими его людьми. Окружение и социальные роли партнёров-участников эпистолярной коммуникации, языковое отражение этих ролей и их смены – это те проблемы, которые лежат в плоскости социолингвистики.

1.1.5. Социолингвистические факторы частной эпистолярной коммуникации в порождении фразеологической эмотивности

Частная эпистолярная коммуникация обслуживает сферу таких отношений, которые являются социально равными, т.е. дружеские, любовные, семейные, поэтому частное письмо как акт коммуникации и его результат следует рассмотреть с позиций социолингвистики. Актуальность социолингвистического аспекта рассмотрения частного письма обусловлена также тем, что «малоисследованным в современной социолингвистике остается язык частной переписки, дневниковых записей «среднестатистических» носителей языка (не писателей, не политиков, не общественных деятелей и др.). Между тем он представляет особый интерес как с точки зрения социального своеобразия речевых форм в определенной человеческой среде, так и с точки зрения новых тенденций, «точек роста», которые обнаруживаются раньше всего в речи, не скованной нормативными рекомендациями и запретами» [Беликов 2001: 226–227].

Социолингвистика за сравнительно недолгий для науки срок выработала серьёзную методологическую базу [Бандалетов 1987; Беликов 2001; Крысин 2000; Тарасов 1981; Трескова 1989; Мечковская 2000; Швейцер 1978 и др.], при этом перспектива социолингвистических исследований всё более отчётлива в связи с общим интересом учёных к человеческому фактору в

языке. Социолингвистический ракурс эпистолярной фразеологии обусловлен тем, что «место рождения и «прописки» любых концептов, в том числе и концептов эмоций, социально маркировано» [Красавский 2001]. В выбранном нами ракурсе исследования частное письмо предстаёт как акт или процесс и результат эпистолярной коммуникации между двумя личностями. В основе эпистолярного взаимодействия лежат их отношения, их социальные роли в момент этого взаимодействия. Этот социальный аспект эпистолярной коммуникации – ключевой, образующий основу для возникновения мотивации к взаимодействию именно в рамках эпистолярной коммуникации. Сложности в сфере человеческих отношений так или иначе отражены в частном письме, так как оно базируется на коммуникативно-прагматической ситуации, в котором создаётся. Например: *«Зина! Я послал тебе вчера 2000 р. Как получишь, приезжай в Москву. Сергей Есенин. Типография Заработала. Денег у меня для тебя 10000 р.»* (18 июня 1919 г., Москва) [Есенин 1999: 108]. Адресат послания – З.Н. Райх, официально жена С.А. Есенина, с которой у него были очень сложные отношения [Вульф и др.]. Письмо является деловым неофициальным, несмотря на то, что их автор и адресат – супруги.

В эпистолярной отражена динамика развития отношений между коммуникантами. Сравним два фрагмента, один из которых относится к периоду начала знакомства С.А. Есенина с А.В. Ширяевцем: *«Александр Васильевич! Приветствую Вас за стихи Ширяевца. Я рад, что мое стихотворение помещено вместе с Вашим. Я давно знаю Вас из ежесемейника и по 2 номеру «Весь мир». Стихи Ваши стоят на одинаковом достоинстве стихов Сергея Клычкова, Алексея Липецкого и Рославлева. Хотя Ваша стадия от них далека. Есть у них красивые подделки под подобные тона, но это все не то»* (21 января 1915 г., Москва) [Есенин 1999: 61]. Деловые партнёрские отношения Есенина и Ширяевца перерастают в дружеские: *«Дорогой мой Шура! Прости, пожалуйста, за молчание. Всё*

дела житейские мучают, а как освободишься, так и липнешь к памяти о друзьях, как к меду» (16 декабря 1917 г., Петроград) [Есенин 1999: 98]. Невозможно обнаружить чёткую границу, когда адресат становится не просто знакомым, с которым Есенина связывают дела, а другом. В связи с этим считаем целесообразным выделить промежуточные зоны частного эпистолярия, включая в них письма, в которых на всех уровнях, начиная от когнитивного, заканчивая уровнем текста письма, обнаруживается процесс смены социальных ролей, определяя такие письма как частно-деловые.

Анализ материала позволяет классифицировать частные письма на основании обеспечиваемых ими отношений по следующим группам (табл. 2.).

Таблица 2.			
	Виды частных писем		
	Основная группа	Переходная зона	Комментарий
Неофициальные отношения		НД ↓↑ ДЧП	Неофициально-деловое, переходящее в дружеское и дружеское, переходящее в неофициально-деловое
Дружеские	Дружеское письмо		
		ДЧП ↓ ЛЧП	Отношения коммуникантов из дружеских могли перерасти в любовные.
Любовное	Любовное частное письмо		
		ЛЧП ↓ СЧП	Любовные отношения могли перерасти в семейные.
Семейное	Семейное письмо		
		СЧП + ДЧП	Семейное письмо братьям и сёстрам, а также дальним родственникам может быть соотнесено с дружеским письмом.

Поясним, частное письмо обслуживает сферу неофициальных отношений, а именно дружеских, семейных, любовных. Мы отталкиваемся от материала, который демонстрирует нечёткость границ между группами писем. В связи с этим мы выделяем так называемые переходные зоны, т.е.

такие группы писем, которые обслуживают сферы отношений, находящихся в процессе формирования (официальные отношения переходят в дружеские, например).

Наибольший интерес с позиций социолингвистики, на наш взгляд, представляют эти переходные зоны, так как в них осуществляется смена регистра, что отражается на выборе языковых средств, том числе на выборе ФЕ, а именно стилистически маркированных знаков косвенно-производной номинации, при смене регистра, а именно само появление в переписке ФЕ со сниженной стилистической окраской, а также трансформированных или окказиональных ФЕ сигнализирует о смене регистра.

Таким образом, предполагая, что одно из главных условий частной эпистолярной коммуникации – это близкие (дружеские, любовные, семейные) отношения между коммуникантами, сталкиваемся с проблемой, которая лежит в области социологии и психологии и не является однозначно решённой в силу сложности объекта изучения, т.е. отношений людей. В связи с этим в определении отношений как близких считаем обоснованным опираться на данные биографической и аналитической литературы, созданной специалистами в ходе многолетнего изучения биографии и творчества той или иной выдающейся личности. В случае с эпистолярием неизвестной личности эта информация чаще всего отсутствует, либо есть комментарий, который не всегда предоставляет полную информацию о характере отношений коммуникантов.

Необходимо признать, что социолингвистический аспект частной эпистолярной коммуникации мало изучен, и это при том, что в её основе лежат специфические отношения между коммуникантами. Характер отношений между коммуникантами отражается и на выборе средств вербальной объективации специфических черт языковой личности. С учётом, что частное письмо обслуживает сферу неофициальных отношений, это может быть актуально для описания языка повседневности.

Вопрос о месте частного письма по отношению ко всем другим вербальным воплощениям неофициального общения может быть решён с учётом социального статуса коммуникантов. На основании анализа материала с позиций социального статуса коммуникантов выделяем официальную и неофициальную коммуникации, которые могут иметь устную и письменную формы. В письменной неофициальной коммуникации выделяем частное письмо, неофициально-деловое письмо, также в отдельную группу могут быть выделены такие типы писем, как «письма вождю», «письма кумиру», «письма в редакцию» и т.д. Дело в том, что в «письме кумиру» адресант обращается к образу, созданному иногда целой творческой группой, представления об индивидуальной картине мира адресата создаются не по результатам личного общения коммуникантов, как при частной эпистолярной коммуникации, а по результатам знакомства с фактами биографии, размещёнными в СМИ. Безусловно, этот тип писем трудно назвать официальным, но и в ряду неофициальных он должен иметь особый статус. Общение коммуникантов, равных по социальному статусу, в частной эпистолярной коммуникации посвящено субъективному восприятию событий их повседневной жизни, чего нет в «письмах кумиру», «письмах вождю» и др. Отдельную группу частных писем представляют письма с фронта, которые обеспечивают коммуникацию родных и близких людей, оказавшихся в критических условиях выживания.

Социолингвистические факторы задают и содержание частной эпистолярной коммуникации, и её форму, имеется в виду выбор средств объективации этого содержания. Например, этикетные формулы, о чём мы ранее уже упоминали, могут быть опущены в коммуникации между близкими людьми, по умолчанию не требующими этих знаков, свидетельствующих об уважении к адресату. Социолингвистические основы частной эпистолярной коммуникации задают и характер фразеологической эмотивности.

В заключение скажем, что социолингвистический аспект рассмотрения частной эпистолярной коммуникации выдвигает на первый план роль отношений между коммуникантами, на основании этого критерия выделяем виды частного письма. Изменения в отношениях проявляются и на уровне языка частного письма, в том числе и на фразеологическом уровне.

1.2. Когнитивно-прагматические координаты частного эпистолярного дискурса в осмыслении фразеологической эмотивности

1.2.1. Критерии выделения частного письма как источника исследования эмотивной фразеологии

Понимая речевое произведение как результат речевой деятельности, т.е. «активного, целенаправленного, опосредованного языковой системой и обусловленного ситуацией общения процесса передачи и приёма сообщений» [Зимняя 2001: 56], мы рассмотрели критерии частного письма [Калёнова 2014а]. Исходили из того, что частное письмо представляет собой результат единственной доступной на момент его создания коммуникативной деятельности, хотя *«все-таки лучше, когда видишь человека, лучше говорить с ним устами, глазами и вообще всем существом, чем выводить эти ограничивающие буквы»* (С.А. Есенин Е.И. Лившиц, 8 июня 1920 г., Москва) [Есенин 1999: 110]. Иначе говоря, в этом исходном положении важны два условия. Во-первых, мы рассматривали частное письмо как продукт речевой деятельности, имеющий какие-то специфические признаки. Ранее был сформулирован тезис о том, что письмо – это и процесс, и результат, что, по нашему мнению, следует строго разграничивать, указывая, о какой ипостаси эпистолярная идёт речь. В данном случае, на данном этапе исследования изучению подвергается письмо как результат эпистолярной коммуникации, как речевое произведение. Во-вторых, коммуникация, в результате которой создаётся частное письмо, – это необходимая, вынужденная мера при

недоступности иных способов коммуникации с адресатом: *«Жаль, что я не люблю писать письма. Я бы все вылил, что чувствовал»* (С.А. Есенин Г.А. Панфилову, 16 марта – 13 апреля 1913 г., Москва) [Есенин 1999: 33–35]; *«Я, признаться сказать, не люблю писать письма, читать их люблю»* (С.А. Есенин М.П. Бальзамовой, 9 февраля 1913 г., Москва) [Есенин 1999: 30–32] и др. Поясним: письма, написанные в условиях, когда возможен иной канал коммуникации, например, телефонная связь, телеграф и др., отличаются от писем, созданных в отсутствие иных каналов коммуникации, так как часть информации передаётся этими иными каналами. Другое дело, когда коммуниканты не имеют возможности передать всю запланированную информацию иначе, чем частным письмом. Это не означает, что письмо более позднего периода его существования, вступая в конкуренцию с входящими в обиход телефонным разговором, телеграммой и т.д., не является частным, но в аспекте нашего исследования целесообразно сосредоточить внимание именно на том материале, который во всей полноте демонстрирует особенности трансляции информации, как рациональной, так и эмоциональной.

В данном параграфе на примере анализа эпистолярия С.А. Есенина показаны критерии отбора материала исследования. Дело в том, что, как уже ранее отмечалось, чёткого перечня признаков частного письма, который можно было бы использовать для отбора речевых произведений как частных писем, нет. Разноаспектное изучение феномена частного эпистолярия позволило так или иначе выделить эти специфические черты, теперь их систематизация даст возможность составить этот перечень критериев и применить ко всему материалу. Это особенно важно для обеспечения достоверности результатов работы, так как в качестве эпистолярия публикуются разнородные речевые произведения, такие как письма, в том числе официальные, неофициально-деловые, а также телеграммы, записки и т.д. Обращение к эпистолярию С.А. Есенина не случайно: по нашему

мнению, это именно тот материал, который наиболее наглядно и качественно позволит продемонстрировать функциональность выявленного реестра признаков частного письма, так как есенинский эпистолярный представлен не только частными письмами, но и другими произведениями. Кроме того, именно на «замкнутом» материале можно отчетливее проследить эффективность и применимость предлагаемых нами критериев. Важно и то, что Есенин «не предназначал свои письма для публикации» [Есенин 1999: 237]. Итак, основываясь на результатах осмысления особенностей частного письма, его свойств как жанра естественной письменной речи, а также его лингвофилософских, психо- и социолингвистических аспектах, представим критерии выделения частного письма, поиск которых привёл к необходимости выйти за пределы лингвистики текста и рассматривать коммуникативно-прагматическую ситуацию, в которой создаётся частное письмо.

Первым необходимым условием возникновения частной эпистолярной коммуникации становится *дистантность* расположения коммуникантов. Мы уже приводили в пример искусственно созданное условие в «Переписке из двух углов» Иванова и Гершензона, не позволяющее осуществлять прямую коммуникацию, что подчёркивает важность и первостепенность данного критерия. В осмыслении степени применимости выявляемых критериев приходим к необходимости обозначить его формальный показатель. В данном случае указание на местонахождение коммуникантам оказывает я таким формальным показателем. Опубликованы письма Есенина из Константиново, Москвы, Баку, Царского Села, Ростова-на-Дону, Минеральных Вод, Ташкента, Брюсселя, Нью-Йорка и др. При условии, если коммуниканты имеют возможность прийти друг к другу, например, проживают в одном городе, то речевое произведение, даже созданное с соблюдением коммуникативной структуры частного письма, скорее, можно отнести к запискам: *«Гришунчик милый! Прости, что не дождались. Дело в*

том, что сегодня в 3 часа уезжает Анна Ивановна. Ждем тебя на дому» (С.А. Есенин Г.Б. Шмерельсону, 14 июля 1924 г., Ленинград) [Есенин 1999: 169]. Дистантность вступает в корреляцию с другим параметром, временным. Цель анализируемого речевого произведения – передать максимально сжато некоторую информацию, актуальную в течение определённого, в данном случае указанного в нём, промежутка времени. Безусловно, коммуниканты, теоретически, могут проживать или находиться в одном городе, но не иметь возможности увидеть друг друга на протяжении длительного времени в силу непреодолимых обстоятельств, например, болезни одного из коммуникантов или обоих. В таком случае перед нами будет специфическое преломление указанного критерия, требующее более внимательного анализа с привлечением дополнительных сведений экстралингвистического характера.

При осмыслении *функции* частного письма, понимаемой как «роль в реализации целей и задач общения и других экстралингвистических стилеобразующих факторов в той или иной речевой разновидности ее назначения в социуме» [Данилевская 2003: 402], важным становится указание на ведущую, основную функцию данного речевого произведения. А.В. Курьянович, изучая эпистолярный, включающий письма творческой интеллигенции XX века, современные эпистолярные тексты, рекламные, электронные, маргинальные [Курьянович 2013а: 10], резюмирует, что он «представляет полифункциональный тип дискурсивной системы», при этом «ключевой для ЭД (эпистолярного дискурса – К.Н.) является коммуникативная функция (функция общения), эксплицированная во всех жанрово-стилистических разновидностях» [Курьянович 2013а: 18]. Безусловно, частное письмо реализует коммуникативную функцию, удовлетворяя потребность коммуникантов в общении, это своего рода суперфункция, соотносящая частное письмо с многими другими типами речевых произведений, хотя бы с другими типами писем. Ведущими, специфическими для частного письма можно считать, как показывают

наблюдения и выводы исследователей, фатическую и информативную функции, которые в разных актах частной эпистолярной коммуникации могут быть актуальными поочередно или в совокупности. Другими словами, «взаимопроникновение информатики и фатики» [Ковалёва 2001: 427] в эпистолярной коммуникации делает ведущими две функции: фатическую и информативную. Их динамическое взаимодействие является критерием коммуникативно-прагматической ситуации создания частного письма. Информативная функция имеет свои особенности: адресант сообщает не столько о тех или иных событиях, происходящих в жизни адресанта, сколько о своём отношении к ним, рефлексивует, делится чувствами: *«Милый Толя! Чёрт бы тебя побрал за то, что ты вляпал меня в эту историю. Во-первых, я в Ростове. Сижусь у Нины и ругаюсь на чём свет стоит <... > Лёва достал купе, но в таких купе ездить всё равно, что у турок на колу висеть...»* (С.А. Есенин А.Б. Мариенгофу, февраль 1922 г., Ростов-на-Дону) [Есенин 1999: 129–130]. Обратим внимание на средства объективации субъективной информации, среди которых ФЕ *чёрт бы тебя побрал*, *на чём свет стоит* и окказиональная ФЕ *всё равно, что у турок на колу висеть*, являющиеся эффективными эмотивно-оценочными и экспрессивными единицами.

В параграфе 1.1.3. представлено обоснование выделения в качестве одного из основных критерия *приватности* сообщения. Закономерный вопрос о формальных показателях этого критерия может быть решён следующим образом. Формально приватность частного письма обеспечивается 1) наличием конверта, который заклеивается (предполагается, что распечатывает его адресат); 2) указанием на конверте имени адресата, что предписывает иным лицам не вскрывать запечатанный конверт. Подчеркнём, адресант может не придавать особого значения приватности сообщения, но наличие формальных показателей является достаточным основанием усматривать данное речевое произведение как созданное с соблюдением признака «приватность сообщения».

На основании этого параметра можно разграничить частное письмо и написанное на открытке сообщение: *«Печатается по автографу (РГБ), исполненному на **открытке** с почтовыми штемпелями»* [Есенин 1999: 252]. Создавая открытое письмо, адресант предполагает возможность прочтения данного сообщения третьими лицами. Степень секретности сообщения может быть разной, как уже было отмечено, адресант может не стремиться к секретности передачи сообщения, а может, наоборот, предполагать и даже рассчитывать на то, что сообщение, отправленное в конверте и адресованное конкретному адресату, не станет достоянием третьих лиц. Последнее обеспечивает особую откровенность адресанта. Например, в одном из писем С.А. Есенина находим объективацию возмущения, предметом которого становится предположение о том, что содержание переписки стало всеобщим достоянием: *«Начиная после рождества, не я разбиваю нашу любовь, а ты ее загрязнила. Поменее бы тебе доверяться Симам и Марусям и читать каждому мои письма, тогда бы я не стал тебе предлагать разойтись. Ты передо всеми меня, благодаря своей бесхарактерности, осмеяла и зачернила. Ведь это не что иное, как мальчишество; хвалиться тем, что в тебя влюблены, слишком низко и неблагородно»* (20 июня 1913 г., Москва) [Есенин 1999: 46–47]. Таким образом, приватность эпистолярной коммуникации способствует открытости, доверительности, искренности сообщения, но не является единственным фактором, который это обеспечивает.

Осмысление природы частной эпистолярной коммуникации в социолингвистическом и психолингвистическом аспектах привело к выводу о том, что *характер отношений коммуникантов* должен быть учтён в качестве одного из критериев частного письма. Отношения коммуникантов неофициальные близкие, т.е. *дружеские, семейные, любовные* являются основой частной эпистолярной коммуникации. В соответствии с этим можно выделить группы частных писем: дружеские, любовные, семейные. Описание

данного критерия лежит в области социолингвистики и осложняется тем, что невозможно вычлениить формальные показатели, убедительно демонстрирующие наличие или отсутствие данного параметра в анализируемой коммуникативно-прагматической ситуации. Мы опираемся на сведения биографического характера, чаще всего представленные в комментариях к письмам. В нашей работе мы не делаем акцент на разграничение писем по группам, анализируем эмотивную фразеологию частного письма без учёта данного критерия. Дело в том, что выводы относительно представленности эмотивной фразеологии показательны на «замкнутом» материале: информативен качественный и количественный анализ фразеологии писем одного автора.

При выявлении критериев следет учитывать также, что не все события повседневной жизни адресанта становятся предметом эпистолярной коммуникации, а лишь те, которые 1) маркированы его эмоционально-оценочным отношением и / или 2) могут, по мнению адресанта, быть интересными, найти эмоциональный отклик у адресата. Таким образом, *предмет* частной эпистолярной коммуникации – *повседневная жизнь* коммуникантов, а точнее, та субъективная картина мира, которая формируется в сознании адресата и занимает его мысли и чувства. Например, рассмотрим эмоциональное описание впечатлений Есенина о Европе: *«Итак, начинаю. Знаете ли Вы, милостивый государь, Европу? Нет! Вы не знаете Европы. Боже мой, какое впечатление, как бьется сердце... О нет, Вы не знаете Европы! Во-первых, Боже мой, такая гадость однообразия, такая духовная нищета, что блевать хочется. Сердце бьется, бьется самой отчаяннейшей ненавистью, так и чешется, но, к горю моему, один такой ненавистный мне в этом случае, но прекрасный поэт Эрдман сказал, что почесать его нечем. Почему нечем, РАЗЗ-эт-твою, я готов просунуть для этой цели в горло сапожную щетку, но рот мой мал, и горло мое узко»* (С.А. Есенин А.Б. Мариенгофу, не ранее 20 июля – не позднее начала августа

1922 г., Париж) [Есенин 1999: 146]. Как видим, фрагмент объективируемой субъективной картины мира содержит результаты рефлексии по поводу увиденного и пережитого в Европе. Подробнее особенности формирования образа заграницы в письмах Есенина рассмотрены нами в статье [Калёнова 2013б]. Здесь же уместно акцентировать внимание на то, что содержание сообщения, передаваемого посредством частного письма, не отражает результатов зрительного, например, восприятия, перед нами не картины, не виды Европы, а те эмоции, которые адресант испытал, увидев Европу, осмыслив увиденное в координатах собственных ценностей.

Такого же взгляда изнутри на происходящее требует Есенин от своих адресатов: *«Как ты живешь – знаю. Не знаю только того, что ты думаешь. Это меня интересует больше, чем твои пятничные прогулки по морям несоленым»* (С.А. Есенин П.И. Чагину 8 ноября 1925 г., Москва) [Есенин 1999: 227]. Внутренне ощущение адресата, его настроение, эмоциональное состояние – та важная информация, которую хотел бы получить адресант в ответном письме. К слову, современные средства коммуникации, позволяющие мобильно обмениваться информацией, предоставляют возможность предъявить адресату, не всегда предполагаемому, в отличие от письма, тот предмет или явление, которое уже не нужно описывать, адресат видит его своими глазами. При этом адресат лишён возможности получить информацию о тех ощущениях, мыслях, эмоциях, которые вызвали у адресанта эти предметы или явления. Получается, что при видимой открытости всем желающим узнать о жизни человека, закрытой остаётся информация о внутренних переживаниях. Письмо в этом плане оказывается более ценным именно потому, что в нём раскрывается сам человек, его картина мира.

В письмах, которые мы относим к так называемым промежуточным зонам, предмет коммуникации может включать и деловые вопросы, в основном касающиеся литературного творчества самого Есенина или его

адресата, современных им литературных процессов, издательств, и т.д. *«Дорогой Разумник Васильевич! Мне передали, что где-то можно издать в Петербурге мою книгу. Будьте добры, напишите, что это за издательство и на каких основаниях. (Если Вас не затруднит). Деньги были бы мне весьма кстати <...> Кланяйтесь Клюеву. Я посылал ему телеграмму, а он не ответил. Любящий Вас Сергей Есенин»* (С.А. Есенин Иванову-Разумнику, 30 сентября 1918 г., Москва) [Есенин 1999: 102]. Такие произведения отличаются от частных писем, в которых вопросы делового характера занимают лишь малую часть его когнитивно-семантической структуры: *«Как только выйдут «Две поэмы», получите с Ионова 780 руб. и пришлите их мне. Я не брал у него 30 черв<онцев> за «Песнь» и 480 за «36»* (С.А. Есенин, 20 декабря 1924 г., Батум) [Есенин 1999: 195].

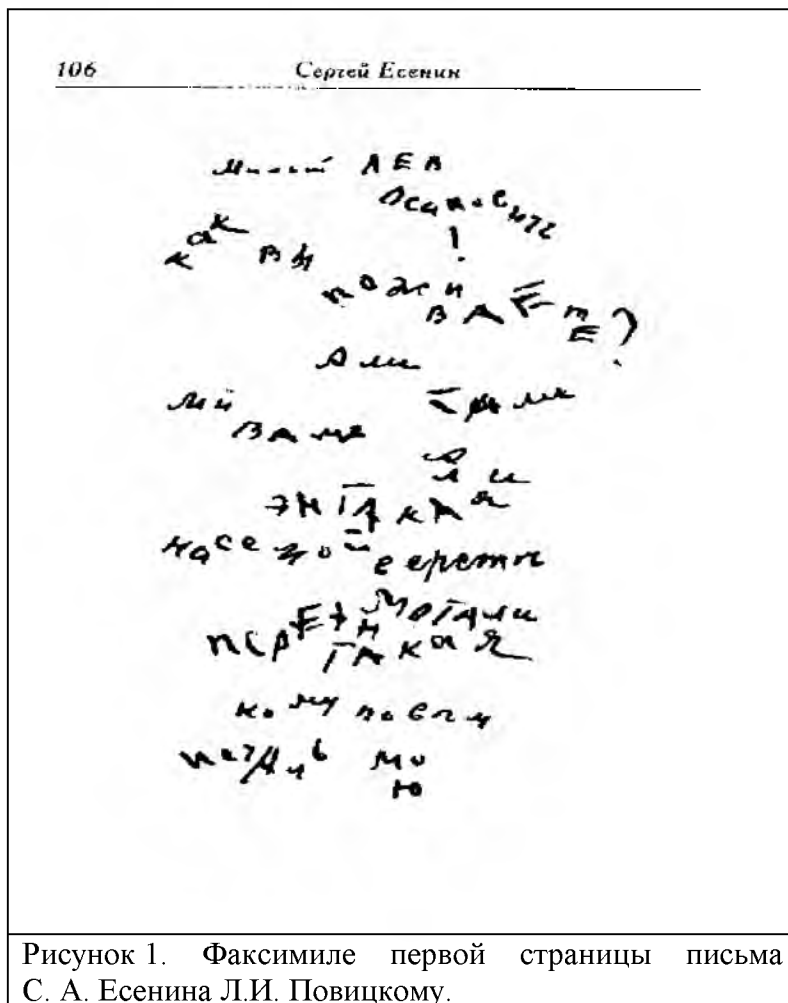
Подтверждением мысли об отражении в письме картины мира адресанта могут быть философские мотивы, звучащие в письмах к другу и единомышленнику Г.А. Панфилову: *«Ох, Гриша! Как нелепа вся наша жизнь. Она коверкает нас с колыбели, и вместо действительно истинных людей выходят какие-то уроды. Условия, как я начал, везде должны быть условия, и у всего должны причины являться следствием. Без причины не может быть следствия, и без следствия не может быть причины»* (С.А. Есенин Г.А. Панфилову, 23 апреля 1913 г., Москва) [Есенин 1999: 35–38]. Такие письма по содержанию и функциям приближаются к дневнику. В них Есенин словно погружается в себя, постигая основы жизнеустройства. Предмет коммуникации в таком случае специфичен, но всё также составляет повседневную жизнь адресанта: они относятся к периоду его увлечения теософией и необудизмом [Есенин 1999: 289]. Вместе с тем автору этих писем нужны поддержка, ощущение духовной близости с адресатом, осознание единомыслия: *«Да, однако, если это тайна, то пусть ей и останется. Но мы все-таки должны знать, зачем живем, ведь я знаю, ты не скажешь: для того, чтобы умереть. Ты сам когда-то говорил: «А все-таки я*

думаю, что после смерти есть жизнь другая». Да, я то же думаю, но зачем она, жизнь? Зачем жить?» (С.А. Есенин Г.А. Панфилову, ноябрь 1912 г., Москва) [Есенин 1999: 24–25]. В приведённом фрагменте очевидна диалогичность сообщения, формально выраженная местоимениями *ты*, вопросительными предложениями, прямой речью, цитирующей слова собеседника. Искренность, исповедальность сочетаются с диалогичностью, что задано предметом коммуникации и её целью.

Рассматривая критерии, на основании которых мы можем осуществить отбор частных писем, следует сказать о таких, казалось бы, само собой разумеющихся и взаимосвязанных характеристиках, как *длительность коммуникативного акта* и *отсроченность сообщения*, что обусловлено, в первую очередь, дистантным расположением коммуникантов. Эти условия накладывают отпечаток на функционирование других: в процессе написания письма происходит глубокая, серьёзная психологическая работа адресанта над собой. О чём написать, какие события произошли в жизни за описываемый период, каково отношение к этим событиям – эти и другие вопросы требуют анализа, пусть и не совсем осознанного: *«Вопрос о том, изменился ли я в чем-либо, заставил меня подумать и проанализировать себя»* (С.А. Есенин Г.А. Панфилову, между 16 марта и 13 апреля 1913 г., Москва) [Есенин 1999: 33–35]. Именно доверие к адресату позволяет ощутить потребность в этом самоанализе, а затем объективировать результаты самоанализа.

При выделении следующего критерия мы исходили и з того, что письмо существует как сообщение, речевое произведение, *зафиксированное на материальном носителе*. Мы рассматриваем письма, написанные на бумаге. Подчеркнём, речь идёт о периоде, когда не было иных способов дистантной коммуникации. С появлением телеграфа и телефона, пока они ещё не были в достаточной мере доступны, частное письмо претерпевает изменения, касающиеся того объёма и качества информации, которое подлежит

объективации. Есенин пользуется телеграфом как каналом коммуникации с целью срочно сообщить о приезде или о необходимости выслать ему денег: «Деньги не пришли Жду шлите телеграфом Есенин» (С.А. Есенин Г.А. Бениславской, до 12 или 13 февраля 1925 г., Батум) [Есенин 1999: 201].

Итак, зафиксированное на письме сообщение несёт информацию не только с помощью вербальных знаков, но и комплекса невербальных. Сама бумага, её качество, почерк, которым письмо написано, расположение букв, рисунки и т.д. – чрезвычайно информативны [Калёнова 2013в].

В письме Л.И. Повицкому (не ранее января 1919 г.) [Есенин 1999: 104] с помощью необычного расположения букв создаётся абстрактный рисунок (рис. 1) [Есенин 1999: 106]: «Возможно, что эта пародия появилась под пером Есенина в результате его знакомства с некоторыми из многочисленных гектографических и автографических изданий А.Е. Крученых, выпущенных им в 1917–1918 гг.» [Есенин 1999: 454]. На второй странице слева по вертикали Есенин написал: «Ско / р / о / я / б / у / ду / вь / Ту / л / Ъ» и лишь затем стал заполнять строки письма по горизонтали [Есенин 1999: 457].

Почерк может свидетельствовать об эмоциональном состоянии автора: «Слишком больно! Прости, что плохо и нечётко пишу» (С.А. Есенин М.П. Бальзамовой, 1 июня 1913 г., Москва) [Есенин 1999: 42]. Есть предположение, что литератор, коллекционер автографов деятелей культуры и графолог К.К. Владимиров составил психологический портрет Есенина, основываясь на анализе почерка, за что Сергей Александрович поблагодарил его в одном из писем [Есенин 1999: 406]. Таким образом, письменный характер сообщения, передаваемого письмом как каналом коммуникации, а также паралингвистические средства в их комплексном взаимодействии друг с другом и с вербальными средствами – один из параметров коммуникативно-прагматической ситуации, в которой создаётся частное письмо.

Теперь следует подвести небольшой итог, подчеркнув, что рассмотренные критерии касаются не текстовых характеристик письма. Это характеристики, координаты ситуации, в которой создаётся частное письмо, охватывающие условия возникновения, характер протекания, цели и функции частной эпистолярной коммуникации. Обратимся непосредственно к тексту частного письма.

Текст частного письма так или иначе привлекал внимания лингвистов [Григорьева 1981; Дзедисова 2010; Кабанова 2004 и т.д.]. Особенно важными в аспекте нашего рассмотрения представляются исследования *коммуникативной структуры частного письма* [Акимова 2009; Ковалёва 2001 и др.]. Учёные выделяют такие важнейшие элементы коммуникативной структуры частного письма как особого типа текста.

1) Зачин, оформленный этикетными формулами приветствия, обращения к адресату: «Милый мой Толёнок!» (С.А. Есенин А.Б. Мариенгофу, 9 июля 1922 г., Останде) [Есенин 1999: 141]; «Дорогой Гриша!» (С.А. Есенин Г.А. Панфилову, февраль-март 1913 г., Константиново) [Есенин 1999: 32]. Затем письмо может быть продолжено

обсуждением написанного в предыдущем письме адресата: *«Маня! После твоего отъезда я прочитал твое письмо. Ты просишь у м<ен>я прощения, сама не знаешь за что. Что это с тобой?»* (С.А. Есенин М.П. Бальзамовой, вторая декада июля 1912 г., Константиново) [Есенин 1999: 10] или *«Дорогая Маня! Благодарю сердечно за твой привет. Я очень много волновался после твоего письма»* (С.А. Есенин М.П. Бальзамовой, 21 октября 1912 г., Москва) [Есенин 1999: 20]. Часто в письмах Есенина зачин отсутствует: письмо М.П. Бальзамовой начинается со слов: *«Не ты во мне ошиблась, а я в тебе. Я не таков, каким ты меня сейчас себе представляешь»* (С.А. Есенин, 20 июня 1913 г., Москва) [Есенин 1999: 46]. Учёные находят взаимосвязь наличия / отсутствия этикетных формул и характера отношений между коммуникантами. Например, «выход» за пределы использования стандартных речевых формул начальных эпистолярных обращений наблюдается в циклах писем Шаляпина, адресованных самым близким людям» [Курьянович 2013а: 37]. Ещё одним условием, в дополнение к названному, является частотность переписки: чем чаще происходит обмен письмами, тем менее обязательными становятся этикетные формулы приветствия.

2) Основная часть письма содержит собственно сообщение, описание каких-либо событий, отношения адресанта к этим событиям.

3) Финальная часть может быть оформлена этикетными формулами прощания. Особенного внимания заслуживает ФЕ *жму руку* в значении *‘Форма мужского прощания при дистантном общении. Форма выражения благодарности, поздравления при дистантном общении’* [ССРЭ 2001: 175], представленная в ЧЭД Есенина. Например: *«Пока жму Ваши руки»* (С.А. Есенин П.М. Денисовой-Соколовой, 17 ноября 1924 г., Тифлис) [Есенин 1999: 186]; *«Крепко жму твою руку. Любящий тебя Сергей Есенин»* (С.А. Есенин В.В. Казину, 28 июня 1924 г., Ленинград) [Есенин 1999: 169] и т.д. Это собственно эпистолярная ФЕ, это ФЕ, возникшая в письме как

способе письменной дистантной коммуникации. ФЕ подвергается С.А. Есениным трансформации: *«Отцу **пожми лапу** и скажи ему, чтоб он погрозил хоть мизинцем Ваське – за то, что он не приходит. Твой С. Есенин»* (С.А. Есенин П.И. Чагину, 8 ноября 1925 г., Москва) [Есенин 1999: 227], подобное встречается в письмах М. Горького и В.П. Астафьева [Акимова 2009].

Финальная часть содержит также подпись отправителя сообщения: *«Итак, ты видишь, все это довольно весело и занимательно, так что мне без труда приходится ставить точку, чтоб поскорей отделаться от письма. О, я недаром говорил себе, что с Гришкой ездить очень весело. **Твой Сергун**»* (С.А. Есенин А.Б. Мариенгофу, апрель–май 1921 г., Самара) [Есенин 1999: 122]; *«Любящий тебя **С. Есенин**»* (Н.К. Вержбицкому, 26 января 1925 г., Батум) [Есенин 1999: 200]; *«С.Е.»* (С.А. Есенин, 22 апреля 1923 г., Париж) [Есенин 1999: 156] и т.д. Подпись также оказывается необязательным элементом коммуникативной структуры письма, например (С.А. Есенин М.П. Бальзамовой, 21 октября 1912 г., Москва) [Есенин 1999: 22].

4) Возможен постскриптум, т.е. часть, следующая за основным текстом письма после прощальных формул и подписи, оформленная (что не обязательно) сокращением P.S., расположенная после финальной части. Так, в письме Есенина Г.А. Бениславской (11–12 мая 1925 г., Баку) [Есенин 1999: 212–214] автор после финальной части письма делает приписку, объективирующую очень важные вопросы делового характера: *«Ну вот пока и всё. Остальное расскажет Муран. Угостите его, он парень оч<ень> хороший. Привет сестрам, Яне, Соне и Наседкину. Люб<ящий> С. Есенин. P. S. Чтоб не было глупостей, передайте Собрание Богомильскому. Это мое решение. Я вижу, Вы ничего не сделаете, а Ионову на зуб я не хочу попадать. С Богомильским лучше. Пусть я буду получать не сразу, но Вы с ним сговоритесь. Сдавайте немедленно. Ионов спятил с ума насчет 2000 р. В-первых, в «Звезде» – «Песнь», я продал избранное маленькое. Ну да ладно,*

это мое дело. Все равно с ним каши не сварить. Катитесь к Богомилскому». Далее следует постскрипtum, оформленный подзаголовком «12 мая»: *«Письмо написал я Вам вчера, когда не было еще консилиума. Мне запрещено пить. С легкими действительно что-то неладно. Предписано ехать в Абас-Туман. Соберите немного денег и пришлите. Я должен скоро туда уехать. После выправки жизнь меняю. С. Е.».* Постскрипtum содержит ту информацию, которая важна, по мнению адресанта, но была забыта в момент написания письма или отсутствовала.

Итак, коммуникативная структура письма оказывается таким критерием, который может быть вариативным. Отсутствие зачина и финальной части письма при сохранении других ранее рассмотренных параметров не является основанием не считать письмо частным. И наоборот, даже при соблюдении всех элементов коммуникативной структуры частного письма речевое произведение не может быть отнесено к частным письмам, если остальные (или хотя бы один) параметры не соблюдены. Написанное в соответствии с коммуникативной структурой частного письма речевое произведение, но отправленное на открытке, не может рассматриваться как частное письмо, так как критерий *приватность сообщения* нарушен. Это существенно в аспекте изучения особенностей трансляции информации вербальными средствами в частном письме, так как нарушение параметров частного письма приводит к изменению и когнитивного блока, т.е. характера той информации, которая подлежит кодированию, и языкового, который обеспечивает выбор языковых средств объективации информации.

Эмотивность как критерий коммуникативно-прагматической ситуации, в которой создаётся частное письмо, будучи взаимосвязанной с другими его свойствами, проявляется в том числе на уровне текста, реализуясь в эмотивном компоненте лексических единиц и ФЕ: *«Прости меня, Маня, за такое холодное письмо, я в негодовании на них. Ох, Маня! Тяжело мне жить на свете, не к кому и голову склонить, а если и есть, то такие лица от меня*

всегда далеко и их очень-очень мало, или, можно сказать, одно или два» (С.А. Есенин М.П. Бальзамовой, конец июля 1912 г., Константиново) [Есенин 1999: 11–12]. Эмотивность частного письма обусловлена состоянием адресанта в период написания письма: *«Печальные сны охватили мою душу. Снова навевает на меня тоска угнетенное настроение. Готов плакать и плакать без конца. Все сформировавшиеся надежды рухнули, мрак окутал и прошлое и настоящее»* (С.А. Есенин Г.А. Панфилову, август – начало (?) сентября 1912 г., Москва) [Есенин 1999: 16–17], а также доверительным отношением к адресату, например, другу Г.А. Панфилову, как в предыдущем примере.

Информация об эмоциях, которые переживает адресант, кодируется комплексом средств, вербальных и невербальных, а адресат декодирует сообщение, вычлняя эту информацию. Если при личном, непосредственном общении, помимо вербальных, в кодировании принимают участие и мимика, и жесты, то частное письмо имеет ограничение, связанное с письменным и отсроченным характером канала коммуникации. А главное, в процессе декодирования невозможно оперативно задать вопросы уточняющего характера, позволяющие участникам коммуникации скорректировать результаты декодирования. В этом аспекте интересным представляются два письма С.А. Есенина Г.А. Панфилову. В первом из них (9 или 10 декабря 1912 г., Москва) [Есенин 1999: 26] содержится условно три микротемы: 1) упрёк за отсутствие писем: *«Что же Вы там спите! Пора, я думаю, ответить. Как, сполна получили, а? Слушай, Гриша, с твоей стороны очень нехорошо, что ты мне в течение 12+9 дней не писал, как говорится, ни капли. Э!!! Милостивый г..., не по правилам»;* 2) сообщение о Павлове и желании познакомить Панфилова с ним: *«Слушай, Гриша. Я писал тебе когда-то о г. Павлове. Теперь, со твоего, сударь, соизволения, могу я вас через письма познакомить. Этот го<споди>н оч<ень> желает поближе сойтись с нами, потому что убеждения его во многом сходны с нами. Кроме*

того, он вегетарианец, умеет затронуть кое-какие вопросы. Вообще, человек полного уразумения»; 3) новость о том, что автор письма бросил курить: *«Кроме всего, я сообщаю тебе велию новость. Одержимый, так сказать, бесами, я когда-то, тебе известно, испускал из своих уст и ноздрей дым кадильный сатаны; теперь же, благодаря сему Павлову, я бросил сию пакость. Я дал оному слово, «а давши слово – крепись».*

Ответное письмо Г.А. Панфилова не известно. Но в следующем письме С.А. Есенина (середина декабря 1912 г., Москва) [Есенин 1999: 26–28] есть указание на то, что Панфилов объективировал в своём ответе результаты неверного декодирования предыдущего сообщения: *«Прежде всего, лучше истина, чем лицемерие: ты думаешь, ты прав с своими укоризнами? Тебя оскорбило то, что я сказал: «Что вы спите». Но ведь ты лучше почитаешь истину и искренность. Знай же: я это чувствовал и сказал. Я и всегда говорю, что чувствую. Что ты подозреваешь в этих словах? Если что-либо дурное, то я говорю тебе нет! Если тебе это кажется грубо, то прости, я извинения просить не буду. Я сказал искренно, так, как сказал бы всякий мужик, видя, что мешкают». Ответственность за коммуникативную неудачу, по мнению автора, лежит на адресате: «Если что-либо и встретилось в моем письме, затрагивающее струны твоей души, то знай, я не отвлеченная идея (какая-либо), а человек, не лишенный чувств, и недостатков, и слабостей. Вина не моя, что ты нашел оскорбление в моем письме, – вина твоя, что ты не мог разобрать <...> Не я тебя оскорбил, ты сам себя и меня, и меня до обидных слез» [Там же].*

Реакция на письмо Панфилова есть отражение ситуации в развитии отношений коммуникантов: *«Хочешь быть идеалистом и противником общества, а сам строго соблюдаешь все светские приличия и рад за них подорвать все основы дружбы. Теперь уже не дружба, а жалкие шатающиеся останки, которые, может быть, рухнут при малейшем противоречии» [Там же]. Размолвка между Есениным и Панфиловым вскоре*

была улажена, что явствует из их дальнейших писем [Есенин 1999: 278], что свидетельствует о том, что коммуниканты устранили основные противоречия, вызывающие негативные эмоции в общении друг с другом. Перекладывая ответственность на Панфилова, Есенин обозначает важный момент в эпистолярном взаимодействии: адресат должен был исходить из того, что адресант просто не может желать обидеть адресата. Ещё одна ключевая позиция в анализируемом фрагменте актуальна в свете задач нашего исследования: *«Вина не моя, что ты нашел оскорбление в моем письме, – вина твоя, что ты не мог разобрать»*. В этом фрагменте подчёркивается роль процесса декодирования, ответственность не только автора письма, создающего текст, но и получателя сообщения, создающего смысл этого текста.

Следует отметить, что такая характеристика речевого произведения, как его *объём*, не может быть определяющей для частного письма. Даже очень маленькое речевое произведение может быть определено как частное письмо, если все параметры соблюдены. Маленький объём письма может быть обусловлен тем, что автор не любит писать письма или другими условиями: *«Нет времени. Объясн<ю> после»* (М.П. Бальзамовой, после 18 августа 1912 г., Москва) [Есенин 1999: 14–15].

Рассмотренные учёными *диалогичность* письма, *разговорность*, *политематичность* [Ковалёва 2002: 365 и др.] являются маркирующими текст письма, которое представляет собой письменную форму разговорного стиля. Поэтому выделяем в качестве отдельных критериев, характеризующих текст частного письма. При этом указанные критерии имеют важное значение для понимания природы эмотивности ЧЭД. В когнитивно-дискурсивном ракурсе политематичность, являющаяся одной из важнейших черт письма [Силаева 1999: 10], предстаёт как реализация реестра смыслов, составляющих когнитивное пространство, транслируемое средствами ЧЭД. Важными оказываются не только характер наполнения этих тем, но и их

взаиморасположение, так как оно отражает движение и порядок мысли адресанта. Эмоциональная информация может быть «распределена» в структуре ЧЭД неравномерно, этот аспект эпистолярия ещё не изучен, хотя именно в организации эмоциональной информации в ЧЭД могут быть обнаружены закономерности психологии личности пишущего.

Диалогичность письма проявляется в том, что «информационные сгущения», транслируемые в предыдущих актах эпистолярной коммуникации, так или иначе находят отражение в данном ЧЭД. Эмоциональная информация может быть спровоцирована какой-либо информацией, объективированной в предыдущем письме. Разговорность как параметр частного письма интересна в аспекте нашего рассмотрения тем, что этот параметр задаёт выбор языковых средств по их стилистической окраске. В частности, используется нейтральная или стилистически сниженная фразеология, а употребление книжных ФЕ чаще связано с реализацией контекстуальных эмотивных смыслов, объективирующих эмоцию иронии.

Таким образом, нами выделены критерии, характеризующие как коммуникативную ситуацию, в которой создаётся частное письмо, так и текст частного письма. Иначе говоря, выделяем критерии 1) внетекстовые, обусловленные самой коммуникативной ситуацией, в которой создаётся текст частного письма; и 2) текстовые параметры, связанные с функционированием единиц в тексте частного письма. Критерии первой группы обязательны в своей совокупности: 1) дистантность общения; 2) приватность сообщения; 3) характер отношений коммуникантов (семейные, дружеские, любовные); 4) ведущие функции – фатическая и информативная; 5) предмет коммуникации – повседневная жизнь в её субъективном восприятии коммуникантами; 6) длительность коммуникативного акта (от момента кодирования до момента декодирования) и, соответственно, отсроченность передачи сообщения; 7) сообщение зафиксировано на материальном носителе (бумаге). Критерии

второй группы могут быть нарушены, трансформированы, иначе говоря, вариативны: 1) элементы коммуникативной структуры текста частного письма; 2) эмотивность текста; 3) диалогичность; 4) разговорность; 5) политематичность. По своей уникальности признаки могут быть интегральными (например, дистантное расположение коммуникантов характерно и для частного неофициального письма, и для телеграммы) и дифференциальными (адресованность конкретному адресату отличает частное письмо от дневника как автокоммуникации) одновременно: приватность – интегральный (общее с таким речевым произведением как дневник) и дифференциальный (телеграмма как способ коммуникации предусматривает, что содержание сообщения становится известным как минимум двум третьим лицам, а именно операторам, передающим это сообщение). Иначе говоря, признаки, на основе которых следует выделить частное письмо, действительно в своей совокупности.

На основе соответствия анализируемого речевого произведения этим критериям можно сделать вывод о том, является ли оно частным письмом, учитывая обязательность критериев первой группы и вариативность критериев второй. Так, например, из 259 речевых произведений, опубликованных как эпистолярный С.А. Есенина [1999], 104 являются частными письмами. Остальные представляют собой неофициальные деловые письма, записки, открытки и телеграммы.

1.2.2. Понятие частного эпистолярного дискурса

Прагматическая функция частного письма была обозначена ещё в античных теориях [Белунова 2000: 6], а в письмовниках и руководствах по написанию частных писем XVII–XIX вв. были сформулированы рекомендации по соблюдению требуемой структуры, по эффективному воздействию на адресата: «Если нужно приготовить читателя к сообщаемому нами известию, то должно обращать внимание не столько на самый предмет,

сколько на *действие* (выделено нами – *К.Н.*), которое сообщаемое известие произведет» [Греч 1819, цит. по: Ковалёва 2002: 52]). Как видим, прагматический аспект эпистолярия исподволь выделяется как один из основных в функционировании и в самой его предназначенности уже на самых ранних этапах осмысления природы этого феномена.

Анализ предпринятых изысканий позволяет сделать вывод, что учёные, работая в самых разных направлениях, так или иначе касались проблем когнитивно-прагматического статуса частной эпистолярной коммуникации. Письмо – «словесно выраженное знание внешнего мира», «знаковое отображение индивидуальной картины мира» [Ковалёва 2002: 133], поэтому при изучении частного письма исследователи неизбежно сталкиваются с тем, что находится «за» текстом. Эпистолярий как «разновидность исторически обусловленной дискурсивной практики» находится «в тесной зависимости от комплекса экстралингвистических факторов» [Курьянович 2013а: 12]. Именно когнитивно-прагматический подход может обеспечить комплексное изучение этой взаимосвязи текста частного письма, являющегося элементом ЧЭД, и других составляющих ЧЭД.

Вслед за Н.Ф. Алефиренко, считаем, что когнитивно-прагматическая субпарадигма открывает новые горизонты лингвистического знания, при этом «в эпицентре исследования оказывается *коммуникативное событие* (выделено нами – *К.Н.*) в синергетическом единстве всех его составляющих: говорящего, слушающего, их личностных и социальных характеристик, а также суггестивных аспектов словесно-художественного воплощения коммуникативной ситуации и дискурсивной интенциональности» [Алефиренко 2011: 26].

Наше видение частного письма сквозь призму когнитивно-прагматической субпарадигмы совпадает с концепцией Т.А. ван Дейка, считавшего дискурс «сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с

помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» [Дейк 1989: 122]. Иными словами, исследование ЧЭД базируется на положениях когнитивно-прагматической субпарадигмы (См. работы [Алефиренко 2011; Семененко 2011; Перехватова 2011; и др.]), на мощной методологической базе когнитивистики, лингвопрагматики и смежных, комплексных, изысканий [Кубрякова 2004; Арутюнова 1990; Демьянков 1994; Болдырев 2004 и др.].

Механизм объективации в ЧЭД «информационного сгущения» [Алефиренко 2011: 21], являющегося частью концептосферы личности адресанта, оказывается в центре когнитивно-прагматического исследования. Например, в письмах М.О. Меньшикова родным содержание транслируемого «информационного сгущения» носит смешанный характер. Рациональное – *«В бумажнике было 2 393 р. 63 к., принятые под кв. номер 195 от 14 сентября 1918 г.»* (3 сентября 1918 г., тюрьма) [Меньшиков 1993: 228] – переплетено в ЧЭД с эмоциональным – *«Дорогая, сердечная моя Манюшка. Спасибо за утешения и заботы. Жив и здоров, но тяжело на сердце»* (5 сентября 1918 г., тюрьма) [Меньшиков 1993: 229].

Цикл писем М.О. Меньшикова включён как коммуникативное событие в ситуацию ареста и казни М.О. Меньшикова. Реконструкция событийного плана ситуации возможна на основе воспоминаний его жены, М.В. Меньшиковой: *«Тихо и скромно жили мы в Валдае. Наш достаток, плод долговременного, неустанного труда мужа, исчез как дым. Мы стали почти нищими. Все заработанное мужем отняли, отняли и все, что он мог бы еще заработать, т. к. перестали печатать написанное им. Трудно было сводить концы с концами <...> Детей у меня было шестеро, мал-мала меньше, и я ожидала седьмого. Муж учил их, гулял с ними и ходил на службу. Я хлопотала о пропитании семьи, стряпала, хозяйничала. Все возрастающая дороговизна и угроза голода тревожили меня из-за бедных ребятшек»* [Меньшикова 1993: 239].

В этом описании интересно то, что адресат эпистолярных посланий объективирует тот «информационный фон», на который впоследствии накладывается информация о событии, ситуации ареста и казни Меншикова. Нужно учитывать при этом, что воспоминания написаны после окончания события, это результат его переосмысления. Таким образом, адресат вычленяет «информационный фон» до-события, оформляя чёткую границу: *«Но вот неожиданно-негаданно 1 сентября, в субботу, в половине восьмого утра к нам вторгаются четыре солдата и один штатский»* [Там же]. Реалии окружающей человека действительности объективно происходят, затем, становясь объектом восприятия человеком, получают то или иное отражение в его сознании.

Материалы к биографии М.О. Меншикова включают его дневник, в котором последняя запись датируется 31 августа/ 13 сентября 1918 г., т.е. накануне ареста; письма из тюрьмы, охватывающие время от первых часов его пребывания в тюрьме до последних, на письмах указывались дата и время написания, иногда было несколько посланий в день; воспоминания М.В. Меншиковой «Как убили моего мужа ... » [Меншиков 1993]. Безусловной ценностью опубликованных материалов к биографии Михаила Осиповича Меншикова является чуть ли не ежедневное освещение тех событий, которые в жизни этого человека и его семьи, страны в целом происходят. Интересно в аспекте когнитивно-прагматического анализа именно то, что, авторы не просто констатируют факты (хотя и в том, *что* именно, *какие факты* действительности нашли отражение в сознании, проявляются особенности личности), они рефлексуют, вербализуя субъективное в этом восприятии.

До-событие, каким оно было в сознании М.О. Меншикова, объективировано подробным дневником. Подчеркнём, необходимо учитывать, что перед нами результат вербального воплощения авторефлексии. Иначе говоря, автор дневника пытается зафиксировать свои

мысли и чувства, пользуясь для этого вербальным кодом. Обратимся к записи, датируемой 31 августа / 13 сентября 1918 г., последней в дневнике, объективирующей, например, эмоциональное состояние Меньшикова накануне ареста: «*Проснулся в глубоком унынии*» (31 августа / 13 сентября 1918 г.) [Меньшиков 1993: 220].

Сравним, как объективируется одна и та же информация в воспоминаниях Меньшиковой и в дневниках Меньшикова (табл. 3.).

Таблица 3.		
Пресуппозиция	Кодирование М.О. Меньшиковым в дневнике	Кодирование М.В. Меньшиковой в воспоминаниях
<p>признаки, об изменении здоровья</p> <p>свидетельствующие о состоянии М.В. Меньшиковой.</p> <p>Есть</p>	<p><i>«Но вот ужас, если бедная М. Вл. беременна или больна какой-то опухолью живота (грыжа? киста? рак?). Сегодня она едва ноги волочит от страшной слабости. Незаметно подкрадываются к нам все демоны, от которых хранит Господь. Жив ли Ты, Отец Небесный? Мир, давший и поддерживающий во мне жизнь, неужели Ты не можешь поддержать меня еще немножко?»</i></p> <p>(31 августа / 13 сентября 1918 г.) [Меньшиков 1993: 220].</p>	<p><i>« ... я ожидала седьмого»</i></p> <p>[Меньшиков 1993: 239].</p>

Презентация информационного фона до-события оформлена М.В. Меньшиковой после совершения события, т.е. ареста и казни её мужа. На тот момент, который описан в воспоминаниях, их автор, очевидно, такой информацией не владела, также как и её супруг. Индивидуальные картины мира коммуникантов гораздо объёмнее того информационного поля, который подлежал объективации в дневниковых записях или воспоминаниях. Поэтому можно говорить лишь о фрагментах индивидуальных картин мира, реконструируемых по данным источникам личного происхождения.

Индивидуальная картина мира языковой личности адресанта – плацдарм поля, содержащего те «информационные сгущения», которые транслируются ЧЭД в когнитивный блок, отражающий результаты декодирования сообщения адресатом. Это информационное поле – своеобразная вытяжка тех когнитивных структур, которые в психологическом плане актуальны для адресанта на данный момент, в момент ЧЭД как процесса. Так, когнитивная структура СМЕРТЬ / ГИБЕЛЬ, ОЖИДАНИЕ ГИБЕЛИ реализует пресуппозицию «Возможна скорая гибель» (табл. 4):

Таблица 4.		
Пресуппозиция	Кодирование М.О. Меньшиковым в дневнике	Кодирование М.В. Меньшиковой в воспоминаниях
Возможна скорая гибель	<p>«7 июля — и мы еще живы. Как не поверить в промысл Божий. Но тот же промысл других губит, и тебя не предохранил от расхищения всего твоего имущества, от нищеты, от рабства на старости лет, от горечи видеть детей босыми и голодными, ездящими, как вчера, в монастырь за подаванием ломтя хлеба. <...> Ясно, что остается три выхода: или умирать, или ждать поворота к миру, или бежать куда-нибудь в южные или восточные более хлебные страны» (7 /20 июля 1918 г.) [Меньшиков 1993: 169]. Или: «Когда-нибудь помирать надо. Книга моей жизни не так уже захватывающе интересна, а утомительную книгу бросают, обыкновенно не дочитав. Только с детьми жаль расстаться и страшно по их беспомощности» (9 /22 июля 1918 г.) [Меньшиков 1993: 171].</p>	<p>«Наш достаток, плод долговременного, неустанного труда мужа, исчез как дым. Мы стали почти нищими. Все заработанное мужем отняли, отняли и все, что он мог бы еще заработать, т. к. перестали печатать написанное им. Трудно было сводить концы с концами. <...> Детей у меня было шестеро, мал-мала меньше, и я ожидала седьмого. Муж учил их, гулял с ними и ходил на службу. Я хлопотала о пропитании семьи, стряпала, хозяйничала. Все возрастающая дороговизна и угроза голода тревожили меня из-за бедных ребятишек» [Меньшиков 1993: 239].</p>

Рассмотрим теперь, как эта когнитивная структура вербализована в ЧЭД М.О. Меньшикова. Мысли о приближающейся гибели объективированы уже в первом письме из тюрьмы: «*О вас, милые, будет **последняя мысль** моя, вспоминайте и вы меня изредка. Хотел бы, чтобы, если настанут лучшие времена, кто-нибудь выбрал бы лучшие мои статьи, рассортировал бы их и издал. Целую крепко Яшу, Ольгу Александровну и Лидию Ивановну. Всем друзьям привет. Пусть, кто лишь немного ценит меня, поможет вам. Сама знай, и передай детям, что если **суждено** мне умереть, то совершенно невинным. <...> Родные мои, **прощайте**. Еще не вполне потеряна надежда, что мы увидимся, но если **не даст мне Господь этого великого счастья**, то что же делать. Будь мужественна и всю любовь твою обрати на детей» (1 / 14 сентября 1918 г., тюрьма) [Меньшиков 1993: 227].*

Транслируемое информационное сгущение эмоционально – это информация о чувствах, которые адресант испытывает: «*Жив и здоров, но **тяжело на сердце**. Сегодня жду решения. Верь, что ты и дети – вся жизнь моя, и за гробом, если есть жизнь, то вся с вами и в вас*» (5 сентября 1918 г., среда, тюрьма) [Меньшиков 1993: 229]. Ср.: «*Пока жив и здоров, но **тяжело на сердце***» (6 / 19 сентября 1918 г., четверг, тюрьма) [Меньшиков 1993: 230]. Эмотивная ФЕ *на сердце (тяжело)* от *на душе (на сердце) (у кого)* в значении ‘*В мыслях и в настроении у кого-либо*’ [ФСРЛЯ 1: 223] полиэмотивна (*радостно, легко, спокойно, грустно, тяжело, горько, тревожно* и т.п.) с когнитивно-семантическим ограничением, обеспеченным дискурсом объективируемой ситуации и впоследствии контекстом письма, в пределах репертуара вербализуемых негативных эмоций.

Объективируемое когнитивное образование, которое сложно номинировать одной языковой единицей даже в метаязыковых целях, имеет признаки, реконструкция которых возможна по данным всех источников личного происхождения. Остановимся на признаках, которые можно реконструировать, опираясь на ЧЭД. По когнитивной структуре это

информационное сгущение определяется нами как концепт. Термин *концепт* служит «объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*linguamentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания» [КСКТ 1997: 90].

В таблице представлены признаки некоторого концепта, условно обозначим его X, которые возможно вычлениить в результате анализа контекстов, объективирующих этот концепт (табл. 5).

Таблица 5.		
	Признаки концепта	Контексты
Концепт X.	X – ‘самое худшее, что может случиться’	<i>«Береги себя, родная, ради Христа, умоляю тебя. Сообрази все сама, как лучше сделать, ввиду вероятности всего самого худшего»</i> (4 сентября 1918 г., вторник, утро, тюрьма) [Меньшиков 1993: 229].
	X – ‘отсутствие жизни, иницируется / производится некими третьими лицами’	<i>«Не унывай, дорогая, лишь бы жизнь оставили, а там воля Божия»</i> (5 сентября 1918 г., среда, 2 часа дня, тюрьма) [Меньшиков 1993: 229].
	X вызывает эмоции у адресата (ожидание X – уныние; факт X – скорбь).	<i>«Не унывай, дорогая, лишь бы жизнь оставили, а там воля Божия»</i> (5 сентября 1918 г., среда, 2 часа дня, тюрьма) [Меньшиков 1993: 229]. <i>«Ты не волнуйся, дорогая Манюша, перетерпи скорбь»</i> (6 / 19 сентября 1918 г., четверг, 3 часа дня, тюрьма) [Меньшиков 1993: 232].
	X – это [конкретизатор] ‘расстрел’.	<i>«Всего же вероятнее, подведут под расстрел»</i> (6 / 19 сентября 1918 г., четверг, тюрьма) [Меньшиков 1993: 231].
	К X возможно / нужно подготовиться.	<i>«Я, сколько могу, приготавлиюсь к смерти и довольно спокоен, только жаль ужасно</i>

Сама Х не вызывает эмоций (спокойствие) у адресата	<i>вас, моих милых и дорогих. Как-то ты бьешься там, милая страдальца»</i> (6 / 19 сентября 1918 г., четверг, тюрьма) [Меньшиков 1993: 231].
Эмоцию жалости вызывает то, что дети и жена останутся в тяжёлом положении, беззащитными в случае наступления Х.	« <i>Умирал бы спокойно, если бы знал, что вы счастливы, но почему-то Бог излил на меня ярость свою, и я гибну в сознании, что я оставляю вас всех в тяжком и беспомощном положении»</i> (6 / 19 сентября 1918 г., четверг, 3 часа дня, тюрьма) [Меньшиков 1993: 232].
События происходят в последний раз.	« <i>... я доживаю последние мои часы. Ты не волнуйся, дорогая Манюша, перетерпи скорбь и после моей смерти мужественно защищай семью от гибели сама, как умеешь»</i> (6 / 19 сентября 1918 г., четверг, 3 часа дня, тюрьма) [Меньшиков 1993: 232].
	« <i>Сейчас звонят к вечерне. Последний звон мой в моей жизни. Слышите ли вы его?»</i> (6 / 19 сентября 1918 г., четверг, 3 часа дня, тюрьма) [Меньшиков 1993: 232].
	« <i>Целую тебя, дорогая Маня, возвращаю кольцо обручальное и последние мои гостинцы для вас. Милые мои, бесценные. Прощайте»</i> (6 / 19 сентября 1918 г., четверг, 3 часа дня, тюрьма) [Меньшиков 1993: 232].

Признаки совпадают с традиционно выявляемыми в концепте СМЕРТЬ [Латкина 2009; Осипова 2005 и др.], но обнаружен существенный признак индивидуального концепта – ‘Тревога за детей, их будущее’, как эмотивный компонент концепта. Следует отметить и существенные конкретизаторы: смерть – это ‘Гибель’ / ‘Расстрел’ / ‘По инициативе некоторой группы людей’. Таким образом, транслируемый индивидуальный концепт СМЕРТЬ, в котором актуальна информация эмоционального характера, объективируется на протяжении всего цикла писем. Один и тот же когнитивный признак подлежит вербальному кодированию либо одной языковой единицей (например, номинирующая концепт лексема *смерть*), либо разными единицами (лексемы *(не) унывать*, *(не) волноваться*, *скорбь* в объективации эмоционального состояния адресата).

Пользуясь уникальной возможностью, а именно наличием материала трёх видов источников личного происхождения, сопоставим текст одного из писем и описание ситуации получения и прочтения письма в воспоминаниях М.В. Меньшиковой (табл. 6.).

Таблица 6.	
Письмо М.О. Меньшикова.	Воспоминания М.В. Меньшиковой.
<p>«Сейчас звонят к вечерне. Последний звон мой в моей жизни. Слышите ли вы его? Слышите ли вы меня, мои любимые. Если есть за гробом жизнь, она вся будет наполнена мыслью о вас. Целую тебя, дорогая Маня, возвращаю кольцо обручальное и <u>последние мои гостинцы</u> для вас» (6 / 19 сентября 1918 г., четверг, 3 часа дня, тюрьма) [Меньшиков 1993: 232].</p>	<p>«В этот же день сын Савина принес мне пакетик от мужа, это было утром. Развернув его, я выронила из бумаги обручальное кольцо и <u>испугалась</u>. Муж возвращал мне кольцо. Мне стало <u>жутко</u> и <u>страшно</u>. <u>Задыхаясь от волнения</u>, я стала читать. Муж посылал прощальное письмо мне, детям, бабушке, друзьям и близким людям, любившим его, ценившим его. <...> Читая и разглядывая присланное, мы <u>горько плакали</u>. Долго не смолкали в нашей комнате <u>стоны и рыдания</u>. Мама старалась утешить нас и говорила, что муж по своей мнительности, может быть, преувеличивает опасность и напрасно только расстраивает себя и нас. Неужели не спасти его. Неужели правда перед ним смертельная опасность...» [Меньшиков 1993: 243–244].</p>

Как видим, обручальное кольцо, предмет, выступает невербальным знаком, провоцирующим эмоциональное состояние адресата. Результатом декодирования знака становится эмоциональная реакция, вербализованная лексемами *испугаться, жутко, страшно, волнение*. Далее Меньшикова кратко излагает суть письма: М.О. Меньшиков прощается со всеми. Внешнее проявление эмоциональной реакции, вызванной ЧЭД в совокупности его вербальных и невербальных средств, – «*стоны и рыдания*». Таким образом, пресуппозиция «возможна скорая гибель (адресанта)», принадлежащая сознанию адресанта, становится актуальной, реальной для адресата. В воспоминаниях нет прямого указания, насколько М.В. Меньшикова была уверена в спасении мужа, но она до последнего делала всё, что возможно, чтобы его вызволить из заключения. Концепт транслируется посредством

комплекса вербальных и невербальных средств, содержит рациональную и эмоциональную составляющие.

Итак, когнитивно-прагматическая природа частного письма заключается в самой предназначенности эпистолярной коммуникации, а именно в том, что посредством письма адресант транслирует некоторое «информационное сгущение» в концептосферу адресата. В когнитивно-прагматическом аспекте ЧЭД рассматривается как акт трансляции этого информационного сгущения из одной концептосферы в другую. ЧЭД, таким образом, – это коммуникативное событие, акт взаимодействия участников частной эпистолярной коммуникации, акт трансляции информации (рациональной и эмоциональной).

ЧЭД – это отсроченное коммуникативное *событие*, происходящее при условии дистантного расположения двух (как минимум) коммуникантов, находящихся в близких отношениях (семейных, дружеских, любовных); предполагающее приватность передачи сообщения, зафиксированного на бумаге; выполняющее информативную и фатическую функции; предметом данного коммуникативного события выступает повседневная жизнь в её субъективном восприятии коммуникантами.

Выводы по Главе 1.

Обратившись к истории изучения эпистолярия в лингвистике, мы пришли к выводу, что частное письмо всё активнее привлекается в качестве материала для изучения речевой реализации языковых единиц и явлений. Сопоставительный анализ языкового своеобразия эпистолярия и художественных произведений одной языковой личности; осмысление билингвизма как речемыслительной деятельности и факторов, влияющих на выбор языкового кода в письмах российских дворян; интерес к гендерному аспекту частной эпистолярной коммуникации; экспериментальное изучение частного письма с позиций психофизиологии; жанроведческие изыскания;

внимание к тексту частного письма сквозь призму коммуникативной стилистики и другие изыскания – всё это, с одной стороны, пополняет знание о частном письме. Наиболее интересными в аспекте поставленной в данной главе цели оказались работы Н.А. Ковалёвой, Н.И. Белуновой, О.П. Фесенко и А.В. Курьянович, а также разрабатываемая Н.Б. Лебедевой и её учениками теория жанров естественной письменной речи. С другой стороны, имеющиеся знания не содержат ответ на вопрос о критериях выделения частного письма в качестве материала исследования. Таким образом, обзор лингвистических наблюдений за спецификой частного письма привел к мысли о необходимости выйти за пределы собственно лингвистики и рассмотреть его лингвофилософские, этико-правовые, психолингвистические, социолингвистические основы, что позволило выявить дискурсивные маркеры коммуникативной ситуации, в которой создается и функционирует ЧЭД.

Лингвофилософский взгляд на частную эпистолярную коммуникацию выявил, что она базируется на дихотомическом взаимодействии, обеспечивающем обмен информацией, при котором координаты кодирования и декодирования тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены: кодирование задаётся ориентацией адресанта на адресата, а декодирование – наоборот. Эпистолярный интеракционизм обеспечивается механизмом эпистолярно-информационного онтогенеза, базирующегося на информационно-психологической совместимости координат эпистемно-коммуникативной дуги. Частное письмо содержит «идентификационный код» (Н.В. Сапожникова) личности адресанта, отражая его индивидуальную картину мира. Адресат, имея ключи к коду сообщения в виде представлений об адресанте, получает доступ к модели индивидуальной картины мира адресанта. Частное письмо – это сложно устроенный коммуникативный сигнал, транслирующий некоторый объём информации, в том числе эмоциональной, а также канал взаимодействия.

Рассмотрев правовой и этический аспекты частного эпистолярия в аспекте интересующего нас вопроса о критериях выделения частного письма, мы удостоверились, что один из ключевых критериев отражает сущность понятия *частный*. Оказалось, что с позиций современного права частное письмо не имеет своего однозначного статуса и приравнивается законом об авторском праве к произведениям художественной литературы, а воля автора не учитывается при принятии решения о публикации писем. Приватность, формально обеспечиваемая запечатанным конвертом с указанием адресата, располагает к искренней коммуникации, хотя может и не быть актуальной, осознаваемой для адресанта. В подцензурной эпистолярной коммуникации обнаружены две тенденции: коммуниканты привыкают к постоянному контролю и ведут эпистолярный диалог в соответствии с требованиями цензуры. Во втором случае коммуниканты пользуются специальным кодом, доступным только им.

Психолингвистический аспект фразеологической эмотивности частной эпистолярной коммуникации выдвинул на первый план две ведущие функции частного письма: информативную и фатическую, а также натолкнул на мысль о роли письма в психических и психологических процессах как личности адресата, так и личности адресанта. Так, процесс написания письма включает самоанализ, психологическую настройку на адресата, стремление создать благоприятный психологический климат, пользуясь по преимуществу вербальными средствами, а также объективацию эмоций комплексом вербальных средств, среди которых ФЕ, находящиеся в центре нашего внимания. Взгляд на частное письмо через призму психолингвистики позволил акцентировать внимание на процессах декодирования сообщения, имеющих свои закономерности, что пока не изучено в должной мере, но представляет собой важную часть частного письма как речевого события, как действия, процесса.

Анализируя социолингвистические факторы частной эпистолярной коммуникации, мы обнаружили их роль во фразеологической объективации эмоций. В основе эпистолярного взаимодействия лежат равные социальные роли коммуникантов, а характер их взаимоотношений отражается на всех элементах частного письма, начиная от информации, подлежащей кодированию, заканчивая выбором языковых средств для объективации этой информации. В письмах так называемых переходных зон наблюдается смена регистра, в том числе и на уровне фразеологии, а именно появление стилистически маркированных, трансформированных или окказиональных ФЕ сигнализирует о смене регистра при переходе от неофициальной деловой к неофициальной частной коммуникации.

Разноаспектное изучение частного письма позволило сформулировать критерии отбора частного письма как исследовательского материала, т.е. такие признаки, которые позволяют отобрать речевое произведение из массива других речевых произведений. Этот перечень может быть использован как отправная точка лингвистических исследований частного письма в любом другом ракурсе. Нами выделены такие критерии: 1) *внетекстовые*, обусловленные самой ситуацией общения, в которой создаётся текст частного письма, это параметры частной эпистолярной коммуникации; и 2) *текстовые* критерии, связанные с функционированием единиц в тексте частного письма. Критерии первой группы обязательны в своей совокупности: 1) дистантность общения; 2) приватность сообщения; 3) близость отношений коммуникантов (семейные, дружеские, любовные); 4) выполнение фатической или информативной функций; 5) отражение повседневной жизни в её субъективном восприятии коммуникантами; 6) длительность, отсроченность коммуникации; 7) зафиксированность на бумаге. Некоторые критерии имеют формальный показатель, важный для практического применения этого перечня. Дистантность общения может быть установлена по указанию адресов отправителя сообщения и его

получателя. Это важно, так как при условии возможного скорого общения необходимость в трансляции большого объёма информации отпадает, скорее транслируется информация рационального характера. Приватность сообщения подтверждает наличие конверта и указание адресата. В комментариях и биографической литературе вывleются сведения о характере отношений коммуникантов.

Критерии второй группы могут быть нарушены, трансформированы, иначе говоря, вариативны: 1) наличие элементов коммуникативной структуры текста частного письма; 2) эмотивность текста; 3) диалогичность, разговорность, политематичность. Нарушение традиционной, принятой коммуникативной структуры частного письма соотносится с частотой общения, степени близости коммуникантов. Объединение диалогичности, разговорности и политематичности в один критерий обусловлено взаимосвязанностью этих наиболее изученных в лингвистике свойств частного письма.

На основе анализа дискурсивных свойств частного письма дано определение ЧЭД, рассматриваемое нами как отсроченное коммуникативное *событие*, происходящее при условии дистантного расположения двух сторон, находящихся в близких отношениях (семейных, дружеских, любовных); предполагающее приватность передачи сообщения, зафиксированного на бумаге; выполняющее информативно-фатическую функцию; предметом данного коммуникативного события выступает повседневная жизнь в её субъективном восприятии коммуникантами.

Посредством письма из индивидуальной картины мира адресанта транслируется некоторое «информационное сгущение» в индивидуальную картину мира адресата. В когнитивно-прагматическом аспекте ЧЭД рассматривается как акт трансляции этого «информационного сгущения». ЧЭД, таким образом, – это коммуникативное событие, акт взаимодействия участников частной эпистолярной коммуникации, акт трансляции

информации (рациональной и эмоциональной). Мы сосредоточиваем внимание на трансляции эмоциональной информации, в частности, нас интересует ФЕ как средство объективации эмоций в ЧЭД.

Глава 2. Фразеологическая единица в системе средств объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе

Исследования в области физиологии [Волынкина 1981; Дарвин 1987; Симонов 1981, 1982 и др.], философии и психологии [Асмолов 1990; Вилюнас 1984; Выготский 1970, 1984, 1999; Додонов 1975; Киршбаум 1990; Лук 1982; Никифоров 1974 и др.], психолингвистики [Горелов 1998; Красных 2001; Леонтьев 1997 и др.] и других смежных с ними наук демонстрируют сложность эмоциональной сферы человека [Изард 1980]. Лингвистика тоже вносит свой вклад в изучение эмоций: достижения лингвоэмотологии [Бабенко 1986, 1989, 1995; Мягкова 1990; Калимуллина 2006; Шаховский 1983, 1987; Эмотивный код 2003 и др.] убедительно доказывают продуктивность исследовательского пути от анализа языковых единиц к выводам о реестре эмоций, актуальных для носителей лингвокультуры, а также об особенностях вербализации эмоций, но вместе с тем выявляют целый спектр неразрешенных теоретических и методологических вопросов, касающихся изучения эмоциональной сферы человека.

Эмоции [Психология 1990: 461; БСЭ: 169 и др.] как «своеобразно выраженное и переживаемое отношение к деятельности, к окружающему миру» [Кузин 1999: 244] объективируются средствами языка. Проблема дифференциации понятий эмоционального в психике человека и эмотивности в системе языка когда-то относилась «к числу наименее разработанных» [Разинкина 1972: 13–14], но со временем интерес учёных к этой проблеме всё возрастает, достаточно обратить внимание на работы последних лет [Балакина 2006; Бондарь 2013; Брысина 2010а; Дзедисова 2010; Дурова 2012; Ланге 2010; Мирцхулава 2005; Поцелуева 2012 и др.]. Эмоциональная окраска слова (И.В. Арнольд); экспрессивно-стилистическая окраска (Д.Н. Шмелев), экспрессивно-оценочный компонент языкового

значения (К.Г. Крушельницкая); экспрессивно-эмоционально-оценочные обертоны (Э.М. Медникова); экспрессивный компонент значения языковой единицы, содержащий в себе информацию об эмоционально-оценочном отношении говорящего (О.Н. Селиверстова), эмоциональная нагрузка слова (Я. Рейковский, Е.Ю. Мягкова) – эти и другие термины применялись для номинации эмоционального в языке. Наиболее оптимальным, на наш взгляд, является определение, сформулированное В.И. Шаховским: «Эмотивность – имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [Шаховский 1987: 24]. В настоящем исследовании мы придерживаемся узкого понимания эмотивности, а именно, признаём эмотивными те единицы, которые могут быть использованы носителем языка для выражения, объективации эмоций. Иначе говоря, эмотивными признаём собственно эмотивы, или аффективы. Эмотивы-номинативы и эмотивы-дескриптивы, полагаем, могут быть потенциально эмотивны, поэтому мы рассматриваем их в том случае, если они объективируют эмоции, приобретая эмотивные свойства в процессе контекстуального использования.

2.1. Эмотивность как одно из главных свойств частного эпистолярного дискурса

Современное развитие лингвоэмотивологии свидетельствует о том, что антропоцентрический вектор лингвистических изысканий направлен «от фактов языка к миру эмоций» [Бабенко 1986: 7–8]. Речевое произведение в аспекте когнитивной лингвоэмотивологии следует рассматривать как специфический способ трансляции эмоциональной информации. Одним из важнейших параметров дискурса как фрагмента коммуникативного процесса является субъективность: «Дискурсы с эксплицированной модальностью по отражаемым в них личностным смыслам автора ориентированы на сферу

материальной (речевой / неречевой деятельности адресата» [Григорьева 2007: 47]. Учёные, обращающиеся к исследованию эпистолярия, так или иначе касаются вопросов вербализации им эмоциональной информации, что связано с самой природой ЧЭД.

Эмотивность ЧЭД обусловлена тем, что он транслирует эмоциональную информацию: *«Известие о дуэли вызвало у меня ряд очень неприятных мыслей, которые со всей откровенностью и складываю в вашу грудь»* (П.В. Анненков И.С. Тургеневу, 29 июня (11 июля) 1861 г., Чирьково) [Анненков 2005: 107]. Так, размышления о специфике источников личного происхождения приводят к выводу о том, «что мы имеем дело здесь с системной триадой, в смысле Р. Баранцева, поскольку каждый из вышеназванных концептов, по-видимому, соотносим (разумеется, не жёстко и не однозначно!) с тем или иным элементом универсального семантического архетипа: интуицию (дневник), эмоцию (письмо), рацию (статья)» [Алексеев 2009].

По поводу характера транслируемой эмоциональной информации следует сказать, что в письме отражаются по большей части негативные эмоции: *«Да – я с ней счастлив – ну и об этом нечего распространяться»* (П.В. Анненков И.С. Тургеневу, 28 июля (9 августа) 1861 г., Чирьково) [Анненков 2005: 109]. В связи с этим делать выводы о превалирующем эмоциональном состоянии на основании анализа эпистолярного материала следует делать с учётом этой тенденции: *«Гадкая вещь сберегать письма – не для того, кто их сберегает, а кто их писал. Они дают повод судить о человеке по характеру ватер-клозета, какой он имел в своём доме. Право – было бы хорошо, как требование простой общежительности и учтивости – сжигать получаемые письма – кроме деловых»* [Анненков 2005: 229]. Таким образом, эмоциональное состояние адресанта так или иначе вербализуется в частном письме, предварительно став объектом осмысления, частью

представлений автора о событиях и явлениях реальной действительности и о себе самом.

Авторы частных писем доверяют письму самое сокровенное: *«Я признаюсь, что на бумаге я и откровеннее и разговорчивее, не затрудняюсь в словах, не чувствую беспрестанно смущающего меня недостатка моего произношения»* (И.С. Аксаков родным, 8 января 1844 г., Кулевато Тамбовской губернии) [Аксаков 1991: 29]; но зная о скорой встрече, оставляют рассказ о чувствах для личного общения: *«Спешу сказать Вам два слова, в ожидании скорого устного обмена слов»* (П.В. Анненков И.С. Тургеневу, 7 (19) апреля 1861 г., Петербург) [Анненков 2005: 105].

Письмо воспринимается участниками коммуникации как разговор, беседа, обмен информацией: *«Я вам огромное письмо накатал и хочу, чтоб вы мне рассказали о своих чтениях, мыслях по поводу книг и вообще писали подробнее о себе, а то нехорошо, что вы сибаритствуете перед людьми, которые хотели бы знать об вас много и пространно»* (П.В. Анненков И.С. Тургеневу, середина (конец) февраля 1853 г., Петербург) [Анненков 2005: 16]. Впрочем, личная беседа, без сомнения, не может заменить эпистолярную коммуникацию, какой бы частотной и подробной, или насыщенной, по содержанию она не была: *«Хотелось бы о многом поговорить, да разговор письмом дело скучное»* (П.В. Анненков И.С. Тургеневу, 22 апреля (4 мая) 1864 г., Берлин) [Анненков 2005: 152]. ЧЭД транслирует эмоциональную информацию именно по причине того, что у коммуникантов есть потребность в обмене такой информацией, но нет иных каналов коммуникации. В условиях, когда возможна коммуникация при личной встрече или по телефону, характер транслируемой в частном письме информации меняется: *«Больше писать вам не буду, потому что жду вас 15 ноября непременно»* (П.В. Анненков И.С. Тургеневу, 27 октября (8 ноября) 1853 г., Петербург) [Анненков 2005: 41]. Итак, ЧЭД транслирует эмоциональную информацию, что является одной из основных его задач.

Эмотивность ЧЭД признаётся одним из основных его свойств: «Использование оригинальных элементов письма (политематичность, полифункциональность, доверительность и эмоциональная окрашенность) – все это подтверждает вывод о том, что переписка А.П. Чехова представляет собой эпистолярный дискурс, имеющий самостоятельное значение в жизни и творчестве писателя» [Буняева 2010: 54].

Соотношение транслируемой рациональной и эмоционально-оценочной информации в ЧЭД зависит от многих факторов, и эта проблема до настоящего момента не изучалась. На наш взгляд, это связано не только с тем, что частное письмо ещё не оценено как достойный источник лингвистических изысканий, но также с тем, что эта проблема требует к себе комплексного подхода, начиная от методов вычленения информации и квалификации её как рациональной или эмоциональной. Например: «*Я крайне утомлён, зол и болен. Утомили меня мои науки и насущный хлеб, который в последний месяц я должен был заработать в удвоенный против обыкновения порции, так как брат художник воротился из солдатчины только вчера. Приходилось работать **чёрт знает где** – причина, почему для прошлого номера не дал Вам рассказ. Так записался и утомился, что не дерзнул писать в «Осколки»: знал, что напишу чепуху. К утомлению прибавьте геморрой (**черти его принесли**)*» (А.П. Чехов Н.А. Лейкину, 10 декабря 1883 г., Москва) [Чехов 1963: 36]. Эмоциональная информация транслируется лексемами – номинантами эмоций (*зол* в четвёртом значении от *злой* ‘1. Закрывающий в себе зло (в 1 и 2 знач.). 2. Полный злобы, злости. 3. Перен. Причиняющий сильную неприятность, боль, жжение; сильный, крайний по степени своего проявления. 4. Кратк. Форма, на кого, что. Сердит, исполнен злобы. 5. Делающий что-н. увлечённо, с азартом’ [ТСРЯ 250]) и психофизиологических состояний (*утомлён, болен, утомили*). ФЕ *чёрт знает где* в значении ‘Грубо-прост. Очень далеко или в очень плохих условиях’ [ФСРЛЯ 2: 369] сочетает в себе функцию трансляции как

рациональной информации, заключённой в денотативном компоненте фразеологического значения, так и эмоциональной, отражённой в ЭК, объективирующей эмоции гнева, возмущения. ФЕ *черти его принесли* от ФЕ *чёрт принёс* в значении 'Прост. Экспрес. Выражение резкого недовольства по поводу прихода кого-либо' [ФСРЛЯ 2: 369] транслирует в большей степени эмоциональную информацию, добавочную к содержанию информации, объективируемой лексемой *геморрой*. Компонент *чёрт*, общий для анализируемых ФЕ, его повторение актуализирует ассоциативно-образные семы, усиливает эмотивный эффект высказывания в целом.

Эмотивность ЧЭД формируется в процессе создания письма адресантом и проявляется в том эмоциональном воздействии, которое оно оказывает на адресата: «*Второе письмо Ваше вывело меня из апатии*» (П.В. Анненков И.С. Тургеневу, 22 октября (3 ноября) 1861 г., Петербург) [Анненков 2005: 112] или «*Если у вас есть грехи, дорогой друг Alexandrine, то они, вероятно, вам простятся за то добро, которое вы мне сделали вашими двумя последними письмами*» (Л.Н. Толстой А.А. Толстой, 24 января 1877 г., Ясная Поляна) [Толстой 2011: 339]. Напротив, эффект, произведённый чтением письма, может быть не запрограммированным, налицо результат неверного декодирования эмотивного содержания сообщения: «*Очень жаль, любезный друг Кюхельбекер, что моё письмо тебя рассердило: я писал тебе с другою целью*» (И.И. Пущин В.К. Кюхельбекеру, 13 июля 1746 г., Ялуторовск) [Пущин 1988: 216]. Эффект от прочтения письма может быть противоречивым, требующим осмысления, особого настроения для ответа: «*Жму тебе крепко, мой друг, руку за твоё последнее письмо. Я его читал и перечитывал. Но содержание его так обширно, так много оно во мне пробудило разных ощущений, что теперь я не в состоянии отвечать на него, как мне хочется: не расположен и нет времени. Поэтому это письмо назови официальным*» (П. Бартенев П. Бессонову, 26 июня 1852 г., Панафидино) [Бартенев 2007: 277]. Здесь следует обратить внимание

на акцент, сделанный автором, понимающим частное письмо как такое речевое произведение, в котором следует изложить все те мысли и ощущения, что «пробудило» предыдущее послание. У автора нет возможности написать настоящее письмо, поэтому он создаёт произведение, очень похожее на неофициально-деловое именно из-за его неэмоциональности. Значимо и то, что автор предупреждает адресата о причинах такого оформления письма, чтобы адресат понимал значение смены регистра.

Приведём ещё пример: *«Чуть не разревелся я, прочитав в Вашем письме о судьбе рассказа «Упразднили». Не жаль мне его достоинств, каковых в нём мало, но жаль денег, которые я мог бы за него получить»* [А.П. Чехов Н.А. Лейкину, 9 мая 1885 г., Москва] [Чехов 1963: 54]. Как видим, автор письма объективирует результаты воздействия частного письма, хотя этот этап эпистолярной коммуникации не всегда зафиксирован в письмах-ответах. Адресант поясняет причину эмоциональной реакции, объективируя своё состояние повтором лексемы *жаль*. Несмотря на то, что предмет коммуникации – вопрос делового характера, а именно обсуждение публикации рассказа, общение эмоционально.

Роль эмотивности ЧЭД определяется тем, что этот особый процесс, действие, требует соответствующего настроения: *«...а не отвечал долго, потому что утром нахожусь в раздражённом состоянии по случаю типографских мерзостей <...>, а вечером известия из Севастополя, отымающие сон и аппетит, и из Кронштадта, полные ожиданий и надежд»* (П.В. Анненков И.С. Тургеневу, 31 мая (12 июня) 1855 г., Петербург) [Анненков 2005: 44]. Ср.: *«Состояние духа у меня было не письменное, как и теперь»* (П.В. Анненков И.С. Тургеневу, 18 (20) октября 1853 г., Петербург) [Анненков 2005: 31]. Письмо создавалось в особенном расположении духа, требующем сам процесс осмысления событий и явлений окружающей

адресанта действительности в эмоционально-оценочных координатах его индивидуальной картины мира.

Особенности частного письма как канала коммуникации задают специфику трансляции эмоциональной информации в ЧЭД. Отсроченность, длительность сообщения приводят к тому, что ожидаемый отклик на эмоциональное состояние адресанта декодируется им уже в ином эмоциональном состоянии. Например: *«Итак, вы получили описание наших тамбовских бедствий, о которых ходил уже слух в Москве, как писали вы и пишут к Оболенскому. Мне **теперь** как-то **странно читать**, что вы так взволновались этим, ибо ощущение того положения давно прошло»* (И.С. Аксаков родным 15 февраля 1844 г., Астрахань) [Аксаков 1991: 56]. Следовательно, ЧЭД фиксирует те эмоции, которые автор испытывает в момент написания письма. Иначе говоря, ЧЭД – есть процесс прежде всего фиксирования эмоции в сознании адресанта, осмысления её и затем нахождение средств её объективации. С позиций адресата ЧЭД – процесс декодирования полученного сообщения, осмысление, формирование или фиксирование представлений об эмоциональном состоянии адресанта и формирование или фиксирование своих собственных эмоций по итогам декодирования сообщения.

Признавая эмотивность одним из главных свойств ЧЭД, исходим из мысли о том, что ЧЭД создаётся в условиях потребности в передаче информации о результатах субъективного восприятия событий и явлений окружающей действительности. Субъективное – это оценки и эмоции, которые испытывает адресант послания во время освоения им окружающей его действительности. Затем субъективная информация претерпевает процедуру осмысления, переживания, становясь впоследствии предметом эпистолярной коммуникации. Подчеркнём, автор письма – творец того самого предмета эпистолярной коммуникации, именно автор формирует тот фрагмент его индивидуальной картины мира, которая транслируется в ЧЭД.

Мы не утверждаем, что эмотивность – это обязательное свойство ЧЭД, но в силу того, что частное письмо отражает результаты субъективного восприятия событий реальной действительности, как правило, ЧЭД так или иначе транслирует эмоциональную информацию.

Сложность мира эмоций проявляется в их языковой репрезентации, поэтому мы исходим из предположения, что именно анализ языкового материала и полученные таким образом данные прольют свет на эмоциональный мир авторов частных писем. Диффузность эмоций, размытость их границ, таким образом, можно наблюдать и изучать в ЧЭД. Например, А.П. Чехов пишет о своей матери: *«Сейчас зазвонили к утрени. Все спят. Мамаша так утомилась окороками и пасхой, что её теперь никакими пушками не разбудишь»*. Анализ выявляет эмоции иронии, снисхождения («доброй иронии», «ласково, заботливо, иронично» – из ответов участников эксперимента). ФЕ *пушками не разбудишь* – от *хоть из пушки пали* ‘Прост. Экспрес. Не слышит, не может услышать (крепко спит или глухой)’ [ФСРЛЯ 2: 75] не содержит узуального ЭК, который в контекстуальном употреблении актуализируется. Опираясь на список базовых эмоций, можно отнести данную ФЕ к группе знаков косвенно-производной номинации, объективирующих эмоцию иронии.

Принимая ЧЭД в качестве речевого события, акта трансляции информации, особенное внимание обратим именно на трансляцию эмоциональной информации. Трансляция эмоциональной информации в ЧЭД осуществляется комплексом средств.

2.2. Средства объективации эмоциональной информации в ЧЭД

ЧЭД в процессе трансляции эмоциональной информации функционирует как единый организм, в котором все его элементы взаимодействуют, само это взаимодействие является основой механизма кодирования и декодирования эмоциональной информации. В этом

сложнейшем процессе формирования единой системы, которой является ЧЭД, роль каждого элемента может быть выявлена только с учётом его возможных связей с другими элементами и функций в реализации основной задачи ЧЭД, а именно трансляции информации эмоционально-оценочного характера.

2.2.1. Невербальные средства объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе

Невербальные средства выражения эмоций [Изард 1980; Пиз 1995; Романов 2004 в; Трусов 1982 и др.], как мимические (движения мышц лица, мимика), так и пантомимические (движения частей тела, позы, жесты) [Кузин 1999: 245], предшествуют возникновению вербальных и представляют собой биологически врожденную активность, а потому «служат надежными диагностическими показателями конкретных эмоций» [Крейдлин 2002: 166].

Невербальные, или паралингвистические, средства объективации эмоциональной информации не рассматривались лингвистикой частного письма, однако они тесно связаны с языковыми средствами, выступая вместе с ними единым комплексом в объективации эмоциональной информации: «Будучи подлинно паралингвистическими, невербальные компоненты существенно воздействуют на форму и смысл вербального компонента» [Горелов 1980: 6]. Специфика паралингвистического компонента письменной коммуникации исследована в большей мере на материале креолизованных текстов СМИ. Между тем креолизованность – типичная черта жанров естественной письменной речи [Лебедева 2001], в том числе и частных писем.

В письменной коммуникации выделяют такие средства невербальной передачи информации, как «графическая сегментация текста и его расположение на бумаге, длина строки, пробелы, шрифт, цвет, курсив, разрядка, втяжка, подчеркивание и отчеркивающие линейки,

типографические знаки, графические символы, средства иконического языка (рисунки, фотография, карикатура, таблица, чертеж, схема и др.), ширина полей, формат бумаги и другие средства, набор которых не является жестко фиксированным, может варьироваться в зависимости от характера конкретного текста» [Анисимова 2003: 7]. Так, в письмах дочери А.Ф. Вангенгейм, организатор первой единой гидрометеорологической службы в СССР, который был арестован в 1934 г. и заключен в Соловецкий лагерь особого назначения, а затем расстрелян [<http://www.urokiistorii.ru/memory/ex/51793> (Дата обращения 10.09.2013)], кодирует информацию о природных явлениях, окружающих его, не только с помощью словесного описания, но и с помощью рисунков. Информативен и почерк: ровный, каллиграфический, что может быть обусловлено как соответствующим психофизиологическим состоянием, так и стремлением адресанта оформить письма так, чтобы их смогла прочитать дочь, которой на тот момент было 7 лет. Возможно, это связано с тем, что адресант предполагал, что они с дочерью никогда не увидятся, поэтому письма останутся «на память».

А.П. Чехов, мастер иронии, в свойственной ему манере сделал такое замечание: «*Милый Альба! Называю Вас так, потому что Ваш трагический почерк – последнее слово инквизиции. Он, пока я прочёл Ваше письмо, вывихнул мне глаза*» (А.П. Чехов И.Л. Леонтьеву-Щеглову, 1 января 1888 г., Москва) [Чехов 1963: 163]. Подчёркивая влияние качества почерка на декодирование сообщения, Чехов использует ФЕ *вывихнуть глаз*, генетические связи которой ведут к ФЕ *вывихнешь язык*, имеющей значение ‘Прост. Ирон. Об очень трудных для произношения словах, фразах’ [ФСРЛЯ 1: 115], и ФЕ *ломать глаза* в значении ‘1. Морд. Смотреть на кого-л., на что-л. неприятное, нежелательное. 2. Жарг. Шк. Шутл. Списывать у соседа’ [БСРП: 123]. В процессе фразеомообразовательной комбинаторики компонент лексического значения слова *язык*, сема ‘Речь’, продуцирует образование в

смысловой структуре ФЕ семы 'Для произношения', тогда как в трансформационном процессе участвует уже ФЕ *вывихнешь язык* и лексема *глаз* в первом значении 'Орган зрения' [ТСРЯ: 131]. В том же значении лексема *глаз* входит в процесс фразеомобразовательной комбинаторики ФЕ *хоть клаз выколи* в значении 'Разг. Совершенно темно, ничего не видно' [ФСРЛЯ 1: 120]. На наш взгляд, употреблённая Чеховым ФЕ является результатом структурно-семантической трансформации, в которой участвуют две ФЕ, а именно *вывихнуть язык* и *ломать глаза*. В своём значении ФЕ *ломать глаза* использована, например, в следующем контексте: «*Был вечер поздний, но ему как бы блистал денницы луч. Опять шаги раздались в коридоре, шаги истории самой. О, небо, с каким трудом наш обераудитор принудил нашего стратега обратиться к книге Ездры. Боевому генералу прелюбодейной жизни ломать глаза над текстом ветхозаветного еврея? Положим, книга Ездры – часть Библии. Положим, так, да он-то, Ащеулов, в известном смысле вольтеррианец, а в полном смысле отнюдь не поп в полку. И всё же уступил*» (Юрий Давыдов. Заговор, родивший мышь. 1993) [ruscorpora.ru]. Немного другое смысловое наполнение получает эта же единица в другом фрагменте: «*Что ты упёрся, Пётр Кириллович? **Сломаешь глаза!***» (С.А. Клычков. Чертухинский балакирь. 1926) [ruscorpora.ru]. Указанное фразеупотребление демонстрирует актуализацию ЭК, объективирующего гнев, что свидетельствует о потенциально заложенной эмотивности единицы. Итак, ФЕ *вывихнуть язык* «унаследовала» смысловые компоненты из семантических структур обеих фразеопроизводящих единиц.

Специфическим, на наш взгляд, средством невербального кодирования информации в ЧЭД являются предметы, вложенные в конверт с письмом. Другие источники личного происхождения (записка, дневник, мемуары, записная книжка и т.д.) не имеют такого средства в силу жанровых и, условно говоря, технических особенностей. Использование таких невербальных способов кодирования информации характерно для писем из

заклучения многих других адресантов (П. Флоренский, В.В. Левитский, В. Мамаладзе и мн. др.). Предмет, вложенный в конверт, может объективировать информацию как дополнительное средство (в комплексе с вербальными, например, или с другими невербальными средствами) или как самостоятельное. Публикаторы не всегда обращают на это внимание читателей. Например, в комментариях к письмам Флоренского нет указания на характер вложенных предметов, но в некоторых письмах Флоренского есть упоминание о каких-либо предметах.

Таким образом, средства невербального кодирования информации в ЧЭД могут самостоятельно транслировать информацию, вербальные и невербальные средства могут дополнять друг друга [Вашунина 2009], комплексно объективируя информацию. «Невербальная коммуникация является одной из важнейших областей функционирования знаков и знаковой информации и занимает значительное место в жизни человека и общества. Подчеркивая важность невербальной коммуникации, кто-то заметил: «Words may be what men use when all else fails» – «Слова, быть может, это то, чем пользуются люди, когда все остальные средства общения оказались безуспешными (букв. <...> когда все остальное терпит неудачу)» [Крейдлин 2002: 6].

Декодирование паралингвистических средств ЧЭД представляет собой отдельную, однако трудно решаемую проблему. Для того, чтобы выявить результаты декодирования паралингвистических средств ЧЭД, необходимы соответствующие источники: письма-ответы, письма другим адресатам, воспоминания самого адресата (как в предыдущем примере) или окружающих, близких адресату людей и т.д. Таким образом, исследование процессов и результатов декодирования паралингвистических средств ЧЭД затруднено из-за недостаточности подобных источников. Даже в том случае, если результаты декодирования объективированы, это всё же вторично по отношению к тем смыслам, которые были декодированы.

Специфическим средством невербального кодирования в ЧЭД следует, на наш взгляд, признать само письмо, материальный субстрат ЧЭД. Наличие или отсутствие письма также может объективировать информацию. Например, если адресант – участник боевых действий, адресат, еще не приступая к чтению письма, получает информацию: адресант жив (по крайней мере, был жив еще недавно, возможно, еще жив до сих пор), что продуцирует целый спектр эмоций. Запах, внешний вид, размер или объём конверта – всё может оказаться информативным.

Отдельно следует сказать о вербальном кодировании в ЧЭД невербальных знаков коммуникации. Описание жестов, мимики и т.д. в ЧЭД обусловлено синкретичной, письменно-устной природой ЧЭД: *«Вы пишете, что Костя не поехал в Москву для прощания с Самаринным... Жаль, говорю я, приподымая брови à la Krotkoff и пожимая плечью»* (И.С. Аксаков родным, 22 июля 1844 г.) [Аксаков 1991: 115]. Описание невербальных средств объективации эмоций нацелено на действие механизмов образного мышления, на то, что адресат будет представлять эти жесты и мимику, что будет способствовать трансляции эмоциональной информации. Сравним: *«Написав и прочитав посланный Вам вчера рассказ, я почесал у себя за ухом, приподнял брови и крикнул – действия, которые проделывает всякий автор, написав что-нибудь длинное и скучное»* (А.П. Чехов Н.А. Лейкину, 4 марта 1886 г., Москва) [Чехов 1963: 74]. Описание жестов легло в основу генетической базы некоторых ФЕ [Козеренко 1999; Крейдлин 2000 и др.], например: *«Твои известия о причети «Москвитянина» меня поражают. Я махаю рукой и не хочу говорить об этой дряни»* (П.И. Бартенев П.А. Бессонову, 21 марта 1852 г., Санкт-Петербург) [Бартенев 2007: 272]. ФЕ *махнуть рукой* в значении ‘Разг. Неодобр. Испытывая досаду на что-либо или на кого-либо, чувство неудовлетворённости чем-либо, перестать что-либо делать или обращать внимание на кого-либо, на что-либо’ [ФСРЛЯ 1:

369] не только описывает эмоциональную реакцию, но и в данном контексте служит объективации эмоций досады, раздражения.

Несмотря на то, что в результате сложнейшего по когнитивной и семантической природе фразеобразовательного процесса генетическая база формирующейся единицы, утрачивая значимость слов-компонентов, продуцирует новые смыслы, эмоциогенность лежащей в основе когнитивной модели ситуации, как правило, сохраняется. «При переходе от жеста *хлопнуть дверью* к соответствующему жестовому фразеологизму происходит символическое превращение жеста как значимого физического действия тела в культурный и языковой элемент. Именно во фразеологизме телесность как биологическая суть жеста семантически отходит на задний план (фон), а на передний план, на роль фигуры, как говорят когнитивисты, выходят смысловые компоненты, определяющие психологическую и культурную функции жеста» [Крейдлин 2002: 306].

Таким образом, паралингвистические средства ЧЭД в их взаимодействии с вербальными комплексно реализуют коммуникативные задачи, транслируя эмоциональную информацию из когнитивного блока адресанта в когнитивный блок адресата. Специфическим паралингвистическим средством ЧЭД является предмет, вложенный в конверт с письмом. Особое значение имеет сам факт наличия или отсутствия письма в общей цепи писем как отдельных компонентов переписки между данными коммуникантами: такой факт также становится добавочным способом невербального кодирования информации.

2.2.2. Вербальные средства объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе

Вербальные средства являются составной частью системы средств объективации эмоций [Буряков 1979; Гридин 1983; Романов 2004 б; Покровская 1998 и др.]. Эмотивные единицы, «специальные средства всех

этажей языка» [Шаховский 1987: 4], характеризуются эмотивностью, которая проявляется как «значения, привязанные к определенным морфологическим, синтаксическим, словообразовательным или лексическим средствам или их конкретным комбинациям в данном языке» [Бондарко 1974: 67]. Фонетические [Паршин 2004; Романов 2004а и др.], лексические [Бабенко 1989; Говердовский 1985; Гончарова 2003; Киселева 1971; Мягкова 1990; Шаховский 1987 и др.]; синтаксические [Водяха 1993; Ионова 1998; Дурова 2012 и др.]; лексико-фразеологические [Болдарева 2002; Кругликова 1999 и др.]; морфологические [Коршунова 2001 и др.]; фразеологические [Артемова 1991, 2000; Кашина 1981; Комарова 1994; Синюк 1999; Чернышева 1971 и др.] средства вербализации эмоций функционируют в контексте не изолировано, а комплексно, в сложнейшем взаимодействии.

Взаимодействие единиц разного уровня – сложнейший когнитивный процесс. Например, И.С. Аксаков в письмах родным стремится описать своё путешествие подробно, детально рассказывая о своём перемещении, об увиденном, о людях и обычаях, важнейшая часть этого повествования – эмоциональное состояние, которое он испытывал в тот или иной период путешествия. *«Итак, я не видал Сет-Илера, да и не полюбопытствовал его видеть: это было ночью, да какой ночью! при такой погоде, которая заставляет человека думать только о себе, о средствах одеться потеплее. Однако ж мне всё-таки было и смешно и весело»* (И.С. Аксаков родным, 18 января 1844 г., вторник, вечер, Чёрный Яр) [Аксаков 1991: 35]. Лексемы *смешно* и *весело* номинируют испытываемые им эмоции, силу эмоционального состояния объективируют и другие средства, такие как восклицательный знак, лексический повтор.

Характер эмоции определяет и то, какими средствами она объективирована в ЧЭД. Так, объективация гнева или радости, эмоций, имеющих и большую силу проявления, может быть объективирована средствами, фиксирующими особую интенсивность проявления признака.

Например: *«Спасибо вам за хлопоты о моих делах. Если Костылёв не имеет никакой надежды на перстень, то попроси его – я ему чрезвычайно обязан – поскорее написать мне об этом а серьги выкупить и послать по назначению. За перстень же я вышлю деньги к Головниним. **Пропaday он пропастью!**»* (П.И. Бартенев П.И. Бессонову, 21 марта 1852 г., Санкт-Петербург) [Бартенев 2007: 272]. ФЕ *пропaday он пропастью*, являющаяся результатом трансформации ФЕ *пропadi пропaдом* в значении 'Прост. Экспрес. Выражение сильной досады, раздражения по поводу кого-либо или чего-либо' [ФСРЛЯ 2: 159], объективирует эмоцию досады.

В одном из писем И.И. Пущина находим объективацию эмоционального состояния, реализующегося в речевом акте «соболезнование»: *«К тебе одному пришлось писать, любезный друг Иван! В этих словах выражается общее наше горе, которого **тяжесть** я разделяю с тобой. **Дай бог**, чтоб семейное участие взаимно помогало нам перенести **скорбную** мысль: она преобладает теперь над всеми другими. Третьего дня пришли ко мне твои листки с **печальным** рассказом»* (И.И. Пущин И.И. Малиновскому, 23 сентября 1844 г., Ялуторовск) [Пущин 1988: 193]. Комплекс средств нацелен на то, чтобы выразить сочувствие, т.е. то же эмоциональное состояние, которое испытывает адресат. Лексемы *горе*, *тяжесть* (ср. *тяжёлое горе*), *скорбный*, *печальный* в ядре значения имеют эмотивно-оценочные семы, позволяющие им быть не только номинантами эмоциональных состояний, но и объективировать эмоции. В этом контекстуальном окружении ФЕ, не являясь собственно эмотивной, «работает» на формирование эмотивности высказывания.

Таким образом, то или иное средство объективации эмоциональной информации не функционирует изолированно, а потому его роль в формировании эмотивности ЧЭД следует рассматривать во взаимодействии с другими средствами. ФЕ является мощным транслятором субъективной

информации, специфика её эмотивности может быть раскрыта в ходе анализа «поведения» знака косвенно-производной номинации в ЧЭД.

2.3. Место фразеологической единицы в системе средств объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе

Интерес к специфическим характеристикам фразеологической эмотивности заставляет обратиться к вопросу о месте ФЕ в системе средств объективации эмоций. Эмотивные свойства ФЕ по праву привлекают внимание учёных [Ахметсагирова 2010; Аюпова 2008; Вакуров 1991; Волкова 2005; Замалюдинова 2013; Калимуллина 2005, 2009; Преснякова 2013; Романов 2000; Синельникова 2008, 2010; Пестова 2010; Уланович 2013; Шелепова 2007 и др.], однако в большинстве указанных работ принято широкое понимание эмотивности, которое позволяет называть эмотивными ФЕ, описывающие эмоции и эмоциональные состояния, а также содержащие в качестве компонента лексемы, номинирующие эмоции и эмоциональные состояния.

Рассмотренные нами в диссертации [Королева 2006] особенности ФЕ как одного из средств объективации эмоций, касались ФЕ, представляющей собой единицу языка. Систематизировав связи и отношения всех средств объективации эмоций, мы пришли к выводу, что ФЕ как специфическое средство вербализации эмоций аккумулируют эмотивный потенциал других средств. Изучая ФЕ как средство выражения эмоций, мы имеем в виду те ФЕ, которые адресант ЧЭД использует для выражения эмоций, т.е. не для названия этих эмоций, не для описания, а именно для выражения эмоции, для трансляции информации о своих эмоциях. Эмотивы-номинативы, являющиеся чаще единицами лексической системы языка, и дескриптивные ФЕ могут реализовать эмотивные свойства в контекстуальном употреблении, либо могут быть использованы для формирования эмотивной семантики

высказывания в целом (См., например, [Дурова 2012]), но это проявление речевых возможностей указанных единиц.

Рассматривая место ФЕ в системе средств вербализации эмоций, мы учитываем косвенно-производный характер ФЕ, делающий эту единицу ёмким хранилищем информации, «коммуникативным фрагментом» [Гаспаров 1996: 118]. Условно можно разделить взаимодействие ФЕ с другими единицами, служащими для объективации эмоций, на два уровня: уровень фразеомобразования и уровень функционирования ФЕ в речи.

Описание проявления эмоционального состояния легло в основу ФЕ дескриптивного характера. «Процесс эмоционального переживания сопряжен с целым рядом изменений в организме человека, и прежде всего в органах дыхания, пищеварения, сердечно-сосудистой системе» [Кузин 1999: 244]. В ЧЭД используются ФЕ, отражающие наблюдения носителя лингвокультуры за внешним и внутренним проявлением эмоций. Например: «*Я жду с замиранием сердца нового романа, а он ещё из Москвы писца ждёт!*» (П.В. Анненков И.С. Тургеневу, 20 марта (2 апреля) 1853 г., Петербург) [Анненков 2005: 19]. «*Из Рязска должно нам было спускаться по крутой очень горе, но лошади не выдержали, понесли, и мы находились в довольно критическом положении, припрыгивая на поларшина, что, впрочем, нас несколько не смутило: напротив, мы хохотали до слёз*» (И.С. Аксаков родным, 8 января 1844 г., Кулевато Тамбовской губернии) [Аксаков 1991: 29]. Описание эмоционального состояния хохотать до слёз – ‘Разг. Экспрес. Очень сильно, чрезвычайно’ [ФСРЛЯ 2: 246] – не вербализует эмоции, а описывает их.

ФЕ дескриптивного характера описывает проявление эмоции, но сама единица может не быть эмотивной, т.е. не обладать языковой эмотивностью. ФЕ дескриптивного характера может также объективировать не ту эмоцию, которую описывает, что может быть её узуальным или контекстуальным свойством. Например, ФЕ *в жар бросает*: «*Славно, даже в жар кидает*

нашего брата, привыкшего выразить свою злобу и другие гнусные чувства, по малой мере, иносказательно» (П.В. Анненков И.С. Тургеневу, 9 (21) октября 1872 г., Висбаден) [Анненков 2005: 208]. ФЕ в жар кидает образовалось на основе свободносинтаксического словосочетания, описывающего внутренние ощущения при сильном эмоциональном состоянии, например, волнении или злости. В приведённом контексте ФЕ объективирует иронию. Сравним: *«Славно, даже [волнует, беспокоит + я говорю это с иронией] нашего брата, привыкшего выразить свою злобу и другие гнусные чувства, по малой мере, иносказательно»**. В данном случае ФЕ объективирует иронию самостоятельно, также в высказывание включается лексема *славно*, помогающая актуализировать эмотивные смыслы.

Итак, в ЧЭД используются в качестве эффективного средства объективации эмоциональной информации, функционирующие на основе образности, ФЕ, фиксирующие наблюдения носителей русской лингвокультуры за невербальными средствами выражения эмоций. ФЕ дескриптивного характера а) не объективируют эмоции; б) объективируют описываемые эмоции благодаря развитию контекстуальной эмотивности; в) объективируют иные, не описываемые эмоции, контекстуально. Рассмотрим роль иных средств объективации эмоциональной информации в формировании и функционировании фразеологической эмотивности.

Выявленная в исследовании Д.А. Романова [2004а] эмотивность фонетического уровня языка, по нашим наблюдениям, не является определяющей в ЧЭД. Можно сказать, что ФЕ *дудеть в одну дуду* – ‘Прост. Ирон. Поступать, действовать одинаково, настойчиво; надоедливо повторять одно и то же’ [ФСРЛЯ 1: 216] – демонстрирует, как сочетанием ассонанса (преобладание гласного [у]) и аллитерации (повторение [д]) усиливается эффект восприятия эмотивной семантики ФЕ. Наш исследовательский

материал позволяет утверждать, что эмотивность фонетического уровня языка в её преломлении во фразеологии не задействована в ЧЭД.

Паремии, сами являющиеся знаками образного кодирования субъективного восприятия окружающей действительности носителей лингвокультуры, очень редко используются в ЧЭД. Признавая сложность и многогранность паремиологического фонда русского языка и связанных с этим теоретико-методологических проблем, а также учитывая современные достижения в этой области, под паремией в данном исследовании понимаем народное изречение, имеющее «ряд специфических признаков, прежде всего таких, как естественность происхождения и устойчивость в воспроизведении в речи в тот или иной исторический период» [Алефиренко 2009: 244]. Например, в частном эпистолярии С.А. Есенина, насчитывающем 105 писем, выявлено 10 паремий, из которых 7 являются языковыми, некоторые из них преобразованными: *Бодливой корове рога не даются, Давши слово – крепись, Лёг камушком, а поднялся калачиком, Маши каслом не испортишь, Не так страшен чёрт, как его малютки, С глаз долой – из сердца вон, Сей вор хуже Приблудного*; а 3 – окказиональными: *В эти оглобли не коренник, Мышиным зубами горы не подточить, Ни лебедя, ни гуся вода не мочит*. Или сравним с паремией, не один раз используемой И.С. Аксаковым в его письмах из Астрахани: *Астраханский мужик осетра на печи поймал* [Аксаков 1991: 91, 124 и др.].

Эмотивно-оценочный потенциал паремии насыщает образованную от неё ФЕ эмотивными смыслами. Иначе говоря, паремии, ставшие источником формирования ФЕ, являются генераторами эмотивной фразеологической семантики. Так, ФЕ *семь пятниц на неделе* связано с паремией *У бабы семь пятниц на неделе*, глубокий смысл которой корнями уходит в ритуалы и верования русского народа [Алефиренко 2002: 313]. Дискурсивное мышление, лингвокреативное по своей природе, реализует закономерности образования ФЕ, аккумулирующих в своей семантике энергетику всего

дискурсивно-когнитивного образования. Сравним: *«Как ни тосклива была моя последняя поездка в Петербург, но и на ней оправдалась поговорка, что нет худа без добра»* (А.П. Чехов М.В. Киселёвой, 17 марта 1887 г., Москва) [Чехов 1963: 120]. Таким образом, паремия может стать центром, образующим микротему письма.

Мало изучен эмотивный потенциал прецедентных единиц в ЧЭД. По наблюдениям Т.П. Акимовой, эти единицы сверхсловной номинации обладают мощными когнитивно-прагматическими ресурсами [Акимова 2014]. Одно из писем А.П. Чехова начинается словами: *«Не велите казнить, велите слово вымолвить»* (Н.А. Лейкину, 12 января 1887 г., Москва) [Чехов 1963: 105], а далее следует подробное извинение за молчание. Роль этой формулы в формировании общего ироничного тона письма велика: она словно задаёт, продуцирует эмотивные смыслы, распространяя их на всё дальнейшее содержание письма.

Лексическая эмотивность – это мощнейший фонд продуцирования фразеологической эмотивности. Благодаря прозрачной внутренней форме, ФЕ черпают эмотивные ресурсы из той генетической базы, которая вступает во фразеомообразовательную комбинаторику. Например, в письме М.Е. Салтыкова-Щедрина используется ФЕ *каждая собака* в значении ‘Прост. Пренебр. Каждый, всякий, любой (знает кого-либо, что-либо)’ [ФСРЛЯ 2: 260]: *«Какое, однако, слово Тургенев выдумал «нигилисты» – всякая собака им теперь пользуется»* (М.Е. Салтыков-Щедрин П.В. Анненкову, 24 сентября 1875 г., Париж) [Салтыков-Щедрин 1925: 95]. Лексема *собака*, помимо денотативного компонента, имеет мощную базу коннотативных смыслов, включающих ассоциативно-образные, эмотивно-оценочные смыслы, культурную коннотацию. Этим комплексом смысловых элементов семантическая структура лексемы вступает в процесс фразеомообразовательной комбинаторики, продуцируя формирование ЭК

фразеологической семантики, который объективирует эмоции презрения, возмущения.

Сравним с аналогичной по структуре ФЕ *всякому Якову* 'Прост. Каждому' [ФСРЛЯ 2: 394] и с ФЕ, имеющей в составе формальной структуры компонент *собака: как (что) собак нерезаных* в значении 'Прост. Пренебр. Очень много кого-либо' [ФСРЛЯ 2: 259], что позволяет проследить роль коннотативных компонентов семантической структуры лексемы, оказавшихся в процессе фразеомобразовательной комбинаторики. С другой стороны, существует ФЕ *каждую собаку* в значении 'Прост. Ирон. Абсолютно всех, каждого' [ФСРЛЯ 2: 260]. В сопоставлении эмотивных свойств ФЕ *каждая собака (знает)*, объективирующей эмоцию презрения, и *каждую собаку (знает)*, объективирующей эмоцию иронии, обнаруживаются особенности мировосприятия, ценностные установки индивидуальной картины мира представителя русской лингвокультуры.

Итак, аккумулируя эмотивный потенциал других средств объективации эмоциональной информации в процессе формирования фразеологической семантики, ФЕ вступает в сложное взаимодействие с языковыми единицами в эмотивном высказывании. Отчётливо это взаимодействие видно в процессе функционирования междометных ФЕ.

Междометные ФЕ – это единицы, служащие для объективации интенсивности проявления эмоции, они объективируют эмоцию без указания на её характер: «Вообразите наше **удивление**, когда нам сказали, что он (князь – К.Н.) раздумал и не только в Царицыне, но даже в Сарепте не останавливался и проехал прямо в Черный Яр. **Вот тебе на!** так и нам скакать, не останавливаясь!» (И.С. Аксаков родным, 18 января 1844 г., вторник, вечер, Чёрный Яр) [Аксаков 1991: 40]. И.С. Аксакова удивляло, что князь, путешествуя отдельно, постоянно опережал их, хотя был намного старше Аксакова и его спутника: «Он то, что французы называют un home parfaitement bien élevé, то есть никогда не позволит себе ни одного грубого,

дерзкого, русского слова ни с кем, даже с курьером, всегда учтив и прост между тем в обращении», чиновники же от князя-ревизора ожидали другого, более привычного им, обращения [Аксаков 1991: 42]. Эксперимент, проводимый нами для выявления особенностей восприятия эмотивности современными носителями языка, показал, что высказывания, содержащие междометные ФЕ, но не имеющие иных средств, по которым можно было бы сделать вывод о характере объективируемой эмоции, интерпретировались следующим образом: «*Высказывание выражает эмоцию, это точно, но какую, определить невозможно*» (один из ответов).

Иначе говоря, междометные ФЕ – это ФЕ, которые функционируют в эмотивном высказывании как сигнализаторы высшей степени проявления той или иной эмоции, характер которой уточняется иными средствами. Исходя из этого, становится актуальным вопрос о статусе междометных ФЕ в системе средств объективации эмоций. На наш взгляд, междометные ФЕ в ядре своего значения имеют не эмотивную семему, а тот элемент фразеологического значения, который фиксирует степень проявления номинируемого признака, экспрессивную или градуальную сему.

Таким образом, единицы фразеологического фонда русского языка и неузуальные ФЕ, речевые и окказиональные, могут выступать средством объективации эмоций в ЧЭД. Эмотивная ФЕ – это единица косвенно-производной номинации, с помощью которой так или иначе носитель языка выражает свои эмоции, не называет (актуально, скорее, для лексики), не описывает (ФЕ дескриптивного характера), а именно выражает. В свете такого понимания фразеологической эмотивности трудно согласиться с мнением, что «фразеологизм» *ни зги (не видать)*, которую А.В. Бондарь называет самой частотной в идиолекте Пастернака, «является эмотивным, поскольку выражает крайнюю (превосходную) степень проявления признака, и в его семантике присутствует коннотативная сема» [2013: 332]. Последняя же, ссылается автор на классика эмотивологии, служит «для выражения

эмоционального отношения говорящего к называемому в логико-предметном компоненте значения объекту отражения» [Шаховский 2008: 76]. Далее следует вывод о том, что «под эмотивностью в данном случае мы понимаем конструктивное семемное образование денотативно-коннотативного ядра языкового знака, отражающее эмоциональное отношение говорящего к описываемому». Позволим себе предположить, что анализируемая ФЕ, узואально не эмотивная, реализует эмотивные свойства в контекстах, которые в работе не приведены. Заметим, что признание эмотивными всех единиц, отражающих субъективное восприятие носителем языка событий и явлений окружающей действительности, представляется методологически не верным, так как в этом случае расширяются границы исследования явления эмотивности за счёт включения неоднородного материала.

Реестр эмоций, которые объективированы с помощью фразеологии, отражает картину эмоциональной жизни народа, носителя лингвокультуры в целом или представителей конкретной эпохи. Особенно интересны в этом плане даже не столько системная, языковая эмотивность знака косвенной номинации, сколько фразеологическая эмотивность, реализующаяся в ЧЭД, обслуживающем бытовую сферу общения и отражающем эмоциональный мир человека в его повседневности.

2.4. Специфика фразеологической эмотивности в частном эпистолярном дискурсе

Эмотивной признается языковая, в том числе и ФЕ, единица, «в семантической структуре которой имеется эмоциональная доля в виде семантического признака, семы, семного конкретизатора, значения, благодаря чему эта единица адекватно употребляется всеми носителями языка для выражения эмоционального отношения/состояния говорящего» [Шаховский 1987: 24–25]. Выражение эмоций посредством ФЕ возможно в силу функционирования в структуре ее значения ЭК. Как правило, ЭК

фразеологического значения неоднороден, т.к. в реальной речевой ситуации палитра эмоций, сопровождающих ее, достаточно широка и трудно фиксируема. Фразеологическая эмотивность создается её внутренними и внешними ресурсами.

2.4.1. Внутренние ресурсы фразеологической эмотивности

Структура фразеологического значения, ставшая объектом разноаспектных исследований [Алефиренко 2004; Архангельский 1964; Бабкин 1970; Диброва 1994; Жуков 1986, 1987; Золотых 2007; Копыленко 1978; Кохтев 1986; Кругликова 1988, 1999; Кунин 1971, 1980, 1986; Лавров 1992; Машина 1998; Мелерович 1971, 1989; Мокиенко 1989; 2007; 2013; Назарян 1987; Попов 1976; Солодуб 1996; Телия 1996; Фёдоров 1995; Шанский 1985; Эмирова 1988 и др.], предстаёт единым организмом, в котором все элементы тесно взаимосвязаны. Это единое целое, вступая во взаимодействие с другими единицами высказывания, подвергается их влиянию, не остаётся изолированной системой. Например: *«Любезнейший друг, Вы молодец – ей-богу, и я не могу не хвалить и не благодарить Вас от души. Ваше обстоятельное и любопытное письмо доставило мне много удовольствия, а что касается до "Отцов и детей", то я с Вами на их счет как у Христа за пазухой»* (И.С. Тургенев Н.В. Щербаню, 26 февраля (10 марта) 1862 г., Париж) [Тургенев 1982в]. Обратим внимание на использование ФЕ *ей-богу* в значении ‘Разг. Божба, клятвенное заверение в чём-либо; уверен, клянусь; честное слово’ [ФСРЛЯ 1: 38], а так же на коррелирующую с её семантикой ФЕ *от души* ‘Искренне’ [ФСРЛЯ 1: 224], которые призваны свидетельствовать об искренности сообщения. Лексемы *любезнейший, молодец, хвалить, благодарить, удовольствие* имеют в составе своих лексических значений оценочные семы (положительной оценки), комплексно высказывание транслирует эмоциональное состояние, которое можно было бы квалифицировать как благодарность, радость.

Подчеркнём, что речь идёт о той информации, которая произвольно, осознанно или неосознанно, транслируется автором. Структура ЧЭД, включающая блок индивидуальной картины мира адресанта и то когнитивное образование, которое «подготовлено» для трансляции ЧЭД, рассмотрены нами в статье [Калёнова 2014б]. Настоящие чувства и эмоции могут совпадать с тем фрагментом индивидуальной картины мира, который есть на самом деле, а могут быть иными: речь может идти о формировании фрагмента вымышленной индивидуальной картины мира адресанта, такой, какой он хотел бы представить свою картину мира адресату. Комплекс средств, используемых в данном фрагменте письма, действует взаимосвязанно. ФЕ *как у Христа за пазухой* ‘Разг. 1. Очень хорошо, вольготно, без забот, без нужды и хлопот (жить, отдыхать и т.д.). 2. В полной безопасности (быть, находиться, чувствовать себя и т.д.)’ [ФСРЛЯ 2: 355] соотносима по смысловому содержанию с общим эмотивным фоном высказывания.

Рассматривая эмотивность высказывания, можно выявить роль каждой единицы, в том числе и ФЕ, в формировании целостного смыслового содержания, но эмотивность ФЕ имеет разную природу. Исходя из этого, полагаем, что фразеологическая эмотивность, понимаемая как свойство ФЕ объективировать эмоции, может быть сформирована внутренними и внешними ресурсами. Для того чтобы раскрыть специфику фразеологической эмотивности в её преломлении в ЧЭД, следует, на наш взгляд, обратиться к её внутренним ресурсам.

Фразеологическое значение, содержащее, как и лексическое, денотативный и коннотативный макрокомпоненты, имеет специфику организации полевой семантической структуры: «коннотация этого типа номинативных единиц, вытеснив денотацию на периферию, становится доминантным макрокомпонентом их семантической структуры» [Алефиренко 2005: 138]. Денотат ФЕ отражает те самые важные объекты и

явления окружающей действительности, которые попадают в поле эмоционального, субъективного восприятия носителя лингвокультуры, что позволяет учёным реконструировать фрагмент языковой картины мира, представленной фразеологическим фондом русского языка, выделяя базовые концепты. Сравним с термином *фразеологическая картина мира* в работах учёных [Зверева 2002; Хайруллина 2008; Попова 2011; Шкатова 2012 и др.]. Так, Л.Г. Золотых «выявлено 38 концептов, объективированных фраземами» [2007: 125]. В группу с высокой частотностью объективации вошли такие концепты, например, как ПРАВДА / ИСТИНА, СОВЕСТЬ / НРАВСТВЕННЫЙ ЗАКОН / МОРАЛЬ, СВОЙ / ЧУЖОЙ, ВРЕМЯ и др. [Золотых 2007: 125–137].

Иначе говоря, денотат можно рассматривать в качестве внутреннего ресурса фразеологической эмотивности, не преувеличивая его роли в формировании эмотивных свойств единицы косвенно-производной номинации. Например, ФЕ со значением ‘Умереть’ – *уйти из жизни, откинуть копыта, дать дуба и др.* – имеют общий денотат, но содержат в структурах своих значений разные ЭК: ФЕ *уйти из жизни* не имеет узуального ЭК, в семантической структуре ФЕ *откинуть копыта* ЭК объективирует эмоцию иронии, что лексикографически зафиксировано [ФСРЛЯ 2: 66]. Подводя итог рассуждениям о роли денотата в формировании фразеологической эмотивности, следует сказать, что эта взаимосвязь ещё не достаточно изучена, но можно с уверенностью утверждать, что мир концептов, объективируемых эмотивными ФЕ, – это мир эмоциогенных концептов.

Выделяя компоненты коннотативной семантики, учёные по-разному видят её состав [Стернин 1979: 73; Арнольд 1990: 107–114; Харченко 1976: 66–71; Филиппов 1978: 60; Шаховский 1983: 32; и др.] вплоть до довольно широкого понимания, при котором коннотация предстаёт как «любая добавочная информация в значении слова, связанная с его

функционированием, то есть с типичным набором коммуникативных ситуаций, в которых оно употребляется» [Сторожева 2007: 117], что позволяет включать в коннотативный макрокомпонент семы, отражающие стилистическую, эмоциональную, экспрессивную, оценочную, прагматическую, ассоциативную характеристики [Там же].

В аспекте нашего исследования интересной представляется история изучения фразеологической коннотации [Артёмова 1991; Берлизон 1980; Говердовский 1979, 1985; Машина 1998; Солодуб 1996 и др.], специфика которой постулируется учёными в связи с разными аспектами фразеологической семантики. Определяя коннотацию, вслед за Н.Ф. Алефиренко, как тот аспект значения номинативных единиц, который представляет собой совокупность эмотивных, ассоциативно-образных и стилистических сем, отражающих не столько признаки обозначаемых объектов, сколько отношение говорящего к обозначаемому или к условиям речи [Алефиренко 1999: 108], признаём, что «набор компонентов языковой и речевой коннотации не тождествен» [там же: 140]. Эта мысль получает развитие в современных фразеологических исследованиях, посвящённых речевому «поведению» ФЕ [Бизюков 2008; Василенко 2010 и др.]. Например: *«Хочу домой, в Москву. Там холодно, снег, жена, сын, приходят симпатичные гости, звонят по телефону из редакции. Там я каждый день читал газеты, пил хороший чай, ел икру и семгу. А котлеты! Обыкновенные рубленые котлеты! С ума можно сойти! Или, например, щи со сметаной, или беф-строганов. Ну, размечтался!»* (Е.П. Петров В.Л. Катаевой, 10 декабря 1935 г., Холливуд – Лос-Анжелос) [Ильф 1961: 571]. Объективацию эмоциональной информации в данном фрагменте письма обеспечивает взаимодействие единиц разных уровней: лексемы *холодно, снег, жена, сын, гости, звонить, котлета, щи, беф-строганов* реализуют индивидуальные субъективные смыслы, актуальные для автора сообщения. Оценочные семы в структурах лексических значений лексем *симпатичный, хороший*

координируют эмотивно-оценочную семантику высказывания. Использование восклицательного знака преследует цель передать интенсивность эмоционального состояния, объективируемого в высказывании. Внутренние ресурсы эмотивности ФЕ *с ума сойти* в значении 'Прост. Экспрес. Выражение крайнего удивления или восхищения чем-либо; ироничного отношения к кому-либо или чему-либо; подумать только' [ФСРЛЯ 2: 263] заключаются в функционировании ядерного ЭК, содержание которого конкретизируется в контексте.

Коннотация ФЕ – оркестр субъективных смыслов, окутывающих денотат. ФЕ *ни черта* в значении 'Прост. Совершенно, абсолютно ничего (не иметь, не знать, не понимать и т.п.)' [ФСРЛЯ 2: 366] содержит коннотативные семы, в частности, оценочную (отрицательной оценки), которая в процессе функционирования единицы в контексте, становится базой эмотивных свойств ФЕ: «*Вчера получил из Москвы твоё письмо. Я, когда был в Харькове, скучал убийственно, и если бы я знал твой адрес, то, безусловно, привалился бы к тебе и надоел до смерти. Но, к сожалению, **ни черта** не получилось» (Н.А. Островский А.П. Давыдовой, 22 октября 1926 г., Новороссийск) [Островский 1956]. При сопоставлении фразеологического значения ФЕ *ни черта* с лексическим значением слова *ничего*, которая объективирует денотат знака косвенно-производной номинации, обнаруживается тот «остаток», что и является коннотативным макрокомпонентом данной ФЕ. Внутренняя форма ФЕ *ни черта* связывает семантику этой единицы с культурноспецифическим дискурсом, отражающим верования и представления носителя лингвокультуры о добре и зле [Шведова 2004]. Эта мощная по культурной энергетике генетическая база обуславливает экспрессивность единицы, а также её стилистическую маркированность. Таким образом, эмотивность ФЕ определяется наличием в её семантической структуре ЭК, который входит в состав коннотативного макрокомпонента ФЕ.*

Оценочный компонент фразеологического значения является базовым для формирования ЭК. Сложный характер взаимодействия эмотивного и оценочного компонентов [Голованевский 2002; Кругликова 1988; Сергеева 2003 и др.] обусловлен тем, что эмоция и оценка – это способы выражения отношения носителя языка к миру обозначаемых явлений. «Оценочные элементы возникают в результате обратной связи между отражающим объективную реальность субъектом и результатом отражения его в сознании. Эти результаты специфическим образом закрепляются в семантических микроструктурах лексических и фразеологических единиц и могут вызывать в сознании человека эмоциональную активность» [Городникова 1980: 38]. Наличие оценочного компонента в структуре фразеологического значения свидетельствует о том, что во фразеологической семантике заложен субъективный смысл, результат сложнейшей мыслительной операции: сознание обрабатывает информацию в координатах собственных ценностей и оценок.

Осознание взаимосвязи эмотивности и экспрессивности позволяет некоторым учёным отождествлять эти категории [Берлизон 1980: 16; Шмелёв 1964: 43–44; Седых 2012: 40 и др.]. Экспрессивный микрокомпонент семантической структуры языковой единицы одни учёные [Телия 1986: 101; Копыленко 1978: 14–15; Харченко 1976: 69 и др.] относят к коннотативному аспекту значения языковой единицы, другие [Филиппов 1978: 604; Шаховский 1983: 32] – к денотативному: «В том, что эмотивность – коннотативна, а экспрессия денотативна, и что всякая эмотивность экспрессивна, нет противоречия, так как эти категории связаны: все эмотивные единицы обязательно имеют в денотате экспрессивные семы, но не все экспрессивы предполагают наличие эмотивной коннотации» [Шаховский 1983: 32.]. Экспрессивность как необычное, нерегулярное употребление языковых единиц, и как следствие, нечто действующее, служащее достижению прагматических задач речевого общения [Кругликова

1988: 53; Маслова 1989: 183 и др.] коннотативна. «Повышенная квота экспрессивности и оценочности, как известно, является энергетическим ресурсом особой коннотативности фразеологизмов» [Мокиенко 2007: 33].

Итак, экспрессивность – свойство языковой единицы, компонент речевой коннотации, как и ЭК, обеспечивающий способность ФЕ выступать в коммуникативном акте средством выражения субъективного отношения говорящего к содержанию или адресату речи, то есть способствует реализации прагматических задач, заключающихся в увеличении иллюкутивной силы, нацеленной на эмоциональное воздействие [Алефиренко 2004: 284]. В ЧЭД в результате структурно-семантических преобразований ФЕ, объективирующая эмоциональную информацию, актуализирует экспрессивный компонент, что проявляется в большей воздействующей силе при трансляции эмоциональной информации.

По сути, экспрессивность в таком понимании предстаёт как такое свойство ФЕ, которое обеспечивает бо'льшую воздействующую силу единицы в условиях коммуникативного акта. Соответственно, изучение специфики фразеологической экспрессивности должно быть в большей степени ориентировано не на внутреннюю организацию языковой единицы и даже не на контекстуальные связи ФЕ в процессе её функционирования, а на результаты восприятия смысловой структуры ФЕ, что подразумевает применение экспериментальных психолингвистических методик.

На формирование фразеологической эмотивности и характер её функционирования в ЧЭД воздействует образность ФЕ. Понимая, вслед за Н.Ф. Алефиренко, образность как «отражательный эффект в семантике слова, проявляющийся в двуедином видении двух картин» [1999: 139], считаем, что наряду с оценочностью, это один из важнейших факторов продуцирования ЭК фразеологического значения. Фразеологическая образность [Добровольский 1996; Жуков 1967 и др.] тесно связана с внутренней формой, которая представляет собой «не образ предмета, а образ образа» [Потебня

1976: 147], отражающая «только самый общий план» [Телия 1996: 190] генетического дискурса.

Фразеологическая образность как семантическое свойство фиксируется в ассоциативно-образных семах, заключающих информацию о субъективном восприятии окружающей действительности, интерпретированную механизмом воображения. Ассоциативно-образные семы являются частью коннотативного макрокомпонента. Итак, образность ФЕ – это свойство ФЕ, зафиксированное в ассоциативно-образном компоненте фразеологического значения, который является частью коннотативного макрокомпонента, наряду с оценочным компонентом принимает участие в формировании ЭК. Именно наглядное представление о денотативной ситуации, возникшее в воображении носителя языка, продуцирует эмотивную семантику знака.

Внутренняя форма представляет собой «синхронный эпидигматический компонент их семантической структуры, служащий идиотнической основой косвенно-производной номинации, т.е. отражающие тот денотативный признак, по которому и был наименован соответствующий фрагмент реальной действительности» [Алефиренко 2002: 276]. Результаты интеллектуально-эмоционального освоения мира, т.е. когнитивного процесса, реализуются в семантике эмотивных ФЕ. Внутренняя форма эмотивных ФЕ, выполняя гносеологическую функцию, по Н.Ф. Алефиренко, служит средством познания наименованных идиомами фрагментов внеязыковой действительности. Декодирование эмотивной информации, содержащейся в семантике эмотивной ФЕ, в силу ее этнокультурной обусловленности затруднено, а иногда и невозможно без обращения к ее внутренней форме [Жуков 1967; Кириллова 2002; Кунин 1984; Леонтович 1990; Мелерович 1971, 1980; Шанский 1987 и др.].

Благодаря тому, что внутренняя форма воспроизводит целые денотативные ситуации, ее роль в формировании фразеологического ЭК можно считать определяющей. Участие внутренней формы в процессе

формирования ЭК фразеологического значения возможно, как показывают наши наблюдения [Королева 2006: 35–37], тремя способами. В первом случае источником ЭК выступает внутренняя форма, актуализирующая этимологическое значение (около 4 % от общего числа языковых эмотивных ФЕ). Во втором – ЭК формируется внутренней формой в сочетании с другими компонентами содержательной структуры ФЕ (около 52%). Третий способ, комбинированный, включающий 1 и 2 способ (около 44%). Актуализация эмоциогенной денотативной ситуации посредством внутренней формы и её взаимодействие с другими компонентами фразеологического значения обеспечивают формирование эмотивной семантики ФЕ.

Внутренняя форма ФЕ – фундамент всей фразеологической семантики и ЭК в частности: *«Я был в доме генерал-губернатора на заседании Исполнительного комитета. Круглый зал, облицованный белым мрамором. Высокие узкие зеркала. Хрустальные люстры мерцают многоцветными вспышками. На широких мраморных лестницах, в залах, затянутых старинным шелком, у всех дверей – застыли часовые. Когда проходит комиссар правительства с красной звездкой в петлице – они бесшумно берут на караул. В тихих разговорах, в тишине зал, в ярком свете что-то торжественное и новое. Мне отвели место за столом, рядом с президиумом. Старинные кресла красного дерева»* (К.Г. Паустовский Е.С. Загорской-Паустовской, 17 марта 1917 г., ночь) [Паустовский 1986: 56]. ФЕ ёмко кодирует целую модель ситуации. Необходимым для эффективности ФЕ как средства кодирования эмоциональной информации условием является владение адресатом знаний о внутренней форме единицы.

ФЕ *брать на караул*, генетически связанная с военным дискурсом, носила изначально специальный, терминологический характер. Например, в воспоминаниях бывшего военного, охватывающих практически то же время, читаем: *«Завидев знамя, старший караульный начальник выходит для командования и командует: «Под знамя... слушай, на караул!» Все берут «на*

караул» [Макаров 1951: 81]. Или: «*Раз, два... взяли на караул. Со вторым счетом по всей линии головы не повернулись, а вскинулись направо. В такт блеснули офицерские шапки. Музыка снова; гремит полковой марш*» [Макаров 1951: 82]. Таким образом, возникнув в военной сфере, сама ситуация как набор действий и её символическое значение становятся в определённый период общедоступными. ФЕ *брать / взять на караул* в современном литературном языке фиксируется словарём как ‘Спец. Устар. Приветствовать кого л. особым ружейным приемом’ [ФСРЛЯ 1: 77].

Отдельно следует сказать о том, что время написания письма, 1917 г., – период очень сложный для страны, происходит очень много военных действий различного характера, военное положение и т.д. – всё это накладывает отпечаток на концептосферы людей, живущих в эту эпоху. Именно поэтому субъективные смыслы, продуцируемые внутренней формой единицы, актуальны для носителя лингвокультуры того времени и не актуальны (вернее, могут быть актуальными другие смыслы) для нашего современника.

Необходимым для эффективности ФЕ как средства кодирования информации условием является знание адресатом значения данной ФЕ, наличие данной ФЕ в лексиконе адресата как активно употребляемой единицы или как единицы, которая была услышана, адекватно декодирована. Например, «*Тон такой, точно эта редакция дошла чуть ли не до геркулесовых столпов!*» (И.А. Бунин Г.В. Адамовичу, 22 мая 1947 г., Жуанле-Пен) [Бунин 1961]. Если адресат сообщения не знает значение ФЕ, то декодирование эмотивного содержания высказывания в целом становится для него невыполнимой задачей. ФЕ *до геркулесовых столпов* в значении ‘Книжн. Предел, граница чего-либо, крайность в чём-либо’ [ФСРЛЯ 2: 282] генетической базой связано с мифологическим дискурсом, что на уровне компонентного состава ФЕ отражено в стилистической маркированности единицы. Чаще всего книжной фразеологией в частном письме (письменной

форме разговорного стиля) объективируется эмоция иронии. Другими словами, важно, чтобы адресат владел знанием о том объеме информации, которая может быть закодирована данной ФЕ. Итак, внутренняя форма эмотивных ФЕ принимает непосредственное участие в формировании ЭК фразеосемантики, она «преломляет и конкретизирует сфокусированные в ней субъективные смыслы, получающие дискурсивную интерпретацию в процессе взаимодействия идиоμοобразующих компонентов» [Алефиренко 2002: 278].

Таким образом, понятия *коннотация*, *образность*, *экспрессивность*, *эмотивность*, *внутренняя форма*, *оценочность* связаны с обозначением субъективного в языке. Отношение носителя лингвокультуры к вербализуемым явлениям фиксируется в элементах значения знака косвенно-производной номинации. Иначе говоря, эти понятия представляют собой обозначение свойств ФЕ, благодаря которым эти единицы вербализуют субъективную информацию.

По семантическому статусу номинируемого компонента коннотация представляет собой макрокомпонент фразеологического значения, включающий экспрессивные, эмотивные, оценочные, ассоциативно-образные смысловые элементы. Внутренняя форма при этом, «находя свою объективацию в интенционале значения идиомы, имеет сигнификативную природу, т.е. представляет собой эпидигматическую связь между денотатом и коннотацией идиомы, существующую в виде обобщенно-абстрагированного признака понятия или представления о денотате, который формирует определение ассоциативно-образные коннотации <...> В зародыше такая внутренняя форма содержит и коннотативный, и оценочный, и семантический компоненты» [Алефиренко 2002: 278].

В заключение подытожим, внутренние ресурсы фразеологической эмотивности сосредоточены в коннотативном макрокомпоненте ФЕ, по-разному участвуя в её формировании и функционировании. Эмотивность,

свойство языковой единицы объективировать эмоции, свидетельствует о наличии ЭК в структуре фразеологического значения. Ассоциативно-образные семы, характер и условия функционирования которых во многом определяются внутренней формой, способны порождать эмотивную семантику ФЕ, влияют на его экспрессивные характеристики. Оценочный компонент является базой эмотивных свойства ФЕ. Экспрессивность ФЕ является результатом функционирования эмотивных сем в структуре фразеологического значения. Сложные внутривидовые взаимоотношения семантических компонентов фразеологического значения определяют специфику ФЕ как средства выражения эмоций. Внутренние ресурсы фразеологической эмотивности «работают» не только в период фразеологического образования, но и в период функционирования ФЕ в ЧЭД. Эмоциогенный характер имеют культурные коннотации.

2.4.2. Культурные коннотации фразеологических единиц и эмотивность в частном эпистолярном дискурсе

Лингвокультурологический вектор фразеологии, заданный работами Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [1990], В.Н. Телия [1996], Д.О. Добровольского [1997], получив в лингвистике развитие в разных аспектах [Гоголева 1997; Григорьев 2006 и др.], опирается на идею о том, что «если единицы языка обладают культурно-национальной спецификой, то последняя должна иметь свои способы её отображения и средства соотнесения с ней, то есть служить своего рода «звеном», соединяющим в единую цепь «тело знака» (а для знаков вторичной номинации – это и «буквальное значение» самого означающего) – с одной стороны, а с другой – концепты, стереотипы, эталоны, символы, мифологемы и т.п. знаки национальной и – шире – общечеловеческой культуры, освоенной народом – носителем языка» [Телия 1996: 215].

Анализ эпистолярной фразеологии показал, что лингвокультурологический подход не использован в полной мере для исследования эмотивности эпистолярной фразеологии [Калёнова 2015а]. Лингвокультурология, обратившись к знакам сверхсловной номинации, выявила особый статус ФЕ в объективации культурной информации: «Культурно маркированные смыслы, сохраняемые в памяти фразеологических единиц, распознаются участниками коммуникативных актов благодаря их культурной компетенции, их умению актуализировать пресуппозиционные знания, историко-культурологическую информацию, хранящуюся в памяти народа» [Брысина 2003: 24]. ЧЭД преломляет субъективное восприятие окружающей действительности, обусловленное установками эпохи и культуры в целом. ЧЭД – явление культуры, следовательно, лингвокультурологический аспект эмотивности эпистолярной фразеологии, не получивший должного внимания со стороны учёных, актуален в силу того, что «способ интерпретации людьми своих собственных эмоций зависит, по крайней мере до некоторой степени, от лексической сетки координат, которую даёт им их родной язык» [Вежбицкая 1999: 505]. Лингвокультура, задавая систему эмотивных координат в определённый период своего развития, идёт от своих ценностных установок, а потому сложившаяся веками система эмотивных знаков, актуальных для носителей данной лингвокультуры, – это ключ к пониманию мировосприятия её носителей.

В связи с тем, что «ментальные и языковые категории, на которые подразделяются эмоции и их обозначения, зависят от культуры и языка, а невербальные и вербальные концептуализации эмоций отнюдь не универсальны» [Крейдлин 2002: 176], особенности лингвокультуры своеобразно представлены в эмотивной эпистолярной фразеологии. ФЕ для носителя языка оказывается таким объёмным, если представлять образно этот знак как вместилище смыслов, средством трансляции информации. Из

концептосферы адресанта вычленяется некоторый объем информации, подлежащий кодированию. Далее, на уровне смысла текста, формулируются смысловые, когнитивные структуры, которые планируется кодировать, а затем подбираются средства (вербальные и невербальные) для кодирования этих когнитивных структур, в том числе и ФЕ. Дело в том, что использование ФЕ позволяет при минимальных усилиях объективировать, передать больший объем информации, к тому же не только рациональной, но и эмоционально-оценочной. Знание значения ФЕ адресатом, то есть наличие той же информации о значении ФЕ, что у адресанта, обеспечивает успешное декодирование сообщения. Нет необходимости дополнительных средств вербализации этой информации.

Например, ФЕ *голодный как волк* в значении ‘Сильно, очень (голодный)’ имеет компонент формальной структуры – зооним *волк*. Ассоциативно-образные смыслы, актуальные для носителей русской лингвокультуры, уже являются частью концептосферы адресата, следовательно, декодирование сообщения, содержащего данную ФЕ, опирается на соответствующий фрагмент концептосферы языковой личности. Ср.: *«Дорогой Михаил Васильевич! Положение мое скверное. Хожу отрепанный, голодный, как волк, а кругом всё подтягивают. Сапоги каши просят, требуют, чтоб был как зеркало, но совсем почти невозможно»* (С.А. Есенин Аверьянову М.В., 8, или 18, или 28 декабря 1916 г., Царское село) [Есенин 1999: 90]. Языковая личность усваивает лингвокультурологическую информацию с раннего детства. Как отмечает Г. Бедненко, «у скандинавов преступник часто представлялся волком», хотя «образ волка связан с определенным символическим рядом ассоциаций, неизменно повторяющимся в разные времена и у разных народов, в том числе и не имеющих общей праистории» [Бедненко]. Существование эквивалентов данной ФЕ в других языках, например, *hungry as a wolf* и др., может свидетельствовать о некоторых универсальных чертах концепта и способов его объективации в данных

лингвокультурах. Другая ФЕ в анализируемом контексте, а именно ФЕ *каши просят* в значении ‘Прост. Шутл. Износились, в дырах, требуют починки (об обуви)’ [ФСРЛЯ 2: 161], имеет синонимичную ФЕ *есть просят* [ФСРЛЯ 2: 161]. Ситуация, когда порвалась или вот-вот порвётся обувь, отражена в модели ситуации, объективируемой ФЕ *каши просят* или *есть просят*. В английском языке подобную когнитивную структуру объективирует ФЕ *boots are gaping at the toes, boots are agape*, не являющаяся калькой русской ФЕ. В когнитивно-семантической структуре английской ФЕ отражено другое основание образного сравнения.

Когнитивная база ФЕ *как зеркало* от ФЕ *как стёклышко* во втором значении – ‘Разг. Экспрес 1. Очень чистый, сверкающий. 2. Совершенно трезвый’ [ФСРЛЯ 2: 279]) – восходит к русской традиции употребления спиртных напитков. В эфире 17 мая 2010 года программы «Тем временем» (телеканал «Культура») её участники, зав. отделом культуры русской речи Института русского языка им. В.В. Виноградова Алексей Шмелев, депутат ГД РФ, публицист Владимир Мединский, режиссер Алексей Ханютин, художник Андрей Бильжо, дискутируют о роли алкоголя в жизни и сознании русского человека [<http://old.tvkultura.ru/video.html?id=165704>], отмечая «след» концепта в русской культуре. Лексема *зеркало* объективирует концепт, обладающий глубокими символическими связями, имеющий характер универсальных или уникальных культурных кодов. Так, например, «почти повсюду зеркала связаны с магией и особенно с предсказаниями, так как считалось, что они могут отражать прошлое и будущее так же, как и настоящее» [Тресиддер 1999: 112], при этом зеркало выступает как символ самопознания в азиатской культуре, особенно в японской [Тресиддер 1999: 111]. Компонент ФЕ, таким образом, транслирует культурную информацию. В случае коммуникации между её участниками, принадлежащими одной лингвокультуре, трансляция культурной информации опирается на уже имеющиеся когнитивные образования. Происходит, образно говоря,

наложение, или дублирование поступающей информации на имеющиеся когнитивные структуры.

Декодирование сообщения в ЧЭД опирается на тот объем информации в концептосфере адресата, который уже сформирован к моменту декодирования. Допуская ситуацию, в которой письмо читает третье лицо, не принадлежащее к русской лингвокультуре, можно предположить, что для декодирования сообщения ему пришлось бы восстанавливать недостающий «пазл» в его концептосфере, а именно знания и о зеркале как символе культуры, и о значении ФЕ в целом, и о русской традиции употребления спиртных напитков. Тем более, что в анализируемом фрагменте ФЕ *как зеркало* используется без лексемы *трезвый*, которая семантически тесно с ней связана, часто употребляется вместе с ФЕ и «подсказывает» основные смысловые компоненты фразеологического значения. Это обусловлено тем, что «фразеологизмы возникают <...> на основе такого образного представления действительности, которое отражает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива» [Телия 1981: 13].

Ценными в лингвокультурологическом аспекте представляются письма из-за границы. В одном из них объективируется концепт, который невозможно номинировать одной лексемой, поэтому используется сверхсловная единица: *«Американская автомобильная дорога – это замечательно. Все время я смотрел только на нее, хотя сейчас удивительно красивый красный осенний пейзаж. В Вашингтоне я пробуду два дня – и назад в Нью-Йорк. Особенно интересно было ехать вечером, катишься, как на карусели и все двести пятьдесят миль дороги, это почти четыреста километров, кругом, и позади, и спереди, и навстречу катят автомобили. Какие-то старухи управляют машинами, девочки, все словно сорвались и едут, едут изо всех сил...»* (И.А. Ильф М.Н. Ильф, 13 октября 1935 г., Вашингтон) [Ильф 1961: 535]. Когнитивное образование ДОРОГА включает 1) результаты осмысления представлений о дороге, которая предназначена

для проезда автомобилей, и 2) ассоциативно-образный слой, который отражает результаты эмоционального переживания, связанного с опытом освоения этой реалии действительности. Для адресанта, носителя русской лингвокультуры, концепт ДОРОГА является важным культурным концептом русской концептосферы [Ипполитов 2003], который продуцирует эмотивные смыслы, заданные негативной оценочной семантикой. Когда автор письма оказался в Америке, он получил опыт рационального и эмоционального освоения такой реалии, которая соотносима с имеющимся концептом.

Объективации в письме подвергаются не все признаки описываемой реалии. Формирование концепта АМЕРИКАНСКАЯ ДОРОГА в концептосфере адресанта происходит на базе концепта ДОРОГА. Базовый слой концепта ДОРОГА составляют признаки 'Полоса поверхности, используемая для передвижения', 'Место для прохода/проезда', 'Процесс перемещения по дороге', 'Направление, маршрут следования по дороге' [Ипполитов 2003]. Как видим, базовый слой концепта ДОРОГА является основой для концепта АМЕРИКАНСКАЯ ДОРОГА. Адресат как языковая личность владеет концептом ДОРОГА, поэтому адресант объективирует те признаки, которые отличают новый концепт от имеющегося, в том числе, которые отражают результаты эмоционального опыта носителя русской лингвокультуры.

Единица *американская автомобильная дорога* не является языковой ФЕ, но обладает фразеологическим значением, характеризуется несоответствием плана выражения и плана содержания. Актуальность концепта АМЕРИКАНСКАЯ ДОРОГА подтверждают материалы различных русскоязычных форумов, блогов и т.д. в современном Интернет-пространстве, где американская дорога рассматривается как «воплощённая американская мечта» [<http://uadream.com/tourism/America/USA/element.php?ID=36374>], а «дух американской свободы и американская дорога – синонимы и очень чёткая

ассоциация в умах многих людей» [<http://www.kuda.ua/lenta/2948>]). Впрочем, есть мнение, что сохранность дорожного покрытия в Америке обусловлена благоприятными погодными условиями [<http://turist-v-amerike.ru/dorogi-v-ssha.html>]. Таким образом, культурный концепт АМЕРИКАНСКАЯ ДОРОГА оказался устойчивым когнитивным образованием, сохранив основные когнитивные признаки в своей структуре. ФЕ *американская автомобильная дорога*, транслируя культурную информацию, объективирует инокультурный концепт. В последующих письмах адресант кодирует отдельные признаки объективируемого концепта, дополняя его когнитивную структуру в сознании адресата, так, например, *«дорога не утомляет»* (И.А. Ильф М.Н. Ильф, 11 ноября 1935 г., Толидо) [Ильф 1961: 548], хорошо продумана, *«установлена газолиновыми (бензозаправочными – К.Н.) станциями. Это организовано так, что лучшего нельзя желать. Станции есть всюду. Едете ли вы через пустыню или мимо хлопковых плантаций на юге»* (И.А. Ильф М.Н. Ильф, 21 ноября 1935 г., Амарилло) [Ильф 1961: 552], замечательная, широкая, *«как двуспальная кровать»*, и гладкая, *«как танцевальная площадка»* (Е.П. Петров В.Л. Катаевой, 10 декабря 1935 г., Холливуд, Лос-Анжелос) [Ильф 1961: 571], дороги *«бетонные, белые, ни пыли, ни грязи на них нет»* (И.А. Ильф М.Н. Ильф, 21 ноября 1935 г., Амарилло) [Ильф 1961: 552] и т.д. Итак, ФЕ *американская дорога* объективирует культурный концепт в комплексе с другими единицами, когнитивные признаки концепта вербализуются постепенно, всей цепочкой писем.

В письме также могут найти отражение такие речевые единицы, лексикографически не зафиксированные, которые адресант впервые услышал где-либо, находясь вдали от дома: *«Последний недавно приехал из Рыбинска и привез с собою потихоньку ящик сигар. Вечером поздно явился ко мне и сказал, что хочет курить "под мой дух", т.е. пользуясь тем, что у меня накурено, потому что домашние его, придерживаясь старых обрядов, не позволяют курить»* (И.С. Аксаков родным, 5 июня 1849 г., Романов-

Борисоглебск) [Аксаков 1991: 305]. И.С. Аксаков живо интересуется бытом и культурой провинции, фиксируя свои наблюдения в письмах родным. Одно из таких наблюдений – необычное выражение, взятое им в кавычки. В письме есть указание на смысловое содержание ФЕ *под (чей) дух* – ‘Пользуясь тем, что у кого-то накурено’*. Данная речевая единица может быть потенциально эмотивной: анализируемом письме Аксаков иронизирует над тем, каким образом старообрядчество изо всех сил сохраняется его приверженцами, однако молодое поколение этих семей уже нарушает приметы строгой религии.

Лингвокультурологическое исследование ФЕ, лексикографически не зафиксированных, может обнаружить диалектные единицы. Так, например, нуждается в дополнительном лингвокультурологическом анализе ФЕ *дела не важат*: «На службе у меня **дела не важат**» (С.А. Есенин Н.А. Клюеву, июль-август 1916 г., Царское Село) [Есенин 1999: 81]. ФЕ *дела не важат* реализует значение – ‘Прост., неодобр. Дела идут плохо, что-то не получается, не складывается так, как хотелось бы’. Предположительно, компонент *важат* происходит от слова *вага*, имеющего значение ‘Вор. кур. сар. тяжесть, тягота, вес’. Как отмечает В.И. Даль, в рязанской и тамбовской губерниях слово имеет значение ‘Рычаг, ручак, подъем, напр. шест для подъема и смазки повозок; в разных машинах: рычаг или коромысло, которым что приводится в движение’. Глагол *важить* – ‘Тянуть тяжестью своею, весить, содержать в себе вес, тяготеть’ – отдельно или в сочетании с лексемой *дело* в произведениях художественной литературы, а также публицистике не обнаружен. Глагол *важить* в значении ‘Весить’ есть в словаре современного украинского языка.

Следует помнить, что «этнокультурное своеобразие диалектных фразеологических единиц может быть выявлено на основе двух основных видов лингвистического анализа: а) этнолингвистического, суть которого сводится к восстановлению культурно-исторической базы формирования

фразеологизмов; б) лингвокультурологического, при котором современные языковые факты исследуются сквозь призму духовной культуры, когда культурная семантика языковых знаков изучается с учётом взаимодействия двух разных семиотических систем» [Брысина 2003: 105].

В исследовании иноязычной фразеологии в структуре русского частного письма, являющейся неотъемлемой частью русской культуры I половины XIX века, намечен лингвокультурологический подход [Дубинина 2005], при этом основное внимание уделяется свойствам и функциям единиц. Отсутствие в родном языке подходящей единицы, с одной стороны, и с другой, – широкое знание французского, приводят к иноязычным вкраплениям в структуру эпистолярия: *«Он то, что французы называют: **un home parfaitement bien élevé**, то есть никогда не позволит себе ни одного грубого, дерзкого, русского слова ни с кем, даже с кучером, всегда учтив и прост между тем в общении»* (И.С. Аксаков родным, 18 января 1844 г., Черный Яр) [Аксаков 1991: 42]. «След» культуры в использовании иноязычной фразеологии как процесс «переключения с одного регистра на другой» представляет особый интерес на уровне мышления и взаимосвязи языка и мышления [Блиннохватова 2005].

Таким образом, при изучении эмотивных свойств ФЕ в ЧЭД необходимо учитывать воздействие не только внутренних ресурсов фразеологической эмотивности, но и когнитивно-обусловленных культурных коннотаций.

2.5. Методы анализа фразеологической эмотивности в частном эпистолярном дискурсе

В поисках эффективных методов анализа фразеологической эмотивности в ЧЭД, мы исходим из того, что «лингвистический подход в явном или неявном виде базируется на представлении о том, что эта информация (смысл) непосредственно содержится в высказывании, в тексте,

а потому постижение смысла представляется чем-то похожим на вычисление, выведение его в результате выполнения каких-то операций» [Новиков]. Итак, рассмотрим методы, которые мы использовали для выявления роли ФЕ в объективации эмоций в ЧЭД.

Универсального, абсолютно объективного метода выявления ЭК значения ФЕ нет [Шаховский 1987]. Существующие работы в этой области можно разделить на две группы. Большинство авторов считают эмотивными а) ФЕ, которые выражают эмоции (аффективы, представленные междометными ФЕ); б) ФЕ, которые имеют в компонентном составе лексемы, номинирующие эмоции; а также в) ФЕ, которые описывают внешние и внутренне проявления эмоций [Ахмадуллина 2013; Волкова 2005; Замалюдинова 2013; Зверева 2002; Кашина 1981; Комарова 1994; Косякова 2006 и др.]. Такая позиция позволяет авторам сделать вывод о представленности эмоциональной сферы человека в языке, в частности, фразеологии, о спектре номинируемых эмоций пополняют знания об этой сфере и о её лингвокультурологических особенностях.

Вторая группа исследований ориентирована именно на выявление таких ФЕ, с помощью которых можно выражать эмоции, то есть использовать их для того, чтобы выразить ту или иную эмоцию в акте коммуникации [Гарифуллина 2005; Ипполитов 1974; Кавуля 1987; Калимуллина 2005; Королева 2006; Городникова 1980 и др.]. Необходимо отметить, что методологический аспект исследования фразеологической эмотивности не всегда эксплицирован [Ахмадуллина 2013 и др.]. Мы убедились, что невозможно выбрать один из известных методов, так как предмет исследования – очень сложный феномен, поэтому выработали методику анализа фразеологической эмотивности, позволившую нам выявить роль ФЕ в объективации эмоций в ЧЭД, но, как нам представляется, эта методика может быть эффективной применительно к другим видам речевых произведений.

Метод словарных дефиниций [Бабкин 1964 и 1979; Ковалева 1981; Федоров 1995 и др.] для исследования эмотивной функции ФЕ применим для анализа единиц, у которых ЭК лексикографически зафиксирован. Этот метод позволяет выявить, используя информацию, отраженную в системе лексикографических помет и в самих дефинициях, определенный фонд эмотивных ФЕ. «Основное назначение фразеологизмов <...> – называя предмет высказывания, передавать и его эмоциональную оценку говорящим», – утверждает А.И. Фёдоров [ФСРЛЯ 1: 5], аргументируя необходимость соответствующих лексикографических помет в толковании ФЗ. Однако проблема диффузности эмоций как предмет психологии распространяется и на область лексикографического описания. Так, например, в арсенале составителей словарей [ФСРЯ; ФСРЛЯ; УФСРЯ и др.] оказались такие условные обозначения: *бран.* – бранное, *восторж.* – восторженное, *ирон.* – ироничное, *презр.* – презрительное, *пренебр.* – пренебрежительное, *уничижит.* – уничижительное, *шутл.* – шутливое, *шутл.–ирон.* – шутливо–ироническое, которые имеют отношение к системе вербализации эмоций (подробнее анализ данной проблемы представлен, например, в статье Р.А. Аюповой [2008]). Сравним: «*А делать подарки, продавая за дешево, всяким салонам, ни к чему, ну их к свиньям собачьим*» (П.С. Сухотин К.Ф. Некрасову, без данных) [Сухотин 1999: 509]. В словарной статье к ФЕ *ну тебя (его и т.п.) к свиньям <собачьим>* есть указание на ЭК в значении единицы, а именно с помощью пометы *бран.*, а также указанием на выражение раздражения, недовольства: ‘Прост. Бран. Употребляется при выражении раздражения, недовольства по поводу кого-либо или чего-либо’ [ФСРЛЯ 2: 222]. Иначе говоря, информация о том, что данная ФЕ служит для объективации эмоций, о характере объективируемых эмоций, есть в словарной статье.

Реестр лексикографической репрезентации эмотивной информации включает а) лексикографические пометы (типа *презр.* - презрительно, *ирон.* -

иронично и т.д.): *на бровях* – ‘Прост. **Пренебр.** В состоянии сильного опьянения’ [ФСРЛЯ 1: 52]; б) соответствующие описательные формулировки в самой дефиниции (типа «выражение досады», «выражение гнева» и т.д.): *видали и не таких* ‘Прост. **Выражение порицания** кому-либо, **пренебрежения**’ [ФСРЛЯ 1: 78]. Лексикографически зафиксирована фразеологическая репрезентация эмоций презрения, пренебрежения, иронии (системой лексикографических помет), досады и удивления (указанием на эмотивную информацию в дефиниции).

Лексикографическое отражение фразеологической эмотивности ограничено реестром помет. Кроме того, эмотивному содержанию ФЕ не всегда уделяется должное внимание. Например, в словарной дефиниции ФЕ *лыка не вяжет* – ‘Прост. Экспрес. Пьян до такой степени, что не может связно говорить’ [ФСРЛЯ 1: 133] нет указания на ЭК, который может быть выявлен в ходе сопоставления с семантическими структурами словосочетания *сильно пьян* и ФЕ *не вяжет ни уха ни рыла* – ‘Прост. Презр. совершенно пьян’ [ФСРЛЯ 1: 133]. ФЕ *лыка не вяжет* имеет ЭК, объективирующий эмоции иронии, презрения, который может быть актуализирован в процессе контекстуального употребления.

Метод словарных дефиниций актуален для таких исследований, которые демонстрируют особенности языка, в частности, этот метод позволяет представить реестр узуальных эмотивных ФЕ, посмотреть эволюцию фразеологической представленности эмоций, если сопоставить результаты анализа фразеологических словарей разных периодов развития лингвокультуры, увидеть этнокультурную специфику языковой репрезентации эмоций в сопоставительных исследованиях.

Словарь эмотивной фразеологии [Королева 2006] опирался на данные, полученные методом словарных дефиниций, и уточнённые другими методами. Словарь отражает состав фразеосемантического поля «Эмоции», включающего фразеосемантические микрополя конкретных эмоций. Итак,

данный метод, безусловно, продуктивен в исследованиях фразеологической эмотивности, но не может быть единственным или даже основным, когда речь идёт о функционировании ФЕ в акте коммуникации.

Компонентный анализ (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, О.С. Ахманова, М.М. Глушко, В.А. Лукин, И.А. Мельчук, Е.В. Рахилина и др.) – это «метод исследования содержательной стороны фраземы, цель которого состоит в разложении фразеологического значения на минимальные смысловые элементы» [Алефиренко 2004: 272] и моделировании значения языковых единиц, включающем процедуры выявления архисемы и основания деления / различения. В аспекте нашего исследования внимание будет сосредоточено на особенностях использования метода компонентного анализа для вычленения ЭК фразеологического значения в процессе функционирования в ЧЭД.

Предварительная процедура заключается в построении микросистемы, включающей анализируемую ФЕ. Рассмотрим пример: *«Между ними была непременно какая-нибудь предварительная сделка. Вы скажете: на кой чёрт кому знать это? – Нельзя! Из продажи дворика – всё дело вышло, нам надобно знать о нём пообстоятельнее: это дело юридическое. Как снег на голову упала на читателей продажа дворика, а читатель знает, что эти вещи всё-таки с плутовством делаются и сопровождаются даже у крепостных людей борьбой, извилинами и кое-каким сопротивлением»* (П.В. Анненков И.С. Тургеневу, после 3 января 1853 г., Москва) [Анненков 2005: 12]. ФЕ *как снег на голову* имеет значение ‘Разг. Экспрес. 1. Внезапно, совершенно неожиданно. 2. Совершенно неожиданный, внезапный’ [ФСРЛЯ 2: 258]. Синонимичные ФЕ *ни с того ни с сего* в значении ‘Разг. Экспрес. Без каких-либо видимых причин, без оснований’ [ФСРЛЯ 2: 307] и *за здорово живёшь* – ‘Прост. Ирон. Без всякой причины; неизвестно почему’ [ФСРЛЯ 1: 232]. Гиперонимом в этой группе ФЕ, объединённых по денотативному содержанию, является лексема *неожиданно*, не имеющая ЭК. Обратим

внимание, что словарная статья ФЕ *ни с того ни с сего* не содержит указания на эмотивный компонент, тогда как в значении ФЕ *за здорово живёшь* зафиксирован ЭК объективирующий эмоцию иронии. Сопоставление компонентного состава значений анализируемых единиц приводит к выводу, что ФЕ *как снег на голову* имеет смысловую структуру, содержащую ЭК, объективирующий эмоцию иронии.

Могут быть объединены эмотивные ФЕ, объективирующие одну эмоцию, денотативные компоненты могут не совпадать: *ахти мне!* – ‘Прост. Экспресс. Выражение досады, страдания, недовольства чем-либо’ [ФСРЛЯ 1: 19], *не было печали* – ‘Разг. Экспресс. Восклицание, выражающее огорчение, досаду’ [ФСРЛЯ 1: 59], *просто беда!* – ‘Разг. Неодобр. Выражение досады, недовольства чем-либо’ [ФСРЛЯ 1: 24]. Интегрирующим семантическим признаком является ЭК, объективирующий эмоцию досады.

Гиперонимом в группе ФЕ по признаку эмотивности не может быть ФЕ: *хорош гусь!* – ‘Прост. Ирон. О неожиданно проявившихся предосудительных или отрицательных качествах кого-либо’ [ФСРЛЯ 1: 166], *еще тот (та, то, те...)* – ‘Прост. Ирон. Очень плохой, никуда не годный, не такой хороший, каким представляется’ [ФСРЛЯ 2: 309], *здрасьте, я ваша тетя!* – ‘Прост. Ирон. Если и не ожидали, все равно принимайте’ [ФСРЛЯ 1: 261], *благодарю покорно (покорнейше)* – ‘2. Ирон. Язвительный ответ, отвергающий замечание или предложение собеседника’ [ФСРЛЯ 1: 31]. Данные ФЕ объективируют эмоцию иронии, ни одна из ФЕ не является гиперонимом данной группы единиц. Этим обусловлена необходимость включения в данную микросистему лексических единиц или словосочетаний, объективирующих денотативное содержание, соотносимое с денотативным содержанием ФЕ.

2. Построение, выявление пары семантически соотносимых языковых единиц по какому-либо параметру, в аспекте нашего исследования этим параметром становится наличие ЭК в структуре ФЗ или смысловой

структуры ФЕ. Общая сема, архисема, противопоставлена дифференциальной семе, тому различительному признаку, который выявляется в ходе сопоставления семантических структур единиц в парах «ФЕ и синонимичное ему по денотативной соотнесенности слово или словосочетание», для выявления статуса ЭК эффективно сопоставление пары «эмотивная ФЕ – другая эмотивная ФЕ, реализующая максимально похожую денотативную ситуацию».

На этом этапе компонентного анализа действуют **принципы оппозиции**, хотя фразеологическая система не представляет строгую оппозитивно построенную систему. В связи с этим применение принципа оппозиций опирается на способы моделирования языкового материала. Так, построение оппозитивных пар «ФЕ – раскрывающее денотативную сущность синонимичное ей слово или словосочетание» позволяет в некоторых случаях выявить разницу значений анализируемых единиц. В оппозитивной паре, например, ФЕ *ползать в ногах* и *унижаться* одним из маркирующих признаков оппозиции является яркий ЭК, объективирующий эмоцию презрения.

3. Результаты компонентного анализа проверяют сложением сем: в сумме архисема и дифференциальная сема складываются в основное значение ФЕ, при этом если речь идёт о контекстуальном употреблении знака косвенно-производной номинации, то такая сумма семантических признаков должна быть проанализирована с точки зрения её содержательного характера в анализируемом речевом произведении: *«Между ними была непременно какая-нибудь предварительная сделка. Вы скажете: на кой чёрт кому знать это? – Нельзя! Из продажи дворика – всё дело вышло, нам надобно знать о нём пообстоятельнее: это дело юридическое. [‘Неожиданно’+’разг.’+’иронично’+’экспрес.’] упала на читателей продажа дворика, а читатель знает, что эти вещи всё-таки с*

*плутовством делаются и сопровождаются даже у крепостных людей борьбой, извилинами и кое-каким сопротивлением»**.

Резюмируя сказанное, скажем, что компонентный анализ был отправной точкой исследования фразеологической эмотивности в ЧЭД. Компонентный анализ позволяет углубиться в семантику ФЕ, функционирующей в контексте, учесть все те смысловые наращения и трансформации, которые заданы коммуникативными установками. В отличие от лексикографического метода, который способен дать чёткий ответ на вопрос о содержании и структуре значения ФЕ как единицы языка, о системных свойствах ФЕ, компонентный анализ может быть и должен быть применён к единицам не только языковым, но и речевым, трансформированным и даже окказиональным. Очевидной становится проблема семантической интерпретации, основывающейся на исследовательской интуиции.

Метод *модальной рамки* (по А. Вежбицкой) был адаптирован к целям нашего исследования, приняв вид $X=Y+ \text{я говорю это, выражая эмоцию } Z, \text{ говорю это с эмоцией } Z;$ где X – значение эмотивной ФЕ; Y – понятийное содержание фразеологического значения; а Z – переменная, объективирующая ЭК. Сложности в применении этого метода были связаны с тем, что определение содержания названных переменных также основывалось на результатах исследовательской интуиции. Мы решили, что выводы, сделанные в ходе применения этого метода, должны быть подтверждены в психолингвистическом эксперименте, о структуре которого скажем далее. Приведём пример: *«Старший ребёнок мой, Павел, болен: у него холодная опухоль локтя на правой руке, болезнь, которая часто кончается отнятием руки. Бедная жена моя убита всем этим, но ещё бодриться, тогда как я **падаю духом** окончательно!»* (А.Ф. Писемский А.Н. Островскому, 30 марта 1857 г., Санкт-Петербург) [Писемский]. ФЕ *падать духом* ‘Отчаиваться, глубоко расстраиваться, приходиться в уныние’

[ФСРЛЯ 2: 72]. «Бедная жена моя убита всем этим, но ещё бодриться, тогда как я [отчаиваюсь + я говорю это с отчаянием] окончательно!»*. комплекс средств объективации эмоций включает лексему с оценочным содержанием *бедный*. Предложение построено по принципу оппозиции, противопоставлены эмоциональное состояние жены и самого автора.

«Одним из методов анализа эмотивности является **классифицирование**» [Шаховский 1987: 31]. Мы используем классифицирование, предполагая объединение материала по тем или иным общим признакам. Так объединяются в группы ФЕ, которые участвуют в объективации одних и тех же эмоциональных состояний. Такой подход дал интересные результаты, например, выделение в отдельную группу в картотеке эпистолярной фразеологии С.А. Есенина ФЕ, синонимичной ФЕ *знай наших* в её эмотивной функции. Метод классифицирования мы сочетали с психолингвистическим экспериментом. Процесс классифицирования, выполняемый реципиентами, оказался интересен сам по себе. Были отмечены общие, претендующие на системность, вопросы в процессе анализа предложенного материала. Например, молодые люди чаще интересовались, как назвать эмоцию, описывая ситуацию, в которой она возникает. Представители старшего поколения чаще запрашивали информацию о том контексте, в котором создавалось анализируемое письмо или его фрагмент. Применение этого метода позволило структурировать определенные группы эмотивных ФЕ для удобства описания. На основе классифицирования построены фразеосемантические микрополя объективации эмоций.

Классифицирование в настоящем исследовании применялось к материалу писем одного автора, то есть проводилось на замкнутом материале. Классификация материала в целом оказалась малоинформативной. Это связано, на наш взгляд, с тем, что частное письмо отражает особенности языковой личности, которые проявляются как в реестре объективируемых эмоций, так и в выборе способов их объективации.

На методе классифицирования основан *метод моделирования семантических полей*, направленный на выявление ядра и периферии фонда эмотивных ФЕ русского языка. Классифицирование сочеталось с процедурами компонентного анализа и лексикографического метода (Шаховский В.И.).

Для достижения объективности результатов мы проводили *психолингвистический эксперимент*. Опросный лист первого этапа эксперимента включал контекст с ФЕ, необходимо было ответить на вопросы: «Как Вы думаете, выражает ли автор в данном высказывании какую-либо эмоцию (какие-либо эмоции)? Если выражает, то какую или какие?»; «Как Вы думаете, выделенная единица помогает автору выразить эти эмоции? То есть можно ли сказать, что автор именно этой единицей выражает указанную Вами эмоцию (указанные Вами эмоции)?»; «Выражает ли данная единица какую-либо эмоцию (какие-либо эмоции)? Если да, то какую (какие)?».

Психолингвистический эксперимент охватывал 100 участников разного возраста и образования. Ответы неспециалистов дали пищу для размышлений, чаще выходящих за рамки задач настоящего исследования, например, о содержании эмотивной компетенции языковой личности. Одним из главных недостатков психолингвистического эксперимента в применении его к изучению эмотивности эпистолярной фразеологии является его трудоёмкость, так как требовалась предварительная подготовка участников эксперимента, включающая объёмный инструктаж, объяснение цели эксперимента и непосредственной задачи реципиента. По сути, участнику эксперимента предлагалось проанализировать результаты декодирования предъявляемого сообщения, решив, выражает ли автор в данном высказывании какую-либо эмоцию, может быть, не одну, и какую (или какие) именно. Поэтому к эксперименту мы обращались как к способу устранить

сомнения по поводу результатов интерпретации фразеологической семантики.

ЧЭД – это продукт речевой деятельности языковой личности определённого этапа развития лингвокультуры, а реципиенты – современные её носители. Интерпретация смыслового и эмотивного содержания высказывания осуществляется на базе иных ценностных установок, иных фоновых знаний и картины мира в целом. Исходя из этого, следует учитывать, что выявленные эмотивные свойства функционирующей в ЧЭД ФЕ потенциальны, особенно если результаты эксперимента обнаруживают определённые закономерности. Эксперимент показал огромную роль формально не объективированной информации в формировании эмотивности ЧЭД. Это связано с приватностью ЧЭД, что предполагает доступность некоторой информации только для участников коммуникации, определённая единица при этом несёт мощную смысловую нагрузку, возможную благодаря общему коммуникативному и, шире, жизненному опыту коммуникантов.

Результаты психолингвистического эксперимента не могут быть объективными в силу указанных причин, но могут быть использованы как дополнительный материал для осмысления контекстуальной реализации фразеологической эмотивности. Так, именно в эксперименте была обнаружена специфика эмотивности междометных ФЕ в ЧЭД. Участники эксперимента не могли декодировать эмотивное содержание междометных ФЕ, если контекст не включал лексему, номинирующую эмоцию, либо другие ФЕ, эмотивное содержание которых могло быть декодировано реципиентами. Кроме того, обнаружена роль ФЕ, которые самостоятельно эмоциональную информацию не объективируют, но участвуют в объективации эмоций, взаимодействуя с другими единицами контекста, чаще в данное семантическое взаимодействие вступают стилистические семы или ассоциативно-образные. Интересно и то, что особенными в реализации эмотивной функции оказались письма А.П. Чехова. Участники эксперимента

признавались: «Это очень иронично», «но чем конкретно выражена ирония... – да всем!», «Нет здесь какого-то одного или даже нескольких слов, которые иронию выражают, но целиком весь текст, конечно, ироничен». Не случайно чеховская ирония привлекает внимание учёных в самых разных ракурсах [Акимова 2014; Буняева 2010; Гусева 2003; Ковалёва 2002 и др.].

Итак, применение всего комплекса методов по выявлению роли ФЕ в объективации эмоциональной информации позволило разноаспектно проанализировать роль ФЕ в объективации эмоций. Анализ ФЕ, подвергшихся структурно-семантическим трансформациям, привёл нас к необходимости внести уточнения в применяемый методологический комплекс. Единицей анализа должна быть ФЕ со всеми элементами, являющимися результатом трансформаций: *«Впрочем, раскаиваюсь, что пишу вам о музыке: тут есть тонкие вещи, переходы из тона в тон и черт знает что, за которые знатоки, как вы, [бьют себя по лбу и в грудь]»* (П.В. Анненков И.С. Тургеневу, 26 января 1853 г., Петербург) [Анненков 2005: 15]. Распространение компонентного состава ФЕ *бьют себя в грудь* – ‘Разг. Презр. Клятвенно, крикливо уверять кого-то в чём-либо’ [ФСРЛЯ 1: 29] – опирается на буквализацию ФЕ, достигаемую включением в формальную структуру знака косвенно-производной номинации второго компонента-соматизма. За счёт этого актуализируются ассоциативно-образные смыслы, а в комплексе всё это позволяет автору объективировать эмоцию иронии. ФЕ воспринимается участниками эксперимента как единый организм, как отдельная, целостная единица.

Подводя итог, отметим, что представленный методологический комплекс может быть использован для выявления роли ФЕ в объективации эмоциональной информации и на другом материале, то есть при исследовании других типов дискурса. Особенную роль в этой методике в случае анализа современного исследователю материала будет играть, безусловно, психолингвистический эксперимент, несмотря на свою

трудоёмкость, наиболее эффективный способ получить данные о транслируемой информации, возможно, не только эмоциональной, в чём мы были заинтересованы, но и рациональной. Представленные в параграфе методы и приёмы в совокупности применялись ко всему исследовательскому материалу, что позволило сделать выводы о способах объективации эмоций посредством ФЕ в ЧЭД.

2.6. Способы фразеологической объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе

Анализ материала показал, что ФЕ по-разному объективируют эмоции, что связано, как по началу представлялось, с семантическим статусом ЭК в семантической структуре ФЕ, функционирующей в ЧЭД. ЭК в структуре фразеологического значения может иметь статус ядерного (у междометных ФЕ), заядерного и околядерного компонента. В кандидатской диссертации [Королева 2006] нами исследованы фразеосемантические микрополя поля «Эмоции», которые структурированы в соответствии с теорией семантического поля и включают эмотивные ФЕ с ЭК соответствующего статуса в структуре фразеологического значения. Впоследствии обнаружилось, что не только место ЭК в структуре фразеологического значения играет роль, но и другие факторы, так как ФЕ оказывается включённой в когнитивно-семантическое взаимодействие с другими языковыми единицами текста и, шире, другими элементами ЧЭД. Кроме того, были внесены уточнения в понимание роли междометных ФЕ в объективации эмоций в ЧЭД. Погружаясь в контекст, ФЕ реализует смысловую структуру, которая может отличаться по компонентному составу от структуры фразеологического значения. На основе анализа авторской картотеки с точки зрения эмотивной функции ФЕ была составлена классификация, которая отражает разные способы объективации эмоций посредством ФЕ.

Ядро эмотивной фразеологии составляют междометные ФЕ, которые служат средством объективации той или иной эмоции [Ахмадуллина 2013; Аюпова Р.А. 2008а; Ипполитов 1974; Кавуля 1987; Леонтьева 1994; Пегина 1994; Хомякова 2007; Поцелуева 2012; и др.]. Полиэмотивность междометных ФЕ специфична: в структуре фразеологического значения содержится такой смысловой элемент, который предполагает конкретизацию в контексте. Иначе говоря, вариативность конкретной эмосемы узуальна. Лексикографически это зафиксировано как перечень эмоций, который может быть объективирован языковой единицей. В отличие от контекстуальной, эмотивность такого рода узуальна. Междометные ФЕ созданы как такие знаки косвенно-производной номинации, которые используются только крайней степени эмоционального состояния, характер которого конкретизируется контекстом.

Функционируя в контексте, междометная ФЕ сама не транслирует информацию о характере эмоции. Это подтверждают результаты эксперимента. Контекст, в котором отсутствуют иные эмотивные единицы, «несущие» ядро эмотивного смысла, не может быть декодирован однозначно, об этом свидетельствуют такие ответы: *«Ясно, что автор выражает какую-то эмоцию, но какую, из фрагмента не ясно»* или *«Эмоция сильная, но нужно всё письмо прочитать, возможно, там есть указание, что именно переживает автор письма»*. Возникает вопрос, в какой степени междометные ФЕ являются трансляторами эмоциональной информации. В устной коммуникации междометия, в том числе и ФЕ, транслируют эмоции комплексно. Так, невербальные средства передают едва ли не всю основную информацию об эмоциональном состоянии говорящего: по интонации, мимике, жестам автора сообщения можно декодировать характер интенсивно транслируемой эмоциональной информации. ЧЭД осуществляет коммуникацию в письменной форме, поэтому трансляция эмоциональной информации с помощью ФЕ междометного характера, как правило,

сопровождается включением в структуру высказывания единицы, называющей эмоциональное состояние, или эмотива-номинатива. Подчеркнём, что мы не включаем лексемы, номинирующие эмоции, и ФЕ дескриптивного характера в базу средств объективации эмоций, эти средства могут контекстуально реализовать потенциальную эмотивность, только в этом случае они становятся эмотивными единицами. Например, «*Письмо Ваше, где Вы пишете, что Вам полегче, **облегчило** меня и всех, составляющих наш кружок. **Дай бог, дай бог!** Болезнь Ваша **тревожит и мучит** меня лично точно так же, как и моя собственная. **Тоскливо, тревожно, ничего делать не хочется**» (М.Е. Салтыков-Щедрин Н.А. Некрасову, 13 октября 1876 г.) [Салтыков-Щедрин 1925: 148]. В приведённом фрагменте междометная ФЕ *дай бог* объективирует некоторую эмоцию или некоторый комплекс эмоций, без обращения к окружающему единицу контексту остаётся не ясным эмотивное содержание высказывания в целом.*

Дискурсивная особенность междометной эпистолярной фразеологии обусловлена тем, что в речевой практике автора письма за какой-либо междометной ФЕ может быть закреплена функция объективации определённой эмоции. К сожалению, сохранилось очень мало разрозненных наблюдений за повседневной речью авторов писем, не позволяющее в должной мере выполнить анализ, подтверждающий или опровергающий эту гипотезу. Однако к мысли о дискурсивной обусловленности эмотивного содержания эпистолярной фразеологии нас подтолкнул анализ ФЕ *расти большая*, заключающей в своей смысловой структуре индивидуальные эмотивные смыслы [Калёнова 2012а].

Репертуар эмоций, которые возможно объективировать междометной ФЕ, иногда ограничен компонентами семантической структуры ФЕ: «*Боборыкина повесть – **чорт знает что такое!** Нынче литераторы словно здравого смысла лишились*» (М.Е. Салтыков-Щедрин Н.А. Некрасову, 10

ноября 1875 г., Ницца) [Салтыков-Щедрин 1925: 105]. Семы отрицательной оценки допускают объективацию отрицательных эмоций, в данном случае возмущения. Впрочем, в случае контекстуальной эмотивности, возникшей в результате семантических или структурно-семантических трансформаций возможно преодоление этого ограничения.

Далее обратимся к ФЕ с узуальным ЭК, являющимся частью коннотативного макрокомпонента семантической структуры фразеологического значения и находящимся не в ядре, как у междометных ФЕ, а в заядерном и околядерном его пространствах. Например, «*Когда будет теплее, поеду хлопотать и разумеется сделаю уступки, изменения и проч. Может быть, в мае и помещу. Т.-е. тогда, когда самый рассказ будет **после ужина горчица***» (М.Е. Салтыков-Щедрин П.В. Анненкову, 15 марта 1877 г., Петербург) [Салтыков-Щедрин 1925: 163]. Выделенная ФЕ имеет значение 'Ирон. О чём-либо ненужном, запоздалом' [ФСРЛЯ 1: 158]. В словарной статье находит отражение компонентный состав значения единицы, реализующийся и в речевом употреблении.

Не всегда в смысловой структуре узуально эмотивных ФЕ сохраняется, проявляется ЭК, зафиксированный в структуре фразеологического значения: «*Во всяком случае, положение моё весьма не лестное. Работаю с трудом и Бог знает, удачно ли, не срамлю ли я себя этой работой, и не пора ли на покой. Всем я в тягость и ближним, и дальным; я думаю, Унковскому надоел, **как горькая редька, своими делами***» (М.Е. Салтыков-Щедрин П.В. Анненскому, 24 марта 1876 г., Ницца) [Салтыков-Щедрин 1925: 132]. ФЕ *надоел как горькая редька* – 'Разг. Презр. Предельно, невыносимо (надоесть)' [ФСРЛЯ 2: 192] – могут быть объективированы эмоции презрения, раздражения, возмущения, гнева, например, в контексте «*Надоел он мне как горькая редька*»*. Анализируемый фрагмент письма М.Е. Салтыкова-Щедрина демонстрирует реализацию иных эмотивных смыслов. Это обусловлено тем, что ФЕ используется для описания

отношения третьего лица к автору сообщения. ФЕ в данном случае объективирует не эмоции раздражения, возмущения, гнева, которые, возможно, на самом деле испытывал Унковский, а эмоции досады, сожаления, огорчения, которые испытывал автор сообщения. Иначе говоря, адресант транслирует ту эмоциональную информацию, которая является частью его индивидуальной картины мира. Письмо пронизано мыслью: *«Я настолько болен, что так больным и останусь на всю жизнь. Какой могу я быть работник?»* (Там же).

Объективация эмоций в ЧЭД обусловлена таким его параметром, как письменная форма. ЧЭД по итогам осмысления эмоциогенного события, что, во-первых, сказывается на степени интенсивности, силе эмоционального состояния адресанта, а во-вторых, позволяет подобрать наиболее эффективное, по мнению автора, средство эмотивной репрезентации описываемого события: *«С лёгким сердцем сажусь писать к Вам»* (М.Е. Салтыков-Щедрин Н.А. Некрасову, 21 сентября 1876 г., Петербург) [Салтыков-Щедрин 1925: 146]. ФЕ *с лёгким сердцем* имеет значение 'Разг. Без опасений и тревог' [ФСРЛЯ 2: 234] и объективирует эмоциональное состояние, не интенсивное по степени проявления. Эмотивная ФЕ вносит свою лепту в эмотивную семантику всего высказывания. Сравним, например, два фрагмента: *«Вы всегда так мало пишете»** и *«Вы всегда так мало пишете, точно кость кидаете»* (М.Е. Салтыков-Щедрин Н.А. Некрасову, 19 января 1876 г., Ницца) [Салтыков-Щедрин 1925: 117]. Данный пример замечателен тем, что в нём очевидна роль фразеологической эмотивности в формировании семантики высказывания в целом, так как все остальные единицы не обладают эмотивной функцией.

Контекстуальная эмотивность может формироваться в результате структурно-семантических трансформаций: *«А время ныне именно презренное. <...> Но для того, чтобы это презрение высказать, нужно чтобы внутренности дрожали, а с одним хладным ... ничего не сделаешь.*

Клянусь: в ту минуту, когда я почувствую, что внутренности во мне не дрожат больше – кину перо, хоть бы пришлось умереть» (М.Е. Салтыков-Щедрин П.В. Анненкову, 2 марта 1877 г., Петербург) [Салтыков-Щедрин 1925: 159]. Автор использует ФЕ *взяться за перо* в значении ‘1. Начать писать о чём-либо. 2. Начать литературную деятельность’ [ФСРЛЯ 1: 78], заменив компонент *взяться* на антонимичную лексему *кинуть*. Сравним: *«Теперь я больше двух недель не брался за перо и к февралю, как я уже предупреждал Вас, не ждите от меня ничего. Ей Богу, не могу»* (М.Е. Салтыков-Щедрин Н.А. Некрасову, 19 января 1876 г., Ницца) [Салтыков-Щедрин 1925: 117]. В данном примере использована та же ФЕ, но её роль в объективации эмоций иная: высказывание в целом транслирует эмоции досады, сожаления, но ФЕ не является эмотивной.

В работах по изучению фразеологической эмотивности в большей степени отражены наблюдения за узуальными свойствами эмотивных ФЕ, однако репертуар эмотивных смыслов, которые могут быть реализованы в контекстуальном употреблении той или иной единицы, значительно шире представленного системой языка. Потенциальная эмотивность характерна для единиц дескриптивного характера и тех единиц, которые в своём составе имеют оценочную сему. В случае контекстуального фразеопотребления возможны два сценария актуализации потенциальной эмотивности. В первом случае ФЕ объективирует описываемую эмоцию, во втором она объективирует иную эмоцию, чаще всего, эмоцию иронии.

ФЕ дескриптивного характера может объективировать эмоциональную информацию, соответствующую описываемой эмоции: *«Господи! как подумаешь, что эта случайность ещё возможна, даже мороз по коже подирает»* (М.Е. Салтыков-Щедрин) [Салтыков-Щедрин 1925: 9–10]. ФЕ *мороз по коже (подирает, продурает)* имеет значение ‘От внезапного сильного страха, волнения, ощущается озноб’ [ФСРЛЯ 1: 385]. Иначе говоря, ФЕ описывает внутреннее проявление эмоций страха и волнения, в

приведённом фрагменте реализована контекстуальная эмотивность. Например, сравним с речением: «*Да у них мороз по коже от моих слов*»*, в котором объективируются другие эмоции, например, иронии. Итак, эмоции могут быть объективированы с помощью ФЕ, которые узуально не эмотивны, но контекстуально реализуют потенциальную эмотивность единицы. Анализ реализации потенциальной эмотивности и систематизация этих наблюдений может дать представление о потенциальных эмотивных свойствах знаков косвенно-производной номинации в разных типах дискурсов, а также в синхронии и диахронии.

Ещё один способ объективации эмоциональной информации посредством ФЕ – это взаимодействие семантических структур языковых единиц в формировании общего эмотивного смысла высказывания. Так, например, ФЕ *не в своей тарелке* имеет дескриптивную природу и описывает дискомфортное состояние, непривычные негативные ощущения, дисгармонию. Потенциально эмотивная, анализируемая единица реализует в следующем фрагменте письма контекстуальную эмотивность, объективирующую эмоцию презрения, пренебрежения: «*Есть в Тургеневе и малодушие и скрытость. Вся дрянь, всё отребье человеческое, в роде Сологуба так к нему и льнёт. И он как будто бы **в своей тарелке** тут, и что всего хуже, хочет показать, что они ему в тягость, что они навязываются, и он не знает, как отделаться от них*» (М.Е. Салтыков-Щедрин П.В. Анненкову, 21 марта 1876 г., Ницца) [Салтыков-Щедрин 1925: 130]. Обратим внимание, что ФЕ объективирует эмоцию не самостоятельно, а в сложнейшем когнитивно-семантическом взаимодействии с семантическими структурами единицами всего высказывания.

Рассмотрим ещё один фрагмент: «*Но меня **беспокоит и огорчает** ещё другое, лично до меня относящееся обстоятельство. По приезде моём из Вятки, как Вам не безызвестно, я познакомился с г. Тургеневым. Был у него два раза, пользовался пожатием его руки, но посещением его не*

воспользовался, хотя правила самой простой учтивости требовали, чтобы г. Тургенев уже до конца сделал меня счастливым. В то время меня это **задело** несколько **за живое**, но рассуждая сам с собою я порешил это дело тем, что поступок г. Тургенева есть один из видов генеральства, которому не чужды и наши литераторы <...> Ныне я узнаю, будто г. Тургенев имеет какое-то предубеждение против нравственных моих качеств. Прошу Вас передать, что он напрасно так думает <...> Обзирая своё прошлое, я **положа руку на сердце** говорю, что на моей совести нет ни единой пакости <...> Может быть, Вам не нравится моя **раздражительность**? Но ведь не всякому достаётся в удел *благодущие*» (М.Е. Салтыков-Щедрин П.В. Анненкову, 2 января 1859 г., Рязань) [Салтыков-Щедрин 1925: 8–9]. Сам автор высказывания по результатам самоанализа делает вывод о своём эмоциональном состоянии, используя эмотивы-номинативы *беспокоит* и *огорчает*, **раздражительность**, которые в данном случае не просто называют эмоциональные состояния, но и объективируют их. ФЕ *задевать за живое* – ‘Действовать на самолюбие, гордость кого-либо; обижать насмешками’ [ФСРЛЯ 1: 244] – и **положа руку на сердце** – ‘Совершенно искренне, чистосердечно’ [ФСРЛЯ 2: 119] – имеют дескриптивный характер и демонстрируют взаимодействие с семантическими структурами других единиц, образующих высказывание.

Сравним с другим фрагментом: «Повторения *шляпинских гастролей* далеко не дали полного сбора, и *Бородай* в отчаянии. *Шляпин* прокликает *Одессу* и предаёт её анафеме. Хотя с виду он и крепится, подшучивает, но, видимо, **задет за живое**. Как всегда, он хитрит, что ему все равно, но обида и **задетое самолюбие** так и просвечивают» (Л.В. Собинов Е.М. Садовской, 4 мая 1902 г., Одесса) [Собинов 1986]. ФЕ *задевать за живое* используется в высказывании, которое описывает эмоциональное состояние третьего лица, но это неэмотивная ФЕ.

Окказиональные и речевые ФЕ создаются словотворчеством языковой личности или языкового коллектива как единицы, способные объективировать те или иные эмоции. Явление окказиональности в эпистолярной фразеологии довольно редкое и в целом ярко характеризует языковую личность автора писем. Так, например, в ЧЭД М.Е. Салтыкова-Щедрина обнаружены всего две речевые единицы, которые не зафиксированы в словарях. Одна из них восходит к описанию внешних проявлений эмоций: *«Благодарю за обязательное посредничество, хотя, признаюсь, **личико** моё несколько **покраснело**, когда я увидел из письма Вашего, что Вы эпистолу мою подлинником показали Ив. Серг.»* (М.Е. Салтыков-Щедрин П.В. Анненкову, 29 января 1859 г., Рязань) [Салтыков-Щедрин 1925: 9–10]. Описание внешнего проявления эмоции не стало в конечном итоге генетической базой знака косвенно-производной номинации. Данное высказывание объективирует уже не только стыд, если ещё об этом могла идти речь, а скорее, иронию или сарказм, но также может быть, возмущение или гнев. Непосредственного указания на характер эмоциональной информации отсутствует. Впрочем, письмо начинается со слов: *«Меня несказанно обрадовало письмо Ваше»*. Таким образом, анализируемая единица реализует смысловую структуру 'Было стыдно', как ФЕ дескриптивного характера, она потенциально эмотивна.

Другая ФЕ обнаруживается в художественных и публицистических текстах, современных автору, например, используется как заглавие романа в 5 частях А.Ф. Писемского. Существуют научные изыскания, посвящённые соответствующему концепту [Лазутин 2011]. Для автора словокомплекс *человек сороковых годов* имеет значение, не выводимое из суммы значений слов-компонентов: *«Письмо Ваше, многоуважаемый Павел Васильевич, сделало меня поистине счастливым, ибо я с течение времени всё больше и больше чувствую себя **человеком сороковых годов**. Но не талантом, ищущим популярности, а именно **человеком сороковых годов** в хорошем*

мысле» (М.Е. Салтыков-Щедрин П.В. Анненкову, 10 декабря 1879 г., Петербург) [Салтыков-Щедрин 1925: 139]. Очевидно, что адресант рассчитывает, что тот же объём денотативных и коннотативных смыслов актуален для адресата, что обеспечивается современным для коммуникантов дискурсом эпохи. Обе единицы являются речевыми, не вошедшими во фразеологический фонд русского языка, но не окказиональными, то есть не авторскими. Скажем, что наличие речевой ФЕ, отражающей специфику мировосприятия эпохи, в речи М.Е. Салтыкова-Щедрина связано с тем, что его индивидуальная картина мира проникнута осмыслением общественно-политических и литературных событий, происходящих вокруг него. Эмоциогенными становятся явления и процессы, происходящие не только с ним лично, с членами его семьи, но и в среде литераторов, в жизни страны.

Подводя итог, поясним, что из частных писем М.Е. Салтыкова-Щедрина [1925] методом сплошной выборки составлена картотека, насчитывающая 197 фразеопотреблений, затем на основе комплекса методов, таких как метод компонентного анализа, метод модальной рамки А. Вежбицкой, метод фразеоморфологической комбинаторики Н.Ф. Алефиренко, а также на основе данных психолингвистического эксперимента проведён анализ ФЕ, позволивший выделить 112 единиц, так или иначе участвующих в трансляции эмоциональной информации. В результате выявлены следующие способы фразеологической объективации эмоций в ЧЭД М.Е. Салтыкова-Щедрина:

1) С помощью ФЕ, имеющих в ядре своей семантической структуры особый семантический компонент, коррелирующий с эмотивным компонентом другой языковой единицы, входящей в структуру высказывания, то есть междометных ФЕ. Эта группа ФЕ составляет 7 % от количества эмотивных ФЕ и 4 % от их общего количества. Специфика эпистолярных междометных ФЕ в том, что они объективируют эмоции в паре с другой единицей, которая номинирует эмоцию, иначе её характер

может быть не декодирован получателем сообщения, либо за конкретной единицей, свойственной повседневной речи адресанта, закреплено конкретное эмотивное содержание, о чём знает получатель сообщения.

2) С помощью ФЕ, узуально эмотивных. ЭК коннотативного макрокомпонента таких единиц актуализируется и в смысловой структуре ФЕ. 23 % от количества эмотивных ФЕ и 13 % от общего количества ФЕ.

3) С помощью эмотивных ФЕ, которые объективируют контекстуальную эмотивность, не свойственную узуальной, это самая малочисленная группа: 3,6 % от количества эмотивных ФЕ и 2 % от общего количества ФЕ.

4) С помощью ФЕ, которые узуально не эмотивны, но контекстуально реализуют потенциальную эмотивность единицы: 25 % от количества эмотивных ФЕ и 14 % от общего количества ФЕ.

5) С помощью включения ФЕ, которые сами не являются эмотивными, но, вступая в сложное семантическое взаимодействие, запрограммированное автором сообщения, участвуют в объективации эмоций: 37 % от количества эмотивных ФЕ и 20 % от общего количества ФЕ.

6) С помощью окказиональных и речевых эмотивных ФЕ: 4,4 % от количества эмотивных ФЕ и 2,5 % от общего количества ФЕ.

Указанная статистика отражает особенности ЧЭД М.Е. Салтыкова-Щедрина. Вместе с тем анализ материала, который включает фразеологию писем 18–20 вв., показывает, что выявленные способы зафиксированы в частном эпистолярном, не зависимо от времени его создания и авторства, а процентное соотношение ФЕ внутри подгрупп, выделенных на основе принадлежности их к тому или иному способу объективации эмоций, в большей степени отражает особенности языковой личности автора ЧЭД.

Итак, мы рассматриваем роль ФЕ как средства трансляции эмоциональной информации и на основании этого выделяем группы ФЕ по их роли в объективации эмоций в ЧЭД. 1) Междометные ФЕ, специфика

которых в том, что они объективируют эмоции во взаимодействии с единицей, называющей эмоцию, либо за конкретной ФЕ, свойственной повседневной речи адресанта, закреплено конкретное эмотивное содержание.

2) Узуально эмотивные ФЕ. 3) Эмотивные ФЕ, которые объективируют контекстуальную эмотивность, не свойственную узуальной. 4) Контекстуально эмотивные ФЕ. 5) Неэмотивные ФЕ, которые сами не являются эмотивными, но, вступая в сложное семантическое взаимодействие, запрограммированное автором сообщения, участвуют в объективации эмоций. 6) Окказиональные и речевые эмотивные ФЕ.

В заключение дополним, что «полное собрание писем» не только «образует основу и для биографии, и для истории творчества» выдающегося представителя того или иного времени [Яковлев 1925: 11], не только изнутри, наиболее правдоподобно рисует картины повседневности [Кропоткин 1990: 3], но становится ценнейшим источником лингвистических исследований, дающих возможность реконструировать особенности языковой личности автора ЧЭД.

Выводы по Главе 2

Знания об эмоциональной сфере человека пополняются результатами лингвистических исследований, объектом которых являются средства, так или иначе её отражающие, т.е. описывающие внешние или внутренние проявления эмоций, номинирующие эмоции, а также объективирующие их. Последние нуждаются в особом внимании в силу того, что именно их изучение может дать ответ на вопросы, *какие* человек выражает эмоции и *как*, что актуально в связи проблемами эмотивной компетентности личности и, шире, лингвоэкологии (по В.И. Шаховскому). Речевое произведение, созданное с целью транслировать информацию о самом авторе сообщения, о его мыслях, о результатах восприятия событий и явлений окружающей действительности, т.е. субъективную информацию, как правило,

объективирует эмоциональную информацию. Объективации подвергаются по большей части негативные, отрицательные эмоции, что соответствует общей тенденции, например, в спектре эмоций, отражённых русской фразеологией, отрицательные представлены шире, чем положительные.

Сложность мира эмоций (диффузность, размытость их границ) проявляется и в их объективации

Эмотивность ЧЭД как одно из его основных свойств формируется взаимодействием средств объективации эмоций. Взаимодействие невербальных и вербальных средств обнаруживается и в сфере фразеологии, что проявляется в особенностях формальной и содержательной структур ФЕ. В ЧЭД невербальные средства трансляции информации представлены самим письмом, то есть бумагой, на которой написан текст, конверт, в который вложено письмо, изображения, почерк и т.д. Специфическим именно для ЧЭД можно считать такое невербальное средство объективации информации, в том числе и эмоциональной, как предмет, вложенный в конверт.

Вербальные средства объективации эмоциональной информации представлены единицами всех уровней языка, однако, например, роль фонетических средств объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе не обнаружена. Наиболее эффективными средствами объективации эмоций в ЧЭД являются единицы лексического и синтаксического уровней, особая роль при этом принадлежит знакам косвенно-производной номинации, которые аккумулируют эмотивный потенциал всех средств объективации эмоций.

Базой эмотивных свойств ФЕ являются её внутренние ресурсы, сосредоточенные в коннотативном макрокомпоненте фразеологического значения. Внутренние ресурсы фразеологической эмотивности участвуют в формировании ЭК не только фразеологического значения, но и смысловой структуры ФЕ в процессе её контекстуального употребления.

Для обеспечения объективных результатов применялся комплекс методов и методик (метод словарных дефиниций, метод компонентного анализа, классифицирование и метод семантических полей, а также методика психолингвистического эксперимента), которые в своей совокупности позволяют выявить роль ФЕ в объективации эмоциональной информации в ЧЭД.

Анализ роли ФЕ как средства трансляции эмоциональной информации позволил выделить следующие группы ФЕ по их роли в объективации эмоций в ЧЭД. 1) Междометные ФЕ, специфика которых в том, что они объективируют эмоции во взаимодействии с единицей, называющей эмоцию, либо за конкретной ФЕ, свойственной повседневной речи адресанта, закреплено конкретное эмотивное содержание. 2) Узуально эмотивные ФЕ. 3) Эмотивные ФЕ, которые объективируют контекстуальную эмотивность, не свойственную узуальной. 4) Контекстуально эмотивные ФЕ. 5) Неэмотивные ФЕ, которые сами не являются эмотивными, но, вступая в сложное семантическое взаимодействие, запрограммированное автором сообщения, участвуют в объективации эмоций. 6) Оказиональные и речевые эмотивные ФЕ.

Глава 3. Когнитивно-прагматические механизмы трансляции эмоциональной информации в частном эпистолярном дискурсе посредством фразеологии

В осмыслении ЧЭД мы отталкиваемся от идеи о разграничении «когнитивного сознания (сознания, представляющего собой информационный тезаурус человека, образуемый упорядоченными концептами – единицами мышления, представляющими в ментально форме отражённую, познанную и осмысленную субъектом деятельность) и языкового сознания (закреплённого языковыми знаками отражения действительности, существующего в виде совокупности упорядоченных значений языковых знаков)» [Стернин 2006: 171], что должно быть отражено в структуре ЧЭД.

В названии параграфа используется термин *эмоциональная информация*, пришедший на смену термину *эмоция*, в связи с тем, что эмоции – психофизиологический феномен, а трансляции подвергается информация об эмоциях, переживаемых, ощущаемых адресантом в момент написания письма. Термин *информация* понимается как «сведения о фактах, событиях, процессах; данные, приходящие человеку по разным каналам и обрабатываемые в текущем сознании. К человеку информация поступает двумя путями: (1) извне – по чувственно-перцептивным и сенсорно-моторным каналам и (2) изнутри – по каналам ментальной репрезентации, где они уже переработаны и итериоризированы нашим сознанием» [Алефиренко 2006б: 43]. Таким образом, мы считаем, что трансляции подвергается информация о той эмоции, а чаще всего о том комплексе эмоций, которые автор ЧЭД испытывает: *«Сердечно благодарю Вас за Ваше письмо. Эти дни я был всё **сам не свой**. Мне казалось, причиной всего так или иначе я, так как не убедил Вас поехать, а прошли Вы так много и долго*

пешком. Но я не знал. Я старался забытья в работе, но работа валилась из рук» (В.И. Вернадский жене 21 мая 1886 г., Санкт-Петербург) [Вернадский 1988: 13]. Объектом исследования является ФЕ как языковой знак, посредством которого транслируется эта эмоциональная информация, в приведённом контексте выделены ФЕ *сам не свой* в значении ‘Разг. Экспрес. Потерял душевное равновесие, расстроен, взволнован’ [ФСРЛЯ 2: 213] и *валилась из рук* ‘Разг. Экспрес. Плохо удаваться; не ладиться из-за отсутствия желаний, из-за плохого настроения’ [ФСРЛЯ 1: 62], объективирующие эмоциональную информацию. В данном примере адресант объективирует информацию о переживаемом им эмоциональном состоянии не в момент написания письма, а в период до получения им ответа от коммуниканта. Рассмотрим ЧЭД с позиций трансляции им эмоциональной информации, используя методику когнитивного моделирования, то есть структурирование и описание когнитивной модели ЧЭД.

3.1. Когнитивно-прагматическая модель частного эпистолярного дискурса

Метод когнитивного моделирования [Ватолина 2011; Йокама О.Б. 2005; Олешков 2006; Казыдуб 2006; Шевченко 2006; Ширяева 2008 и др.] позволяет наглядно представить внутренние процессы, связанные с движением мысли и / или смысловых элементов значения языковых единиц. «Для коммуникативно-прагматического языкознания недостаточно знаний о языке, оно стремится к пониманию и исследованию коммуникативных процессов, где учитываются такие факторы, как время и место протекания коммуникативного акта, возраст и социальный статус его участников, намерения и мотивы языковых действий» [Григорьева 2007: 6].

Мы исходим из мысли о том, что «в эпицентре исследования оказывается коммуникативное событие в синергетическом единстве всех его составляющих: говорящего, слушающего, их личностных и социальных

характеристик, а также суггестивных аспектов словесно-художественного воплощения коммуникативной ситуации и дискурсивной интенциональности» [Алефиренко 2011: 26]. Осмысление ЧЭД в координатах когнитивно-прагматической субпарадигмы позволяет не только выявить его элементы, но и определить их взаимосвязь, иначе говоря, модель. Рассмотрим основные элементы ЧЭД и их роль в когнитивно-прагматической модели ЧЭД.

Текст. Основой ЧЭД является наиболее изученный его элемент, текст частного письма, представляющий собой «письменную форму речи, обладающую высокой прагматической направленностью и относящуюся к сложным, неоднородным в функционально-стилевом отношении явлениям, покрывающим все основные сферы человеческой коммуникации» [Нижникова 1991: 6]. В аспекте когнитивно-прагматического поиска интересны такие аспекты, как функционирование языковой единицы в процессах кодирования и декодирования оформленного ею сообщения, а также разноуровневое взаимодействие языковых единиц в процессе реализации ментального образования. Текст уже рассматривался через призму когнитивистики [Дейк 1988; Старцева 1989 и др.], анализу подвергался текст частного письма [Дмитриева 1985; Логунова 1999; Нижникова 1991; Кустова 1998; Нажуа 1984; Никитина 1999; Паперно 1974; Папян 1992; Паршина 1995; Ножкина 1989 и др.], подробнее обзор представлен в публикациях [Калёнова 2013а и Курьянович 2013б]. Мы рассматриваем текст частного письма как элемент ЧЭД в его неразрывной связи с другими элементами письма как дискурса (табл. 7).

Таблица 7.					
	Уровни текста		Комментарии		
Адресант (A1)	3–A1	Уровень смысла текста в целом, ментальные единицы,		Результат	Результат кодирования. Сообщение оформлено,

		подлежащие вербализации в тексте.			передано. Продукт речемыслительного действия.
	2–A1	Уровень смысла речевых единиц, составляющих ткань текста. Выбор единиц, наиболее эффективно реализующих информацию. Прогнозирование результатов декодирования сообщения.	Выбор языковых единиц.		
	1–A1	Текст, языковые единицы.			
Адресат (A2)	1–A2	Языковые единицы, составляющие текст письма .			<i>Источник</i> исходного материала для декодирования. Источник (один из источников, наряду с невербальным кодом, наиболее объёмный по содержащейся информации) получения информации. Отправная точка речемыслительных действий.
	2–A2	Уровень смысла речевых единиц, составляющих ткань текста.	Зрительное восприятие адресатом графических объектов. Распознавание смыслов речевых единиц.	Источник	
	3–A2	Уровень смысла текста в целом, ментальные единицы, сформированные в сознании адресата в итоге декодирования. Прогнозирование семантических связей единиц.	Формирование информационных сгущений по результатам речемыслительного синтеза речевых смыслов.		

Итак, текст в когнитивно-прагматическом аспекте представляет собой результат кодирования информации адресантом и источник декодирования для адресата. Текст как элемент ЧЭД может быть дополнен невербальными знаками, также транслирующими закодированные адресантом «информационные сгущения» (подробнее см. [Калёнова 2013в]). В идеале

когнитивно-прагматическому изучению следует подвергать оригиналы писем, что даёт возможность учитывать роль невербальных знаков коммуникации. Ранее нами рассмотрена знаковая роль обручального кольца и репрезентация этой роли в источниках личного происхождения М.О. Меньшикова и его жены. См. также исследования невербальных кодов в современной лингвистике [Голованова 2009; Музычук 2013; Мирцхулава 2005; Мишин 2005; Мудрая 1995 и др.].

Обратимся к одному из уникальных эпистолярных памятников. Перед нами оригинал письма А.Ф. Вангенгейма своей дочери (рис. 2 и 3). Это один из экспонатов уникальной выставки, организованной на площадке Международного общества «Мемориал» 18.05.13.–15.09.13. (Подробнее см. [<http://www.urokiistorii.ru/memory/ex/51793>]).

Рисунок 2.

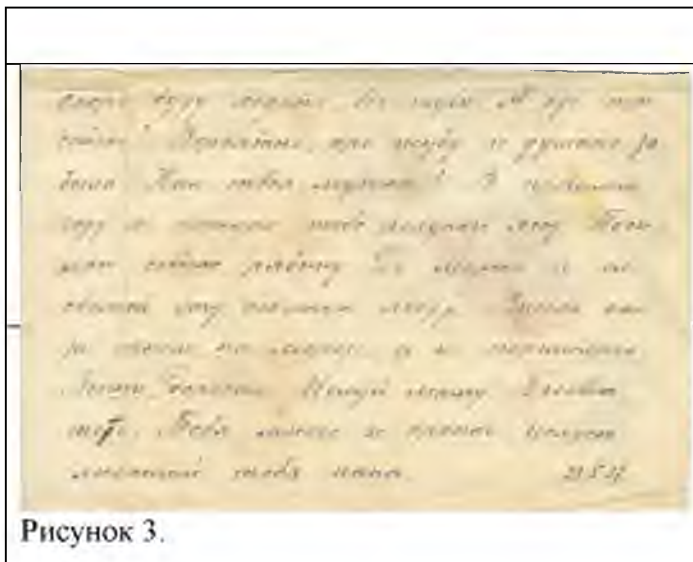

Рисунок 3.

Изображения, представленные на двух картинках, фиксирующих два листа письма, – это результат кодирования и одновременно источник для декодирования ЧЭД в его деятельностном понимании.

Письмо стало результатом кодирования информации А.Ф. Вагенгеймом для своей дочери. А.Ф. Вангенгейм, организатор первой единой гидрометеорологической службы в СССР, был арестован и осуждён в 1934 г. на 10 лет. Письма писать разрешалось один раз в десять дней. Всего в период с 1934 по 1937 гг. им было

написано 168 писем [<http://www.urokiistorii.ru/memory/ex/51793>]. В аспекте когнитивно-прагматического моделирования интересно само изображение оригинала, позволяющее наблюдать выбор вербальных и невербальных средств кодирования информации. Итак, подлежащие трансляции информационные сгущения необходимо закодировать. Адресант подыскивает те средства, доступные при эпистолярной коммуникации, которые наиболее эффективно позволят ему передать запланированный для трансляции объём информации. Так, например, чувство нежности, тоски по любимой дочери адресант мог объективировать объятием (при личной

встрече), вербальный код координирует его выбор: «Дорогая моя звёздочка Элочка!». Цели адресанта реализуются лексемами *дорогой, звёздочка*, уменьшительно-ласкательным суффиксом *-очк- / -ечк-*, восклицательным знаком. В заключительной части письма для объективации эмоциональной информации адресант использует описание невербального проявления чувств: «Тебя много и крепко целует любящий тебя папа». И напротив, отказавшись от вербальных средств, адресант прибегает к рисунку.

При рассмотрении текста с позиции адресанта следует идти от уровня 3А–1 к уровню 2А–1, и затем к уровню 1А–1 (табл. 7). Проследим, как происходит кодирование информационного сгущения, которое уже сформировано в сознании адресанта. Уточним, что формирование тех ментальных образований, которые подлежат трансляции, происходит на базе концептосферы адресанта, что будет рассмотрено далее.

Итак, адресант оформляет информацию «пришла весна» высказыванием «Наконец-то и к нам пришла весна». Лексема *весна* имеет значение ‘Одно из четырёх времён года между зимою и летом’. Адресант, учитывая знания о «знаниях» и возможных ассоциациях, наполняющих индивидуальный концепт ВЕСНА в сознании адресата (его дочери), оформляет те отличные признаки объективируемого концепта ВЕСНА от моделируемого им индивидуального концепта: «Нет настоящего южного и даже московского тепла». Пресуппозиция «есть молодая крапива» вычленяется в высказывании «Я уже варил себе молодую крапиву», признак «появилась / есть крапива» в объективируемом концепте отражает разницу в структуре объективируемого концепта адресанта и прогнозируемого адресантом индивидуального концепта адресата. Признаки объективируемого концепта «прилетели чайки», «есть крапива» координируют формирование ментального образования в сознании адресата. Иначе говоря, адресант регулирует формирование индивидуального концепта ВЕСНА в сознании адресата. В данном случае речь идёт об уровне 3–А2.

Адресат уже имеет в своей концептосфере концепт ВЕСНА. В результате декодирования письма индивидуальный концепт пополняется новыми признаками не только рационального / денотативного свойства: весна ‘может быть не тёплой’, ‘прилетают чайки’, ‘появляется крапива’, но и эмоционального, ассоциативного характера: так, например, ассоциативно концепт ВЕСНА может быть связан с образом отца, с чувствами тоски по отцу, и т.д. К сожалению, в нашем распоряжении нет источников, анализ которых позволил бы реконструировать наполнение индивидуального концепта ВЕСНА в сознании адресата. Однако можно предположить, что в процессе декодирования вербального кода письма адресат получает на выходе некие смысловые сгущения, участвующие в формировании индивидуального концепта.

Таким образом, текст письма в когнитивно-прагматическом аспекте представляет собой многоуровневый элемент ЧЭД. Уровни текста различаются по когнитивно-коммуникативным характеристикам в зависимости от принадлежности этого уровня категориям адресанта или адресата. Рассмотренные уровни текста образуют *текстовый блок* когнитивно-прагматической модели ЧЭД. Текстовый блок уровнем 3–А1 «соприкасается» с другим элементом ЧЭД, концептосферой адресанта, а точнее, с информационным полем – частью концептоферы – состоящим из информационных сгущений, подлежащих объективации в ЧЭД. На схеме этот фрагмент модели показан как наложение К–А1 и Т–3А1.

Теперь обратимся к тому когнитивно-прагматическому пространству, которое находится за текстом, вписывая текстовый блок в модель ЧЭД (схема 1).

Концептосфера адресанта. Когнитивный блок А1.

Концептосфера понимается как «концептуальная система / структура – тот ментальный уровень или та ментальная (психическая) организация, где сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека, их

упорядоченное объединение» [КСКТ 1997: 94]. Исходя из этого определения, концептосфера адресанта – это совокупность концептов в сознании адресанта. В когнитивно-прагматической модели ЧЭД концептосфера адресанта – это ментальный уровень его языковой личности. Полного представления о том, что содержится в концептосфере языковой личности, такого «стерильного отпечатка» всех единиц знания (термин используется как синоним термину *информация* [КСКТ 1997: 28]), получить невозможно. Можно реконструировать по данным имеющихся речевых произведений, авторство которых принадлежит данной языковой личности. Особенно ценными в такой лингвокогнитивной реконструкции являются источники личного происхождения. Художественное произведение более опосредовано отражает специфику концептосферы автора. В создании художественного произведения используется иной код (принцип кодирования), определяемый и жанровыми рамками, и категорией адресата (в ЧЭД адресат частного письма – известная адресанту личность) и т.д.

Сопряжение блока К–А1 и Т–А1, «информационное поле» ЧЭД – малоизученный феномен. Однако формулируя концепцию порождения текста, Н.И. Жинкин выделяет «представление о замысле, прогнозирующем начало и конец будущего текста, об иерархии подтем и субподтем, задающих необходимые уровни развёртывания замысла в текст, а тем самым и его структуру» [Жинкин 1982: 6]. Эти «интеллектуальные образования, возникающие *до текста* (выделено нами – *К.Н.*)» учёный называет «основными средствами ограничения на процесс отбора элементов текста», регулирующими «предметно-тематическую область сообщения» и отбор языковых средств [Там же]. На наш взгляд, эти «интеллектуальные образования», в терминологии Н.И. Жинкина, в их взаимосвязи и есть продукт сопряжения когнитивного и текстового блоков, «информационное поле» ЧЭД.

Информационное поле ЧЭД составляют те «информационные сгущения», которые адресант «приготовил» для трансляции посредством письма: *«Если ты хочешь знать Московские новости, скажу тебе, что соседка наша Соковнина при смерти вследствие родов. Соллогуб родила сына. Вот неделя как я не видала Вяземского. И муж и жена оба больны. На наших вечерах постоянно бывало много гостей, так как из всех знакомых домов только в одном нашем аккуратно принимают каждый день»* (М.А. Волкова В.И. Ланской, 18 мая 1812 г., Москва) [Афанасьева 2007: 560]. Читатель, то есть третье лицо, не участвующее в этом акте эпистолярной коммуникации, нуждается в дополнительных пояснениях, содержащихся в комментариях. Так, становится известно, что Соковнина Софья Васильевна (урожд. кн. Хованская) умерла 22 мая 1812 г. на 24 году жизни; у графини Софьи Ивановны Соллогуб (урожд. кн. Хованской), жены графа А.И. Соллогуба, 18 мая 1812 г. родился сын Лев, который был на год старше своего брата, известного писателя В.А. Соллогуба (1813–1882); а Вяземские – это П.А. Вяземский и его жена с 18 октября 1811 г., Вера Федоровна (урожд. кн. Гагарина) (1790–1886) [Волкова 2007: 568].

В данном фрагменте ярко продемонстрировано взаимодействие всех трёх блоков когнитивно-прагматической модели ЧЭД. Прежде всего обратим внимание на то информационное поле, которое реконструируется на основе ЧЭД (табл. 8).

Таблица 8		
Пресуппозиции		Контекст
Есть московские новости, адресант владеет информацией о них.		<i>Если ты хочешь знать Московские новости, скажу тебе</i>
Московские новости – это информация о	Соковниной	<i>соседка наша Соковнина при смерти вследствие родов</i>
	Соллогуб	<i>Соллогуб родила сына</i>
	Вяземском	<i>Вот неделя как я не видала Вяземского</i>
	Вяземских	<i>И муж и жена оба больны</i>
	вечерах / приёмах в	<i>На наших вечерах постоянно бывало много гостей, так как из всех знакомых домов только в одном нашем</i>

	доме адресанта	<i>аккуратно принимают каждый день</i>
--	-------------------	--

Итак, информационное поле ЧЭД адресанта формируется под влиянием таких факторов, как 1) концептосфера адресанта; 2) коммуникативно-прагматические установки адресанта; 3) представление адресанта о структуре и содержании концептосферы адресата.

Концептосфера адресанта при этом содержит не только сами знания, но и те установки, рамки, которые определяют актуальность воспринимаемой языковой личностью информации. Речь идёт об интересах и ценностных ориентирах. В приведённом фрагменте обнаруживается сфера интересов М.А. Волковой, эти установки программируют актуальность информации, касающейся светской жизни. Информационное поле ЧЭД А1 – выжимка из концептосферы адресанта, тот набор информационных сгущений, который адресант, М.А. Волкова, считает необходимым транслировать в концептосферу адресата, М.И. Ланской.

При этом онимы *Соллогуб*, *Вяземские* и т.д. используются как вербальные знаки, объективирующие некоторый объём информации, имеющийся в концептосфере адресанта и, как прогнозирует адресант, у адресата. Этой информации нет в информационном поле ЧЭД А1, новая информация строится с учётом существования этих пресуппозиций в сознании адресата. Если представить, что М.И. Ланская забыла, кто такая Соллогуб, у неё нет соответствующей когнитивной структуры, включающей как рациональную информацию, так и субъективную, отражающую её отношение к субъекту познания, то новая информация не актуальна, она не годится в целях формирования нового концепта, пригодна как надстройка, дополнение к уже имеющейся когнитивной структуре.

С целью смоделировать и восполнить «провал», или «смысловые скважины» [Жинкин 1982: 7], в концептосфере читателя (в случае публикации писем) создаются комментарии, однако они восполняют лишь

малую часть того объёма информации, который наполнял соответствующую когнитивную структуру в концептосферах адресанта и адресата. Это касается как рационального компонента: нам становится доступна информация о годах жизни, профессии, или степени родства и т.д.; так и эмоционально-оценочного, так как не известно, как относился адресант к упомянутым третьим лицам. Например, информация, вербализованная в высказывании «Соллогуб родила сына» может соответствовать пресуппозициям: (1) «Соллогуб существовала» (не уехала, выжила и т.д.) или (2) «Соллогуб была беременна». Если первая пресуппозиция обеспечивает формирование концепта СОЛЛОГУБ в сознании адресата, её отсутствие означает отсутствие концепта в концептосфере адресата, то второй пресуппозиции могло и не быть, тогда она дополняет знание адресата, пополняет концепт новыми признаками.

В рамках проводимого нами исследования интерес вызывает характер и специфика трансляции эмоциональной информации, составляющей информационный блок ЧЭД А1. Если предположить, например, что Соллогуб – лучшая подруга адресанта, и известие о благополучных родах Соллогуб вызывает положительный эмоциональный отклик в сознании адресанта, то высказывание «Соллогуб родила сына», предположительно, кодирует и эмоциональную информацию, не вербализованную иначе в тексте частного письма. Что касается декодирования, то эмоциональная информация декодируется с основой на концептосферу адресата. Так, если предположить, что М.И. Ланская, адресат данного послания, имеет негативный опыт общения с Соллогуб, то есть сформированный в сознании адресата соответствующий концепт содержит ЭК, отражающий негативные эмоции, то в сочетании с такими чертами личности, как склонность к зависти, декодирование данного сообщения может спровоцировать появление фрагментов негативной эмоциональной информации.

Таким образом, концептосфера адресанта входит в когнитивный блок модели ЧЭД и включает в себя «информационное поле», представляющее собой совокупность «подготовленных» для объективации информационных сгущений. Информационное поле формируется сопряжением энергии концептосферы адресанта, иллюкутивных сил, инициирующих эпистолярную коммуникацию как действие, а также представлений адресанта о концептосфере адресата.

Концептосфера адресата. Когнитивный блок А2.

Взаимодействие концептосфер адресанта и адресата начинается уже на этапе формирования «информационного поля» ЧЭД А1, так как «опытный коммуникант готовится к речевому общению задолго до его инициации, учитывая факторы адресата» [Григорьева 2007: 43]. В когнитивно-прагматическом осмыслении акт эпистолярной коммуникации – это действие, это акт трансляции информационных сгущений из концептосферы адресанта, а точнее, из информационного блока ЧЭД А1, в информационный блок ЧЭД А2, то есть, в итоге, в концептосферу адресата. В предыдущем пункте мы рассмотрели роль представлений адресанта о концептосфере ЧЭД адресата (А2), подчеркнём, что представление адресанта о концептосфере адресата – это своего рода вычленение тех информационных единиц, которые уже есть в концептосфере А2 (по предположению адресанта), от тех, которые могут быть актуальны (новые, способные заинтересовать и т.д.).

Концептосфера адресата пополняется информацией, которая становится результатом декодирования текста ЧЭД, при этом информационное поле ЧЭД А2 выступает как канал, через который эта информация поступает уже в концептосферу адресата. Процесс декодирования, иначе говоря, формирование информационного поля ЧЭД А2, в свою очередь, опирается на концептосферу А2, на представления о концептосфере А1, это один из факторов, влияющих на декодирование. Например, высказывание *«На наших вечерах постоянно бывало много*

гостей, так как из всех знакомых домов только в одном нашем аккуратно принимают каждый день» имеет пресуппозицию: «Мы регулярно (каждый день) проводим вечера (приёмы)» (табл. 9).

Таблица 9.				
Высказывание	Пресуппозиция	Возможные результаты декодирования		
«На наших вечерах постоянно бывало много гостей, так как из всех знакомых домов только в одном нашем аккуратно принимают каждый день»	«Мы регулярно (каждый день) проводим вечера (приёмы)»	Адресант сообщает, что	(А) они достаточно состоятельные люди	Подтверждение статуса
			(Б) они стали состоятельными людьми	Смена статуса
			(В) они гостеприимные люди	Подтверждение личных качеств
			(Г) к ним идут все знакомые, все знакомые проявляют интерес / уважение к ним	Подтверждение роли в обществе
			(Д) наш дом / семья выделяются среди их общих знакомых, так (и это хорошо) не делает больше никто	Подтверждение роли в обществе

Перечень возможных результатов декодирования можно было бы продолжить, более того, с учётом воздействия на результаты декодирования множества факторов и условий этот перечень открыт. Продемонстрируем, какие факторы могли повлиять на результат декодирования (А). Прежде всего, это информация, отражённая в концептосфере адресата о том, что такое вечер (приём), как он проходит, что нужно, чтобы проводить такие вечера каждый день и т.д. Представление о концептосфере адресанта помогает адресату сориентироваться в тех ценностных установках, которые характерны для языковой личности автора послания. Адресат знает (предполагает), что именно важно для адресанта: если важным является экономическая состоятельность, то, отталкиваясь от предположения об этом знании, возможно декодирование сообщения по типу (А).

Рассматривая когнитивный блок А2, важно иметь в распоряжении какие-либо источники, позволяющие реконструировать результаты

декодирования сообщения. Поэтому обратимся к следующим фрагментам. В таблице 10 проиллюстрированы семантические связи текстов писем. Так, информационное сгущение, вербализованное высказыванием «*Надеюсь, что оно не останется без действия и что Бог благословит нас идти мирным путем к дальнейшим улучшениям для блага дорогой нашей России*» декодировано адресатом, результат декодирования вербализован высказыванием: «*Мы на этом не остановимся и будем постоянно стремиться идти вперед той же дорогой, не торопясь, но вместе с тем и не уклоняясь от цели*».

Таблица 10.

Результат кодирования (ЭД1)	Объективация декодирования (ЭД2)	результатов
<p>«Для большего единства в действиях правительства я предписал строго придерживаться предписанного порядка еще в 1857 г. для внесения всех важных дел в Совет Министров и возложил на него обязанность представить о всем том, что уже сделано, или в ходу, или еще в предположении всем ведомствам. На этом основаны мы выслушали вчера весьма ясно и дельно представленную записку Краббе о ходе преобразований в морском министерстве, которых результат действительно весьма утешителен, и я вновь поставил его примером и для всех прочих. Надеюсь, что оно не останется без действия и что Бог благословит нас идти мирным путем к дальнейшим улучшениям для блага дорогой нашей России».</p>	<p>Дружески рад, что записка Краббе о действиях Морского Министерства удостоилась Твоего благоволения. Могу Тебя уверить, что мы на этом не остановимся и будем постоянно стремиться идти вперед той же дорогой, не торопясь, но вместе с тем и не уклоняясь от цели. И это мне возможно только при тех честных и добросовестных помощниках, которые меня окружают и которые вполне понимают и разделяют мои убеждения. Твоя же уверенность в чам, милый Саша, и Твое к нам благоволение не дают в нас засыпать доброй воле и поддерживают в нас силы! Один из заговоров наших успехов есть единение и единение между всеми главными действующими лицами как в Министерстве, так и в Портах. Без этого единения мы ничего бы не достигли. Дай Бог, чтобы Совет Министров с теми правилами, которые Ты вновь подтвердил, удовлетворил Твоим ожиданиям и дал министрам то единство, которое Ты всегда от них требовал»</p>	

Информационное сгущение формулируется образом пути / дороги. Адресат заимствует созданный в информационном поле ЧЭД1 А1 образ (деятельность как путь / дорога), переосмысливает его и объективирует несколько иными вербальными средствами.

В аспекте нашего исследования интересна взаимосвязь когнитивных категорий с прагматическими (табл. 11).

Таблица 11.				
Высказывание	Пресуппозиция	Объективация оценки события в ЭД 1.	Объективация в ЭД2 реакции на информацию, декодированную из ЭД 1	Оценка описываемых событий ЭД 2 декодирована и вербализована в лексемой <i>благоволение</i>
<i>«На этом основании мы выслушали вчера весьма ясно и дельно составленную записку Краббе о ходе преобразований в морском министерстве, которых результат действительно весьма утешителен»</i>	Краббе составил записку о ходе преобразований в морском министерстве / Есть, существует такая записка, составленная неким Краббе.	1) Записка ясно и дельно составлена 2) преобразования, о которых идёт речь в записке, т.е. их «результат весьма утешителен»	<i>Душевно рад, что [записка Краббе о действиях Морского Министерства] удостоилась Твоего благоволения</i>	

Как видим, адресат вычленил пресуппозицию высказывания, адекватно декодировал оценку, объективируемую в ЧЭД 1. Иначе говоря, информационное сгущение, бывшее достоянием информационного поля ЧЭД1 А1, транслировалось в информационное поле ЧЭД1 А2. Соответственно, концептосфера адресата пополнилась новыми когнитивными образованиями. Затем адресат ЧЭД1 (первого письма) становится автором ответа, то есть адресантом ЧЭД 2. В формировании информационного поля ЧЭД 2 принимает участие концептосфера адресанта, который для ЧЭД 1 является адресатом.

Рассматривая когнитивный блок, включающий концептосферу адресата, а также часть этой концептосферы – информационное поле ЧЭД, необходимо обозначить сферу взаимовлияния когнитивного блока с прагматическим. В процессе декодирования формирование информационного поля ЧЭД А2 происходит под влиянием представлений о возможных целях адресанта коммуникации. Продемонстрируем результат декодирования ЧЭД1 М.П. Бальзамовой (адресант) С.А. Есенину (адресат), реконструируемый по данным имеющего в нашем распоряжении ЧЭД2, где

С.А. Есенин (уже адресант) объективирует результат декодирования сообщения так: *«Маня! После твоего отъезда я прочитал твоё письмо. Ты просишь у м<ен>я прощения, сама не знаешь за что. Что это с тобой?»* (С.А. Есенин М.П. Бальзамовой, 2 декада июля 1912 г., Константиново) [Есенин 1999: 10]. Невозможность предположить, каковы коммуникативные цели адресанта ЧЭД1, – отсутствие необходимого элемента ЧЭД – блокирует движение иллокутивных сил, транслирующих информационные сгущения: адресат не может декодировать сообщение, или неудовлетворён результатами декодирования.

В аспекте осмысления роли адресата в ЧЭД интересно следующее: *«Вчера получила от вас маленькое письмецо, но не знаю, почему, мне сдаётся, что оно писано не ко мне, хотя всё сказанное могло бы адресоваться и ко мне. Только оно больше похоже на продолжение разговора, которого явно я с вами не имела, например, насчёт молитвы, а главное, вы посылаете поклон какой-то неизвестной мне княгине. Боюсь ужасно, что вы перепутали конверты и что ответ на моё последнее письмо отправился к кому-нибудь другому»* (А.А. Толстая Л.Н. Толстому, 16 марта 1876 г., Петербург) [Толстой 2011: 329]. В этом фрагменте очевидна роль адресата на всех уровнях когнитивно-прагматической модели ЧЭД. При формировании информационного сгущения, подлежащего трансляции, реализуется такое свойство ЧЭД, как диалогичность, задающая ориентацию на представления адресанта о составе концертосферы адресата, об особенностях восприятия информации.

Итак, то когнитивное образование, которое автор создаёт в своей индивидуальной картине мира, транслируется средствами ЧЭД. Об этом явлении говорит исследователь писем XVIII – XIX вв. в Германии: «Именно эти «сугубо частные» письма вступают как фикция на место реальности. Они вовсе не являются некими планами на будущее или эскизами жизненного пути, они скорее становятся ритуальными действиями. Суррогат проживаемой

жизни – письмо – считается «более ценным чем все остальное» („mehr werth als alles übrige, – письмо Ф. Шиллера К. Вольцоген от 1 сентября 1789 г.)» [Клэнер 2012: 253].

Следовательно, концептосфера адресата представлена в когнитивно-прагматической модели ЧЭД как основа когнитивного блока. Информационное поле ЧЭД А2 – часть концептосферы адресата, формируется на её основе, а также на базе представлений адресата о концептосфере адресанта и представлений адресата о коммуникативных целях адресанта в данном акте коммуникации.

Иллокутивные силы. Прагматический блок.

Учитывая, что единицы когнитивного сознания и языкового имеют когнитивную природу, так как «представляют собой результат отражения действительности» [Стернин 2006: 171], считаем, что в когнитивно-прагматической модели ЧЭД следует продемонстрировать эту связь. Прагматический блок когнитивно-прагматической модели ЧЭД отражает функционирование иллокутивных сил движения информационного сгущения из концептосферы адресанта в концептосферу адресата.

Прагматический блок имеет сферы сопряжения с когнитивными блоками А1 и А2 и текстовым блоком. Например: *«Очень жаль, любезный друг Кюхельбекер, что моё письмо тебя рассердило: я писал к тебе с другою целью; но видно, что тут, как и во многих других обстоятельствах бывает, приходится каждому остаться при своём мнении. Писать тебе больше об этом не буду, потому что отнюдь не намерен волновать тебя»* (И.И. Пущин В.К. Кюхельбекеру, 13 июля 1846 г., Ялutorовск) [Пущин 1988: 216]. «Ошибку» декодирования сообщения Пущин видит в том эмоциональном состоянии, в котором пребывает Кюхельбекер в момент чтения письма: *«Одним словом, письмо твоё пахнет хандрой»* (И.И. Пущин В.К. Кюхельбекеру, 13 июля 1846 г., Ялutorовск) [Пущин 1988: 217]. Соответственно, это же эмоциональное состояние, по предположению

Пушина, закодировано в письме Кюхельбекера. Итак, речь идёт о цепочке ЧЭД1 – ЧЭД2 – ЧЭД3 (табл. 12).

Таблица 12.			
	ЧЭД1	ЧЭД2	ЧЭД3
Адресант (А1)	И.И. Пущин	В.К. Кюхельбекер	И.И. Пущин
Когнитивный блок А1	↓	↓	↓
Информационное поле А1	[Информация о богатстве/состоятельности]	Объективная информация	Копирование своего отношения к результатам декодирования Жалость: «Очень жаль, любезный друг...», чувство вины: «Пожалуйста, извини...»
Текстовый блок	Не доступен	Не доступен	Представлен письмом И.И. Пушина В.К. Кюхельбекеру. 13 июля 1846 г., Ялуторовск [Пушин 1988: 216–217].
Информационное поле А2	[?] + эмоциональная информация	Результат декодирования эмоциональной информации	
Когнитивный блок А2			
Адресат (А2)	В.К. Кюхельбекер	И.И. Пущин	В.К. Кюхельбекер

Фрагмент информационного поля А1 ЧЭД1 реконструируется по данным ЧЭД3: *«Ты видишь какие-то оттенки богатства, о которых я никогда не помышлял. Во всех положениях есть разница состояний, во всех положениях оно, может быть, имеет некоторые влияния на отношения, но в нашем исключительном положении это совсем не то»* (И.И. Пушин В.К. Кюхельбекеру, 13 июля 1846 г., Ялуторовск) [Пушин 1988: 216–217]. Информация о степени состоятельности, закодированная в ЧЭД1, декодируется, провоцируя некоторые негативные эмоции. В информационном поле А2 ЧЭД1 фиксируется эта эмоциональная информация.

Кюхельбекер, уже как адресант (А1) ЧЭД2, кодирует своё эмоциональное состояние, которое Пушкин (А2 ЧЭД2) декодирует таким образом, что в ЧЭД3 объективировано им (А1 ЧЭД3) как: *«Моё письмо тебя рассердило»* (И.И. Пушкин В.К. Кюхельбекеру, 13 июля 1846 г., Ялуторовск И.И. Пушкин В.К. Кюхельбекеру, 13 июля 1846 г., Ялуторовск) [Пушкин 1988: 216]. Важно отметить, что Пушкин допускает формирование негативного (каким он сам декодировал) эмоционального информационного сгущения в информационном поле А1 ЧЭД2 не под воздействием результатов (по мнению Пушкина, неудачного) декодирования сообщения ЧЭД1, а под воздействием общего эмоционального настроения, сопровождавшего создание ЧЭД2: *«Письмо твоё пахнет хандрой<...> Что с тобой сделалось? Верно, это была минута, где мой Вильгельм был не в своей тарелке. Это минута, без сомнения, давно прошла: я в этом твёрдо уверен»* (И.И. Пушкин В.К. Кюхельбекеру, 13 июля 1846 г., Ялуторовск) [Пушкин 1988: 217]. Итак, стрелками в таблице схематично представлено направление движения иллюкутивных сил, регулирующих трансляцию эмоциональной информации в цепочке дискурсов.

Чем больше совпадающих элементов концептосферы адресата и адресанта, тем меньше преград на пути иллюкутивных сил, транслирующих информационные сгущения из информационного поля адресанта в информационное поле адресата. Анализируя причины неудачного, по его мнению, коммуникативного акта, И.И. Пушкин допускает изменения в концептосфере Кюхельбекера: *«я привык тебя видеть поэтом не на бумаге, но и в делах твоих, в воззрениях на людей, где никогда не слышен был звук металла. Что с тобой сделалось?»* (И.И. Пушкин В.К. Кюхельбекеру, 13 июля 1846 г., Ялуторовск) [Пушкин 1988: 217]. Как видим, Пушкин ориентировался на ту систему ценностей, являющуюся частью концептосферы, ту, к которой он «привык». Эта система ценностей номинируется в ЧЭД лексемой *поэт* '1. Писатель-художник, создающий

поэтические произведения; 2. Перен. Человек, наделённый высоким творческим дарованием; 3. Неодобр. или ирон. Человек, склонный к мечтательности и фантазированию, далёкий от действительности' и детализируется высказыванием *«где никогда не слышен был звук металла»*. Причиной нарушений декодирования сообщения, таким образом, может быть изменение в концептосфере одного из коммуникантов.

Итак, функциональная нагрузка прагматического блока в когнитивно-прагматической модели ЧЭД в том, чтобы запускать механизм трансляции информационных сгущений. Иначе говоря, даже намерение к созданию ЧЭД регулируется движением иллокутивных сил, которые оформляют потребность, желание «передать» некоторый объём информации, потребность в общении. Иллокутивные силы обеспечивают трансляцию когнитивных сгущений из концептосферы адресанта в концептосферу адресата, регулируют формирование информационного поля ЧЭД в сознании адресанта, выбор языковых средств для объективации когнитивных структур и т.д.

Вторая функция прагматического блока в этой модели ЧЭД связана с механизмом контроля правильности высказывания, который ориентирован на представления адресанта о составе концептосферы адресата, о тезаурусе его языковой личности, а также о возможном эффекте от декодирования транслируемого информационного сгущения: *«Дорогая моя девонька, моя неоценимая, сегодня от тебя нет письма, моя рыбка (прости, что так называю тебя: зачем **налагать** узы на ласку?) – верно, будет завтра заказное»* (В.И. Вернадский жене 5 мая 1892 г., Москва) [Вернадский 1993: 233]. В данном примере интересно сформулированное адресантом извинение за возможный неверный результат декодирования.

Среди языковых единиц, используемых адресантом как вербальный код для объективации информационных сгущений, особая роль принадлежит ФЕ. Например: *«Верно, это была минута, где мой Вильгельм был **не в своей***

тарелке» (И.И. Пущин В.К. Кюхельбекеру, 13 июля 1846 г., Ялуторовск) [Пущин 1988: 217]. ФЕ *не в своей тарелке* – ‘Ирон. 1. Не в обычном состоянии; иначе, чем всегда. 2. Стеснённо, смущаясь, неловко (чувствовать себя)’ [ФСРЛЯ 2: 301] – фиксирует эмоциональное состояние, образно номинирует его. Сопоставим дефиниции ФЕ и лексем, образующих синонимический ряд с доминантой *неловко*. Представим лексические значения членов синонимического ряда: *неловко* – ‘1. Наречие от *неловкий*. 2. Неудобно. 3. Стеснительно, совестно, стыдно’; *скованно* – наречие от *скованный* – ‘Затруднённый, лишённый свободы в действиях, в проявлении чего-нибудь’; *неуверенно* – ‘1. Не будучи уверенным в своих движениях. 2. Перен. Сомневаясь в правильности чего-либо, не отличаясь уверенностью в ком-либо или в чём-либо. 3. Неустойчиво, нетвёрдо (опоходке)’; *сконфуженно* – ‘Испытывая конфуз, смущение, смущённо’; *стеснённо* – ‘1. Имея ограничение, будучи лишённым свободы в чём-либо. Перен. Разг. Имея затруднительное материальное положение, испытывая недостаток в средствах. 2. Разг. затруднённо (о дыхании)’ . ФЕ вступает в синонимический ряд вторым своим значением (табл. 12).

Не в своей тарелке	Неловко	Скованно	Неуверенно	Стеснённо
1. <i>Не в обычном состоянии; иначе, чем всегда.</i>	2. <i>Неудобно</i>	---		
2. <i>Стеснённо, смущаясь, неловко (чувствовать себя)</i>	3. <i>Стеснительно, совестно, стыдно</i>	Ограничение свободы в действиях	2. <i>Перен. Сомневаясь в правильности чего-либо, не отличаясь уверенностью в ком-либо или в чём-либо.</i>	1. <i>Имея ограничение, будучи лишённым свободы в чём-либо.</i>

Первое значение ФЕ *не в своей тарелке* отражает модель ситуации, в которой испытывают ощущения, номинируемые лексемами

синонимического ряда. Эта модель ситуации как когнитивное образование генерирует представления носителей лингвокультуры о том, что человек чувствует, оказываясь в непривычных условиях, «иначе, чем всегда». С другой стороны, эта модель ситуации программирует использование данной ФЕ в ситуациях, когда человек, оказываясь в непривычных условиях, испытывает некие чувства. Нет одной лексемы, чётко объективирующей эмоциональное состояние, которое возникает у человека в непривычных ему обстоятельствах.

Есть ещё ФЕ *не по себе (кому)* в значении ‘Разг. 1. Неожиданно, нездоровится. 2. Смущён, растерян’ [ФСРЛЯ 2: 228], которая объективирует похожее эмоциональное состояние, и может быть включена в тот же синонимический ряд. Однако когнитивная структура, реализуемая данной ФЕ, не соотносится с моделью ситуации, объективируемой ФЕ *не в своей тарелке*. Соответственно, ситуативная сфера употребления ФЕ *не по себе* гораздо шире, так как когнитивное образование, а именно, модель ситуации, содержит меньше маркеров (признаков, условий) номинируемой ситуации.

Итак, когнитивно-прагматическая модель отражает структуру ЧЭД как акта трансляции эмоциональной информации. Такая модель содержит указание на когнитивный блок адресанта, в котором формируются информационные сгущения, подлежащие трансляции посредством ЧЭД. Когнитивно-текстовый блок (ТА1+КА1) – это зона смыслового содержания транслируемого сгущения, для трансляции которого адресант осуществляет поиск наиболее подходящей формы языкового воплощения. Текстовый блок отражает уровень текста письма.

Декодирование сообщения как когнитивный механизм имеет свою специфику. Адресат декодирует смысл языковой единицы, постоянно соотнося полученную информацию, с одной стороны, со складывающимся общим смыслом уже прочитанного текста, с другой, – со своими представлениями о языковой личности адресата. При этом на всех этапах

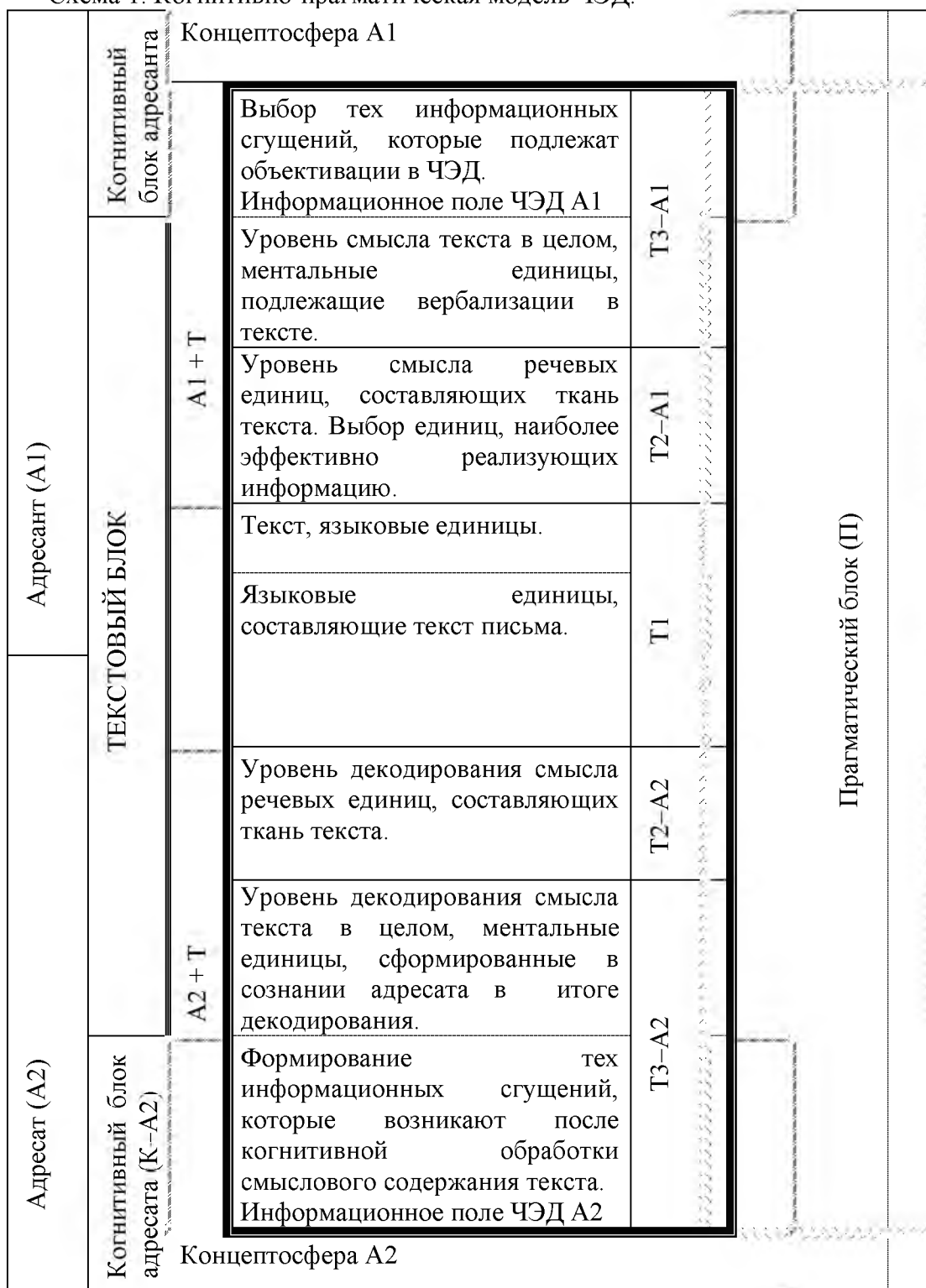
декодирования сообщения на его результат постоянно воздействуют некие факторы, которые не заданы ЧЭД. Иными словами, трансляция эмоциональной информации в ЧЭД с позиций когнитивной организации этого наисложнейшего процесса представляет цепь операций кодирования, а затем декодирования сообщения. И это не зеркальные, не соотносимые в процессуальном плане механизмы.

Мы имеем возможность проанализировать вербализованные результаты механизма трансляции эмоциональной информации посредством ФЕ в той области, которая относится к адресанту. Процесс декодирования не имеет вербализованной формы, располагающей к анализу. Имеется в виду, что нет таких источников, анализ которых позволил бы представить модель интерпретационных механизмов. В некоторых письмах объективирована реакция на результаты декодирования содержания предыдущего письма, письма-реплики в этом дистантном диалоге, но это вторичный по отношению к первоначальной реакции на сообщение продукт, объективируемый с определённой целью, с ориентацией на получателя сообщения, а не свободное рефлексирование.

В заключение отметим, что представленная когнитивно-прагматическая модель ЧЭД является проекцией одного письма. Переписка, образуя цепочку, в совокупности речевых событий являет собой более крупное когнитивное образование, изучение которого в когнитивно-прагматическом аспекте до настоящего времени не проводилось, хотя актуально в силу специфики частного письма как письменной формы разговорного стиля, характеризующейся диалогичностью, которая проявляется на всех уровнях когнитивно-прагматической организации ЧЭД. «Переписка – часть реальной жизни, в жизненном пространстве и времени» [Флоренский 1998: 8], входит в дискурс повседневности той или иной языковой личности.

Когнитивно-прагматическая модель ЧЭД с позиций лингвофеноменологии представляет интерес для изучения повседневной коммуникации в диахронии. Следуя основным целям исследования, сосредоточим внимание на роли ФЕ в когнитивной модели ЧЭД. Можно предположить, учитывая специфику семантической организации ФЕ, что этот знак косвенно-производной номинации – мощное, очень сложное, особенное средство объективации когнитивных образований, составляющих индивидуальной картины мира языковой личности автора ЧЭД.

Схема 1. Когнитивно-прагматическая модель ЧЭД.

3.2. Роль и место фразеологической единицы в когнитивно-прагматической модели частного эпистолярного дискурса

Выявляя роль и место ФЕ в когнитивно-прагматической модели ЧЭД, мы отталкиваемся от идеи о том, что ФЕ выступает в ЧЭД как код, средство кодирования информационного сгущения, являющегося частью информационного поля, подлежащего кодированию. «Как комплексная форма организации знакового пространства фразеологическая номинация фиксирует собой (часто оценочно) и способы мыслительной деятельности человека, и сами её результаты» [Красавский 2001]. Все языковые единицы по-своему выполняют функцию кодирования и передачи информации в ЧЭД, и происходит это комплексно. Именно в этой системе, где каждый её элемент – важная часть, функционирует ФЕ. Так, в одном из писем князь Иоанн Константинович, сообщает отцу о первом самостоятельно принятом решении: *«Вчера же Бенкендорф выпил со мною на «ты», и я согласился. Я знаю наверно, что они меня любят, и что если я с ними не выпью, будет не хорошо»* (Кн. Иоанн Константинович отцу, кн. Константину Константиновичу, 3 декабря 1910 г., Мраморный, Санкт-Петербург) [Князь Иоанн Константинович 2007: 419–420]. Смысловое наполнение единицы при кодировании базируется на участке концептосферы адресанта, которая включает результаты осмысления фактов реальной действительности: Иоанн Константинович – старший сын Константина Константиновича, ставший первым князем императорской крови Российского императорского дома [Думин 1998; Пчелов 2004]. Константин Константинович Романов (10/22 августа 1858 – 2/15 июня 1915), внук Николая I, член Российского Императорского дома, генерал-инспектор военно-учебных заведений, президент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, поэт, переводчик и драматург [Чернышова-Мельник 2008].

Осмысление статуса адресанта, его роли в семье, в государственных делах, в обществе и т.д., происходит постоянно, непрерывно, так как концептосфера постоянно пополняется новыми знаниями, возможны изменения его, адресанта, ценностных ориентиров, тех координат, в которых происходит выстраивание собственного отношения к событиям, объективно происходящим в окружающем его мире. Кроме того, важный фактор в процессе осмысления статуса адресанта в данном случае – целенаправленное воздействие на формирование чётких представлений о том, «каким надо быть» со стороны отца и старшего поколения императорской семьи: «*В прошлом году Ты мне выразил удивление, что я **на «ты»** с бывшими товарищами. Ты мне сказал, что говорил нам **не пить на «ты»***» (Кн. Иоанн Константинович отцу, кн. Константину Константиновичу, 3 декабря 1910 г., Мраморный, Санкт-Петербург) [Князь Иоанн Константинович 2007: 419–420].

Итак, ФЕ *пить на ты (с кем)* в значении ‘Устар. Старый застольный обычай, по которому двое пьют вино, взявшись об руку, и устанавливая этим взаимную дружбу и обращение на «ты»’ [ФСРЛЯ 2: 92] объективирует модель ситуации. В значении ФЕ зафиксировано, что эта ситуация – ‘обычай’. Сама модель описана в значении, иначе говоря, словарь фиксирует маркеры модели ситуации: [двое] + [пьют вино] + [взявшись об руку]. Эта ситуация – обычай / ритуал, который можно квалифицировать как переходный, применяющийся, когда «у одного или нескольких членов группы назрели какие-то перемены и эти перемены нуждаются в публичной презентации и ратификации» [Адоньева 2007]. Модель ситуации отражает внешние атрибуты ([двое] + [пьют вино] + [взявшись об руку]) и символическое значение, а именно презентация дружеских отношений, переход к обращению на «ты». Как видим, фразеологическое значение объективирует как внешние атрибуты – маркеры модели ситуации, так и символическое, глубинное значение, которое эта модель ситуации имеет в лингвокультуре.

В ЧЭД, имеется в виду письмо Кн. Иоанна Константиновича отцу, кн. Константину Константиновичу, 3 декабря 1910 г., Мраморный, Санкт-Петербург [Князь Иоанн Константинович 2007: 419–420], объективируется модель ситуации, символьное значение которое имеет окказиональные смысловые наращения, обусловленные синергетическим энергопотокотом ценностных установок, формируемых в процессе воспитания юного представителя императорской семьи, «статусных» стратегий поведения, предписываемых этикетными правилами, и т.д. Точнее, символьное значение объективируемой модели ситуации в данном акте эпистолярной коммуникации обнаруживает окказиональные смысловые наращения, а именно, эмотивно-оценочные окказиональные смыслы, дополняющие структуру сначала когнитивную, а затем семантическую.

Прежде чем выявить эмотивно-оценочные смысловые окказиональные элементы, объективирующие соответствующие элементы в структуре модели ситуации, которая вербализована ФЕ *пить на ты* в анализируемом ЧЭД, попытаемся реконструировать когнитивную организацию модели ситуации в концептосфере Константина Константиновича. В нашем распоряжении нет материалов для исследования и реконструкции фрагментов концептосферы Константина Константиновича, но в упоминаемом уже письме Иоанна Константиновича [Князь Иоанн Константинович 2007: 419–420] отражены результаты декодирования этих фрагментов концептосферы. Во-первых, Константин Константинович запретил применять этот ритуал / обычай. Адресант называет две причины, объясняющие запрет отца. Иоанн Константинович их сформулировал, опираясь на то, как Константин Константинович ранее объективировал своё отношение к анализируемой ситуации (табл. 13).

Таблица 13.				
	Адресант кодирует причины запрета	Основание запрета.	Аргумент адресанта.	Основание аргумента

	отца.			
1.	«Я знаю, что Ты боишься, что если я вытью с одним, то буду и со всеми. <...>Ты думаешь, что я не разбираюсь в людях».	Знание психологических особенностей адресанта	«Это было раньше». «Я взвесил, что кто со мною пьет».	Изменение в отношениях к людям.
2.	«Ты говоришь, что вы с Дяденькой были на «вы» с офицерами и все шло хорошо, а Николай Михайлович был на «ты» и все шло плохо».	Опыт	«Эск командиры видали, когда мы тили на «ты». Млавшов это знает и никто звука не проронил, а только улыбались.<...> Отношения в полку самые лучшие. Я чувствую теперь себя еще ближе к Бенкендорфу».	Одобрение сослуживцев, свидетелей поступка.

В концептосфере Константина Константиновича это информационное сгущение функционирует как рамки, строго задающие репертуар возможных моделей поведения адресанта. В словарях не фиксируются эмотивно-оценочные смысловые компоненты знака косвенно-производной номинации, которые объективируют соответствующие элементы когнитивной структуры. Рассмотрим, какие окказиональные смыслы реконструируются на основе анализа ЧЭД (табл. 14).

Таблица 14.			
Маркеры модели ситуации	Символьное, глубинное значение модели ситуации	Окказиональные смыслы	
		в когнитивной структуре, принадлежащей концептосфере адресата, Константина Константиновича (как их кодирует адресант)	в когнитивной структуре, принадлежащей адресанту, Иоанну Константиновичу
[двое] + [пьют вино] + [взявшись об руку]	Презентация дружеских отношений, переход к обращению на «ты»	И это плохо («-»). Такая стратегия поведения не соответствует статусу, который	И это хорошо («+»). Такая стратегия поведения одобряется в

		имеют участники коммуникации (принадлежность к императорской семье).	коллективе, это помогает наладить отношения с сослуживцами.
--	--	--	---

Мысль о том, «чтобы товарищи обходились со мною как с равным и не стеснялись бы называть меня на «ты» (Кн. Иоанн Константинович кн. Константину Константиновичу и Елизавете Маврикиевне, 17 мая 1904 г., Ливадия) [Князь Иоанн Константинович 2007: 402], начинает формироваться за несколько лет до описываемого поступка. Учитывая собственные представления об организации когнитивного образования (модели ситуации), а также о составе концептосферы Константина Константиновича, адресант ЧЭД объективирует те смыслы, которые отличают его индивидуальную когнитивно-семантическую структуру модели ситуации от той, которой, по мнению адресанта, оперирует Константин Константинович.

Иначе говоря, адресант предпринимает попытки изменить состав когнитивной структуры, являющейся частью концептосферы адресата, а именно «заменить» те индивидуальные смысловые элементы модели ситуации, которые не «совпадают» с составом модели ситуации, имеющейся в концептосфере адресанта. Адресант приводит аргументы, когнитивно-семантическая структура которых базируется на знании адресанта о когнитивных основах индивидуальных смысловых элементах модели ситуации в концептосфере адресата. В частности, адресант ЧЭД предполагает наличие некоторого фрагмента модели ситуации, а затем предпринимает попытку заменить его на другой фрагмент (табл. 15).

Таблица 15.				
Общее в моделях ситуации в концептосферах участников ЭД		Индивидуальные фрагменты моделей ситуации		Участники ЭД
Маркеры модели ситуации	Символьное значение			
[двое]	+	Презентация	Участники этой модели	Константин

[<i>пьют вино</i>] + [<i>взявшись об руку</i>]	дружеских отношений, переход к обращению на «ты»	ситуации должны быть одного статуса, то есть ситуация приемлема для члена императорской семьи, если объект ситуации является достойным.	Константинович
		Такая стратегия поведения одобряется в коллективе, это помогает наладить отношения с сослуживцами.	Иоанн Константинович

Важно, что о результате декодирования исследователь может судить на основании опосредованных источников, то есть по итогу кодирования результатов декодирования, последнее представляет собой самостоятельный когнитивный процесс, личностно обусловленный, поэтому не «стерильный», а такой, каким его организует языковая личность адресата, объективирующего эти результаты.

Рассмотрим ещё один очень яркий пример трансляции эмоциональной информации в ЧЭД. Это единственное известное [Григорьев 1999: 329] письмо Аполлона Григорьева своему отцу, А.И. Григорьеву (23 июля 1846 г., Санкт-Петербург) [Григорьев 1999: 16–19], наполненное внутренним напряжением противоборства любви и обиды: *«Всё терзало меня, всё – даже Вы, даже Вы, которого мне так жарко хотелось любить»* [Григорьев 1999: 17]. Объективация эмоций задана уже с первых строк: *«Свидание с добрым Ксенофонтом Тимофеичем, который привёз мне вести о Вас и от Вас, убедило меня в той крайней грустной истине, что Вы не хотите понять меня, не хотите потому, что не решаетесь выслушать меня серьёзно, что слишком легко смотрите на многое, что я уже несколько раз Вам высказывал»* [Григорьев 1999: 16]. Для понимания всей глубины трагедии Аполлона Григорьева необходимо знать, какую роль играла семья в его жизни и самосознании.

Родился Аполлон Григорьев вне брака, «родители передали его в Александровский Императорский сиротский дом» и спустя почти год «отец

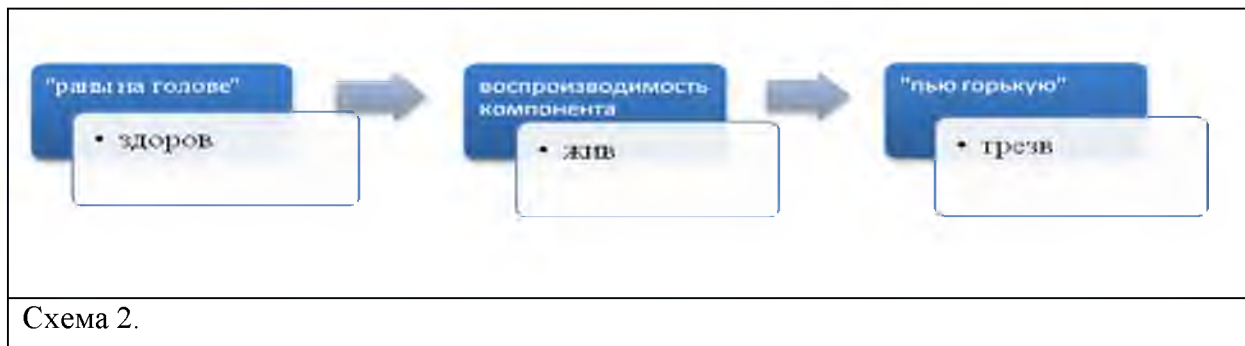
признал и принял из сиротского дома своего сына» [Григорьев 1999: 294]. «Судя по оставшимся письмам Григорьева и его воспоминаниям, между отцом и сыном лежала пропасть непонимания. Создаётся впечатление, что сын никогда не мог простить отцу своё положение незаконнорожденного» [Григорьев 1999: 294]. Аполлон остался единственным ребёнком в семье, его брат Николай (1823 г.) прожил всего месяц, а сестра Мария (1827 г.) – три месяца. «Родители баловали сына» [Григорьев 1999: 295]. Чрезмерная, назойливая забота привела к тому, что *«стало несносно – простите за прямоту и наготу выражений – <...> стало несносно жить ребёнком (вспомните только утренние головочесания, посылание за мною Ванек, Иванов и сцены за лишний высиженный час»* [Григорьев 1999: 17]. Итак, испытывая сильные негативные эмоции, автор структурирует сообщение, выделяя пункт цифрой 1. Этот пункт репрезентирует эмоциогенное событие, посвящённое материальным и моральным издержкам «связи с Милановским» [Григорьев 1999: 17].

Уже на этапе формирования информационного сгущения, подлежащего трансляции в ЧЭД, адресант отбирает ту информацию из его концептосферы, которая, по его замыслу, должна быть транслирована. На первый взгляд кажется очевидным, что это один из пунктов, которые поэтапно будут рассмотрены, что это главная информация, ради которой создаётся данное речевое произведение. Предупреждая неверное, не соответствующее ожиданиям декодирование сообщения, автор предваряет предъявление эмоциогенных событий конструкциями, которые призваны «смягчить» эффект от прочитанного, смоделировать две установки, задающие координаты декодирования: *«Простите меня»* [Там же]; *«Не оправдывать себя я хочу – ибо, право, я сам сознаю вполне, что виноват перед Вами, – но ради Бога выслушайте же меня серьёзнее»* [Григорьев 1999: 17]. В аспекте заявленной нами проблематики важной оказывается роль ФЕ в процессе объективации эмоциональной информации в ЧЭД. Так, ФЕ *ради Бога* в

значении 'Разг. Пожалуйста' [ФСРЛЯ 1: 38] акцентирует внимание на силе проявления эмоционального состояния. Сравним: «*Не оправдывать себя я хочу – ибо, право, я сам сознаю вполне, что виноват перед Вами, – но <...>выслушайте же меня серьёзнее*»* или «*Не оправдывать себя я хочу – ибо, право, я сам сознаю вполне, что виноват перед Вами, – но, пожалуйста, выслушайте же меня серьёзнее*»*. Сравнение семантики высказываний, не содержащей ФЕ и содержащей синоним ФЕ, позволяет увидеть, что ФЕ, как единица экспрессивная, более эффективна в решении коммуникативных интенций адресанта.

Формулируя аргументы к первому пункту, репрезентирующему эмоциогенные события, Григорьев обращается к слухам, опровергая их: «*Москва, как это мне известно из одного письма Погодина, рассказывала, что я – пью горькую и что у меня – раны на голове, а между тем – я **здоров и живи трезв по обыкновению***» [Григорьев 1999: 17]. В контексте оказывается уместной трансформированная ФЕ *жив и здоров* в значении 'Разг. О том, кто находится в благополучном состоянии, в целостности и невредимости' [ФСРЛЯ 1: 232], которая подвергается структурно-семантическому преобразованию, а именно перестановке компонентов, актуализирующей семантические структуры лексем, являющихся компонентами ФЕ, и расширению компонентного состава. Перестановка компонентов может быть связана с тем, что, опровергая слухи, Григорьев подыскивает языковую единицу, выбирая лексему *здоров*, объективирующую когнитивную структуру, противоположную информации, объективированной в высказывании «*у меня – раны на голове*». Затем лексема «вытягивает» из памяти, благодаря воспроизводимости ФЕ, другой компонент, *жив*. Необъективированной оказывается информация, противоположная той, которая объективируется высказыванием «*пью горькую*», поэтому вводится ещё один компонент, *трезв*. Следовательно, ФЕ используется автором как единица, позволяющая объективировать большой объём информации,

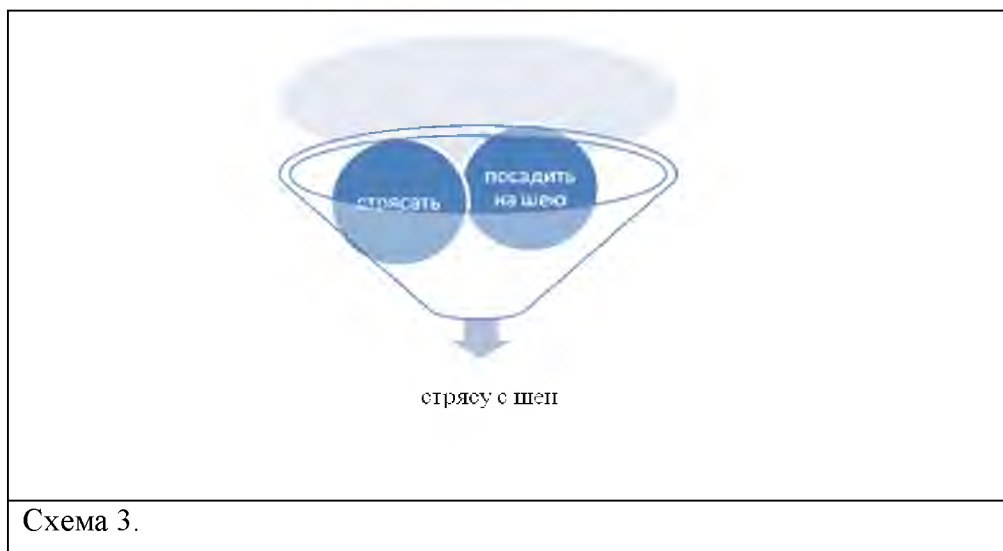
являющейся контраргументом предыдущему высказыванию. ФЕ в результате трансформации объективирует иронию, не вытесняющую основное эмоциональное состояние, переживаемое автором. Представим этот процесс схематично (схема 2).

Очевидно, недовольство отца было вызвано тем, что Аполлон Григорьев *«взял на себя (давно ещё) долг этого мерзавца»* Милановского. Григорьев подтверждает: *«Тяжело мне расплачиваться за эту связь только материально»*, выражая оптимизм: *«Но – Бог милостив, авось я стрясу с шеи печальные последствия неосторожной доверчивости»* [Григорьев 1999: 17]. На случайный характер обстоятельств, могущих спасти адресанта от этого долга, указывают ФЕ *Бог милостив* и лексема *авось*. ФЕ *Бог милостив* – ‘1. Устар. Разг. Всё обойдётся, кончится благополучно. 2. Выражение удовлетворения, облегчения, успокоения по поводу чего-либо’ [ФСРЛЯ 1: 33] – используется в контексте первым значением.

ФЕ *стрясу с шеи* представляет собой результат трансформации ФЕ *сидеть на шее* в значении ‘Прост. Экспрес. Быть на содержании, иждивении’ [ФСРЛЯ 2: 237]. Преобразование имеет несколько этапов. В речи частотна замена компонента *сидеть* на *посадить* или *сажать*, т.е. на уровне когнитивной структуры, вербализуемой ФЕ, меняется субъект действия, обозначаемого данной глагольной ФЕ. Далее замена этого компонента антонимом с последующим изменением модели управления создаёт новую единицу, оптимально подходящую для объективации когнитивного образования, включающего такие смыслы, как ‘Обуза’, ‘Нежелательная’,

‘Давящая’, а лексема *трясать* подчёркивает отношение к гнетущему состоянию, вызванного необходимостью отдавать чужой долг. В смысловой структуре преобразованной ФЕ вычленяется ЭК, объективирующий эмоцию презрения (схема 3.).

Поясняя причины, по которым Григорьев оказался в этом нелепом положении, он ссылается на *«фанатическое тогдашнее ослепление»*, которое *«запутанный этим гнусным человеком»* автор испытал от *«болезненной расстроенности»*. Корни этой болезни автор видит ещё в детстве: *«Да и Вы сами, немного посерьёзнее взглянувши на мой несчастный характер, поймёте, что я чересчур способен к отчаянию, не только уж к тоске и хандре: тосковать и хандрить я начал, право, чуть и не с 14 лет»* [Григорьев 1999: 17]. Воспоминания детства подняли в памяти автора письма недосказанные обиды, приведшие к описываемому болезненному состоянию хандры и отчаяния: *«Бежал из Москвы – уж конечно не от долгов, которые всё-таки не превышали годового оклада моего жалованья, и не от расстройства служебных дел, которое было бы очень легко поправить: нет! Здесь были другие причины, разумеется, – вот они»* [Там же]. А далее автор снова вводит нумерацию, начиная с цифры 1, и указывает два пункта.

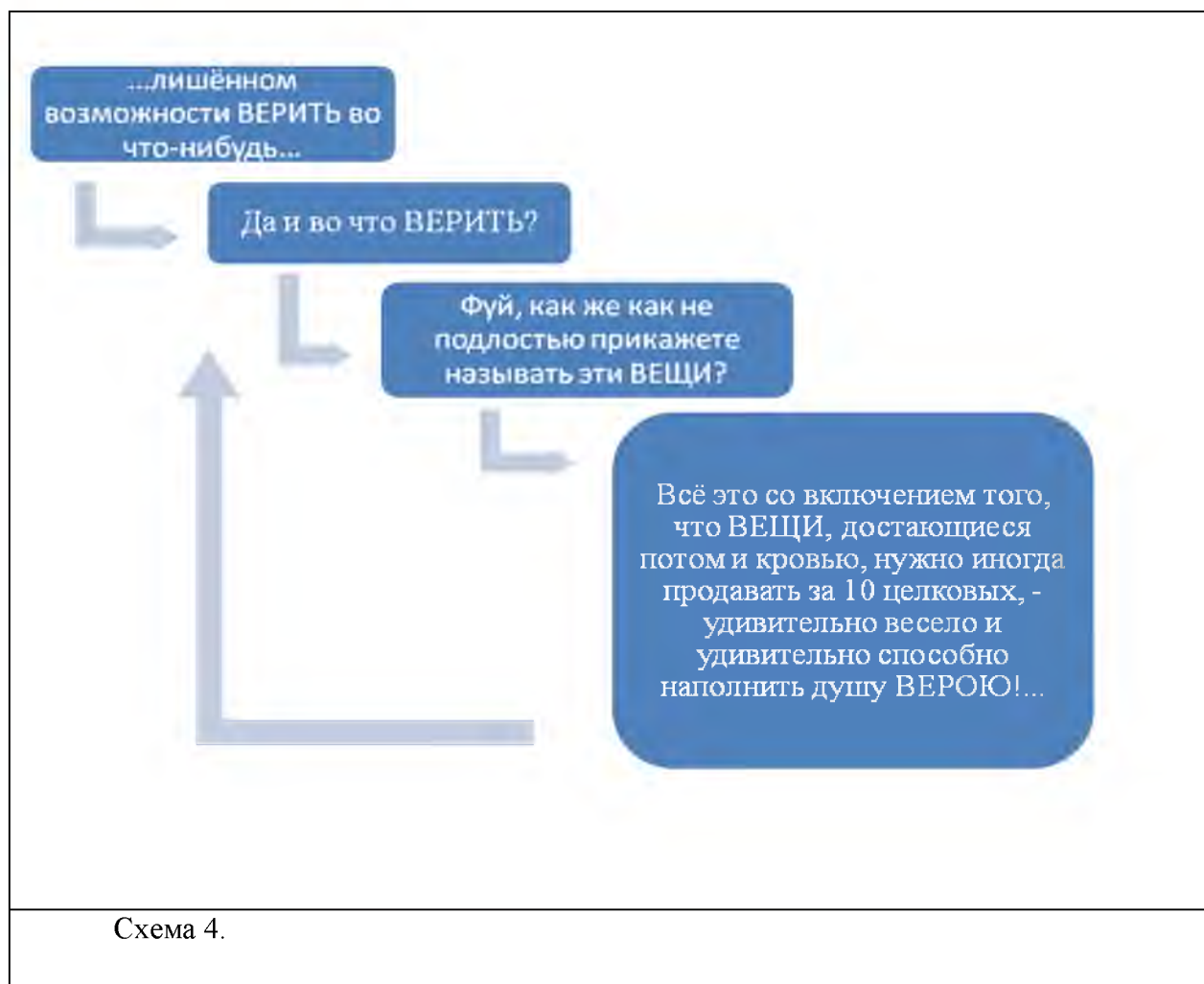
В первом пункте автор признаётся, что ему *«стало несносно жить ребёнком», «стало гадко притворствоваться перед разным людом», «стало постыдно выносить чьи бы то ни было наставления»*. *«Всё терзало меня, – резюмирует Аполлон Григорьев, – всё, даже Вы, даже Вы, которого мне так жарко хотелось любить»* [Там же]. Для иллюстрации своего невыносимого положения автор приводит один очень показательный, *«по-видимому, мелочный»* случай: *«Ко мне пришёл Кавелин, человек, с которым я хотел быть по крайней мере – равным; мы сошли с ним в залу – Вы вышли и стали благодарить его за знакомство со мною – о Господи! верите ли Вы, что и теперь даже, при воспоминании об этом, мне делается тяжело»* [Там же]. Не желая обвинить отца, так как это *«происходило от любви»*, автор завершает пункт риторическим вопросом: *«Зачем же Вы не щадили моей раздражительной гордости?»* [Там же]. Эмоциональная напряжённость объективируется комплексом средств: повторами, авторскими тире, риторическими восклицаниями и вопросами, междометием *о Господи!*, вставными конструкциями, например, *простите за прямоту и наготу выражений* и т.д.

Второй пункт начинается с вопроса, отражающего, по-видимому, вторую «болеву точку»: *«Любопытно бы мне знать тоже, как Вы смотрели и смотрите на мою страсть к А<нтонине>Корш, на мою первую и, может быть, единственную страсть»* [Там же]. Поясняя суть трагедии, Григорьев и в её основе видит влияние семьи: *«И я – и она, мы оба были равны летами, общественным положением, даже состоянием; столько же, как и какой-нибудь Константин Дмитриевич Кавелин, имел бы я право надеяться. А у меня не было надежд; ребёнок, которому чесали головку – я, однако, был столько благороден, чтобы отречься от всяких надежд. Да и на что мне было надеяться? Кавелин, правда, не был выше меня ни положением, ни даже состоянием, но он был почти свободен – а я?... Вы не виноваты в этом: виновата судьба, но тем не менее мои лучшие, мои*

*благороднейшие впечатления были отравлены... И что же вышло из этого? Хотя бы в жертву Вашему счастью мог я принести своё счастье! но мог ли я? посудите сами. Я бледнел и худел ежеминутно, – я , как сумасшедший, метался по постели, возвращаясь оттуда, при мысли , что она будет женою другого... но я бы скорее вырвал себе язык, чем позволил бы себе сказать хоть одно слово ей, хоть одно слово Вам... Боже мой! и теперь, когда я пишу к Вам это письмо, когда поднимаю со дна души всю осевшую давно желчь, – и теперь я плачу как ребёнок» [Там же: 17–18]. Порыв откровенности не должен, по замыслу автора, обидеть родного человека: «Простите меня, может быть я оскорбляю Вас этим богохульством – но дайте мне хоть один раз говорить с Вами как с человеком» [Там же: 18]. Междометная ФЕ *Боже мой* в значении ‘Разг. Экспрес. Выражение восхищения, тревоги, огорчения и т.п.’ [ФСРЛЯ 1: 38–39] в смысловой структуре имеет компонент, объективирующий силу проявления эмоции, о характере которой следует судить по семантике других языковых единиц, в данном случае, лексем *желчь* и *плакать*.*

Последующие микротемы не пронумерованы, отражают движение мысли от тяжёлых воспоминаний («*Страшным безумством покажутся Вам эти строки – но они пояснят Вам, отчего я бежал из Москвы*») к настоящему («*Пусть они (строки – К.Н.) заставят Вас только пожалеть немного о Вашем бедном сыне, лишённом даже возможности верить во что-нибудь*»). Цепная связь микротем отражает логику развития мысли. Так, следующая микротема посвящена вере («*Да и во что верить?*»). Интересно, что последнее слово в этой микротеме оказывается, образно говоря, таким «крючком», который «вытягивает» другую нить рассуждений. Итак, заканчивается анализируемая микротема высказыванием, обосновывающим понятие *подло*: «*Я, например, имел пошлую глупость привязаться к старому дураку Варламову и ещё горшую глупость отказаться от весьма здорового и дешёвого удовольствия, <...> и разные люди <...> от меня отступились.*

Фу́й! как же как не подлостью прикажете называть эти вещи?» [Там же: 18]. Лексема *вещь* имеет значение ‘1 Отдельный предмет, изделие. 2. то, что принадлежит к личному движимому имуществу. 3. О произведении науки, искусства. 4. Нечто, обстоятельство, явление’, выступая в данном контексте в четвёртом значении. Очевидно, семантическая структура лексемы продуцирует какие-то ассоциативные связи, и другая микротема уже посвящена тому, что *«вещи, достающиеся потом и кровью, нужно иногда продавать за 10 целковых»* [Григорьев 1999: 18]. В данном высказывании лексема *вещи* выступает уже, предположительно, в третьем значении, так как Аполлон Григорьев занимался литературным трудом. Продолжая это предложение, автор возвращается к концепту ВЕРА: *«Удивительно весело и удивительно способно наполнить душу верою!»*

Сокрушаясь о своём тяжёлом положении, о невозможности «наполнить душу верою», о том, что «нет <...> в тяжёлые минуты жизни ни одного сердца, которому <...> не стыдно было бы высказаться», Григорьев приходит к мысли о том, что ему «суждено пить эту чашу одинокой, безрадостной жизни», признаваясь, что «тяжёл, иногда не по плечам тяжёл крест» его жизни. ФЕ *по плечу* имеет значение 'Разг. Экспрес. Вполне доступен для выполнения, соответствует возможностям кого-либо' [ФСРЛЯ 2: 95]. ФЕ, не являясь эмотивной, участвует в формировании смысла высказывания ассоциативно-образной и экспрессивной семами, усиливая его эмотивную семантику. Эпистолярная формула прощания *целую руки* претерпевает изменение распространением компонентного состава: «Целую руки Ваши и руки Маменьки», что актуализирует внутреннюю форму единицы и ассоциативно-образные смыслы.

Примечательно, что в феврале того же года, т.е. раньше даты написания анализируемого письма, Аполлон Григорьев обратился к С.М. Соловьёву с просьбой подыскать ему «средства литературные и при том чернорабочие» (Ап. Григорьев С.М. Соловьёву, февраль 1846 г., Санкт-Петербург) [Григорьев 1999: 16], объясняя это так: «Родные мои зовут меня в Москву, да мне и самому надоело страшно жить без всяких привязанностей. Я бы с радостью поселился в Москве, если бы там были какие-нибудь средства прожить» [Там же]. Довольно убедителен Григорьев в том рвении, которое он проявляет, чтобы устроить своё возвращение в Москву: «За скорость моих работ поручится, пожалуй, издатель «Репертуара»; за православный и словенский дух моих рецензий ручательством могут служить имеющие быть напечатаны в мартовском номере «Финского вестника» статьи <...>; за мою набивку руки ручается двухлетнее участие в «Репертуаре» [Там же]. Он просит Соловьёва помочь ему, заявляя: «Хорошо, если б это дело устроилось!» [Там же]. Итак, в двух разных

письмах по-разному обоснованы причины, не позволяющие Григорьеву вернуться в Москву. В письме отцу Григорьев эмоционально связывает причины его бегства с внутренними психологическими проблемами, идущими из взаимоотношений в семье.

В объективации эмоций Григорьев использует комплекс средств, таких как повторы («...не хотите понять меня, не хотите потому...»; «...многие и слишком многие...»; «...душа моя больна, больна до сих пор...» и др.); риторические вопросы («Да и во что верить?»; «Что мне в моём будущем, в моей известности, в моей, может быть, будущей славе?»; «Да и на что мне было надеяться?» и др.) и риторические восклицания («Я хотел оставить Петербург, потому что был взбешён подлостью всего меня окружающего – но это не сбылось – и прекрасно!»), в том числе соединённые в одно предложение («И что же вышло из этого? Хотя бы в жертву Вашему счастью мог я принести свое счастье! но мог ли я? посудите сами») и другие средства. ФЕ *Боже мой!* в системе этих средств оказывается таким, с помощью которого автору удаётся акцентировать внимание на силе проявления эмоций.

Интересно, что фрагменты, наполненные особой эмоциональностью, пестрят тире. Это же можно наблюдать и в другом письме Аполлона Григорьева, написанном Михаилу Петровичу Погодину, человеку, которого Григорьев уважал, с которым со временем сблизился. В этом письме объективируются гнев и возмущение, вызванные тем, что не уполномоченный на это сотрудник редакции сделал правки в его статье, чем было задето самолюбие автора: «А<лександр> Н<иколаевич> хвалился вчера, что поправил несколько выражений в моей статье о Самойловой!» (Ап. Григорьев М.П. Погодину, октябрь 1851 г., Москва) [Григорьев 1999: 55]. Обратим внимание на комплекс средств объективации эмоций, выявленный на основе анализа предыдущего примера: «Разъясните мне, Бога ради, кто издаёт «Москвитянин» – Вы или компания? – и право поправлять статьи

принадлежит ли только Вам или каждому?» [Там же]. ФЕ *Бога ради*, преобразованная ФЕ *ради Бога* 'Разг. Пожалуйста' [ФСРЛЯ 1: 38], используется как экспрессивная единица, как и в предыдущем письме.

В заключение отметим, что ФЕ как средство кодирования эмоциональной информации является наиболее ёмким по когнитивно-семантическому наполнению знаком. Другим средством ёмкого кодирования и трансляции эмоциональной информации могут быть признаны прецедентные высказывания и их фрагменты. Как убедительно доказала Т.П. Акимова, анализ этих сложных по когнитивной и семантической структуре единиц «позволил выявить общие закономерности их использования в русском эпистолярном тексте: источники, фигуры интертекста и их стилистические функции, заключающиеся в придании высказыванию выразительности или создании комического эффекта» [Акимова 2013: 72]. Такая роль ФЕ и прецедентных высказываний в трансляции эмоциональной информации связана с их косвенно-производной сущностью.

Фонд эмотивных ФЕ расширяется за счёт реализации потенциальной эмотивности и обогащения семантической структуры ФЕ индивидуальными эмотивными смыслами. ФЕ включается в структуру высказывания как самостоятельный знак для объективации эмоций, а также как единица, участвующая своей когнитивно-семантической структурой в формировании эмотивной семантики высказывания в целом.

3.3. Когнитивно-прагматические механизмы фразеологической трансляции эмоциональной информации в частном эпистолярном дискурсе

Трансляция эмоциональной информации в ЧЭД обеспечивается комплексом нейрофизиологических механизмов, функционирование которых недоступно для непосредственного наблюдения. Нейрофизиологические

механизмы непрерывны на всех этапах переработки информации об окружающей действительности. Переработанная нейрофизиологическими механизмами эмоциональная информация подвергается воздействию психических механизмов. Исследования сложных закономерностей работы центров коры головного мозга свидетельствуют, что «при генерировании речи процесс возбуждения захватывает не только ограниченные «центры», постулировавшиеся старыми гипотезами, но представляют собой многокомпонентную систему, зависящую от памяти, процессов мышления, концентрации внимания, а также внутренних «кодов» отдельных слов» [Лалаянц 1992: 119].

Мотивационные механизмы (Б.Г. Ананьев) формируют мотивацию к трансляции эмоциональной информации. Характер функционирования мотивационных механизмов задан особенностями языковой личности адресанта ЧЭД. *«Гриша пишет мне о службе, о необходимости продолжать её, чтоб со временем достигнуть возможности делать нужные перемены. Я возразил ему, так как давно уже возражаю на это мнение и говорю, между прочим, что закабалить себя на 25 лет службы, чтоб на 26-й год проснуться, всё равно, что заложить на время душу чёрту, – плохое дело для души!»* (И.С. Аксаков родным, 20 октября 1845 г., Калуга) [Аксаков 1991: 163]. Иван Сергеевич Аксаков отличался особенным усердием в выполнении поручений по службе, принципиальностью, честностью. В приведённом фрагменте есть указание на эмоциогенную информацию: *«Гриша пишет мне о службе, о необходимости продолжать её, чтоб со временем достигнуть возможности делать нужные перемены»*. Письмо или письма («давно возражаю»), в которых передана эта эмоциогенная информация, не сохранились, мы можем говорить только о том, что во фрагменте письма И.С. Аксакова представлены результаты декодирования сообщений его брата.

Итак, эмоциогенной оказывается информация о том, что нужно продолжать службу, и только потом, достигнув высокого служебного положения, приняться за перемены в той системе, в которой трудился Аксаков. Несоответствие этой информации системе ценностных ориентиров Аксакова вызвало негативные эмоции, которыми он поделился и с братом, автором эмоциогенного сообщения, и с родителями, адресатами анализируемого послания. Считается, что эмоции возникают как реакция на несоответствие поступающей информации нашим ожиданиям, представлениям о мире, желаниям и т.д. (соответствие воспринимается как норма, а потому чаще всего не вызывает эмоций).

Аргументируя свою позицию, И.С. Аксаков использует ФЕ *продать душу чёрту (дьяволу)* 'Предосуд. По суеверным представлениям: отдавать свою душу дьяволу в обмен на какие-либо блага' [ФСРЛЯ 2: 155], трансформируя компонентный состав единицы, а именно заменяя компонент *продать* на компонент *заложить*, в результате чего модель ситуации, объективируемой ФЕ, соотносится с ситуацией, о которой говорит Аксаков. Подчеркнём, то информационное сгущение, которое подготовлено для трансляции посредством данного ЧЭД, его рациональная и эмоциональная составляющая, наиболее эффективно, по мнению адресанта, может быть передано единицей *заложить душу дьяволу*.

Обратим также внимание на повтор лексемы *душа* сначала в составе ФЕ, а затем как лексемы, распространяющей образ ФЕ. Этим автор акцентирует внимание на лексическом значении единицы, противопоставленном в контексте значению лексемы *служба*. Интересно, что далее И.С. Аксаков приводит в пример сюжет сказки, соответствующий этой модели поведения: «*Пожалуй, есть малороссийская сказка, что один коваль отдал душу чёрту, тот и принёс ему бездну денег, а коваль деньги взял, окропил святой водой, да самого чёрта перекрестил, так что тот давай бог ноги, а коваль приобрёл деньги и воротил душу. Ну, да это хохлацкая*

хитрость!» (Там же). Как видим, Аксаков достаточно подробно рассматривает модель поведения, не соответствующую его представлениям, объективируя своё возмущение.

Что касается мотивационных механизмов трансляции информации в данном ЧЭД, то следует сказать, что особенности психологической организации личности И.С. Аксакова проявляются в той эмоциональной реакции, которая объективирована в анализируемом ЧЭД. Комплекс эмоций, переживаемых автором, можно свести к базовой эмоции возмущения.

Мотивационный этап – это начало всего ЧЭД, возникающего как потребность в трансляции эмоциональной информации. Особую важность функционирование мотивационного механизма приобретает в осмыслении проблем эмотивной компетенции современной языковой личности, которая, пользуясь имеющимися в её распоряжении новейшими каналами коммуникации, зачастую лишена необходимости или возможности трансляции эмоциональной информации. Например, утрачивается необходимость рисовать вербальные эмоциональные картины увиденного, если можно представить его видеоизображение, сделать краткий комментарий, являющийся результатом трансляции эмоциональной информации.

Описание местности в письме П.А. Флоренского родным содержит комплекс изобразительно-выразительных средств: *«Дорогая Анна, наконец, 1-го октября, я приехал на место, хотя и не знаю – окончательное ли. Среди невысоких горных хребтов протекает горная река. Хребты скалистые и покрыты лишайниками, теперь уже канареечно-желтыми. Местность красивая. Все залито солнцем, светящим с утра до вечера. Ночью холодно и морозно, а днем тепло, и вчера я принял солнечную ванну. Ночью светит яркая луна. Небо большей частью чистое»* (П.А. Флоренский А.М. Флоренской, 13 октября 1933 г., станция Ксениевская Забайкальской железной дороги) [Флоренский 1998: 31]. Лексема *красивая* объективирует

оценочную информацию. Нужно учитывать при этом интердискурсивные факторы трансляции информации. Так, важно то, что П.Ф. Флоренский был арестован и осуждён, а затем этапирован на Дальний Восток. Это одно из первых писем, которые Павел Александрович написал жене и детям, оказавшись в том месте, где ему суждено было прожить первое время. Цель письма – успокоить своих родных, убедить их в том, что условия его жизни хорошие. Ещё одна цель – рассказать детям о природе тех мест, где их отец живёт, к слову, подробное описание природы, особенно в письмах, обращённых к детям, автор сопровождает комментариями о причинах тех или иных явлений, тем самым Флоренский пытается пробудить интерес к познанию у своих детей. Итак, фрагмент письма Флоренского демонстрирует объективацию оценочной информации, представим другой фрагмент, в котором трансляции подвергается эмоциональная информация.

Сравним с объективацией впечатлений от увиденного, представленной в письмах М.В. Нечкиной. В письме подробно раскрываются картины увиденного автором через призму её эмоционального отношения к происходящему: *«Чем дальше, тем красивее становилась дорога, все время идет она по ущелью вдоль горной реки, вокруг горы медведями лежат, покрыты лесом, как шерстью. Разные изгибы, перевалы, мосточки, все дикое, само собой брошенное, неустроенное. Для подробностей перечти Лермонтова - я стыдлива в описаниях природы. И вдруг посреди этой дикости строящийся, полный опилок, стружек, камня, черепицы и рабочих город! Будущий город! Столица Осетии Микоян-Шахар, наверное, в честь Микояна! Это прямо поразительное зрелище. Строится он по плану, уже есть электрическая станция, несколько законченных совершенно домов, мост, здание исполкома, гостиница. Только страшно жаль, что довольно мертвая, казенная архитектура. Ведь здесь просто **черт знает что** можно изобразить и какой простор творчеству. В Москве конкурсы на здания библиотек и Госторга, а тут ведь город целый вновь возводится, а о*

конкурсе не слышно! Что бы сделать можно было, какая красота!» (М.В. Нечкина Д.А. Эпштейну, 7 июля 1928 г., Теберда) [Курапова 2008]. Междометная ФЕ передаёт информацию об интенсивности переживаемого эмоционального состояния, что гармонично сочетается с выбором пунктуационных знаков, а также других средств художественной выразительности. Лексема *вдруг* обозначает границу резкого перехода в изображении картин и границу изменения эмоционального состояния автора. Междометная ФЕ *черт знает что* – ‘Прост. Презр. Нечто невообразимое, несуразное’ [ФСРЛЯ 2: 369] – в комплексе с лексемой *жаль* («*страшно жаль*») транслирует эмоциональную информацию, а именно информацию о том, что автор испытывает досаду, возмущение, разочарование.

Мотивационный механизм – не специфический для ЧЭД и для процесса трансляции эмоциональной информации феномен, однако специфической следует признать такую черту, как стойкую внутреннюю мотивацию. Именно внутренняя, не формируемая кем-то или чем-то извне, а идущая от искренней потребности в общении, такая мотивация задаёт установку ко всему трансляционному процессу ЧЭД. Как уже было сказано, особенности функционирования мотивационного механизма трансляции эмоциональной информации заданы спецификой эмоциональной сферы личности автора письма. Так, письма П.А. Флоренского практически не содержат эмотивных ФЕ, а также эмотивных единиц других уровней, в отличие, например, от писем М.В. Нечкиной, которые эмотивно насыщены.

Память – когнитивная способность удерживать в голове информацию о мире и самом себе, сохранять накопленный опыт и знания в виде определенных «следов» (энграмм) – когнитивных и ментальных репрезентаций как определенных структур представления знаний и оценок, упорядочивать весь этот массив знаний, чтобы облегчить легкий доступ к нему, «складировать» и систематизировать все сведения, пришедшие к человеку по разным каналам и в известной мере интегрировать их в единую

систему для простоты оперирования и манипулирования имеющейся информацией [КСКТ 1996: 108]. Механизмы памяти участвуют в формировании информационного сгущения, подлежащего трансляции ЧЭД.

Сбои в работе этого механизма проявляются в письмах, имеющих часть, оформленную названием «P.S.», или «Post. Scriptum». Например, *«Пожалуйста, не извиняйтесь, чем длиннее будут Ваши письма, тем большее удовольствие принесут они мне. Посылаю Вам курьёз, напечатанный обо мне в газете «Волгарь». Как Вам нравится эта «начинающая поэтесса, примкнувшая к рифмоплёткам»? Видите, как издеваются над Вашей Сафо. Я очень довольна, что Бальмонт далеко и не может прочесть всех этих гадостей <...> Не забывайте также и Вашего друга Мирру Жибер. P.S. Пожалуйста, пришлите мне адрес Минского. А что же «Север»? Я так и не получаю ни одного номера»* (М.А. Лохвицкая А.А. Коринсфскому) [Лохвицкая 2005: 565]. В основной части письма находит отражение наиболее яркая по психологической значимости (для адресанта) информация.

Впрочем, есть письма, в которых эмоциональная информация «членится»: в основной части письма транслируется эмоциональная информация, в части «постскриптум» может быть объективировано своего рода обобщение или развитие рассуждений, изложенных в основной части. Так, в письме Ксении Александровны, великой княгини, адресованном А.А. Оболенской, читаем о событиях 1917 г., которые вызывают тревогу, переживания (*«Какой кошмар, Боже мой!»*, *«Только бы господь помог России...»*), основная часть письма заканчивается: *«Будь здорова. Твоя Ксения»* (5 марта 1917 г., Гатчина) [Ксения Александровна 2005: 525]. Далее следует: *«Бедная, бедная Мама!»* (Там же). В данном случае речь идёт о том, что письмо транслирует информационное сгущение, которое в целом эмоционально окрашено. Ассоциативные механизмы [Овчинникова 2002; Добровольский 1994 и др.] в ЧЭД действуют разнонаправленно: в блоке

адресанта это могут быть ассоциативные нити, связывающие ментальные структуры; а также ассоциативные нити, возникающие при кодировании смыслов, когда элементы семантической структуры единицы актуализируют те или иные ментальные структуры. В блоке адресата это декодирование этих смыслов. Ассоциативные механизмы базируются на когнитивном и речевом опыте носителя лингвокультуры [Овчинникова 2002], связывая элементы семантического блока с единицами концептосферы адресата. Ассоциативный механизм может актуализировать незапрограммированные адресантом смыслы.

Тесно связаны с ассоциативными механизмами механизмы воображения. «Воображение является, на наш взгляд, когнитивным основанием преобразования прямого знакообозначения, связанного с представлением отдельного факта, в косвенно-производное, способное придать отдельному всеобщий характер. Воображение, точнее, формулируемые им когнитивные структуры, – средство опосредствованного соотнесения сигнификата нового наименования со смысловым содержанием первичного словосочетания. В этом заключается когнитивная сущность идиоматизации, в результате которой значение целого не сводится к сумме значений его составляющих» [Алефиренко 2003: 40]. Механизмы воображения участвуют как в создании ЭК фразеологического значения, так и в процессе трансляции эмоций в ЧЭД. Например, механизмы воображения могут спровоцировать декодирование эмотивного смысла, объективирующего эмоцию иронии, даже если адресант не рассчитывает на это, не программирует это сознательно: *«В лесах иногда начинают расти холмы и в несколько лет вырастают большими. Деревья в этом месте, ранее росшие вполне правильно, наклоняются в разные стороны, словно валятся. Такой лес называют здесь «пьяным лесом». Оказывается, если вскрыть такой холм, то внутри его образовался лед от поступавшей в него воды, и этот лед образовал как бы начинку холма»* (П.А. Флоренский родным, 23–24

декабря 1933 г., г. Свободный) [Флоренский 1998: 59]. Однако каким бы богатым ни было воображение общающихся, они оперируют только элементами своего опыта и знания.

Иначе говоря, трансляция эмоциональной информации в ЧЭД осуществляется ФЕ с прозрачной внутренней формой или ФЕ, генетическая база которых известна адресату, именно благодаря функционированию ассоциативных и механизмов воображения. Затруднительны для декодирования ФЕ, в которых хотя бы один компонент не имеет прозрачной внутренней формы: *«Любимочка моя хорошая, вчера получил твое письмо и очень обрадовался тому, что ты решилась, наконец, взять себя в руки и успокоиться. Так и надо, мордочка, нечего **опускать нос на квинту** раньше времени»* (Л.В. Собинов Е.М. Садовской, 15 марта 1903 г, Петербург) [Собинов 1986]. ФЕ *вешать нос <на квинту>* имеет значение 'Разг. Ирон. Приходить в уныние, отчаиваться' [ФСРЛЯ 1: 74]. Особенное, окказиональное эмотивное содержание может получить данная языковая единица, если является частью тезауруса языковой личности адресанта, а главное, если адресату известно об этом. В силу факультативности компонента *на квинту* семантика ФЕ может быть успешно декодирована, несмотря на то, что внутренняя форма ФЕ непрозрачна.

Когнитивное образование, трансформирующееся впоследствии в ЭК фразеологического значения, формируется на прочном фундаменте всего лингвокогнитивного пространства, доступного носителю языка. Это возможно в силу функционирования механизмов интеграции знаний, которые в речевой деятельности, как и во всякой другой деятельности, опираются на знаки, возникают на разных ярусах и этапах формирования культуросносных смыслов, их действие не ограничивается процессами передачи информации [Алефиренко 2003: 62]. Кодированные механизмы языка служат этноязыковой матрицей семантизации окружающего мира: «Пресуппозиции (фоновые знания социокультурного характера) и

импликации, под которыми понимаются лингвокреативные хитросплетения языковых и внеязыковых знаний, служат основными механизмами, обеспечивающими возможность кодирования в знаках непрямого именованной культурной информации (в ее сознательной и бессознательной фиксации), в денотативной (предметной) соотнесенности и в коннотативной интерпретации соответственно на оценочном, ассоциативно-образном, экспрессивном и эмотивном уровнях» [Алефиренко 1999: 16]. Нейрофизиологические и психологические механизмы переработки информации об окружающей действительности во всей своей совокупности функционирования участвуют в структурировании когнитивной единицы, отражающей эмоциогенную ситуацию. Эти механизмы лежат в основе речевых механизмов.

Речевой механизм – устройство для осуществления процессов, связанных с речевой деятельностью. Речевая деятельность при этом рассматривается как «вид деятельности (наряду с трудовой, познавательной, игровой и т.д.) <...> психологически организована подобно другим видам деятельности, т.е. с одной стороны, характеризуется предметным мотивом, целенаправленностью, эвристическим характером, с другой – состоит из нескольких последовательных фаз (ориентировка, планирование, реализация плана, контроль) (по Л.С. Выготскому)» [Языкознание 1998: 412]. Речевая деятельность включает понимание и продуцирование.

В аспекте осмысления когнитивно-прагматических механизмов трансляции эмоциональной информации посредством ФЕ продуцирование речи как фрагмент речевой деятельности соотносится с когнитивным процессом кодирования информации. Рассмотрим фрагмент письма П.А. Флоренского: *«Сегодня занимался в первый раз со своими лечьпомами латинским языком. Невидимому*, они заинтересованы предметом, во всяком случае слушают внимательно и реагируют живо. Есть среди них лет под 30, другие молодые, есть и несколько девиц. Для начала я диктовал им*

разные пословицы и басню, переводил с ними, разбирал некоторые формы. Учебников, конечно, нет и все преподавание надо везти устно. Тут имеется филиал Академии Наук, были доклады участников академических экспедиций по геологии края и в особенности по мерзлоте, но мне, да и большинству, они показались слабыми и скучными. Более живо прошло заседание кружка краеведов, с докладами менее грамотными, но более живыми и содержательными. Завтра предстоит заседание кружка по физике и химии при здешней лаборатории. Скоро открывается научно-техническое общество. Как видишь, жизнь идет **на всех парах**» (П.А. Флоренский родным, 6–9 декабря 1933 г., г. Свободный) [Флоренский 1998: 53]. Можно сказать, что адресант объективирует информацию о том, что на новом месте отбывания наказания его жизнь насыщена интересными занятиями. Эта информация транслируется подробным описанием событий, что обусловлено стремлением данной языковой личности в мелочах представить своим родным факты своей жизни, а также стремлением убедить адресата в том, что «жизнь идёт на всех парах», то есть продолжается, а адресант чувствует себя, насколько это возможно, комфортно, резюмируя этим всё написанное ранее. Иными словами, смысловая структура ФЕ *на всех парах* содержит элементы ‘Динамично’, ‘Интересно’.

Продуцирование – порождение речи – один из двух главных процессов речевой деятельности (другой – понимание речи), состоящий в планировании и реализации речи в звуках или графических знаках [КСКТ: 129]. Порождение речи является основой речевого механизма, участвующего в формировании ЭК фразеологического значения. На этапе планирования будущего высказывания учитываются те смыслы, которые должны быть переданы в речи, в том числе и эмотивные. Так, планируя высказывание о своих чувствах, говорящий подыскивает или создает такую единицу, которая отвечает замыслу высказывания. *«Ты стараешься успокоить меня, пишешь; что вы живете не очень нуждаясь. Однако, как я могу поверить этим*

утешениям, когда знаю вашу нужду и при наличии моего заработка, в прошлом. А теперь у вас этого источника нет и понятно, что заработка мальчиков хватать не может, даже при самых скромных расходах. Поэтому я не могу не беспокоиться. Совсем немного я буду помогать вам, тем более, что получая все готовое, я в деньгах не имею нужды. Но конечно, то что я смогу присылать – это **капля в море** при большом числе нуждающихся в помощи» (П.А. Флоренский А.М. Флоренской, 16 февраля 1934 г., Свободный) [Флоренский 1998: 79–80]. Эмоциональное состояние, которое испытывает и транслирует адресант, можно отнести к базовым эмоциям досады, отчаяния. ФЕ *капля в море* помогает акцентировать внимание то, что помощь Флоренского ничтожна по сравнению с тем «морем» проблем, которые возникли после ареста и осуждения главы семейства. Этот образ, продуцируемый ассоциативно-образной семантикой, становится ключевым в осмыслении номинируемой ситуации. Для реализации мотивационных установок анализируемая единица оказалась наиболее подходящей.

В ракурсе нашего исследования особенно актуальной становится проблема декодирования сообщения. С когнитивным процессом декодирования речи соотносится понимание – когнитивная деятельность (разновидность речевой деятельности), результатом которой является установление смысла некоторого объекта [КСКТ: 124]. Успешное декодирование эмотивной семантики осуществляется в результате понимания, если семантическая и когнитивная структуры являются частью языкового опыта носителя языка или если этот процесс декодирования поддерживается ассоциативными механизмами.

Так, например, языковой опыт носителя лингвокультуры может обеспечить успешное декодирование эмоции иронии, транслируемой следующим фрагментом частного письма: *«М-р Heath'a разобрало играть на моём инструменте с молоточками сегодня, и он мне страшно мешает*

писать! Ты можешь себе представить, как это приятно! И он находит, что его музыкальные сочинения (которые он только что выдумал) прекрасные, но это так ужасно, что я думаю, что я скоро с ума сойду» (Ксения Александровна А.А. Оболенской, 3 ноября – 15 декабря 1888 г., Гатчина) [Ксения Александровна 2005: 463]. Использование лексемы *приятно* в противоположном присущему ей значению смысле в сочетании с лексемой *ужасно* и ФЕ *с ума сойду* транслируют эмоции возмущения или иронии (по результатам эксперимента). Когнитивный подход к речевой деятельности позволяет рассматривать естественный язык как механизм, связывающий мысли (т.е. ментальные репрезентации) с языковыми формами (т.е. репрезентациями, в конечном счете, физически выразимыми как звуки) [КСКТ: 100] или, в нашем случае, буквы). Возможности и ограничения речевого механизма, утверждают ученые, определяются мозгом [Красных 2001: 94] – в этом заключаются его когнитивные основы.

Следует сказать также о том, что ФЕ может выступать как эмоциогенный раздражитель. Наиболее ярко это явление можно продемонстрировать, проанализировав функционирование ФЕ *неумытое рыло* в «Выбранных местах из переписки с друзьями» и в письме В.Г. Белинского Н.В. Гоголю (15 июля 1847 г., Зальцбрун). Подчеркнём, что «Выбранные места из переписки с друзьями» не относим к частным письмам, а рассматриваем как пример квазиписьма. Нас интересует результат декодирования эмотивных свойств данной ФЕ, объективированный в письме Белинского Гоголю.

В главе XXII «Русский помещик» Н.В. Гоголь обстоятельно определяет особую роль помещика как наставника: *«Что помещик ты над ними не потому, чтобы тебе хотелось повелевать и быть помещиком, но потому что ты уже есть помещик, что ты родился помещиком, что взывает с тебя Бог, если б ты променял это званье на другое, потому что всяк должен служить Богу на своем месте, а не на чужом, равно как и они также,*

родясь под властью, должны покоряться той самой власти, под которую родились, потому что нет власти, которая бы не была от Бога <...> И все, что им ни скажешь, подкрепи тут же словами Святого Писания; покажи им пальцем и самые буквы, которыми это написано; заставь каждого перед тем перекреститься, ударить поклон и поцеловать самую книгу, в которой это написано». Автор советует поощрять любыми способами «примерного» мужика, поддерживать его авторитет: «Негодьям же и пьяницам повели, чтобы они оказывали им такое же уважение, как бы старосте, приказчику, попу или даже самому тебе; чтобы, еще завидевши издали примерного мужика и хозяина, летели бы шапки с головы у всех мужиков и все бы ему давало дорогу; а который посмел бы оказать ему какое-нибудь неуважение или не послушаться умных слов его, то распеки тут же при всех; скажи ему: «Ах ты **невымытое рыло!** Сам весь зажил в саже, так что и глаз не видать, да еще не хочешь оказать и чести честному! Поклонись же ему в ноги и попроси, чтобы навел тебя на разум; не наведет на разум – собакой пропадешь». Как видим, ФЕ употреблена в тексте в соответствии с её словарной дефиницией. Однако актуализируется семантическая структура компонента *неумытое (невымытое)* – ‘грязное, запачканное’. Актуализация этих сем провоцируется «соседством» единиц *сажа, глаз не видать*. При этом не стоит забывать, что единственным мерилom истины, как он сам это постулирует, для автора является православие. «Негодяи и пьяницы» не просто грязные, неухоженные, гораздо важнее, что они нарушили закон Божий, следование которому сохраняет душу (о которой так много пишет Гоголь в «Выбранных местах») чистой. Вот какие люди должны вызывать презрение и негодование помещика.

По поводу другого компонента следует отметить, что соматизмы, входящие в формальный состав ФЕ, имеют этнокультурную значимость [Соколова 2002 и др.] Фразеологический фонд обладает набором единиц, в составе которых есть компонент *рыло*: *кувшинное рыло* ‘Прост. Пренебр. о

безобразном, вытянутом вперед лице' [ФСРЛЯ 2: 209], *лезть с суконным рылом в калачный ряд* 'Прост. пренебр. пытаться занять неподобающе высокое место, положение и т.п.' [ФСРЛЯ 1: 347], *пропойное рыло* 'Презр. горький пьяница' [ФСРЛЯ 2: 209], *свинячье рыло* 'Бран оскорбительная форма обращения к человеку (обычно более низкого положения в обществе, зависимому)' [ФСРЛЯ 2: 209], *суконное рыло* 'Пренебр. о человеке низкого происхождения' [ФСРЛЯ 2: 209]. Это свидетельствует об актуальности данного соматизма в русской лингвокультуре и об эмотивном потенциале семантической структуры лексемы *рыло*, элементы семантической структуры лексемы участвуют во фразеомообразовательной комбинаторике.

Переписка Н.В. Гоголя и В.Г. Белинского инициирована Гоголем: в своём письме Николай Васильевич выражает недоумение голосу *«рассерженного человека»*: *«А мне не хотелось бы рассердить даже и не любившего меня человека, тем более вас, о котором я всегда думал, как о человеке меня любящем»*. Заканчивается письмо словами: *«Вот вам изложение искренних чувств моих»*. Как видно, Гоголю было важно мнение Белинского не просто как критика, но как глубоко уважаемого им человека.

Результат декодирования информации, в том числе и эмоциональной, содержится в письме В.Г. Белинского Н.В. Гоголю: *«А выражение: **ах ты неумытое рыло!** Да у какого Ноздрева, какого Собакевича подслушали Вы его, чтобы передать миру как великое открытие в пользу и назидание русских мужиков, которые, и без того, потому и не умываются, что, поверив своим барам, сами себя не считают за людей?»*. Очевидно, что смысловая структура, закодированная автором «Выбранных мест», в процессе декодирования подвергается воздействию мощного потока экстралингвистических факторов. Белинский прямо заявляет: *«Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов – что Вы делаете?..»*, подчёркивая своё эмоциональное состояние: *«Если б я дал полную волю моему чувству, письмо*

это скоро бы превратилось в толстую тетрадь». Особенность когнитивных механизмов декодирования в данном случае в том, что закодирована информация, не чётко соответствующая словарной дефиниции. Во-первых, характеристика даётся не «русскому мужику», а не примерному (негодяю, пьянице) русскому мужику. Во-вторых, как мы уже отмечали, актуализируется смысловая структура компонента *невывытое*. А в-третьих, на эмотивное содержание наслаиваются экстралингвистические факторы, а именно векторы мировоззрения коммуникантов, задающие программу декодирования смыслов. Декодирование эмотивного содержания – это самый сложный когнитивный механизм, опирающийся на всё многообразие порождающих смыслы ФЕ лингвистических и экстралингвистических направляющих [Алефиренко 2008]. Таким образом, эмотивные ФЕ являются универсальным средством передачи эмоциональной информации, однако кодирование с помощью таких единиц содержания, отличающегося от узуального, представляет собой усложнённый когнитивный процесс, требующий столь же сложного когнитивного процесса декодирования.

Отвечая на позицию Белинского, Гоголь создал два письма, одно из которых, наиболее эмоциональное, не было отправлено: *«Отзывы ваши о помещике вообще отзываюся временами Фонвизина. <...> Что для крестьян выгоднее, правление одного помещика, уже довольно образованного, который воспитался и в университете и который всё же стало быть, уже многое должен чувствовать или быть под управлением многих чиновников, менее образованных, корыстолюбивых и заботящихся о том только, чтобы нажиться?»* В другом письме, написанном 10 августа 1847 года и отправленном, Гоголь не столь категоричен: *«Душа моя изнемогла, всё во мне потрясено <...> Бог весть, может быть, и в ваших словах есть часть правды»* и вовсе не прибегает к комментариям по поводу смыслового содержания языковых единиц и высказываний в целом. Примечательно включение ФЕ *Бог весть* в качестве единицы, синонимичной

вводной конструкции *может быть*, что позволяет автору устранить категоричность тона письма, но в то же время указать, что он не совсем согласен с оппонентом.

Когнитивно-прагматический механизм понимается нами как совокупность состояний, процессов и операций, которые обеспечивают трансформацию эмоциональной информации в ЭК смысловой структуры ФЕ и далее из ЭК смысловой структуры ФЕ – в эмоциональную информацию, декодированную адресатом. Развивая мысль о том, что «когнитивный механизм кодирования неканонических ситуаций и альтернативных способов представления одной и той же ситуации» [КСКТ: 108] базируется на «различении «фигура-фон» как когнитивный феномен» [Там же], мы представляем когнитивно-прагматический механизм как совокупность операций, осуществляемых языковой личностью для объективации информации, в данном случае, эмоциональной. Но так как мы идём от анализа оязыковлённого результата речевой деятельности, выводы о наличии соответствующей операции в этом процессе трансляции делаем по имеющимся у нас данным, то есть на основе анализа нашего исследовательского материала.

Итак, объективация эмоциональной информации посредством ФЕ протекает под воздействием целого комплекса механизмов, среди которых когнитивно-прагматический механизм выступает как организующий, координирующий. Когнитивный механизм направляет энергию эмоциональной информации из когнитивного блока адресанта в семантический, где она приобретает статус ЭК смысловой структуры ФЕ.

Когнитивно-прагматический механизм трансляции эмоциональной информации включает такие операции, действия, которые обеспечивают процесс трансляции эмоциональной информации посредством ЧЭД. Например, жалуясь другу, Н.Н. Никандров пишет: *«Несмотря на крайне неблагоприятные условия (поездки, безденежье, болезни, набеги полиции и*

*пр., я написал тут один рассказ около печатного листа. А Андрусон, по-видимому, хочет **взять** меня **измором** ... не печатает, **сукин сын!***» (Н.Н. Никандров Е.Л. Янтарёву, 6 сентября 1904 г., Севастополь) [Никандров 2007: 476]. Трансляция подвергается информация об эмоциональном состоянии адресанта, который испытывает гнев, досаду. В высказывании объективирована эмоциогенная ситуация: *«Несмотря на крайне неблагоприятные условия (поездки, безденежье, болезни, набеги полиции и пр., я написал тут один рассказ около печатного листа. А Андрусон, по-видимому, хочет **взять** меня **измором** ... не печатает»*, а также объективирована эмоциональная информация с помощью междометной ФЕ *сукин сын!* Это узуальная эмотивная единица, семантическое содержание которой поясняется ФЕ *взять измором*, имеющей негативную оценочную семантику.

«Система связей и взаимосвязей, называемая порождающим механизмом речи, включает в каком-то обобщенном виде и то, что называют системой языка, но упомянутый порождающий механизм организован не как точное подобие модели языка и заведомо иначе, чем описательная грамматика соответствующего языка. Отсюда следует вывод, что необходимо строить специальную модель речевой способности» [Залевская 1990: 6]. Такая модель может быть создана с учетом гипотетической реконструкции основных этапов трансляции эмоциональной информации.

Иначе говоря, виртуальная модель процесса трансляции эмоциональной информации предстаёт как сегментированный стереообраз, в котором процессы происходят не строго по порядку, а взаимосвязанно, практически одновременно: *«Прилагая при сём фельетон, рассказ и мелочишку...не знаю, что писать после деепричастия, не подберу никак главного предложения, хоть и литератор. Сейчас только поужинал, сел писать, разогнался и – стоп машина! А начинать снова письмо не хочется»* (А.П. Чехов Н.А. Лейкину, 12 или 13 февраля 1884 г., Москва) [Чехов 1963:

39]. Уникальный пример объективированного самоанализа демонстрирует, что прогнозирование как этап в процессе объективации запланированного информационного сгущения даёт сбой, не позволяя автору оформить предложение в соответствии с представлениями адресанта о заданной им логико-синтаксической структуре. Сравним с другим примером, в котором очевидны «следы» поиска подходящей языковой единицы для объективации информации: *«Я уехал... т.е., я хотел сказать, бежал из Москвы»* (Ап. Григорьев А.И. Григорьев, 23 июля 1846 г., Санкт-Петербург) [Григорьев 1999: 16]. Автор использует наиболее точную, по его мнению, лексику, позволяющую передать больший объём информации.

Рефлексирующая языковая личность фиксирует осмысление способа объективации информации и задаёт ограничения возможного нежелательного результата декодирования сообщения: *«...опять впадаю в мораль! Простите, голубчик...это не мораль, а разговор с Вами. Когда я тшшу к Вам, я вижу Ваше лицо»* (А.П. Чехов И.Л. Леонтьеву-Щеглову, 18 июля 1888 г., Феодосия) [Чехов 1963: 232]. Чехов, как художник слова, анализирует происходящие в ходе создания письма процессы, что само по себе явление редкое в эпистолярной литературе.

Ещё один пример, демонстрирующий относительную одновременность когнитивных процессов формирования информационного сгущения, подлежащего объективации в ЧЭД, и поиска форм его наиболее оптимального вербального воплощения: *« <Это я так думаю. Молитва нужна> Начал так. Хотел согласиться с вами; но, спросив себя поглубже, увидал, что нет. Для меня не так: молитва не есть только заглаживание своего разрыва с богом»* (Л.Н. Толстой П.П. Бирюкову, 14 февраля 1890 г., Ясная Поляна) [Толстой 1953]. В скобки были взяты начальные строчки письма, которые после более тщательного осмысления показались автору не соответствующими действительности. В другом письме Л.Н. Толстого находим подтверждение мысли об относительной одновременности

когнитивных процессов, обеспечивающих трансляцию информации в ЧЭД: *«Получил ваше письмо, дорогой Пётр Галактионович, и сажусь отвечать, сам не зная, что напишу вам, но хочется высказать то сочувствие, которое вызвало во мне ваше письмо. Спасибо, что написали, открыли мне душу»* (Л.Н.Толстой П.Г.Хохлову, 27 мая 1891 г., Ясная Поляна) [Толстой 1953].

Сущность когнитивно-прагматического механизма трансляции эмоциональной информации посредством ФЕ раскрывается в идее Н.Ф. Алефиренко о двух подходах к определению прагмалингвистики в сфере фразеологии, один из которых направлен внутрь семантики фразеологического знака, а «второй подход определяет предмет прагмалингвистики более рельефно. Это – речь, рассматриваемая сквозь призму действий носителя языка» [Алефиренко 2007а: 220]. Отмечая, что этот второй подход положен в основу теории речевых актов Дж. Остина, Дж. Серля, П. Грайса, учёный резюмирует: «Однако и этот подход не в состоянии раскрыть специфику когнитивно-прагматической фразеологии, поскольку в нём растворяется «душа» фразеологии – семантика фразеологического знака. Сохранить её можно лишь в том случае, если предметом когнитивно-прагматической фразеологии станет прагматический компонент фразеологической семантики и закономерности его дискурсивной реализации» [Там же].

Когнитивно-прагматический механизм трансляции эмоциональной информации посредством ФЕ обусловлен не только дискурсивными, но и интердискурсивными факторами: *«А **рогов** я тебе еще **не наставляла** и пока не собираюсь, а уж о том, кто из нас кем покинут, гм... гм... лучше помолчим, а то придется призывать свидетеля, неправомочного в советском суде – господа Бога! Я влюбиться еще ни в кого не влюбилась, кроме как ... в Якова. Сегодня мы ездили гулять компанией "на нарзан", и белую лошадь звали Яшкой. Через это я и вспомнила о Якове и в него влюбилась, но сейчас же после получения твоих писем, я опять влюбилась*

только в тебя, да так, можно сказать, по уши с макушкой» (М.В. Нечкина Д.А. Эпштейну, 12 июля 1928 г., Теберда) [Курапова 2008]. Очевидно, что высказывания «*А рогов я тебе еще не наставляла*», «*уж о том, кто из нас кем покинут, гм... гм... лучше помолчим*», «*Я влюбиться еще ни в кого не влюбилась*» являются ответными репликами на заданные в предыдущем письме Эпштейна вопросы. Ирония транслируется всеми средствами данного ЧЭД, единицами всех уровней. ФЕ *наставлять рога* имеет значение 'Ирон. 1. Сожительство с другим мужчиной, изменять мужу. 2. Оскрблять честь, достоинство мужчины, сожительствуя с его женой' [ФСРЛЯ 2: 17]. В структуре фразеологического значения данной ФЕ зафиксирован ЭК, объективирующий эмоцию иронии. Функционирование когнитивно-прагматического механизма обеспечивает кодирование эмоциональной информации, выбор автора сообщения остаётся за узואльно эмотивной ФЕ. Возможно, указанная ФЕ была дана в предыдущем письме Эпштейна, который закодировал с помощью неё заданные тем дискурсом эмотивные смыслы.

Опираясь на понимание когнитивного механизма в лингвокогнитологии отдельных сфер использования языка, важно учитывать, что «для разработки теории когнитивно-прагматической фразеологии особую ценность приобретает прагматическая составляющая фразеологической семантики» [Алефиренко 2007а: 223]. Направленность на конкретного адресата, на конкретные цели дискурса как речевого события отличает прагматическую составляющую механизма кодирования и декодирования информации, характерную для ЧЭД: «*Ефим! Дорогой мой! В Москву! 22 декабря выезжаю в Москву! Ты разбив мою «Жар-птицу» (кажется, так?), думал убить и меня? Чёрта с два! Не запугаешь! Не на такого напал!*» (Н.Н. Никандров Е.Л. Янтарёву, 21 ноября 1907 г., Гомель) [Никандров 2007: 486]. Далее следует предположение: «*Ты улыбаешься*», которое объективирует один из возможных, наиболее вероятных результатов

декодирования эмоционального высказывание адресанта. Возможно, адресант воспроизвёл типичную для устной разговорной речи модель речевого поведения, которая включает и комплекс невербальных средств объективации эмоциональной информации, в таком случае интердискурсивная обусловленность действия когнитивно-прагматических механизмов трансляции эмоциональной информации заключена в особой роли механизмов памяти, воображения.

Подведём небольшой итог, подчеркнув, что мы рассматривали те речемыслительные процессы, которые происходят в сознании адресанта, то есть представляют блок адресанта в когнитивно-прагматической модели ЧЭД. Если быть точнее, то мы рассмотрели те процессы, о существовании которых мы можем сделать вывод, анализируя ЧЭД, то есть так или иначе объективированные процессы, оставившие след в структуре и содержании ЧЭД. О сложности механизмов объективации эмоциональной информации замечательно сказала А.А. Тостая: *«Пишешь, и выходит не то – да и как можно писавши передать целый внутренний мир, всё, что слагалось и разлагалось тысячу раз, и все бесчисленные нитки, которыми двигалась и ещё теперь двигается жизнь»* (А.А. Толстая Л.Н. Толстому, 4 декабря 1874 г., Петербург) [Толстой 2011: 322]. Таким образом, ЧЭД отражает не только внутренний мир автора, но и способы его объективации в ориентации на адресата.

Далее речь пойдёт о тех когнитивно-прагматических механизмах, которые транслируют эмоциональную информацию в ЧЭД и характеризуют деятельность адресата (в когнитивно-прагматической модели относятся к блоку А2). Надо сказать, процесс декодирования – наименее исследованная область эпистолярия вообще, не только эпистолярной фразеологии в реализации ею эмотивной функции. Это связано с несколькими причинами. Процесс декодирования не подвергается письменной фиксации. Например, есть воспоминания жены М.О. Меншикова, в которых объективируются

результаты декодирования ЧЭД Михаила Осиповича. Даже если есть такие источники, то нужно осознавать, что процесс фиксации этих результатов декодирования содержания ЧЭД – опосредованный процесс, в который вмешивается время, а вместе с ним и переосмысление события в системе ценностных координат личности, способ фиксации, а также много других факторов, которые могут повлиять на результаты осмысления содержания письма.

В ЧЭД, представляющем собой ответную реплику в эпистолярном диалоге, могут содержаться объективированные для адресанта (выступающего теперь в роли адресата) результаты декодирования ЧЭД. Ещё один источник, который может быть использован для анализа процессов декодирования эмотивных ФЕ, это комментарии, сделанные самими участниками эпистолярной коммуникации или их родными и близкими, лично наблюдавшими за изучаемым эпистолярным диалогом. В первом случае на содержание пояснений может повлиять масса факторов, в том числе и нежелание коммуникантов обнародовать факты биографии, стремление романтизировать события, составляющие канву ЧЭД, время, которое внесло в сознание комментатора изменение ценностных ориентиров, и т.д.

То, что происходит в блоке когнитивно-прагматической модели ЧЭД, относящемся к адресату, не является простым распознаванием, вычленением семантических структур языковых единиц, составляющих ткань текста ЧЭД. Это, к сожалению, невозможно подтвердить достоверными эпистолярными или другими источниками, однако на эту мысль наталкивают результаты эксперимента, проводимого нами в целях достижения объективности полученных данных. Участники эксперимента декодировали сообщения, вычленяя в них эмотивный смысл, даже если не было формальных показателей объективации этого эмотивного смысла, не было единиц, которые выполняли бы эмотивную функцию.

Учёные [Прохоров 2006 и 2009; Голубева 2013; Нагель 2008; Воронина 2010 и др.] сосредоточили своё внимание на такой области лингвистики, которая пока не исследована в полной мере, что связано с разными причинами, но которая имеет прикладное значение. Многоэтапный процесс понимания дискурса включает перцептивно-когнитивно-аффективную обработку полученной информации [Залевская 2000: 262], при этом вывод, получение информации может быть основан не только на результатах логических операций индукции и дедукции, но и на актуализации другой, имплицитной информации [Макаров 2003: 125–126].

Речь идёт об инференции, понимаемой как операция обыденного сознания, которая базируется на догадке, формирующейся имеющимся опытом и интуицей человека [Прохоров 2009: 198]. Инференция – это мыслительная операция, выводящая языковую личность за пределы буквального значения языковых единиц, составляющих ткань текста как элемента ЧЭД, тем самым позволяющая вычленив из декодируемого сообщения больше информации, чем объективирует каждая единица в отдельности [Кубрякова 2004: 411].

Инференция, например, в рекламном дискурсе предстаёт как «мыслительная операция адресата по восстановлению смыслов, не выраженных вербальными и иконическими средствами рекламного текста, основанная на оперировании знаниями, хранящимися в сознании в виде определённых структур, которые актуализируются посредством рекламного текста» [Прохоров 2009: 199]. В отличие от рекламного дискурса, ЧЭД базируется на информационных полях участников эпистолярной коммуникации, при этом оба участника имеют некоторое (разное в зависимости от степени знакомства, родства) представление об индивидуальной картине мира друг друга, что оптимизирует инференцию, увеличивая объём информации, полученной в результате восприятия сообщения.

Нас в большей степени интересует доля эмоциональной информации, которая декодируется адресатом. Повторим, что мы можем делать вывод о результатах декодирования по весьма редким источникам, которые не идеально, не стерильно фиксируют итог инференции. Например: *«Искренность я слышу в вашем тоне, слышу, что вам не нужно было искать слов, и не могу вам передать, как это меня радует»* (Л.Н. Толстой А.А. Толстой, 24 января 1877 г., Ясная Поляна) [Толстой 2011: 339]. Л.Н. Толстой уважал А.А. Толстую, поверял ей сокровенные мысли, переживания, искал её мудрого совета, ценил её критику. В осмыслении инференциальных механизмов данное высказывание может быть информативным только в связи с тем, что в нём объективируются эмоциональная реакция на результат декодирования сообщения.

Адресант объективирует информацию о том, как результаты декодирования его предыдущего ЧЭД были представлены в ЧЭД, представляющем собой ответное письмо адресата. Это очень сложная цепочка, деформирующая тот истинный результат, который мог бы стать материалом анализа механизма инференции. Говоря о координируемой и некоординируемой инференции [Штеба 2012: 10], следует иметь в виду, что импликации, заложенные адресантом, могут быть не распознаны. Наоборот, инференциальные механизмы могут сформировать не соответствующие авторским импликациям когнитивные структуры.

Таким образом, следы когнитивно-прагматического механизма инференции не объективированы в источниках личного происхождения адресатов ЧЭД. Обращение к литературе, посвящённой процессам декодирования вербального кода, позволяет предположить, что чем ближе по составу индивидуальные картины мира участвующих в эпистолярной коммуникации языковых личностей, тем больший объём знаний, образующих импликацию адресанта, доступен адресату в процессе инференции.

Итак, когнитивно-прагматические механизмы трансляции эмоциональной информации посредством ФЕ включают такие операции, как прогнозирование; выбор языковых единиц, наиболее полно объективирующих запланированный для трансляции объём информации с учётом их взаимодействия, а также эмотивной функции в структуре высказывания; механизмы контроля правильности высказывания, которые связывают формирующийся элемент ЧЭД с представлениями об индивидуальной картине мира адресата. Память, ассоциации, воображение являются той базой, которая обеспечивает работу названных механизмов. Деятельность адресата по декодированию сообщения основывается на механизме инференции.

Выводы по Главе 3.

Отталкиваясь от идей о когнитивно-прагматическом моделировании, мы представляем ЧЭД в виде объёмной стереомодели, отражающей его когнитивную структуру, заданную прагматическими установками адресанта. Когнитивно-прагматическая модель ЧЭД включает когнитивный блок адресанта. В этом блоке формируются содержащие эмоциональную информацию сгущения, которые адресант планирует объективировать средствами ЧЭД. Трансляции подвергается информация о том эмоциональном состоянии, которое автор письма испытывает или испытывал.

Когнитивно-текстовый блок является зоной смыслового содержания транслируемого информационного сгущения, для объективации которого адресант осуществляет поиск наиболее подходящей формы языкового воплощения его замысла. Текстовый блок отражает уровень смысла текста письма.

В зоне модели ЧЭД, относящейся к блоку адресата, движение иллюкутивных сил направляет эмоциональную информацию от ЭК ФЕ к

информационному сгущению, формируемому в индивидуальной картине мира адресата, что сопровождается множеством внутренних, иногда неосознаваемых процессов.

ФЕ – ёмкое по когнитивно-семантическому наполнению средство кодирования эмоциональной информации. В системе средств объективации эмоций ФЕ соотносима по ёмкости эмотивного содержания с прецедентными высказываниями и их фрагментами, что связано с косвенно-производной сущностью этих единиц. ФЕ включается в структуру высказывания как самостоятельный знак для объективации эмоций, а также как единица, участвующая своей когнитивно-семантической структурой в формировании эмотивной семантики высказывания в целом.

Когнитивно-прагматический механизм трансляции эмоциональной информации в ЧЭД посредством ФЕ, таким образом, включает такие операции и процессы, которые в своей совокупности обеспечивают трансляцию эмоциональной информации из информационного поля концептосферы адресанта в информационное поле концептосферы адресата. Формирование информационного сгущения, подлежащего трансляции, базируется на механизмах перспективизации. Прогнозирование будущего речевого произведения, выбор языковых единиц, наиболее полно объективирующих запланированный для трансляции объём информации с учётом их взаимодействия, а также эмотивной функции в структуре высказывания; механизмы контроля правильности высказывания, которые связывают формирующийся элемент ЧЭД с представлениями об индивидуальной картине мира адресата – это те операции, которые характеризуют деятельность адресанта. Механизм инференции, который сложно устроен, затрагивает область имплицитных эмотивных смыслов, вычленяемых адресатом из сообщения.

ГЛАВА 4. Когнитивно-прагматические механизмы смысловой реализации фразеологической эмотивности в частном эпистолярном дискурсе

Роль ФЕ в ЧЭД обусловлена самой природой знаков косвенно-производной номинации, способных транслировать большой объём рационально-эмоциональной информации, помогая адресанту одной единицей объективировать ёмкую когнитивную структуру, а адресату извлечь большой объём информации при декодировании. Несмотря на огромный фонд языковых ФЕ, в ЧЭД реализуется способность этих единиц к структурно-семантическим трансформациям, которую мы рассматриваем как стремление «подогнать» когнитивно-семантическую структуру ФЕ к задачам ЧЭД. Иначе говоря, реестр языковых фразеологических средств объективации эмоциональной информации расширяется за счёт преобразованных или окказиональных ФЕ, которые в аспекте когнитивно-прагматической парадигмы предстают в качестве результата наисложнейшей процедуры поиска наиболее эффективной с точки зрения адресанта языковой единицы для объективации запланированной когнитивной структуры.

В когнитивно-прагматическом аспекте процесс смысловой реализации ФЕ в ЧЭД представляет собой попытку использовать имеющуюся в языке единицу для объективации некой когнитивной структуры, которая планируется для трансляции, но при этом языковая единица не идеально подходит для этой цели, поэтому необходимо трансформировать формальную и/или содержательную структуру этого языкового знака. Трансформации знаков косвенно-производной номинации имеют давнюю историю изучения [Александрова 1972; Диброва 1979; Гвоздарёв 2010; Кунин 1986; Назарян 1987; Соколова 1987; Телия 1996; Алефиренко 2004; Третьякова 2011 и др.], однако это явление, демонстрирующее

лингвокреативный потенциал фразеоминаций и особенности мышления эпистолярной языковой личности, не изучено в полной мере на материале частных писем (за исключением комплексного исследования фразеологии Л.Н. Толстого, включающей и эпистолярную фразеологию [Архангельская 2005], а также фразеологии дружеского письма [Фесенко 2009]), тем более в аспекте выявляемой нами эмотивной функции ФЕ, которая реализуется когнитивно-прагматическими механизмами фразеологической объективации эмоций в ЧЭД. Подытоживая сказанное, отметим, что внимание к трансформационным процессам фразеоминации сквозь призму дискурса, в котором они совершаются, может быть продуктивным для выявления не только дискурсивной обусловленности фразеологической семантики в целом, но и для уточнения представлений об изучаемом типе дискурса. Нас интересует роль структурно-семантических трансформаций в объективации эмоциональной информации в ЧЭД.

4.1. Когнитивно-прагматическая природа структурно-семантических трансформаций фразеологических единиц в частном эпистолярном дискурсе

Анализ ФЕ с позиций её эмотивной функции обнаружил, что структурно-семантические трансформации используются авторами с целью сделать эту единицу более эффективным средством трансляции эмоциональной информации. Мы рассмотрели преобразование ФЕ сквозь призму когнитивно-прагматического подхода к исследованию фразеологии и обобщили свои наблюдения в главе коллективной монографии [Калёнова 2014в]. Мы выявили, что когнитивно-прагматической основой трансформационных процессов являются коммуникативные интенции адресанта, перед которым стоит цель максимально адекватно транслировать содержание информационного поля из его концептосферы в концептосферу адресата. Авторская интенция запускает трансформационный механизм.

Например: *«О нашем «Словаре» имею тебе сказать следующее: Прейс и руками, и ногами, и жабрами противится исключению из нашего тройственного сотрудничества. Он обещался отдавать непременно переписывать листочки Голофтееву, который остался в Москве и удержал у себя мой «Словарь» к «Лаврентьевской» 2 для образца»* (П.И. Бартенев П.А. Бессонову, 23 июня 1849 г., Репьевка) [Бартенев 2007: 258–259]. Речь идёт о ситуации, когда коммуниканты, студенты Пётр Бартенев и Пётр Безсонов, решают вопрос о том, можно ли и нужно ли продолжить их сотрудничество по составлению словаря с Александром Прейсом, их сокурсником. Словарь древних слов по памятникам словесности XI и XII столетий требовал кропотливой работы, ответственности. Видя задержку в работе Прейса над картотекой и вместе с тем желание Прейса быть их союзником в этой увлекательной деятельности, Бартенев предлагает Безсонову: *«Если Прейс к половине июля не пришлет нам по несколько образчиков составленных им и переписанных Голофтеевым листочков, и если эти листочки окажутся недостаточны, то я тотчас же примусь составлять словарь к «Новгородской», которую с этой целью взял сюда, а ты – к «Слову о п<ол>ке Иг<ореве>». Тогда за исключением Памятн<иков> XII в. и мелких пиес все будет готово. А, между прочим, я все-таки буду составлять дальше к «Лаврентьевской», т. е. уже пойду в XIII век»* (Там же). ФЕ *с руками и ногами* имеет значение ‘Разг. Экспрес. 1. Полностью, весь целиком. 2. С большим удовольствием, охотно’ [ФСРЛЯ 2: 203]. В контекстуальном употреблении, которое демонстрирует структурно-семантическую трансформацию, а именно расширение компонентного состава, эмотивность достигается за счёт актуализации ассоциативно-образного компонента, коннотативный макрокомпонент включает эмотивный компонент, объективирующий эмоцию иронии, в структуру фразеологического значения не входящий.

Информационные сгущения конструируются как некие мыслительные структуры: концепты, сценарии, модели ситуаций. Далее на уровне подбора языковых единиц языковая личность «примеряет» когнитивно-семантический объём готовой языковой единицы с учётом потенциальных свойств. Соответственно, коммуникативная компетенция языковой личности включает знания о языковых единицах, ситуациях их употребления, представления о потенциальных свойствах единиц, полученные из коммуникативного опыта, из наблюдений носителя лингвокультуры. О том, что знание о ситуациях употребления единиц необходимо для коммуникативной компетенции, свидетельствует тот факт, что изучающим русский язык как иностранный важно указать, в какой ситуации используют ту или иную единицу, иначе, даже при условии знания о значении единицы, эта единица может оказаться невостребованной в коммуникативной практике.

Если языковая личность «находит» ту языковую единицу, которая наиболее адекватно объективирует запланированную для трансляции информацию, то эта единица используется без каких-либо изменений. В том числе это касается ФЕ, чья структура значения оказывается подходящей для реализации замысла адресанта. Информация, которая не «вмещается» в границы когнитивно-семантической структуры ФЕ, может быть не столь важной, либо её важность не осознаётся адресантом. В этом случае адресант останавливается на своём выборе, никак не объективируя данную информацию.

Иные действия возможны в случае, если адресант считает необходимым транслировать эту не входящую в смысловую структуру ФЕ информацию. И тогда задачу по объективации этой информации, оказавшейся «за» пределами когнитивно-семантической структуры первой единицы, могут обеспечить два сценария: 1) информация объективируется другими языковыми единицами, лексическими или ФЕ; 2) информация

объективируется ФЕ, которую адресант трансформирует. В коммуникативную компетенцию языковой личности может входить знание о возможных операциях с формальной и содержательной структурами ФЕ. Оно усваивается в том числе и в коммуникативной практике, именно поэтому большое значение имеет чтение произведений великих художников слова, мастерски демонстрирующих различные модели структурно-семантических модификаций знаков косвенно-производной номинации. В выборе того или иного сценария по решению данной проблемы, имеется в виду несоответствие объёма когнитивно-семантической структуры выбранной единицы и подлежащей объективации когнитивной структуре, проявляются особенности языковой личности. И речь идёт не только о репертуаре используемых единиц, но предпочтительном способе трансформаций ФЕ.

Должна быть выполнена такая операция, которая позволила бы автору объективировать всю «запланированную» информацию, по крайней мере, ту её часть, которая представляется адресанту важной. В задачу адресанта входит забота о том, чтобы структурно-семантическая трансформация как операция кодирования была доступна для декодирования. Вопрос о декодировании результатов структурно-семантических трансформаций лежит в плоскости коммуникативной компетенции адресата и знаний адресанта об её уровне и характере. Преобразование ФЕ может быть использовано для изменения или привнесения денотативных сем, изменения характера оценочной семы (с «+» на «-» и наоборот), усиления экспрессивного компонента, актуализации образной основы. В одном ряду с этими коммуникативными интенциями стоит языковая игра. Думается, целесообразно разграничить языковую игру как лингвокреативную основу любого трансформационного процесса ФЕ, и языковую игру ради самой языковой игры, лингвокреативную деятельность как самоцель.

Языковая игра представляет собой «намеренное обыгрывание свойств фразеологизма, его связей с контекстным окружением с целью получить

яркий стилистический эффект, в том числе эффект обманутого ожидания, каламбурный эффект» [Третьякова 2011 а: 17]. Примеры различного рода преобразований ФЕ находим в письмах Петра Бартенева: «*Далеко ты ушел вперед на этом поприще,.... а я далеко зашел! Не мое дело! Прощай. Пиши, пожалуйста, сейчас же. Бартенов*» (П.И. Бартенов П.А. Бессонову, 26 июня 1850 г., Липецк) [Бартенов 2007: 260–262]. В данном фрагменте имеем дело с таким приёмом, как каламбур. «Каламбур – это шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию, либо псевдо-синонимов, либо псевдо-антонимов» [Санников В.З. 1995: 57]. ФЕ *далеко пойти* имеет значение ‘Разг. Экспресс. Достичь больших успехов в жизни, добиться больших результатов в чём-либо’ [ФСРЛЯ 2: 112], а ФЕ *далеко заходить / зайти* – ‘Экспрес. Забываясь, теряя контроль над собой, переступать принятые нормы поведения, приличия, обычаи, привычки и т.д.’ [ФСРЛЯ 1: 258]. Обыгрывается омонимия форм глагола *идти*, которые являются компонентами участвующих в каламбуре ФЕ. Пояснения к семантике речевых единиц, вступающих в каламбурное сочетание, которое обнаруживается в семантических структурах лексики *вперёд* и предложения *Не моё дело!*, объективируют контекстуальную антонимию ФЕ.

Итак, коммуникативное намерение воздействовать на адресата, на его эмоции, на восприятие информации в целом, с помощью языковой игры основывается на том, что адресант оперирует одновременно и фразеологическим, и лексическим значениями, связывая их. Схематично это можно представить в следующем виде (схема 5):

ФЗ1 – фразеологическое значение первой ФЕ, включаемой в языковую игру;

ФЗ2 – фразеологическое значение второй ФЕ, включаемой в языковую игру;

ЛЗ – лексическое значение (значения) общего для ФЕ компонента

Схема 5.

ФЕ, лежат когнитивные механизмы. Полевая структура значения ФЕ представляет собой узуально закреплённую модель организации семантических признаков в их иерархии. В словарях фиксируются основные семантические признаки, присущие той или иной ФЕ. Если в результате структурно-семантических трансформаций появляются новые семы, то они неизбежно вступают в системные связи с другими, узуально закреплёнными семами в смысловой структуре ФЕ. Например, в письме С.А. Есенина обнаруживаем ФЕ, подвергающуюся трансформации денотативного компонента: *«Милый Шура! Извини, голубчик, что так редко тебе пишу, дела, дорогой мой, ненужные и бесполезные дела съели меня с головы до ног. Рад вырваться хоть к черту на кулички от них и не могу»* (С.А. Есенин А.В. Ширяевцу, 26 июня 1920 г., Москва) [Есенин 1999: 111]. Узуальная ФЕ *к чёрту на кулички* имеет значение ‘Очень далеко, в самую глушь, в глухие места (уезжать, отправляться)’ [ФСРЛЯ 2: 371]. В контекстуальном употреблении актуализируется смысловая структура ‘Хоть куда-нибудь’, что отражает общее настроение поэта. Мотив скитания как стремления от чего-то гнетущего, нерадостного к тому, что дает освобождение от гнета и радость,

Таким образом, в языковой игре адресант опирается на семантические характеристики ФЕ и его компонентов.

В основе коммуникативных интенций адресанта ЧЭД, использующего трансформации смысловой структуры

литературоведы выделяют как основной в поэзии Есенина. (Подробнее см. [Калёнова 2013б]). Формальная структура ФЕ изменениям не подвергается, однако сочетаемость с усилительной частицей *хоть* задаёт трансформационные процессы. Денотативная сема 'Место' (указание на место) в результате трансформации становится актуальнее, её позиция в полевой структуре фразеологического значения становится центральной, а сема 'Далеко' (указание на расстояние), если и не исчезает, то переходит в иную смысловую конкретизацию: 'Далеко' → 'Дальше / подальше от (кого / чего-либо)'. Таким образом, автору ЧЭД удаётся «вместить» в когнитивно-семантическую структуру той единицы, которая изначально для этого идеально не подходила, тот объём информации, который подлежит объективации.

Когнитивной основой структурно-семантических трансформаций ФЕ является такой когнитивный процесс как выдвижение, «концепт, характеризующий важность помещения на первый (передний) план по своей значимости той или иной языковой формы, которая выступает в качестве поискового стимула, или «ключа» в процессах языковой обработки информации» [КСКТ: 21]. Более актуальным, ярким в психологическом плане может стать один из денотативных компонентов или один из коннотативных, а также комплекс компонентов денотативного и / или коннотативного характера. Психологический аспект выдвижения связывает его с выделенностью и релевантностью, при этом «выдвижение определяется как неестественная выделенность [Osgood 1984], мотивированное коммуникативное выделение [Филлмор 1981], категория текста, отождествляемая с риторическим подчеркиванием информации [Longacre, 1983], выделенность первого порядка, базирующаяся на непредсказуемом выдвижении информации [Chafe 1987]» [КСКТ: 21]. Выдвижение достигается разными способами, в том числе «отклонением от обычного словоупотребления или за счет повтора одной и той же языковой формы» [Там

же]. Любое преобразование, как известно, «оживляет» языковую единицу. Иначе говоря, выдвижение экспрессивного компонента фразеологической семантики сопровождается любой трансформационный процесс, а точнее, выдвижение любого другого элемента фразеологического значения.

Изучение экспрессивности [Телия 1986: 101; Копыленко 1978: 14–15; Харченко 1976: 69; Филиппов 1978: 604; Шаховский 1983: 32; Гріднева 1997 и др.], как мы уже показали ранее, при рассмотрении внутренних ресурсов фразеологической эмотивности, было сопряжено с рядом трудностей, но речь шла об экспрессивности языковой ФЕ, то есть о свойстве фразеологической семантики как таковой, очевидной при сравнении ФЕ с лексической единицей. В данном случае мы ведём речь о ФЕ, которая подверглась структурно-семантической трансформации. Экспрессивность, то есть необычное, нерегулярное употребление языковой единицы, как следствие, служит достижению прагматических задач речевого общения [Кругликова 1988: 53, Маслова 1989: 183 и др.]. Это свойство языковой единицы, компонент речевой коннотации, обеспечивающий способность ФЕ выступать в коммуникативном акте средством субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи. Экспрессивность способствует реализации прагматических задач, заключающихся в увеличении иллюкутивной силы, нацеленной на эмоциональное воздействие [Алефиренко 2004: 284].

Актуализация образной основы ФЕ достигается разными способами, такими, например, как приём буквализации, распространение компонентного состава ФЕ, использование этих приёмов в сочетании с другими приёмами трансформаций. Когнитивный механизм актуализации образной основы ФЕ очень сложный, ещё мало изученный. Фразеологическая образность представляет собой свойство ФЕ вызывать в сознании человека ассоциативно-образные связи, «картинки». Когнитивная основа фразеологической образности заключается в том, что ФЕ «передаёт»,

транслирует «картинку» от адресанта к адресату: *«Вам, Наталья Дмитриевна, посылаю письмо Катерины Ивановны; вы тут найдете подробности о Лунине. Как водится, **из мухи сделали слона**, но каково Лунину et compagnie разъезжать на этом слоне...»* (И.И. Пущин Н.Д. Фонвизиной, 23 апреля 1841 г., Туринск) [Пущин 1988: 162]. Как видим, распространение компонента *слона* актуализирует образные основы и ФЕ, и свободносинтаксического словосочетания – генотипа этой ФЕ. В ЧЭД роль образного компонента особая, так как адресат может представлять самого Лунина, что добавляет в смысловую структуру ФЕ индивидуальные смыслы, в том числе эмотивные.

Значение узуальной ФЕ *делать из мухи слона* – ‘Разг. Экспрес. Неодобр. Сильно преувеличивать, придавать чему-либо незначительному, маловажному большое значение’ [ФСРЛЯ 1: 182]. Трансформационные процессы коснулись не формальной структуры ФЕ, а семантической. При этом денотативные семы сохранили свои позиции в смысловой структуре речевой ФЕ. Актуализируются коннотативные образная и экспрессивная семы. Взаимодействие образной и экспрессивной сем в трансформационном процессе запускают механизм выдвижения эмотивной семы, объективирующей эмоцию иронии. Ср.: *«Как водится, [слухи сильно преувеличены + говорю это с неодобрением], но каково Лунину et compagnie [в этой ситуации + говорю это с иронией]...»**. Следовательно, выдвижение ассоциативно-образных компонентов когнитивно-семантической структуры ФЕ сопровождается выдвижением экспрессивного компонента.

Отдельно следует сказать о лаконизации, которую можно считать универсальным коммуникативным намерением разговорной речи вообще, письменной формой которой является ЧЭД. Ещё А.А. Потебня указывал на специфическую операцию «сгущения мысли» при фразеомообразовании, когда ФЕ аккумулирует семантику когнитивно-дискурсивной базы производящей основы, которой выступает, например, басня или пословица.

Лаконизация может проявляться в выборе наиболее «экономичной» по речевым усилиям единицы. Исходя из этого, употребление ёмких по семантике, по дискурсивному фону (как генетическому, так и ситуативному), по коммуникативно-прагматическим свойствам единиц фразеологического фонда в какой-то мере есть реализация коммуникативного намерения к лаконизации.

Лаконизация как коммуникативное намерение адресанта демонстрируется в следующем фрагменте: *«Спешу ответить тебе, мой друг. Я вчера нарочно был у Плетнева, чтобы поразведать от него о Ж. Но он не получал от него новых известий, и потому я передаю тебе то, что знал от Плетнева прежде и чего не сообщал я тебе, не желая прежде огорчить, так как дело еще **не шло**»* (П.И. Бартенев П.А. Бессонову, 23 января 1852 г., Санкт-Петербург) [Бартенев 2007: 268–269]. Для того чтобы сделать вывод о характере реализации коммуникативного намерения к лаконизации, необходимо определить когнитивно-семантический статус лексем *дело* и *(не) идти*. Адресант, Пётр Бартенев, использует единицы и в других письмах, например: *«После опишу тебе много, много интересного. Я провел 4 часа у Плетнева в безостановочном разговоре. Третьего дни был у Соболевского³, который подарил мне автограф Пушкина – на клочке бумаги, карандашом – план журнала и сообщил до 10 интересных сведений (т о у меня составлено около 10 известий, от него полученных). Вообще **дело идет на лад**. Я буду тебе много, очень много писать неоцененный друг. Пожалуйста только не откладывай сам написать мне, как ты жил и что делал после нашей разлуки»* (П.И. Бартенев П.А. Бессонову, 8 января 1852 г., Санкт-Петербург) [Бартенев 2007: 264–265]. ФЕ *дело идёт на лад* / *дело пошло на лад* в значении ‘Разг. Ладится, удаётся, получается что-либо’ [ФСРЛЯ 1: 186] зафиксирована в словаре как самостоятельная, её компоненты имеют фразеологически связанное значение. При этом словарь фиксирует и другую единицу с компонентами *идти* и *лад*: *идти на лад* /

пойти на лад в значении ‘Разг. Успешно, без помех, без затруднений’ [ФСРЛЯ 1: 342]. Учитывая иллюстративный материал словарей, можно предположить, что разница между единицами, а именно между их семантическими структурами, формально определяется наличием / отсутствием компонента *дело* (см. табл. 16).

Таблица 16.		
ФЕ	<i>дело идёт на лад / дело пошло на лад</i>	<i>идти и лад: идти на лад / пойти на лад</i>
Значение	<i>Разг. Ладится, удаётся, получается что-либо</i>	<i>Разг. Успешно, без помех, без затруднений</i>
Контексты	<i>Да как же! Значит, у вас дело на лад идёт, коли сюда приходиться велели (А. Островский. Гроза). Дело пошло на лад. В первую среду сошлись толковать, как выписать каждому своё лицо и как сделать, чтобы он знал, когда ему говорить (М. Щепкин. Записки актёра)</i>	<i>Жизнь (выделено нами – К.Н.) в колхозе шла на лад (М. Бубённый. Белая берёза)</i>
Интегральные семы	‘Успех’ / ‘Хороший результат предпринимаемого действия’ / ‘Отсутствие преград’	
	‘Изменение (к лучшему)’	
Дифференциальные семы	‘Абстрактно’	‘Конкретно’
	<i>(что-то, вообще какая-нибудь деятельность)</i>	<i>(что именно: жизнь, работа и т.д.)</i>

Интегральная сема ‘Изменение (к лучшему)’ словарями не фиксируется. Однако анализ контекстов позволяет сделать вывод о том, что выделяемые семантические признаки не только существуют, но и являются важными для характеристики семантической структуры ФЕ. Например, в практике преподавания русского языка как иностранного знакомство с ФЕ более эффективно при предъявлении модели ситуации, в которой возможно использование данной ФЕ. Эта модель должна учитывать как денотативные составляющие ФЕ, так и, по возможности, широкий спектр коннотативных смыслов. В данном случае необходимо указать, что ФЕ *дело идёт / пойдёт на лад* употребляется в ситуации, когда сначала существовали какие-либо препятствия для осуществления какого-либо планируемого действия, а затем обстоятельства изменились, планируемое действие выполнено.

Итак, сокращая компонентный состав ФЕ, адресант апеллирует к знаниям адресата о семантике преобразуемой единицы. Стремление к экономии речевых усилий в создании ЭД преломляется в свете особенностей ЧЭД как акта коммуникации. Экономия времени, которое необходимо для написания письма, и собственно механических усилий («рука устала писать») – вот два главных фактора, запускающих механизм лаконизации в ЧЭД. Ограничением служит требование понятности передаваемого сообщения.

Не раз употребляя ФЕ *дело идёт на лад / дело пошло на лад* (или *идти на лад / пойти на лад*), адресант сокращает компонентный состав ФЕ, без ущерба, как ему представляется, для декодирования смысла отправляемого сообщения. Так, сообщение «*чего не сообщал я тебе, не желая прежде огорчить, так как дело еще не шло [на лад*]*» содержит своего рода сигнализатор, указывающий на такой семантический признак, зафиксированный фразеологическим значением ФЕ, как ‘Изменение (к лучшему)’ – лексему *прежде*. Это первая предпосылка, подготавливающая основу для успешного декодирования преобразованной ФЕ. Компонент *дело* становится вторым сигнализатором, активизирующим ассоциативный механизм (*дело* → *дело идёт на лад...*).

Таким образом, сокращение компонентного состава ФЕ как реализация механизма лаконизации обусловлено законом речевой экономии, с одной стороны, а с другой, – ограничено требованием понятности передаваемого сообщения. Кроме сокращения компонентного состава ФЕ (усечения или эллипсиса), коммуникативное намерение лаконизации специфически реализуется в ЧЭД в таком приёме, как замена компонента ФЕ. Например, анализируя материал авторской картотеки, основанной на письмах разных лет совершенно разных по социальному положению и образованию адресантов, мы зафиксировали ФЕ *ставить / поставить крест*, имеющую вид: *поставить X*. Такое сокращение возможно в неофициальной письменной речи, впрочем, материал свидетельствует о том, что это

непродуктивная модель преобразования ФЕ, что обусловлено объективными причинами: невозможностью заменить компоненты ФЕ графическими объектами.

Когнитивные основы лаконизации базируются на стремлении говорящего к экономии речевых средств за счёт «уплотнения» информации: поиск меньшего объёма языковых единиц, способных передать, объективировать всю необходимую информацию. Сам по себе выбор ФЕ для формирования высказывания – уже результат этого процесса, то есть выбор более ёмкой по содержанию языковой единицы. Трансформации на основе лаконизации эффективны только при условии, что адресат успешно декодирует трансформированную единицу.

Итак, преобразования ФЕ могут касаться формальной структуры ФЕ или её смысловой структуры. В основе трансформационных процессов ФЕ лежат такие когнитивные механизмы, как выдвижение и лаконизация (как стремление к выбору наиболее эффективного и при этом наименее объёмного комплекса языковых единиц).

4.2. Роль приёмов структурно-семантических трансформаций фразеологических единиц в трансляции эмоциональной информации в частном эпистолярном дискурсе

4.2.1. Когнитивные основы семантических трансформаций фразеологических единиц

Когнитивный механизм двойной актуализации как приёма преобразования ФЕ заключается в одновременном наложении когнитивных структур ФЕ и лексических единиц, входящих в словосочетание-генотип ФЕ. Достигается это распространением одного из компонентов формальной структуры ФЕ как свободносинтаксической единицы: *«В Вашем фельетоне о Толстом чувствуется что-то хорошее, но только чувствуется. Он должен быть переведён на ясный и простой язык, чтобы его все уразумели. Нельзя на 800*

строках *говорить загадками*, какие бы чудесные *отгадки* за ними ни скрывались» (А.С. Суворин В.В. Розанову, 12 августа 1898 г.) [Суворин: 71–72]. Адресат, Василий Васильевич Розанов, философ, публицист, мыслитель, чьё творчество вызывает неоднозначную оценку, сам признавал противоречивость своей природы и мысли [Фатеев 2013 и др.].

ФЕ *говорить загадками* имеет значение ‘Говорить намёками, обиняками, недоговаривать’ [ТСРЯ: 201]. Распространение компонента *загадками* двунаправлено.

Во-первых, семантически связаны лексемы *загадка* в значении ‘Иносказательное изображение в короткой формуле предмета или явления, которые нужно угадать; выражение, требующее разгадки’ и *отгадка* в значении ‘Ответ, решение, раскрывающее тайну, загадку’, являющиеся антонимами. Во-вторых, личное местоимение (*за*) *ними* относится к лексеме *загадка*, заменяя её во второй части предложения (См. схему 6.).

Можно предположить, что, читая текст, адресат вначале воспринимает информацию, объективированную в первой части предложения, где *говорить загадками* реализует фразеологическое значение, во второй же части сложного предложения находятся два распространителя компонента *загадка*, формирующие в восприятии адресата то самое наслаение семантических структур ФЕ. Подобная операция возможна благодаря тому, что ФЕ, подвергаясь двойной актуализации, имеет прозрачную внутреннюю форму. Стремясь смягчить критику, подчеркнуть отсутствие негативных

эмоций в транслируемой информации, адресант использует распространение компонентного состава, включая лексему, объективирующую положительную оценку.

В ходе процесса буквализации компоненты формальной структуры ФЕ выступают в своих прямономинативных значениях. По сути, это функционирует не ФЕ, подвергшаяся трансформации, а сочетание лексем, которые реализуют свои лексические значения. Например: «*Возможно, что вы уже слышали о кровавых событиях в Валдае. Произошло маленькое народное восстание в протонародном стиле. Местный совдеп хотел отобрать у Иверского монастыря запас хлеба, народ не дал, главным образом бабы. Тогда совдеп выписал из Демянска 150 человек красноармейцев, которые и двинулись на монастырь ночью, на лодках, с пулеметами и винтовками. Отобрали 48 мешков, оставив самим монахам лишь три мешка. Народ **ударил в набат**, бросился грабить склады оружия местного совдепа, вытащил винтовки и пулеметы и в свою очередь осадил осаждающих в монастыре*» (О.М. Меньшиков О.А. Фрибес, 3/ 16 июля 1918 г.) [Меньшиков 1993: 260].

Лексема *набат* имеет значение ‘Удары в колокол как сигнал к сбору людей в случае пожара, тревоги’, лексикографически зафиксирована сочетаемость лексемы *набат* с лексемой *бить / ударить*, что реализует переносное значение ‘О тревожном призыве на помощь, о необходимости срочного вмешательства во что-н.’. ФЕ *бить в набат* – ‘Экспресс. Всеми способами, во всеуслышание объявлять о грозящей опасности, стремясь предупредить о ней’ [ФСРЛЯ 1: 28] – имеет прозрачную внутреннюю форму. Столь прозрачная внутренняя форма ФЕ обеспечена вхождением почти всех компонентов лексического значения в структуру фразеологического значения в процессе фразеомообразовательной комбинаторики. В когнитивном плане ситуация, объективируемая лексемой *набат*, приобретая

уже статус обобщённой модели ситуации, ложится в основу когнитивной структуры ФЕ *бить в набат*.

В письме речь идёт о том, как стихийно возникло «*маленькое народное восстание*». Контекст не позволяет однозначно ответить на вопрос, был ли использован звук набата, имеющий символическое значение. События происходили ночью, о приближающейся опасности нужно было известить как можно оперативнее, чему с давних пор служил набат, особенно в небольших населённых пунктах, поэтому вполне допустимо, что в письме идёт речь о непосредственном использовании набата как инструмента оповещения населения, а следовательно, лексемы *набат* и *ударить* выступают в своих лексических значениях.

По сути, в основе приёмов буквализации и двойной актуализации лежит один когнитивный механизм: наложение когнитивно-семантических структур ФЕ и свободносинтаксического словосочетания. Однако при буквализации в формировании семантики высказывания в целом принимают участие лексические единицы своими семантическими структурами. Сравним: «*Бедный Вильгельм очень слаб, к тому же и мнителен, но я надеюсь, что в Тобольске его восстановят и даже возвратят зрение, которого в одном глазу уже нет. Недавнее бельмо, вероятно, можно будет истребить*» (И.И. Пущин М.А. Фонвизину, 2 февраля 1846 г.) [Пущин 1988: 213]. Лексемы *глаз* (в первом значении ‘Орган зрения’) и *бельмо* (также в первом значении ‘Беловатое пятно болезненного происхождения на роговой оболочке глаза’) дистантно расположены, однако даже при этом условии при восприятии высказывания в целом в памяти «всплывает» образ ФЕ *бельмо в (на) глазу* ‘Прост. Помеха, нечто раздражающее своим присутствием’ [ФСРЛЯ 1: 25]. Семантические связи внутри высказываний «*зрение, которого в одном глазу уже нет*» и «*бельмо <...> можно будет истребить*» сигнализируют о том, что выделенные единицы выступают в своих лексических значениях. Подчеркнём, ассоциативные механизмы,

отсылающие к ФЕ, возможны, если в памяти воспринимающего субъекта есть эта единица, то есть он знает эту единицу и её значение, употребляет в своей речи или хотя бы слышал в речи окружающих его людей и запомнил.

Выступая в контексте, лексема, являющаяся компонентом ФЕ, реализует лексическое значение, но ещё и ассоциативными нитями связывает это значение с фразеологическим: *«Изменение малейшей йоты в моей статье кем-либо другим, кроме Вас, редактора журнала и притом редактора, с которым я почти совершенно согласен в основных положениях, – может бесить даже и меня, человека, как Вам не безызвестно, весьма кроткого»* (Ап. Григорьев М.П. Погодину, 1 ноября 1851 г., Москва) [Григорьев 1999: 55]. ФЕ *ни на (одну) йоту* в значении ‘Нисколько, ничуть, ни на самую малость’ [ФСРЛЯ 1: 285] и *ни йоты* в значении ‘Совсем ничего нет; полное отсутствие чего-либо’ [ФСРЛЯ 1: 285] имеют в своём составе компонент *йота*. Это лексема, обозначающая букву греческого алфавита, которая имела соответствие с самой маленькой по размеру в арамейском алфавите буквой. Именно эти факультативные смысловые элементы в смысловой структуре лексемы приняли участие в процессе фразеомообразовательной комбинаторики. Они актуализируются в смысловой структуре используемой автором лексемы и связывают в сознании семантические структуры лексемы и ФЕ.

Рассмотрим случай, когда в контексте функционирует свободносинтаксическое словосочетание, являющееся генетической базой ФЕ: *«Простите, что так долго не писал Вам, берлинская атмосфера меня издергала вконец. Сейчас от расшатанности нервов еле волочу ногу. Лечусь в Висбадене. Питъ перестал и начинаю работать»* (С.А. Есенин И.И. Шнейдеру, 21 июня 1922 г.) [Есенин 1999: 137]. ФЕ *едва (чуть) волочить ноги* в значении ‘Разг. С большим трудом, напряжением идти тихо (от усталости, слабости, болезни)’ [ФСРЛЯ 1: 94] имеет прозрачную внутреннюю форму. Сравним: *«Он явно приближался к нам, причем*

*движение его сопровождалось целой какофонией шумов, разнообразных и совершенно неуместных для Прогрессора. Он **волочил ноги** и звучно шаркал подошвами»* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Жук в муравейнике. 1979). Контекст демонстрирует употребление ФЕ в присущем ей значении.

В письме С.А. Есенина И.И. Шнейдеру форма *волочу* от *волочить* – ‘1. Тащить, тянуть по земле’ – и *ногу* от *нога* – ‘1. Одна из двух нижних конечностей человека’ – выступают в своих прямономинативных значениях. Дело в том, что «за сорок дней, которые прошли с момента приезда Есенина в Германию, он посетил редакции нескольких газет и журналов, ряд издательств, заключил договоры на издание своих книг, написал автобиографию для НРК, выступил с чтением стихов в берлинском «Доме искусств» (12 мая) и на вечере «Нам хочется вам нежно сказать» (1 июня), встречался с М. Горьким, А.Н. Толстым и Н.В. Крандиевской-Толстой, А. Ветлугиным (В.И. Рындзюном), А.Б. Кусиковым и др.» [Есенин 1999: 527]. В Висбадене, куда «А. Дункан повезла Есенина для лечения и отдыха», «доктор, который осмотрел Есенина, сказал ей, что его состояние очень серьезно» [Есенин 1999: 528]. Автор использует для описания своего состояния лексемы в прямом значении.

Переосмысление как приём семантической трансформации ФЕ граничит с нарушением норм использования ФЕ в речи. И в том, и в другом случае при неизменности внешнего плана ФЕ семантическая структура претерпевает кардинальные изменения. В диахронии изменение семантики ФЕ происходит как отражение изменения системных свойств языковой единицы. Об окказиональных трансформациях свидетельствует несистемность, авторство, несоотнесённость первоначального, то есть узуального, значения и окказионального. Например, ФЕ *надевать / надеть <на себя> мундир кого, какой* имеет значение ‘Избирать для себя какую-либо линию поведения; показывать свою принадлежность к какому-либо общественному течению, направлению’ [ФСРЛЯ 2: 8]. С зафиксированным в словарях не совпадает

фразеопотребление в следующем контексте: *«Я думаю, что не надо обезличивать никого, не надо на всех **мундир надевать**. Против этого я возставал ужасно и думаю, что я прав. Надо больше давать свободы личному мнению и не навязывать своего взгляда. Это недостаток в газетном деле. Газета не есть собрание истин, а собрание мнений»* (А.С. Суворин В.В. Розанову, 14 сентября 1899 г.) [Суворин 1913: 80]. Итак, формирование окказиональной смысловой структуры можно представить следующей схемой (7).

Как видим, смещение семантики в процессе употребления данной ФЕ основывается на выделении во внутренней форме трансформированной единицы иных семантических признаков, чем во внутренней форме узуальной. В процессе образования узуальной ФЕ во фразеомообразовательной комбинаторике, «перемалывающей» исходные семантические признаки, участвует признак ‘*Форменная*’, то есть объективирующая ‘*Принадлежность*’ к тому или иному виду войск, службы, учебному заведению и т.д. В случае с окказиональной ФЕ исходные семантические признаки, вступающие во фразеомообразовательную комбинаторику, – ‘*Однообразная*’, ‘*Единая для всех*’. Данные семантические признаки составляют лексическое значение слова *мундир* – ‘*Однообразная одежда для служащих, военных и штатских; форменный наряд, праздничная служебная одежда*’.

Таким образом, разные семантические признаки, составляющие основу лексического значения слова-компонента ФЕ, продуцируют две разные семантические структуры. При этом в словаре зафиксирована единица с тем же значением, что и узуальная *надевать / надеть <на себя> мундир (кого, какой)*, а именно *надевать / надеть <на себя> хламиду (какую)* [ФСРЛЯ 2: 9].

В семантической структуре лексемы *хламида* также фиксируется семантический признак 'Одежда', сигнализирующая о 'Принадлежности' к той или иной группе людей: лексема имеет значение '1. У древних римлян и греков одежда в виде плаща. 2. Перен. Длинная нескладная одежда (разг. шутил.)' [ТСРЯ: 862]. Хламида, мужская наружная одежда древних греков, представляла собой продолговатую мантию. Её носили спартанцы, афинские эфебы, охотники, путешественники, верховые ездоки и солдаты. Обратим внимание, что качество ткани, из которой изготовлялась хламида для той или иной группы людей, её цвет, узоры, рисунки и др. были различными. Следовательно, принадлежность человека к той или иной группе была зафиксирована с помощью этих информативных признаков.

Трансформационные процессы задают введение в смысловую структуру ФЕ ЭК, объективирующего возмущение.

Таким образом, переосмысление – не просто смещение семантических структур, которое может быть осознанным или неосознанным, запланированным и служить коммуникативным целям автора письма или случайным, являя собой ошибку в подборе языковой единицы. Важно, что в основе этого процесса лежат когнитивные механизмы, обнаруживающие связь между семантическими структурами (узуальной и окказиональной) и семантической структурой лексем-компонента формальной структуры ФЕ.

Итак, при буквализации ФЕ, т.е. функционировании лексем в их лексических значениях, связь с компонентным составом ФЕ ассоциативная, семантика ФЕ не участвует в формировании смысла высказывания. Если когнитивные механизмы, обеспечивающие этот приём, не срабатывают – сочетание лексем не воспринимается как ФЕ, декодированию смысла высказывания это не мешает. При двойной актуализации лексические значения компонентов ФЕ и фразеологическое значение функционируют одновременно, наслаиваются. Автор акцентирует внимание на «двойном» смысле единицы, достигаемом этим приёмом, «рассчитывает» на эффект приёма. В случае, когда механизм не срабатывает, то в процессе декодирования для адресата теряется часть закодированной этим приёмом информации. Переосмысление наделяет ФЕ окказиональным смыслом. Декодирование может быть успешным, если смысловое наполнение ФЕ поясняется окружающим контекстом.

4.2.2. Роль структурно-семантических трансформаций фразеологических единиц в объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе

Структурно-семантические трансформации ФЕ – это расширение компонентного состава ФЕ, замена компонента формальной структуры ФЕ, образование по модели и другие приёмы.

Расширение компонентного состава ФЕ как приём её структурно-семантической трансформации возможно в тех знаках вторичной номинации, в которых степень семантической спаянности компонентов это позволяет. Более прозрачная внутренняя форма, относительная семантическая «свобода» компонентов ФЕ обеспечивают возможность распространения её компонентного состава. Например, «*Завтра месяц, что я воротился сюда и, благодаря Бога, с тех пор ничего не было особенно худого, хотя зародыши зла неоспоримо существуют и **пустили** даже довольно глубокие корни, и потому мы не дремлем*» (Александр II (император) Константину Николаевичу, 17/29 ноября 1861 г., Царское Село) [Александр II (император) 1992: 219]. Обратим внимание, что в формальной структуре ФЕ *пускать / пустить корни* – ‘Разг. Экспресс. 1. Основательно, прочно устраиваться где-либо; обзаводиться хозяйством. 2. Становиться постоянным, приобретать силу, устойчивость, укореняться’ [ФСРЛЯ 2: 167] – есть два компонента. Лексема *корень*, имеющая значение ‘1. Подземная часть растения, служащая для укрепления его в почве и всасывания из неё воды и питательных веществ. 2. Внутренняя, находящаяся в теле часть волоса, зуба, ногтя. 3. Перен. Начало, источник, истоки (чего-либо). 4. В языкознании: основная, значимая часть слова, вычленяемая в нём после отделения окончания, приставок и суффиксов’ [ТСРЯ: 295], становится компонентом не только формальной структуры анализируемой ФЕ. Например, образная характеристика человека (*кто-либо*) *корень* – ‘Стойкий, упрямый, суровый (кто-либо)’ – семантически соотносима с первым значением ФЕ *пускать /*

пустить корни. Со вторым значением анализируемой ФЕ и с четвёртым значением лексемы *корень* соотносится семантика пословицы *Меньшой сын на корню сидит* – ‘В крестьянстве, наследует домом’. Подобное соотношение демонстрирует прозрачность внутренней формы ФЕ.

Прозрачная внутренняя форма ФЕ обуславливает семантическую «свободу» компонента *корни*. Сравним: «*Специализация равнозначна эффективности. У этого заблуждения – глубокие корни в бизнес-сообществе. В литературе по вопросам менеджмента принято считать, что специализация является основой роста производительности. Чем более узким специалистом является кто-либо, тем большую отдачу следует от него ожидать. Очевидно, такой подход оправдывал себя в течение последних 100 лет и даже дольше, так как помог увеличить производительность физического труда более чем в 50 раз*» [«Computerworld», 2004]. Переносное значение лексемы *корень* продуцирует появление соответствующих элементов смысловой структуры ФЕ.

Прямое, первое значение лексемы *корень* в свободносинтаксическом словосочетании *пускать корни* реализуется в следующем контексте: «*Существует множество попыток спасти ёлку как символ. Некоторые держат её до православного Рождества (совершенно необязательно при этом знать о её рождественских смыслах); иные дотягивают до Старого Нового года и даже до Крещения. У автора этой статьи ёлка однажды стояла до середины февраля и даже **пустила корни** и зелёные побеги*» [Николаев 2003]. Итак, если сопоставить значение свободносинтаксического словосочетания *пустила корни* и фразеологический смысл единицы *пустили* (+ даже довольно глубокие) *корни*, можно сказать, что расширение компонентного состава ФЕ приводит не только к актуализации прямого значения лексем-компонентов ФЕ (скорее, актуализация являет собой некий промежуточный процесс в механизме этого вида трансформации ФЕ), а к появлению новых смысловых элементов в смысловой структуре

трансформированной ФЕ. В частности, семантика усилительной частицы *даже*, которая ‘употребляется для выделения или усиления слова или словосочетания, к которому относится’, и наречия *довольно* – ‘3. В известной степени, в достаточной степени’ [ТСРЯ: 170] – формируют основу для появления в смысловой структуре ФЕ градуальной семы, изначально не заложенной в структуре фразеологического значения.

Расширение компонентного состава ФЕ запускает те же механизмы, что работают при двойной актуализации, то есть происходит наложение семантических структур. При двойной актуализации распространение компонента происходит опосредованно: использованием местоимений, заменяющим соответствующую лексику, синонимов и антонимов и т.д. Формально расширения компонентного состава при двойной актуализации нет. При расширении компонентного состава ФЕ у одного (или нескольких) из компонентов появляются зависимые слова, связанные с ним подчинительными синтаксическими отношениями. Анализ материала показывает, что расширение компонентного состава не всегда служит объективации эмоций.

Распространение компонентного состава имеет несколько иную природу и функции, чем взаимодействие ФЕ с другими единицами высказывания: *«Возьмитесь, Христа ради, спасти меня от такого душевного ада, который Вам и невообразим. Я, как Любим Торцов, прошу ведь честного куска хлеба... Помните, что самая деятельная полоса моей жизни был 1851 год «Москвитянина», а тогда были у меня три места и уроки до 8 часов вечера! Не времени – а **точки душевной опоры** не доставало мне в последние года. Я запутался морально и запутался денежно»* (Ап. Григорьев М.П. Погодину, 17 февраля 1855 г., Москва) [Григорьев 1999: 83]. Контекст как нельзя ярко демонстрирует это различие, так как в нём обнаруживаются оба случая. Распространению компонентного состава подвергается компонент ФЕ *точка опоры* ‘Книжн. Что-либо

являющееся исходной базой для каких-либо действий' [ФСРЛЯ 2: 310], а именно *опоры* (какой?) *душевной*. В комплексной объективации отчаяния распространение компонентного состава позволяет конкретизировать семантику эмоциогенного фактора, которым выступает стойкая внутренняя неудовлетворённость своими поступками и их результатом. Лексема *честный* распространяет ФЕ *кусоч хлеба* в значении 'Разг. Необходимое пропитание, средства существования' [ФСРЛЯ 1: 341] как целостную единицу, а не какой-то отдельный компонент: «*Прошу ведь честных [средств существования]*»*. Распространение ФЕ не актуализирует семантические структуры лексем, ставших её компонентами. Обе ФЕ участвуют в объективации эмоционального состояния автора сообщения, испытывающего отчаяние.

Итак, расширение компонентного состава ФЕ как вид структурно-семантической трансформации проявляется в появлении семантических связей между компонентами семантической структуры лексемы-компонента ФЕ (или семантических структур лексем компонентов, если распространению подвергается не один компонент ФЕ) и семантических структур лексем-распространителей. В результате распространения компонентного состава ФЕ происходят изменения в смысловой структуре трансформированной ФЕ. В данном случае наблюдается появление новых смысловых элементов в смысловой структуре ФЕ. В ЧЭД этот тип трансформации является наиболее частотным, адресанты используют его как эффективное средство в реализации коммуникативно-прагматических установок.

Обращаясь к теоретическим изысканиям, посвящённым *приёму замены компонента* ФЕ, неизбежно сталкиваемся с проблемой фразеологической вариантности: «Проблема тождества фразеологической единицы, – считает Ю.А. Гвоздарёв, – возникает в связи с тем, что фразеологическая единица, во-первых, реализуется в речи в виде различных своих проявлений, в

различных формах, иногда заметно отличающихся друг от друга, во-вторых, развитие фразеологического состава языка, изменения фразеологических единиц и появление новых нередко начинается с изменений, на первый взгляд несущественных, в функционировании единиц в речи» [Гвоздарёв 2010: 39]. Определяя границы тех явлений, которые относятся к приёму замены компонента/компонентов ФЕ, исключим случаи реализации фразеологических вариантов в эпистолярной литературе. Ср.: «*Многие сердятся и предсказывают беды нашему просвещению, а я даже и не смеюсь. Все **идет своим порядком***» (Н.М. Карамзин И.И. Дмитриеву, 28 февраля 1819 г., Санкт-Петербург) [Карамзин 1913: 186]. Во-первых, семантическая структура ФЕ не претерпевает существенных изменений, так, ФЕ *своим чередом* имеет значение ‘Разг. то же, что и своей чередой’ [ФСРЛЯ 2: 365], при этом ФЕ *той же чередой* – ‘Устар. как обычно, своим порядком (идёт, течёт и т.п. что-либо)’ [ФРЛЯ 2: 365]. Как видим, на вариантность формально указывает включение лексемы *порядок* в толкование ФЕ. Кроме того, в словарной статье отражена вариантность глагольного компонента, не реализованная в данном контекстуальном употреблении единицы.

Во-вторых, лексема *порядок* во втором значении ‘Последовательность, ход’ синонимична лексеме *черёд* в первом значении ‘Последовательность, определённый порядок в следовании, движении чего-нибудь’. «Способность слов нейтрализовать противопоставленность во фразеологии приводит к устойчивой нейтрализации, иначе говоря, различие этих слов для фразеологического уровня оказывается несущественным: при образовании фразеологической единицы вместе с одним из слов, создающих образную основу, в ее сферу вовлекается весь синонимический ряд, если такой существует» [Гвоздарёв 2010: 48]. Синонимия как близость семантических признаков взаимозаменяемых лексем-компонентов является важным показателем фразеологической вариантности.

Вариантность ФЕ может быть фиксированной, когда «явления фразеологической вариантности и факультативности компонентов четко разграничиваются в практике лексикографии» [Роголёва 2010: 67], при этом «последовательно используют разные типы скобок и шрифтов для того, чтобы развести варьируемые и факультативные компоненты в заголовочной единице словарной статьи» [Там же]. Однако не все возможные варианты фиксируются в словарях. В данном анализируемом примере вариантность лексикографически не зафиксирована.

В отличие от варианта ФЕ, единица, подвергшаяся преобразованию путём замены компонента или компонентов, имеет существенные семантические изменения: «Существенными следует признавать такие различия, которые отражают несоответствие внутренних форм фразеологических единиц» [Гвоздарёв 2010: 49]. Например: «*Главное – не надо утрачивать **поэзию жизни**: она меня до сих пор поддерживала, – горе тому из нас, который лишится этого утешения в исключительном нашем положении*» (И.И. Пущин И.В. Малиновскому и В.Д. Вольховскому, 27 октября 1839 г., Туринск) [Пущин 1988: 121]. Лексемы *проза* и *поэзия* вступают в контекстуальные антонимические отношения, объективируя «низ» (бытовое, обыденное) и «верх» (духовное, творческое) в концептуальной картине целостного восприятия окружающей действительности адресанта. При этом лексема *проза* во втором из двух своих значений – ‘Перен. повседневность, будничная обстановка, то, что лишено красочности, яркости, живости’, а лексема *поэзия* имеет значение ‘4. Перен. изящество, очарование, поражающее воображение и чувство красоты (книжн.); 5. перен. область воображаемого бытия, мир фантазии (устар., часто ирон.)’: данные семантические признаки участвуют во фразеомообразовательной комбинаторике, результатом которой являются ФЕ *проза жизни* – ‘Разг. Пренебр. Повседневное, однообразное, будничное существование’ [ФСРЛЯ 2: 156] и речевая ФЕ *поэзия жизни*.

Надо сказать, что письмо написано Иваном Пущиным из Туринска, куда он приехал на поселение после 20 лет сибирского заключения. Ему приходилось обустраивать быт, к чему он был совершенно не приспособлен: *«Ты воображаешь меня хозяином – напрасно. На это нет ни призвания, разве со временем разовьётся способность; и к этому нужны способы, которых не предвидится»* (И.И. Пущин И.В. Малиновскому и В. Д. Вольховскому, 27 октября 1839 г., Туринск) [Пущин 1988: 121]. Интенсивная интеллектуальная деятельность помогала Пущину сохранить себя как личность. Работа над записками по крестьянскому вопросу с М.А. Фонвизиным, перевод философских сочинений Паскаля, организация деятельности Малой артели, образованной для взаимопомощи декабристов, и многое другое – далеко не полный список тех обязанностей и дел, которые добровольно взял на себя Пущин [1988: 21–22].

Смысловое наполнение используемой адресантом ФЕ включает мощный ассоциативно-образный и эмоционально-оценочный слои, индивидуально значимые для адресанта и адресата. Декодирование этого информационного блока возможно в ходе изучения документальных источников, что всё равно не даёт полного представления о том, какой смысл вкладывает адресант и в какой мере адресат декодирует данное сообщение. Однако можно с уверенностью предположить, что смысловая структура ФЕ *поэзия жизни* базируется на противопоставлении к значению ФЕ *проза жизни*, наполняясь индивидуально-значимыми смысловыми наращениями, имеющими эмоциональную, ассоциативно-образную природу. Сравним смысловые структуры ФЕ *поэзия жизни*, используемой Пущиным, и единицы, входящей в название одной из групп в социальной сети «*Поэзия жизни: глубокие мысли о жизни в стихах*» [Поэзия жизни: глубокие мысли о жизни в стихах [Электронный ресурс]. URL: http://vk.com/poetry_of_life (дата обращения: 25.02.2012).], где лексема *поэзия* выступает в своём

прямономинативном значении, словосочетание не подвергается фразеологизации.

ЧЭД, реализуя коммуникативные установки адресанта, создаётся в лично ориентированной мотивации к взаимодействию: сообщить о своей жизни, обратиться с той или иной просьбой, призвать к тому или иному поступку и т.д. Эта форма коммуникации интересна тем, что «письма наиболее приближены к ситуации непринуждённого общения, раскованны, свободны в речевых проявлениях» [Фесенко 2009: 5], при этом это опосредованная коммуникация: информация кодируется знаками языковой системы (при этом могут быть использованы и другие знаки, например рисунки, символы и т.д.).

Остановимся на фрагменте письма Н.М. Карамзина: *«Едва ли в исходе сентября увижу первый лист печатный: то нет бумаги, то малы станы; я дал уже 8000 р. вперед, а все не ладится. Между тем пересматриваю ноты, и для меня скучные: каковы же будут для читателей? однако ж не имею духа **поставить X**»* (Н.М. Карамзин И.И. Дмитриеву, 21 августа 1816 г., Царское Село) [Карамзин 1913: 184]. Это единственный (по крайней мере, до настоящего времени обнаруженный в исследуемых нами частных письмах разных лет) пример замены вербального компонента ФЕ невербальным знаком. Очевидно, это связано с тем, что компонент, который мог бы быть заменён графическим объектом, должен называться такой графический объект. ФЕ *ставить / поставить крест* 'Разг. Экспресс. 1. (на ком) Окончательно разувверившись в ком-либо, считать его непригодным в чём-либо, конченным, никчёмным; 2. (на чём) Признавать что-либо несостоятельным, пропавшим, бесперспективным' [ФСРЛЯ 2: 273] в письме имеет вид *поставить X*.

Рассматривая замену компонента ФЕ как трансформационный процесс, вносящий существенные изменения в её семантическую структуру, поясним, что в данном случае ФЕ с компонентом – графическим знаком используется в том же значении, что и ФЕ *ставить / поставить крест*. Обратим внимание

на использование ФЕ в письме С. А. Есенина: «С Анютой я больше незнаком, я послал ей ругательное и едкое письмо, в котором **поставил крест** всему» (М.П. Бальзамовой, февраль 1914 г., Москва) [Есенин 1999: 58]. Выделенная единица также выступает в свойственном ей значении, лексикографически зафиксированном. Можно ли считать такое использование ФЕ приёмом замены компонента? С одной стороны, данная единица визуально воспринимается, неся информацию, указанную в словарной статье. С другой – замена компонента графическим знаком делает единицу более экспрессивной, повышает роль её образной составляющей.

Другой характер имеют случаи замены невербальным знаком компонента ФЕ, являющегося обценной единицей. Примеры такой адаптации авторского эпистолярного текста встречаем в публикации писем С.А. Есенина [1999]. В частности, в одном из писем находим: «С Галей и сестрой у меня большой разлад, поэтому если и писали Вы мне, не знаю **ни 000**» (С.А. Есенин Н.К. Вержбицкому и С.Н. Вержбицкой, до 12 апреля 1925 г., Баку) [Есенин 1999: 210]. По предположению исследователей, «эти три нуля, по-видимому, возникли здесь лишь при копировании автографа письма, заменив собой трехбуквенное обценное слово» [Есенин 1999: 210]. Подобные случаи не имеют ничего общего с авторским преобразованием знаков непрямой номинации, в котором замена компонента несёт коммуникативно-прагматическую миссию.

В нашем материале обнаружен случай замены компонентов буквами: «Я оставил службу, потому что не могу служить, потому что служба убивает, потому что, наконец, я чувствую в себе силы делать на свете что-нибудь лучшее, чем вести настольные реестры, ибо оные суть **á и ó** службы и, может быть, очень полезны сами по себе, но только для этого полезного дела со временем изобретутся машины» (Ап. Григорьев М.П. Погодину, 9 октября 1845 г., Москва) [Григорьев 1999: 13]. ФЕ *альфа и омега* имеет значение ‘Книжн. 1. Начало и конец чего-либо. 2. Самое главное, основное в

чём-либо. От названия первой и последней букв греческого алфавита' [ФСРЛЯ 1: 17]. В данном случае преобразование не имеет цели формирование эмотивной семантики.

Анализ приёма замены компонента ФЕ как одного из способов творческого преобразования единиц языковой системы к условиям и прагматике коммуникации интересен в исследовании языковой личности автора письма [Калёнова 2012]. Так, С.А. Есенин эмоционален в письмах близким людям: «А если б я твоего увидел попка, то я обязательно наговорил бы ему дерзостей. Как он смеет судить, когда сам готов **снять последний крест** с груди бедняка. Небойсь, где хочешь бери четвертак ему за молебен» (С.А. Есенин М.П. Бальзамовой, 21 октября 1912 г., Москва) [Есенин 1999: 22]. Заменой компонента *рубашка* на компонент *крест* в ФЕ *снимать / снять <последнюю> рубашку* в значении 'Разг. Экспрес. Разорять, доводить до нищеты кого-либо' [ФСРЛЯ 2: 259] автор усиливает экспрессивный семантический признак единицы, актуализирует образный слой семантики, а эмотивные семы объективируют эмоции злости, негодования, возмущения. Компонент *крест* помимо тематической принадлежности к объективируемой ситуации несёт символическое содержание («святое»). Целью приёма в данном случае является объективация комплекса негативных эмоций, эмоциональное воздействие на адресата. Таким образом, специфика реализации приёма замены компонента ФЕ в ЧЭД определяется особенностями эпистолярного канала коммуникации. Иными словами, пересечение «разговорности» и «письменности» в ЧЭД обуславливает специфику этого приёма, так как компонент ФЕ может быть заменён на другой, являющийся лексемой, например, сниженной стилистической окраски, или на рисунок, букву, символ и т.д.

Рассмотрим образование речевой ФЕ по модели узуальной, генетически связанной с паремиологической единицей. В словарях фиксируется пословица *Дурак на дураке едет дураком погоняет*, которая объективирует

характеристику глупости человека: *«Ах, вы дурачье, дурачье! Все-то вы, как я посмотрю, дурак на дураке сидит и дураками погоняет»* (А.Ф. Писемский. Ипохондрик). Модификации типа *Осел на осле, дурак на дураке* или *Олух на олухе едет, олухом погоняет*, также узуально закреплённые, основаны на замене компонента пословицы на синонимичные единицы *дурак – осёл – олух*. Эти лексемы входят в один синонимический ряд на основании наличия в структурах их значений сема ‘Глупый’. Итак, денотативная сема компонента паремии участвует в процессе формирования её семантической структуры, сохраняя свою позицию.

Пример употребления пословицы в её узуальном значении находим в поэме Н.В. Гоголя «Мёртвые души»: *«Хороши политические экономы! Дурак на дураке сидит и дураком погоняет. Дальше своего глупого носа не видит, осел, а еще взлезает на кафедру, наденет очки... Дурачье!»* (Н.В. Гоголь. Мёртвые души). Сема ‘Глупый’, являющаяся денотативной в структуре значения паремиологической единицы, гармонирует, взаимодействует с денотативной семой лексемы *глупый*. В семантической структуре паремии также можно выделить градуальную сему ‘Много’, эмотивную сему ‘Презрение’, экспрессивную сему, сему отрицательной оценки, образную сему, функционирующую благодаря прозрачной внутренней форме.

Смысловая реализация паремиологического значения в сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина несколько отличается от узуально закреплённого значения паремии: *«Об каких это вы всё злодействах допрашиваете? Главное в нашем ремесле – это laissez passer, laissez faire! Или, по-русски выражаясь: «Дурак на дураке сидит и дураком погоняет!»* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Сказки. Медведь на воеводстве). Как известно, *Laissez faire et laissez passer* – это «формула, выражающая принцип невмешательства государственной власти в экономические отношения, как внутренние, так и международные» [ЭСБЕ XVIIa: 594]. Как устойчивая единица косвенно-производной номинации, она имеет значение ‘Позволять,

не вмешиваться, пусть всё идёт, как идёт'. История возникновения единицы и становления её семантики корнями уходит ко второй половине – концу XVII века [Там же: 594–595], но что особенно интересно в аспекте рассматриваемой проблемы, «соответствующего русского афоризма, – резюмирует П. Струве, автор статьи, – не существует; нет также общепринятого перевода» [Там же: 595].

В авторском использовании пословицы *laissez passer, laissez faire* и *Дурак на дураке сидит и дураком погоняет* вступают в отношения синонимии, на что указывает союз *или*, объективирующий семантическую равнозначность соединяемых единиц. Следовательно, в смысловых структурах паремиологических единиц вычленяется хотя бы один общий смысловой элемент, интегральная сема. Учитывая, что узуально закреплённые значения пословиц не синонимичны, данная ситуация контекстуальной синонимии возможна в случае, если смысловая структура хотя бы одной единицы существенно отличается от узуальной. Паремиологическая единица *Дурак на дураке сидит и дураком погоняет* может подвергаться не только семантическим трансформациям, но и структурным. Так, интересным представляется результат замены компонентов узуальной пословицы: *«Я их знаю всех: это все мошенники, весь город там такой: **мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет.** Все хриstopродавцы. Один там только и есть порядочный человек: прокурор; да и тот, если сказать правду, свинья»* (Н.В. Гоголь. Мёртвые души). Трансформированная пословица ***Мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет*** объективирует презрительное отношение к какому-либо учреждению, где, по мнению говорящего, процветает мошенничество, коррупция. Лексема *мошенник* имеет значение 'Плут, человек, обманывающий других в корыстных целях'. Следовательно, в смысловой структуре паремии происходят изменения, а именно, вместо денотативной семы 'Глупый/ые' появляется семема (как комплекс сем)

‘Мошенник’. Эмотивная, оценочная, образная и экспрессивная семы сохраняют свои позиции в структуре значения единицы.

В современной интернет-коммуникации поговорка приобретает такую трансформацию: «*Лох на лохе едет и лохом погоняет*» (например, [<http://zimov.livejournal.com/4767.html>] и др.). Используя поговорку в качестве заголовка, автор даёт определение понятию «лох», по сути, являющемуся синонимичным, если так можно сказать, понятиям, объективируемым лексемами *дурак*, *осёл* и т.д. Структурная трансформация поговорки приводит к тому, что в её смысловой структуре появляются такие элементы, которые изначально составляют семантическую структуру лексемы *лох*, включая ассоциативно-образные, эмотивные и оценочные семы.

Подчеркнём, речь идёт о поговорке, которая имеет некую структурную модель с продуктивным преобразовательным потенциалом. Замена компонентов в этой модели вносит изменения в смысловую структуру единицы. Денотативные семы, входящие в семантическую структуру лексемы, становящейся компонентом поговорки, сохраняют свои позиции и в семантике поговорки.

Образованная от поговорки, ФЕ *дурак на дураке* сохраняет дискурсивно-семантическую базу поговорки. Например: « – *Поставлена глупость на высокие посты, – сказал царь Соломон и похлопал Китовраса по крупу, – а достойные внизу пребывают. Видел я рабов на конях и князей, шагающих пешком, как рабы!* – Хорошо сказано, – вздохнул Жихарь. – *Сколько я в жизни начальства не видел – дурак на дураке*» (М. Успенский. Там, где нас нет). Когнитивно-семантическая структура ФЕ *дурак на дураке* аккумулирует закреплённое за поговоркой содержание. Сравним: «*Ты с супругой с одури-то храпеть завалился, мерин твой одурелый в конюшне жрет не в свою голову, и все вы – дурак на дураке!*» (Г.И. Успенский. Наблюдения одного лентяя. Из цикла «Разоренье»). Таким образом, посредством усечения компонентного состава поговорки поговорка

единица преобразуется во фразеологическую, «унаследовавшую» семантическую структуру генотипа в полном объёме.

Следовательно, ФЕ *дурак на дураке* имеет модель КТО НА КОМ. Элементы этой модели – блоки, составляющие формальную структуру модели, своего рода «контейнеры», два из которых, первый и третий, открыты, подлежат наполнению в зависимости от коммуникативного замысла, лингвокреативных способностей языковой личности, а также от семантических свойств языковых единиц, становящихся компонентами ФЕ. Так, например, модель задаёт ограничения: лексема, заполняющая 1 и 3 блок, – существительное одушевлённое. И ещё одно обязательное условие – компоненты должны быть реализацией одной лексемы в разных, заданных моделью, грамматических формах.

Средний блок представляет собой скрепу, которая «держит» модель в заданном виде и в когнитивном, и в семантическом аспекте. Предположим, изменения коснутся среднего блока, вместо *на* будет использоваться какой-либо иной компонент (табл. 17):

Таблица 17.		
	Модель	Трансформационные процессы
1	КТО О КОМ	Замена второго компонента с сохранением грамматической характеристики третьего компонента.
2	КТО ЗА КЕМ, КТО ОТ КОГО и тд.	Замена второго компонента с изменением грамматической характеристики третьего компонента.

И в первом, и во втором случаях замена второго компонента приводит к существенным изменениям, влекущим потерю одного из главных свойств ФЕ, а именно воспроизводимости (в случае декодирования сообщения – «узнаваемости»). Приходим к выводу, что модель ФЕ имеет два «открытых» компонента (первый и третий), а также неизменяемый компонент, обуславливающий в совокупности грамматических форм двух других компонентов и их взаиморасположении воспроизводимость, узнаваемость единицы по модели.

О продуктивности модели свидетельствует наличие такой речевой ФЕ, как *идиот на идиоте*: «*И вся наша история, развитие российское, подъем экономический, первый блин комом, пошло к чертовой бабушке. Вот. – На телевидении совсем с ума походили, – фыркнул Савельев. – **Идиот на идиоте**. Какую только хренотень не показывают» (Н. Галкина. Вилла Рено). Используемая трансформированная ФЕ реализует значение узуальной единицы без существенных смысловых наращений и сдвигов. Усиливается экспрессивный компонент смысловой структуры ФЕ за счёт трансформации её формальной структуры. Сравним: «*Ужас! Да еще тянете к своим психиатрам, которые все – **идиот на идиоте**. Или сами психи, которых лечить нужно» (И. Ефимов. Суд да дело). Контактная позиция в контексте с лексемами *психиатр* и *псих* актуализирует внутреннюю форму единицы. Иными словами, в процессе функционирования окказиональной единицы в разноуровневое взаимодействие вступают по меньшей мере три механизма на уровне формальной структуры: (1) механизм замены её компонентов, провоцирующий на уровне семантической структуры ФЕ, (2) механизм усиления позиции экспрессивного компонента и (3) механизм двойной актуализации, апеллирующий к внутренней форме речевой единицы. На уровне когниции эти процессы отражают выявление других, нежели были выделены в ходе формирования знака косвенно-производной номинации, признаков в номинируемом объекте. В ЧЭД приём образования ФЕ по модели узуальной единицы не относится к частотным, выявлено лишь два фразеопотребления ФЕ, подвергшихся данному типу преобразования.**

Обратимся к письму князя Константина Николаевича брату Александру II: «*Нельзя хладнокровно смотреть на ее команду и офицеров. Все **молодец на молодце**. Зато они и по-царски награждены» (Князь Константин Николаевич Александру II, 15 / 27 июня 1857 г., Стрельна) [Константин Николаевич (князь) 1992: 155–156]. Необходимо пояснить, что князь Константин Николаевич, много путешествуя по поручению своего*

брата, императора Александра II, в письмах старается максимально полно представить картину увиденного. Он путешествует и в другие страны, действуя от имени императора, а также по России. Князь Константин Николаевич эмоционален в письмах, это не сухие отчёты, а красочное, эмоциональное изображение тех мест и событий, свидетелем которых он стал. Подчеркнём ещё одну особенность писем князя – он замечает не только отрицательное, но и положительное в описываемом.

Обратим внимание на указание в самом тексте письма на смысловое наполнение анализируемой ФЕ: «по-царски награждены», то есть такие, которые ‘Удостоены царской награды’*. Таким образом, в смысловой структуре речевой ФЕ *молодец на молодце* вычленяется эмотивная сема, объективирующая эмоцию восхищения. Иными словами, контекстуальное употребление анализируемой единицы подтверждает наличие указанной эмосемы. Вот как князь начинает письмо, в котором использует трансформированную ФЕ: «*Любезнейший Саша! Сегодня на первый раз мне решительно нечего Тебе писать. Все здесь благополучно, ничего особенного до моего сведения не дошло*» [Там же]. Далее повествует о российском судне, вызывающем гордость: «*Почтенная наша «Аврора», которая вписала одну из самых блистательных страниц в историю нашего Флота, втянулась наконец в гавань после четырехлетнего трудного похода*» [Там же]. Сопоставив семантику образованной по модели ФЕ и паремиологической единицы, заключаем, что положительные эмотивно-оценочные смыслы, составляющие денотативный слой лексического значения *молодец*, продуцируют положительные коннотации ФЕ.

Ещё один пример образования ФЕ по модели узуальной находим в письме С.А. Есенина: «*Видишь ли, нужно лечить нервы, а здесь **фельдфебель на фельдфебеле**. Их теория в том, что стены лечат лучше всего без всяких лекарств*» (П.И. Чагину, 27 ноября 1925 г., Москва) [Есенин 1999: 228–229]. ФЕ образована по модели «Кто на ком (сидит и кем

погоняет)». Лексема *фельдфебель* имеет значение 'В дореволюционной русской и некоторых других армиях: звание старшего унтер-офицера помощника командира роты по хозяйству и внутреннему распорядку, а также лицо, имеющее это звание'. Словарь фиксирует коннотации в семантике прилагательного *фельдфебельский* – в словосочетании *фельдфебельские замазки* в переносном значении 'Грубые, самоуправные'. Контекст не даёт однозначного пояснения смысловой реализации ФЕ, возможно, речь идёт о том, что С.А. Есенин «до 21 декабря 1925 г. Есенин находился в клинике 1-го Московского университета» [Есенин 1999: 734], но не получал такого лечения, которое ожидалось. В связи с этим уместно обратиться к строкам того же письма: «С удовольствием вспоминаю Вартапетова и Мезерницкого» (П.И. Чагину, 27 ноября 1925 г., Москва) [Есенин 1999: 228–229]. Известно, что «Е.Л. Вартапетов и И.Г. (или Н. Г.) Мезерницкий, бакинские врачи, вероятно, лечившие Есенина в связи с его заболеванием в первой половине мая 1925 г.» [Есенин 1999: 734]. Впрочем, появление Есенина в психиатрической клинике было обусловлено обстоятельствами, а именно предстоящим судом, которого Есенин надеялся избежать [Там же]. Следовательно, ФЕ *фельдфебель на фельдфебеле* в контексте реализует сему 'Много' и, предположительно, сему отрицательной оценки, а также, основываясь на данных экстралингвистического характера, эмотивные семы, объективирующие эмоции недовольства, разочарования. К слову, данные психолингвистического эксперимента позволяют утверждать, что эмотивные смыслы в некоторых случаях были декодированы («раздражение», «гнев», «что-то отрицательное»), даже если значение лексемы *фельдфебель* участникам было не известно. Возможно, этому способствовало структурирование высказывания, в котором противопоставление подчёркивает несоответствие ожидаемому результату, что, логично предположить, вызывает скорее отрицательные эмоции, чем положительные: «Видишь ли, нужно лечить нервы, а здесь [*кто на ком*]. Их теория в том,

*что стены лечат лучше всего без всяких лекарств»**. Кроме того, модель ФЕ ассоциативно связывает данную ФЕ с коннотативной семантикой языковой единицы. Мы решили убрать контекстуальный фактор влияния на процессы декодирования эмотивного смысла ФЕ и предложили испытуемым определить значение ФЕ, а также предположить характер эмоций, которые данной ФЕ можно выразить. Абсолютное большинство участников эксперимента, не знавших значение лексемы *фельдфебель*, предположило, что данной ФЕ можно объективировать отрицательные эмоции. Мы это связываем в большей степени с влиянием ассоциативной связи с языковой ФЕ, по модели которой анализируемая ФЕ построена.

Чрезвычайно важной в аспекте выявления механизмов трансляции эмоциональной информации представляется проблема соотнесённости особенностей эмоциональной сферы личности и эмотивности речевых произведений языковой личности. Так, письма одних авторов насыщены эмотивными единицами, в том числе ФЕ, а письма других – по степени объективации эмоций и их интенсивности очень спокойные, не содержат междометных лексических единиц и ФЕ, узואльно эмотивных единиц и ФЕ, подвергшихся структурно-семантическим трансформациям, основанным на выдвигании ЭК в смысловой структуре единицы.

В осмыслении этих наблюдений мы обратили внимание на эпистолярную фразеологию Л.Н. Толстого, величайшего мыслителя и художника слова, имеющего свой оригинальный подход к ресурсам языка. Интерес к фразеологии Л.Н. Толстого на протяжении многих лет [Федосов 1971; Цапникова 1967; Гужанов 1990 и 1992; Багатурова 1992 и др.] закономерно обусловлен тем, что он продемонстрировал владение языковыми фразеологическими ресурсами, умение использовать трансформационный потенциал знаков косвенно-производной номинации и закономерности окказионального фразеомобразования. Опираясь на результаты исследований предшественников, а также на результаты

комплексного анализа фразеологии Л.Н. Толстого, Ю.В. Архангельская [2005] пришла к выводам о роли в стилистической организации текста, текстообразующей роли фразеологии в речевых произведениях художника слова, в том числе и в эпистолярной. Нужно сказать, что фразеология писем Л.Н. Толстого была предметом отдельного изучения [Ерёменко 1988]. Однако эпистолярная фразеология Л.Н. Толстого не изучена с позиций её эмотивного содержания, хотя Ю.В. Архангельская убедительно доказала, что структурно-семантические трансформации ФЕ в некоторых случаях позволяют «достигнуть комического эффекта, если преобразование ФЕ привело к возникновению каламбура» [Архангельская 2005: 172].

Показательно отношение Л.Н. Толстого к роли эпистолярной коммуникации в объективации эмоций: *«Вчера в деревне, куда я уехал очнуться от ужасной московской жизни, я получил ваше письмо и последние слова ваши о Христе взорвали меня и я написал вам резкое письмо и свёз его сам на почту; но тотчас послал за ним и взял его назад. Но всё-таки чувствую необходимость высказать вам хоть отчасти моё чувство»* (Л.Н. Толстой А.А. Толстой, 4 марта 1882 г., Ясная Поляна, неотправленное) [Толстой 2011: 404]. Л.Н. Толстой спрогнозировал результат декодирования сообщения с учётом возможных факторов, способных повлиять на инференциальные механизмы, и решил, что эффект, который данное сообщение может достичь, не соответствует той цели, которую адресант преследует. Цель переписки в целом, частью которого является цитируемый ЧЭД, может быть определена как поддержание контакта с уважаемым человеком, общение с которыми являлось потребностью для Толстого, ещё одна цель – искреннее сообщение о процессах, происходящих во внутреннем мире адресанта. Сообщение решало в большей степени вторую цель ЧЭД, нарушая первую, поэтому автор ЧЭД решил создать другое письмо, в котором мог бы быть найден компромисс в реализации коммуникативных целей.

Рассматривая роль структурно-семантических трансформаций ФЕ в реализации ею эмотивной функции в ЧЭД Л.Н. Толстого, отметим, что художник слова использует и узуально эмотивные ФЕ для объективации эмоций, например, ФЕ *оранжерейное растение* в значении 'Ирон. О хрупком, изнеженном человеке' [ТСРЯ: 458]: «*Прекрасная девушка К. – слишком оранжерейное растение, слишком воспитана на «безобязательном наслаждении», чтобы не только разделять, но и сочувствовать моим трудам»* (Л.Н. Толстой А.А. Толстой, 14 мая 1861 г., Ясная Поляна) [Толстой 2011: 196]. Использует Л.Н. Толстой и потенциальные возможности ФЕ в реализации контекстуальной эмотивности: «*Я не люблю писать жалостливо, но я 45 лет живу на свете и ничего подобного не видал и не думал, чтобы могло быть. Когда живо представишь себе, что будет зимою, то **волос дыбом становится**. Сейчас – уже письмо написано было – мы узнали, что заболел холериной молодой мужик – жнец. Есть нечего, кроме дурного чёрного хлеба, и если это не было около нас, то очень может быть, что этот человек бы умер от недостатка хорошей пищи для ослабевшего желудка»* (Л.Н. Толстой А.А. Толстой, 30 июля 1873 г., Самарская губерния, хутор на Танынке) [Толстой 2011: 307]. Данный фрагмент ЧЭД показывает, что эмоциогенным может быть не только событие в жизни самого адресанта. Как видим, голод в Самарской губернии, описываемый Л.Н. Толстым, воспринимается им как личная трагедия. Этот фрагмент замечательно представляет реализацию контекстуальной эмотивности, на которую способна дескриптивная ФЕ, характер ЭК соотносится с описываемой эмоцией.

Контекстуальная эмотивность реализуется ФЕ *отрезанный ломоть* – 'Экспрес. 1. Человек, ставший самостоятельным, отделившийся от семьи. 2. Человек, оставивший свою среду, порвавший с прежним образом жизни' [ФСРЛЯ 1: 359]. ЭК, объективирующий эмоцию иронии, становясь частью смысловой структуры речевой единицы, является способом трансляции

эмоциональной информации в результате семантической трансформации узуальной ФЕ.

Проследим роль языковой личности в трансформационных процессах фразеоминимации, выполняющей эмотивную функцию: *«Занят же я был, во-первых, делами, во-вторых, школой, которую надо было с самого начала **поставить на новую, лучшую ногу**, в 3-х, меня назначили мировым посредником, и я не почёл вправе отказаться. Так что теперь я после годовой свободы, не без удовольствия, чувствую на себе: 1) хозяйственный, 2) школьный, 3) журнальный и 4) посреднический хомуты, которые, не знаю, хорошо или дурно, но усердно и упорно намерен **тянуть**, насколько хватит жизни и силы. Так что **надевать пятый хомут – брачный**, я надеюсь, и не почувствую необходимость. Москву в этом отношении я проехал благополучно. Прекрасная девушка К. – слишком **оранжерейное растение**, слишком воспитана на «безобязательном наслаждении», чтобы не только разделять, но и сочувствовать моим трудам. Она привыкла **печь моральные конфетки**, а я возжусь с землёй, с навозом. Ей то грубо и чуждо, как для меня чужды и ничтожны стали **моральные конфетки**. – А за что Вы хотите, чтоб когда-нибудь я стал **отрезанный ломоть** – это я не знаю»* (Л.Н. Толстой А.А. Толстой, 14 мая 1861 г., Ясная Поляна) [Толстой 2011: 196]. Контекст содержит несколько фразеомупотреблений, которые по-разному позволяют автору передать не только рациональное, но и субъективное. ФЕ с компонентом *хомут* подвергается сложнейшей структурно-семантической трансформации. Лексема *хомут* в значении ‘1. Часть упряжки – надеваемый на шею лошади округлый деревянный остов с мягким валиком на внутренней стороне’ [ТСРЯ: 867] входит в процесс фразеомобразовательной комбинаторики продуцируемыми денотатом ассоциативно-образными смыслами. Словарь фиксирует переносное значение лексемы *хомут* и указывает на сочетаемость с лексемой *тянуть*: ‘Надеть на себя или повесить себе на шею хомут (переносно о какой-либо

обузе; разг.)' [ТСРЯ: 867]. Включение зависимых слов конкретизирует семантику лексемы, употреблённой в переносном значении: «*Так что теперь я после годовой свободы, не без удовольствия, чувствую на себе: 1) хозяйствен[ую], 2) школьн[ую], 3) журнальн[ую] и 4) посредническ[ую] обузу, которые, не знаю, хорошо или дурно, но усердно и упорно намерен тянуть, насколько хватит жизни и силы*»*. Фразеологический фонд содержит такие ФЕ с компонентом *тянуть*, как, например, *тянуть воз* 'Прост. Экспрес. Выполнять (обычно в одиночку) трудную, большую работу' [ФСРЛЯ 2: 317] или *тянуть ярмо* 'Разг. Экспрес. Заниматься тяжёлым трудом, неприятным делом' [ФСРЛЯ 2: 317], в семантике которых сосредоточен оценочный компонент, объективирующий отрицательную оценку. Однако если обратить внимание на эмотивно-оценочную семантику приведённого в пример высказывания в целом, можно сказать, что автор не испытывает и не транслирует негативные эмоции, рассказывая о своих обязанностях, выполняемых «не без удовольствия».

В аспекте изучаемой нами проблемы процесс преобразования ФЕ *надевать хомут* – 'Разг. Ирон. Непомерно обременять себя чем-либо (о крайне тягостной обузе' [ФСРЛЯ 2: 9] – интересен в связи с тем, что расширение компонентного состава позволяет транслировать фрагмент рациональной информации, актуализировать ассоциативно-образные смыслы и усилить позицию объективирующего в данном случае эмоцию иронии ЭЖ, наличие которого зафиксировано лексикографически. Двойное распространение компонента *хомут* вводит в семантику высказывания главную информацию: «*Так что надевать <...> хомут – <...> я надеюсь, и не почувствую необходимость*»*. Распространением компонента *хомут* (какой?) *пятый* реализуется соотнесение объективируемой информации с предыдущей, а введение второго зависимого слова *хомут* (какой?) *брачный* позволяет передать основную информацию, ради которой и создаётся данный фрагмент ЧЭД.

На этапе планирования информационного сгущения адресант отбирает информацию для трансляции, планирует будущее высказывание, при этом фразеологический образ оказывается тем ёмким средством кодирования информации, которое позволяет автору, ориентируясь на его представления о концептосфере адресата, на особенности восприятия информации адресатом, ориентируясь на прогнозируемый эффект от высказывания, объективировать максимально адекватно задуманному плану весь объём рациональной и эмоционально-оценочной информации.

Трансформационные процессы не всегда актуализируют ЭК фразеологической семантики в ЧЭД Л.Н. Толстого. Например, сосредоточим внимание на распространении компонента в уже цитируемом нами контексте: *«Занят же я был, во-первых, делами, во-вторых, школой, которую надо было с самого начала **поставить на** новую, лучшую ногу, в 3-х, меня назначили мировым посредником, и я не почёл вправе отказать»*. Сопоставление значений ФЕ с компонентами – лексемами *ставить* и *нога* позволяет выявить окказиональные смыслы в контекстуальной реализации единицы: ФЕ *поставить на ногу* имеет значение ‘Устар. Давать возможность кому-либо поступать, вести себя, держаться каким-либо образом’ [ФСРЛЯ 2: 274]; ФЕ – *поставить на ноги* ‘1. Вылечивать. 2. Воспитывая, доводить до самостоятельности. 3. Помогать. 4. Волновать, будоражить, создавая суматоху’ [ФСРЛЯ 2: 274]. С точки зрения реализуемых смыслов используемая автором ФЕ синонимична лексеме *наладить* в значении ‘1. Привести в рабочее состояние, отрегулировать, сделать пригодным для пользования. 2. Устроить, организовать’ [ТСРЯ: 385]. Смысловые компоненты лексического значения лексем, выступающих в роли распространителей, вступая в когнитивно-семантическое взаимодействие с элементами фразеологического значения, не объективируют эмоциональной информации.

Ю.В. Архангельская отмечает, что распространение фразеологического образа в дискурсе Л.Н. Толстого может быть очень объёмным, это характерно и для ЧЭД. Отметим, что этот приём не всегда продуцирует эмотивность ФЕ или высказывания в целом: *«Я думаю, я и всегда был понятен, а теперь ещё более, теперь, как я **вошёл в ту колею семейной жизни, которая, несмотря на какую бы то ни было гордость и потребность самобытности, ведёт по одной битой дороге умеренности, долга и нравственного спокойствия. И прекрасно делает!»*** (Л.Н. Толстой А.А. Толстой, 14 ноября 1865 г., Ясная поляна) [Толстой 2011: 268]. В данном случае ФЕ *входить в колею* в значении ‘1. Приходить в обычное состояние; возвращаться к тому, что было. 2. Принимать обычный ход или течение’ [ФСРЛЯ 1: 111] в семантической структуре содержит оценочный компонент, объективирующий положительную оценку, ЭК отсутствует в семантической структуре языковой ФЕ, в результате трансформации ЭК также не актуализируется.

Сравним с другим фрагментом: *«Я как-то писал Урусову от всей души и повторяю это вам: для меня вопрос религии такой же вопрос, как **для утопающего вопрос о том, за что ему ухватиться, чтобы спастись от неминуемой гибели, которую он чувствует всем существом своим. И религия уже года два для меня представляется этой возможностью спасения** <...> А дело в том, что как только я **ухвачусь за эту доску, я тону с нею вместе**»* (Л.Н. Толстой А.А. Толстой, между 5 и 9 февраля 1877 г., Ясная Поляна) [Толстой 2011: 342–343]. Этот пример замечателен тем, что в нём можно наблюдать распространение фразеологического образа ФЕ *хвататься за соломинку* – ‘Разг. Ирон. Будучи растерянным в тяжёлой ситуации, поспешно искать спасения, прибегая к крайнему средству, которое помочь не может’ [ФСРЛЯ 2: 343] – с целью объективации эмоциональной информации. Адресант транслирует в высказывании отчаяние, досаду, то эмоциональное состояние, которое испытывает он, пытаясь доказать свою правоту в споре по

вопросу религии. Л.Н. Толстой на протяжении нескольких лет вёл переписку со своей тётёй, А.А. Толстой, которую уважал. Расхождения с собеседницей во взглядах на веру и религию расстраивали Толстого, он горячо отстаивал свою позицию, искренне следуя своей концепции.

Приём замены компонента также способствует объективации эмоций: «Тронуло меня, милый, дорогой друг, наше свиданье в Москве, тронуло ваше письмо, тронул ваш заезд к нам и, наконец, карандаш, который мне сейчас передала Kate! Это уже **переполнило чашу** моей нежности к вам» (Л.Н. Толстой А.А. Толстой, первая половина июня 1889 г., Ясная Поляна) [Толстой 2011: 447]. Анализ расширения компонентного состава ФЕ *переполнять чашу терпения* ‘Экспрес. Доводить кого-либо до состояния психического срыва из-за невозможности выносить, терпеть обиды, несправедливость, упрёки, издевательства и т.п.’ [ФСРЛЯ 2: 84] позволяет увидеть, что лексема *нежность* входит во фразеолообразовательную комбинаторику денотативной семьи, продуцируя оценочные смыслы. Сам приём актуализирует ассоциативно-образный компонент.

Итак, Л.Н. Толстой использует узуально и контекстуально эмотивные ФЕ для объективации эмоциональной информации. Преобразования семантической и формальной структур ФЕ не всегда, но всё же являются одним из способов объективации эмоций.

Создание единицы косвенно-производного характера является сложным лингвокреативным процессом, который базируется на способности языковой личности к речетворчеству. Исследователи отмечают фразеотворчество Л.Н. Толстого, которое проявилось и в ЧЭД. Оказиональная ФЕ *печь моральные конфетки* реализует смысловую структуру ‘Видеть всё идеальным, прекрасным, не видеть недостатки’*, можно сказать, это контаминация семантических структур ФЕ *витать в облаках* и *смотреть на мир через розовые очки*. Обратимся к ранее уже приводимому контексту, сузив его до непосредственно содержащего ФЕ

предложения: «Она привыкла *печь моральные конфетки*, а я возжусь с землёй, с навозом. Ей то грубо и чуждо, как для меня чужды и ничтожны стали *моральные конфетки*» (Л.Н. Толстой А.А. Толстой, 14 мая 1861 г., Ясная Поляна) [Толстой 2011: 196]. В отношении антонимии вступает окказиональная ФЕ *печь моральные конфетки* и слова (*возжусь*) с *землёй, с навозом*, которые используются в переносном смысле. ЭК объективирует иронию.

Ещё один пример окказионального фразеопотребления: «Почему вам кажется, что *пробежавший между нами бык* оставил какой-то след? Я никакого не чувствую, как и писал, кроме раскаяния. И поверите ли, что поминаю ваши слова теперь и чувствую, что всё это нужно было мне для моего смирения» (Л.Н. Толстой А.А. Толстой, 7 или 8 декабря 1872 г., Ясная Поляна) [Толстой 2011: 301]. Окказиональная ФЕ, являющаяся аллюзией к фразеологическому образу, имеет в смысловой структуре ФЕ ЭК, объективирующий эмоцию иронии. Речь идёт о том эмоциональном фоне, который сопровождал событие, по поводу которого Л.Н. Толстой обращался к А.А. Толстой с просьбой посодействовать в решении вопроса. Преобразованию подвергается ФЕ *чёрная кошка пробежала* 'Разг. Экспрес. Произошла неожиданная размолвка между кем-либо; кто-либо с кем-либо поссорился' [ФСРЛЯ 1: 324]. По сути, происходит замена компонентов *чёрная кошка* на компонент *бык*, семантическая структура этой лексемы насыщена индивидуальными ассоциативно-образными и эмотивными смыслами, которые входят в состав смысловой структуры преобразованной единицы.

Следовательно, преобразования и окказиональное фразеопотребление используются Л.Н. Толстым как одно из средств объективации эмоциональной информации. Тезаурус языковой личности содержит не только определённый реестр эмотивных ФЕ, но и модели, по

которым преодолеваются случаи, когда не находится единицы, максимально полно объективирующей запланированный объём информации.

Выводы по Главе 4

Преобразования ФЕ решают важную коммуникативную задачу в случаях, когда адресант на этапе выбора средств трансляции эмоциональной информации не находит идеально, насколько это возможно, подходящей единицы для объективации некоторой когнитивной структуры. Это может быть обусловлено несколькими причинами, например, недостаточно объёмным тезаурусом языковой личности, но так как основной материал исследования представляет собой эпистолярный творческой интеллигенции, то более вероятна другая причина, а именно стремление «уплотнить» кодируемую информацию, передать больший её объём, включая в смысловую структуру трансформируемой ФЕ эмотивные смыслы, не заложенные узусом. Следовательно, реестр эмотивных ФЕ расширяется для отдельной языковой личности за счёт трансформированных и окказиональных ФЕ. Изучение трансформационных механизмов в реализации ФЕ её эмотивной функции способствует выявлению потенциальных эмотивных свойств ФЕ как единицы, которая только в контекстуальном употреблении демонстрирует заложенные её косвенно-производной природой возможности.

Когнитивно-прагматической основой трансформационных процессов в семантической или формальной структурах ФЕ в ЧЭД являются коммуникативные интенции адресанта, который стремится максимально полно реализовать коммуникативный замысел, преобразуя единицу в соответствии со структурой информационного сгущения, подлежащего трансляции. «Примеряя» когнитивно-семантический объём наиболее подходящей ФЕ, автор принимает решение о характере преобразований, опираясь на знания о значении ФЕ, о ситуациях её употребления. Языковая

личность должна владеть информацией о преобразовательных возможностях ФЕ, причём это не знания, а скорее, речевой опыт носителя лингвокультуры, подпитанные его речетворческими способностями. Иными словами, преобразование ФЕ для использования её в качестве наиболее подходящего средства объективации эмоциональной информации задаётся коммуникативной компетенцией автора ЧЭД. Не только репертуар используемых ФЕ, но и предпочтительный способ, если он есть, трансформации ФЕ определяют особенность языковой личности адресанта.

Адресант на этапе контроля правильности высказывания может спрогнозировать результаты декодирования семантики используемой им трансформированной ФЕ, предположив, будут ли «распознаны» эмотивные смыслы. Этот вопрос лежит в области коммуникативной компетенции адресата, а также в области осмысления факторов, влияющих на инференциальные механизмы.

Когнитивно-прагматический механизм смысловой реализации фразеологического значения состоит в выполнении таких когнитивных операций, которые обеспечивают передачу информации при отсутствии подходящей для коммуникативных целей единицы. Трансформация на когнитивном уровне ЧЭД сопровождается механизмом выдвижения, который понимается как «концепт, характеризующий важность помещения на первый (передний) план по своей значимости той или иной языковой формы, которая выступает в качестве поискового стимула, или «ключа» в процессах языковой обработки информации», выделенность первого порядка, базирующаяся на непредсказуемом выдвижении информации [Chafe 1987] [КСКТ: 21]. Выдвижение всегда задаёт актуализацию экспрессивного компонента фразеологической семантики, а также может актуализировать ЭЖ, базирующийся на оценочном.

Лаконизация как стремление к выбору наиболее эффективного и при этом наименее объёмного комплекса языковых единиц представляется

универсальным механизмом разговорной речи. Стремление к «сгущению мысли» ограничивается требованием понятности речи, нарушение которого может привести к коммуникативной неудаче. Адресант на этапе контроля правильности высказывания может спрогнозировать результат декодирования трансформированной ФЕ.

Преобразование ФЕ может быть использовано для изменения или привнесения денотативных сем, изменения характера оценочной семы (с «+» на «-» и наоборот), усиления экспрессивного компонента, актуализации образной основы, а также для объективации эмоций, при которой в смысловой структуре трансформированной ФЕ актуализируется ЭК.

Особую роль в формировании ЭК трансформированной ФЕ играет актуализация образной основы фразеологической семантики, которая задаётся такими приёмами, как приём буквализации, распространение компонентного состава, а также их сочетание с другими приёмами преобразования ФЕ. Индивидуальные смыслы, не доступные для декодирования третьими лицами, могут быть спровоцированы актуализацией ассоциативно-образных сем, так как трансформация такого рода нацелена на восприятие конкретным человеком, о концептосфере которого адресант имеет представление и использует это знание в формировании когнитивной базы единицы.

Выявлен специфический для ЧЭД приём, заданный механизмами лаконизации, приём замены компонента символом, буквой, абсолютно не частотный, но обнаруживающий заложенную в письменно-разговорном речевом произведении тенденцию, развившуюся в современных жанрах существования письменной формы разговорной речи.

Структурно-семантические трансформации имеют когнитивные основы. Так, двойная актуализация представляет собой одновременное наложение когнитивных структур, объективируемых ФЕ и лексической единицей, пересечение которых может быть использовано для объективации эмоций. Приём буквализации имеет похожую когнитивную основу, но при

наложении когнитивных структур задействованной оказывается та, которая соотносится со свободносинтаксическим словосочетанием. Этот приём, как правило, не формирует ЭК. Переосмысление базируется на смещении участвующих во фразеобразовательной комбинаторике смысловых элементов, возможно при этом изменение роли ЭК, введение его в формируемую смысловую структуру.

Расширение компонентного состава, возможное благодаря прозрачной внутренней форме ФЕ, создаёт предпосылку для появления в смысловой структуре ФЕ элементов, изначально не заложенных в структуре фразеологического значения, продуцируемых семантикой распространяющих лексем. Этот приём базируется на тех же механизмах, т.е. происходит наложение семантических структур, провоцирующих выдвижение комплекса сем, среди которых может быть ЭК. Замена компонента влечёт за собой добавление в семантическую структуру ФЕ смысловых элементов, выделяемых из семантической структуры лексемы, участвующей в трансформации, результатом которой тоже может быть объективация эмоций. В образовании ФЕ по модели узальной ЭК может быть задан как самой моделью, так и ЭК лексем, «заполняющих» эту модель.

Важную роль в характере трансформационных процессов ФЕ играет языковая личность адресанта, задающая и реестр участвующих в объективации эмоций ФЕ, и тип преобразований. Эффективность структурно-семантических трансформаций с точки зрения реализации задач ЧЭД как речевого события и акта коммуникации обусловлена не только фактором адресанта, но и фактором адресата.

Глава 5. Интердискурсивные факторы когнитивно-прагматических механизмов трансляции эмоциональной информации посредством фразеологических единиц в частном эпистолярном дискурсе

Рассматривая ЧЭД как когнитивно-коммуникативное событие, мы не можем не учитывать того, что он представляет собой не изолированное от внешних факторов явление, поэтому сосредоточиться на внутреннем устройстве ЧЭД и его функционировании оказывается недостаточным. Эта мысль так или иначе обозначена в исследованиях частного письма: «Представляя личностное речевое общение, эпистолярный отражает культуру, язык, стилистику своего времени в лексико-семантическом и синтаксическом контексте <...> Коммуникативные функции эпистолярия отвечают запросам эпохи и эволюционируют вместе с ней, отражая преобразование видов частного письма XIX в.» [Ковалёва 2002: 6]. Роль «внешних» по отношению к ЧЭД факторов становится очевидной, когда мы сталкиваемся с удивительным разнообразием исследовательского материала, охватывающего письма разных периодов развития отражаемой ЧЭД лингвокультуры.

В когнитивно-дискурсивной лингвистике есть понятие, которым можно обозначить то, что стоит «за» дискурсом, что включает в себя дискурс, определяет его структуру и особенности функционирования. На наш взгляд, наиболее оптимально объём представлений о феномене «внешнего», стоящего «за» дискурсом передаёт термин *интердискурс*, введённый представителями французской школы анализа дискурса. Мы придерживаемся широкого понимания интердискурса, которое служит для обозначения «внешних по отношению к дискурсивной практике невербальных процессов, которые, выступая в качестве социокультурного и языкового

контекста дискурсивных актов, обуславливают семантико-гештальтные характеристики последних» [Постмодернизм] (Цит. по Гордиевский 2006: 229).

В ходе исследования роль этих «внешних» факторов невольно учитывалась, так как сознание участников ЧЭД так или иначе отражает векторы лингвокультуры, в которой они существуют, в этом, наверное, основная ценность ЧЭД как документа культуры, а с позиций лингвистики – и лингвокультуры. Таким образом, мы считаем, что исследование специфики функционирования когнитивно-прагматических механизмов трансляции эмоциональной информации посредством ФЕ в ЧЭД следует продолжить, рассмотрев интердискурс ЧЭД.

5.1. Итердискурс в когнитивно-прагматических механизмах фразеологической объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе

Утверждая, что ЧЭД как когнитивно-коммуникативное событие имеет ряд признаков, мы имеем в виду весь массив частных писем, анализ которых и позволил выявить эти признаки, охватывающие не столько характеристики текста, сколько условия протекания коммуникативной ситуации «частное письмо». Анализ материала показал также, что эти параметры коммуникативного события «частное письмо» могут быть трансформированы с учётом факторов, не входящих в структуру модели ЧЭД. Задаёт производство ЧЭД, формирует некоторые «ограничения» то, что не относится к области языка, что можно назвать социально-исторической тканью действительности. При таком подходе текст как основа дискурса формируется не связующими его элементами, а тем, что задаёт особенности мышления носителя лингвокультуры. Эта идея лежит в основе понятия «интердискурс» [Серио 2002, 35–36]. Дискурс составляется из элементов уже существующих. Наиболее ярко роль интердискурса в формировании ЧЭД и

механизмах трансляции эмоциональной информации обнаруживается в письмах с фронта. Кардинально меняется и социально-исторический контекст времени, и, в соответствии с ним, содержание картины мира носителя культуры. Рассмотрим трансформацию характеристик ЧЭД и роль фразеологии в объективации эмоций в ЧЭД.

Письмо с фронта периода войны 1812 г., как показали наши наблюдения, имеют некоторые особенности [Калёнова 2012]. На примере частных писем, авторами которых были воины Советской Армии 1941–1945 гг., защищавшие Сталинградскую землю или родившиеся на ней [Фронтовые письма 2013], мы продемонстрировали трансформацию критериев ЧЭД под влиянием интердискурсивных факторов [Калёнова 2015д]. Так, например, дистантное расположение коммуникантов претерпевает в анализируемом материале несущественные изменения. Адресанты меняют местоположение: *«Привет из Чехословакии!»* [Фронтовые письма 2013: 88]; *«При первой возможности, коли буду жив и здоров, попробую связаться со Степаном»* [Там же: 15]. Информация о местоположении адресанта могла быть засекречена: *«Если письмо дойдёт до вас, то пишите мне по адресу: почтово-полевая станция № 17, группа ЖАБО и мне, Серобобину В.М.»* [Там же: 26]. Данное *«письмо предположительно было написано чернилами на тетрадном листе в линию. На обороте фотокопии имеется помета карандашом, что письмо было отправлено в слободу Елань Сталинградской области из партизанского отряда»* [Там же: 26]. Пребывая в пути, адресант мог написать: *«Адреса у меня пока что нет, так что до свидания»* [Там же: 28]. Иногда указание на номер почтово-полевой станции соседствует с подробным описанием в самом письме: *«Мама, нахожусь я сейчас на 3 Украинском фронте. Мой путь это – из под Будапешта и за Вену уже прошёл»* [Там же: 86]. Информация о местонахождении адресанта, объективированная надписью на почтовом штемпеле цифровым кодом, а также указанием в тексте письма

самим адресантом, носила эмоциогенный характер: знание о том, где находится их близкий человек, могло провоцировать положительные или отрицательные эмоции. Отсутствие информации о местонахождении могло вызвать тревогу.

Функционирование военной цензуры обусловили трансформацию и признака «приватность». *«Когда советские бойцы писали письма, они, безусловно, учитывали неизбежность их прохождения через военную цензуру»* [Новоселова 2013], а потому старались писать так, чтобы не было в нём ничего запрещённого, а именно, указания на точные данные расположения части, её боевого оснащения и других сведений, которые могли быть полезны фашистским разведчикам в случае попадания писем им в руки. Кроме того, письма читали и перечитывали сослуживцам: *«и читали это письмо все бойцы и командиры нашего подразделения»* [Фронтовые письма 2013: 71], особенно если письмо было написано подробное, с душой: *«Мама, напиши, как живёте, как там у вас в Камышине, скоро будет вставать Волга, как хочется на неё посмотреть...»* [Там же: 33]. Письмо солдата, известный солдатский треугольник, не запечатывалось, тем не менее, письмо было написано конкретному адресату, родному или близкому человеку, было единственным способом коммуникации, которым сообщали необходимую информацию, но в большей степени письмо было призвано поддержать родного человека.

Коммуникативная структура письма (зачин, середина, концовка с формулами прощания), как правило, соблюдается. Обратим внимание лишь на такую особенность, как буквализация ФЕ *жив и здоров*. Например: *«Мама, я жив и здоров и того вам желаю»* [Там же: 33]; *«Прежде всего сообщают, что я жив и здоров и невредимо закончил свою последнюю операцию по разгрому гитлеровской своры»* [Там же: 88]. Лексемы *жив и здоров* используются в прямом значении, так как участники боевых событий могли быть ранены, тогда ФЕ имело вид *жив, но не здоров*.

В диссертационном исследовании кандидата исторических наук А.Ю. Иванова, например, выделено 27 категорий информации, каждую из которых автор сформулировал: «отношение...». [Иванов 2009]. Эмотивность, таким образом, как существенное свойство ЧЭД, актуально и для рассматриваемого типа писем, так как цель коммуникантов – трансляция не только рациональной, но и эмоциональной информации. «Существовало и такое явление, как психологическая самоцензура, когда бойцы сознательно умалчивали об опасности и тяготах фронтовой жизни, чтобы не волновать дорогих им людей» [Новоселова 2013]. Так, Ю.Н. Липкин пишет родным в город Камышин 31 октября 1943 г.: *«И лепёшки пекли, и пирожки с рисом, да такие, что пальчики облизывали от удовольствия»* [Фронтовые письма 2013: 56]. ФЕ *пальчики оближешь* имеет значение ‘Разг. Экспрес. 1. Очень вкусен. 2. Очень красив, привлекателен, прекрасен’ [ФСРЛЯ 2: 45], но интердискурсивные факторы задают декодирование дополнительных эмотивных смыслов, т.е. ФЕ становится эмоциогенной единицей, вызывающей эмоции адресата, тем более ФЕ имеет распространитель *от удовольствия*, что акцентирует внимание адресата на характер эмотивных сем.

Единственная связующая нить родных людей, письма с фронта были не просто сообщением, они имели огромное эмоциональное значение для обеих сторон эпистолярной коммуникации. *«Порой письма писались перед боем, и в них мы можем прочесть последние прощальные слова»* [Фронтовые письма 2013: 5]. В письме солдата Ефима 23 сентября 1941 г. звучат слова, которые адресант записывает как, возможно, последние в своей жизни: *«Мама, я бы написал больше, да моё сердце боль[ше] не переваривает мои прохождения»* [Там же: 14]. В письме Ефим прощается с мамой, так как не верит, что возможно выжить в этой битве, используя окказиональную ФЕ *сердце не переваривает прохождения*, подчёркивая тяжёлое эмоциональное состояние.

Спектр эмотивных смыслов, объективируемых фронтовым ЧЭД, разнообразен (табл. 18).

Таблица 18	
Контекст	Объективируемые эмоции
<i>Ну, теперь вряд ли придёт на ум какому-либо из арийцев совать своё рыло в русский огород</i>	Пренебрежение
<i>Радости моей не было границ! <...> Убьёшь немца – на душе легче...</i>	Радость
<i>Мы увидели своими глазами, что здесь нам натворили немцы<...> От всего этого глаза наливаются кровью мести</i>	Гнев

Эмотивность высказывания формируется комплексом средств, роль ФЕ при этом может быть разной. Эмоция пренебрежения объективируется в контексте: «*Ну, теперь вряд ли придёт на ум какому-либо из арийцев **совать** своё **рыло** в русский огород*» [Там же: 88]. ФЕ *совать рыло* имеет в структуре значения ЭК, вербализующий эту эмоцию за счёт включения в формальный состав лексемы *рыло*, самой по себе характеризующейся соответствующей эмотивной семантикой. Ранее, в п.3.3., мы рассмотрели роль ЭК лексического значения слова *рыло* в продуцировании ЭК фразеологического значения.

Другую роль в формировании эмотивности высказывания играет фразеология в следующем фрагменте: «*Радости моей не было границ! <...> Убьёшь немца – **на душе** легче...*» [Там же: 29]. Основной «вес» эмотивной семантики объективирован лексемой *радость*, номинирующей эмоциональное состояние. ФЕ *на душе* в значении ‘В мыслях и в настроении у кого-либо’ [ФСРЛЯ 1: 223] используется как единица экспрессивная, усиливающая коннотативную семантику высказывания в целом.

ФЕ дескриптивного характера фиксирует описание внешнего проявления эмоционального состояния: «*Мы увидели своими глазами, что здесь нам натворили немцы <...> От всего этого глаза **наливаются кровью** мести*» [Фронтовые письма 2013: 56]. ФЕ *наливаться кровью* – ‘Экспрес.

Краснеть прилива крови (о глазах, лице) ’ [ФСРЛЯ 2: 14] – не является эмотивной, но за счёт актуализации ассоциативно-образных сем, взаимодействующих с компонентами семантической структуры лексемы *месть*, единица принимает участие в объективации эмоции гнева.

Отношения коммуникантов в анализируемой эпистолярной коммуникации – *близкие, неофициальные, неделовые*. Основным пласт писем составляют именно частные неофициальные письма: «В Спецсообщении отделения ВЦ 62-й армии в ОО НКВД Сталинградского фронта "О перлюстрации красноармейской почты" за период с 15 июля по 1 августа 1942 года указано, что из 67 380 просмотренных писем 64 392, то есть 95,6%, носят бытового характер» [Новоселова 2013]. Необходимость в частной эпистолярной коммуникации демонстрируется в письме Ф.М. Кузичкина в Сталинградскую область, в котором он пишет о своём сослуживце В. Вовке: «Ввиду того, что у него нет родных, то он сильно желает разыскать своих товарищей по детдому и вести переписку с ними. Писать писем ему некому, поэтому очень прошу сообщить нам, куда эвакуирован детдом» (5 июля 1943 г.) [Фронтовые письма 2013: 48]. Потребность в поддержке именно родными, близкими людьми ощущается особенно остро в период тяжёлых испытаний: «...мне кажется, у любого стального человека и то **дрогнет сердце** от ужаса, мгновенно тысячу мыслей мелькнуло в голове, охватил страх, а потом **сердце сжалось**, видимо, в комок...» [Там же: 62]. Высказывание содержит две ФЕ с компонентом *сердце*, одна из которых выступает в своём значении: *сердце сжалось* – ‘Разг. Экспрес. У кого-либо становится очень тяжело, горько, грустно на душе’ [ФСРЛЯ 2: 234], а другая является результатом замены компонента: *сердце дрогнет* от ФЕ *сердце ёкнуло* в значении ‘Разг. Экспрес. Кто-либо испытывает мгновенный страх, неожиданную тревогу, плохое предчувствие, необъяснимое волнение’ [ФСРЛЯ 2: 232]. Эмоции объективируются лексемами *ужас*, *страх*, ФЕ помогают передать насыщенность эмоций, их силу.

Солдатские письма так или иначе отражали фронтовую повседневность [Иванов 2009]: «Во всех письмах участников Великой Отечественной войны преобладало описание деталей военного быта: устройство жилого помещения, распорядок дня, рацион питания, денежное довольствие, состояние обуви, досуг, нехитрые солдатские развлечения. Затем следовали характеристики боевых товарищей и командиров, взаимоотношений между ними. Нередки были воспоминания о доме, родных и близких, о довоенной жизни, мечты о мирном будущем, о возвращении с войны. Давались описания погодных условий, местности, где приходилось воевать, и собственно боевых действий. Встречались рассуждения о патриотизме, воинском долге, об отношении к службе и должности, но этот «идеологический мотив» был явно вторичен, возникал там и тогда, когда «новостей нет» и «больше писать не о чем». Попадались и высказывания в адрес противника, как правило, иронические или ругательные. Героический аспект войны явно уступал по значимости житейскому» [Новоселова 2013].

Информативная функция заключалась в передаче самой главной информации для адресата – адресант жив. Правда, с учётом времени доставки письма эта информация могла быть уже неактуальной, но у близких людей всегда оставалась надежда. Если получили письмо, значит, на момент написания его адресант был жив. Например, И.Г. Славин в письме 20 февраля 1945 г. прямо указывает на эту связь: *«Первым долгом сообщаю, что я, как видите, жив и здоров»* [Фронтовые письма 2013: 86]. В письме Н.А. Камышова своей жене о гибели двух их сыновей (3 июня 1945 г., Германия), адресант признаётся: *«Дорогая Варя, 27 мая [1945 г.] получил я письмо от брата Андрюши, и он мне сообщил, что герой Володя погиб я горько поплакал и сам себе думаю, а почему же и от Коли давно письма нет или что случилось...»* [Там же: 89]. Как видим, отсутствие писем от Николая было для адресанта знаком, предвещающим гибель или тяжёлое ранение сына, а потому являлось эмоциогенным фактором.

Речевое произведение, зафиксированное на бумаге, подвергалось влиянию таких условий, как, например, объём бумаги, которой не всегда хватало, т.е. в соответствии с имеющимся количеством бумаги объём письма регулировался. Кроме того, складывая «солдатский треугольник», адресант предусматривал две стороны треугольника: одну для написания адреса, а другую – для отметок военно-полевой почты. «Отдельного внимания заслуживает материал для написания писем. Это и писчая бумага, и листы школьной тетради, почтовые открытки. Часто материалом служили бланки государственных учреждений, особенно в период 1944-1945 гг., когда советские войска вели боевые действия на территории Европы» [Там же: 4].

Итак, мы видим, что влиянию интердискурсивных факторов подвергаются и характеристики ЧЭД, и объективация эмоций, в том числе с помощью ФЕ. Демонстрируя роль интердискурса в формировании ЧЭД и фразеологической эмотивности, мы обратились к письмам разных авторов, подчёркивая общее в совокупности материала. Но это влияние интердискурса на характер фразеологической объективации эмоций в ЧЭД хорошо видно на примере писем одной языковой личности, например, А.И. Шапошникова жене Татьяне [История страны 2007].

ЧЭД транслирует эмоциональную информацию языковыми единицами, назначение которых назвать эмоцию, эмотивы-номинативы, например: «У меня накопилось столько **злости** и **ненависти** к врагам, разрушившим наш край, дом и семью, заставившим потерять имущество и расстаться с родными, что во мне выросло могучее **желание мстить** врагам, мстить хладнокровно и обдуманно». (7 июня 1942 г.) [Там же]. Такие единицы объективируют, называя, те эмоции, которые, в качестве эмотивных концептов, входят в концептосферу языковой личности адресанта. Как видим, в данном случае лексемы *злота* в значении ‘Чувство злости, недоброжелательства к кому-нибудь’ и *ненависть* ‘Чувство сильной вражды, злости’, словосочетание *желание мстить*, в котором лексема *мстить* имеет

значение 'Совершать акт мести' от *мечь* 'Намеренное причинение зла, неприятностей с целью отплатить за оскорбление, обиду или страдания' находятся в одном когнитивно-семантическом поле, так что имеет смысл говорить о комплексной вербализации одного концепта, эмоционального концепта, который одной языковой единицей адресант не может объективировать.

Цель вербализации эмоционального концепта, в частности, концепта ЗЛОБА / НЕНАВИСТЬ в данном цикле писем А.И. Шапошникова, – эмоциональное воздействие на адресата. Стремление сформировать когнитивную структуру, сходную с той, которая объективируется в ЧЭД адресантом, достигается разными средствами: *«Все, что пишут о фашистских зверствах – правда. У вас в тылу, я знаю, часто считают газетными преувеличениями описания оккупации, но уверяю, жить при немцах нельзя»* (7 июня 1942 г.) [История страны 2007]. Лексема *зверство* во втором своём значении 'Бесчеловечный поступок, жестокость', как потенциально эмотивная единица, реализует коммуникативную цель адресанта. Когнитивный блок адресата имеет такие когнитивные структуры, привлечение которых для декодирования сообщения, закодированного в письме, позволяет актуализировать некоторые эмотивные смыслы. В частности, адресат владеет информацией о том, что именно адресант называет «фашистскими зверствами». Эти знания, эти когнитивные структуры имеют эмотивно-оценочный компонент, поскольку события, отражаемые в сознании человека, переживаются, это эмоционально-оценочное отношение «обрамляет» ядро концепта, если речь, как в данном случае идёт об индивидуальном концепте. На основе этих когнитивных структур в процессе декодирования сообщения, закодированного в письме, формируются другие, либо пополняются смысловыми элементами уже сформированные в сознании адресата когнитивные структуры. Речь идёт о стремлении усилить, насытить индивидуальный концепт ВРАГИ в сознании

адресата эмотивно-оценочными компонентами. Подтверждением этих коммуникативных целей адресанта можно считать следующий контекст: *«Внушай детям смертельную ненависть к поработителям нашей Родины»* (21 июня 1942 г.) [Там же].

Трансляция эмоциональной информации средствами ЧЭД организована с учётом представлений адресанта о содержании когнитивного блока адресата. Как уже отмечалось, когнитивный блок адресата – плацдарм механизмов декодирования, а также «хранилище» результатов декодирования сообщения ЧЭД как акта коммуникации. Адресант, апеллируя к когнитивному блоку адресата, формирует сообщение: *«Тяжёлый камень лег на сердце и не могу плакать, а так хочется. Ужасно, когда теряешь в бою товарища, но неизмеримо, когда теряешь ребенка, за жизнь которого столько ты перемучилась. Я еще не могу освоиться с мыслью, что Олешонка нет. Вся наша эвакуация – и он в центре всех забот... Ты права, надо не убиваться и горевать, а ненавидеть и бороться. Они, проклятые, лишили нас крова и заставили покинуть родные места. Ты с двухнедельным малышом на руках пешком пошла из села. Незабываемо это и не прощаемо»* (26 октября 1942 г.) [Там же]. Адресант словно «переводит» один эмоциональный концепт в качественно другой. Поясним: младший сын Олег, который родился за день до начала войны, 21 июня 1941 г., не выжил в эвакуации, эмоциональное состояние, которое испытывает адресант, объективируется ФЕ *камень на сердце* ‘У кого. Разг. Экспрес. Кто-либо испытывает тяжёлое, гнетущее чувство’ [ФСРЛЯ 1: 289], лексемами *плакать, ужасно, горевать, убиваться*. Усиление позиции семы ‘Тяжёлый’ в составе фразеологического значения обеспечено распространением компонентного состава ФЕ *камень на сердце* лексемой *тяжёлый* (камень).

Событие ещё не до конца осмыслено, не принято в сознании адресанта: *«Я еще не могу освоиться с мыслью, что Олешонка нет»*. Это эмоциональное состояние следует, по мнению адресанта (инициировано

адресатом в предыдущем письме, о чём свидетельствует фраза: «Ты права»), перевести в другое: *«Ты права, надо не убиваться и горевать, а ненавидеть и бороться»*. Именно это эмоциональное состояние продуктивно, необходимо в тех условиях, в которых оказался целый народ: *«У нас такая злость и ненависть, что это нас ведет на подвиги»* (26 октября 1942 г.) [Там же]. Таким образом, в формировании эмоционального концепта ЗЛОБА принимает участие другой эмоциональный концепт, их связь носит ассоциативный характер, они сближаются в сознании адресанта на основании признака «причина»: сын умер – это произошло в связи с тем, что идёт война – войну начали (в письмах не раз связывается день рождения сына и начало войны) и продолжают фашисты, отсюда следует, что фашисты виновны в смерти сына. Адресант формирует или закрепляет эту связь концептов в сознании адресата.

Адресант фронтового ЧЭД рассчитывает на проектирование эмотивного эффекта: *«Живем мы в теплых блиндажах, нам выдали зимнее обмундирование, теплое белье, ватные штаны и фуфайку, шапку-ушанку и рукавицы. Позднее выдадут и валенки»* (15 октября 1942 г.) [Там же]. Контекст не содержит эмотивных языковых единиц. Однако сообщение при декодировании может спровоцировать положительные эмоции, так как информация о том, что адресант имеет тёплую одежду, в ситуации войны приобретает особую важность, т.е. лексемы являются эмотигенными единицами. Наступает поздняя осень, а затем и зима, наличие тёплой одежды – шанс не погибнуть от холода. Эмоциональная реакция формируется составом когнитивного блока адресата.

Таким образом, координаты интердискурса задают трансформацию параметров коммуникативной ситуации, в которой создаётся и функционирует ЧЭД, влияют на когнитивно-прагматические механизмы трансляции эмоциональной информации в ЧЭД. Мы видим, что результаты трансформации позволяют считать эту группу писем частными, однако

параметры ЧЭД претерпевают изменения: информационное сгущение, подготовленное для трансляции посредством ЧЭД, содержит информацию, характер которой определён интердискурсом. Война как интердискурсивное поле «сужает» рамки информации, которая могла бы быть транслирована. Интердискурс обуславливает особую роль во фронтовом ЧЭД ФЕ *жив и здоров*, смысловая структура которой насыщается, с одной стороны, за счёт буквализации знака косвенно-производной номинации, с другой стороны – за счёт наращивания индивидуально-личностных эмотивных смыслов.

5.2. Интердискурс в когнитивно-прагматических механизмах трансляции эмоциональной информации в частном эпистолярном дискурсе отдельной языковой личности

Письма М.О. Меньшикова как нельзя ярко демонстрируют влияние интердискурса на все аспекты ЧЭД. Михаил Осипович Меньшиков (1859–1918 гг.), идеолог «Всероссийского национального союза» (1908–1917 гг.), ратующий за «единство и нераздельность Российской империи, ограждение во всех её частях господства русской народности, укрепление сознания русского народного единства и упрочение русской государственности на началах самодержавной власти Царя в единении с законодательным народным представительством» [Смолин 1999: 13]. Политические взгляды М.О. Меньшикова вызывают споры [Коцюбинский 2001 и др.], но совершенно очевидно, что это яркая, неординарная личность, к сожалению, особенности языковой личности М.О. Меньшикова до настоящего времени не исследованы.

XX век в самом его начале – перелом во всех сферах жизни, перелом самой жизни [Алексеев 2001; Кожин 2000; Гольданский 2000 и др.]. Вот как пишет о времени М.О. Меньшиков: *«Поздравляю Вас, милая О. А., с днем солнечного поворота. Все же это, в наших обстоятельствах, желанное событие, ибо керосин и дрова безумно дороги, как все в наше шальное время»* (Фриберс О.А., 10 декабря 1917 г.) [Меньшиков 1993: 253] или

«Спасибо за газеты, дорогая О.А., но ещё лучше, если бы Вы сообщили самые последние новости из газет. Мы не получаем несколько дней никаких изданий – ни Пб., ни Московских, – очевидно, они запрещены. Дожили, стало быть, до железной диктатуры, то есть до настоящего, не призрачного самодержавия» (М.О. Меньшиков О.А. Фрибес, 26 ноября 1917 г.) [Там же: 253]. Шальное время в современной публицистике используется для обозначения 1980-х годов. В данном случае речь идёт о свободносинтаксическом словосочетании. Другая выделенная нами единица имеет окказиональное фразеологическое значение: *железная диктатура* ‘Настоящее, не призрачное самодержавие’. Если учесть, что автор рассуждает о порядках нового правительства, а именно о действиях революционеров, которые свергли самодержавие в лице царя, указанное автором значение обрывает дополнительное смысловое объёмом. В частности, появляется эмосема ‘Ирония’. Актуальное для того времени словосочетание *диктатура пролетариата* устойчиво: *«При таком положении дел диктатура пролетариата является не только вполне законной, как средство свержения эксплуататоров и подавления их сопротивления, но и абсолютно необходимой для всей массы трудящихся, как единственная защита против диктатуры буржуазии, приведшей к войне и подготовляющей новые войны»* [Гольданский 2000: 498]. Предполагаем, что у использованной Меньшиковым единицы *железная диктатура* есть сформулированное автором фразеологическое значение, так как каждый компонент формальной структуры утрачивает собственную семантику, а в результате фразеологической комбинаторики (Н.Ф. Алефиренко) у сочетания этих компонентов формируется окказиональное фразеологическое значение, смысловая реализация которого в данном случае шире заявленного. Как видим, координаты интердискурса отражены в выборе ФЕ для трансляции эмоциональной информации.

Эмоциональная сфера языковой личности Меньшикова раскрывается в особенностях использования ФЕ и тех эмоциях, которые подвергаются объективации в ЧЭД: *«Истинное удовольствие доставили Вы мне, дорогой Вас. Вас., Вашим журнальчиком, как доказательством того, что Вы еще живы, хотя и отнесло Вас бурей вон куда! Жив, курилка! От всего сердца желаю Вам – как и себе — спастись среди этой чисто апокалиптической катастрофы. Прочел оба № с тем большей жадностью, что сам мечтал издавать подобный же «журнальчик с пальчик», но как бывший моряк, чувствую, что момент подходит надевать чистую рубаху (спросите моряков, что это значит)»* (М.О. Меньшиков В.В. Розанову, без даты, Валдай) [Меньшиков 1993: 91]. Намеренно приведенная нами объёмная цитата наглядно демонстрирует роль и место ФЕ, использованных автором в структуре ЧЭД.

Эмотивная ФЕ *от всего сердца* в значении ‘Разг. экспресс. совершенно искренне, горячо и непосредственно, о проявлении чувств’ [ФСРЛЯ 2: 230] позволяет автору передать эмоциональный настрой в момент написания письма. В период острых перемен в общественной жизни, в центре которой находился Михаил Осипович, общение с единомышленником – действительно необходимое, вдохновляющее событие. ФЕ *жив курилка* ‘Шутл. кто-либо, о ком стали забывать, живёт и действует, проявляет свои возможности в чём-либо’ [ФСРЛЯ 2: 340] связано своим происхождением с дискурсом народной игры, существовавшей ещё в XIX веке не только на Руси, но и в некоторых других странах. Играющие образуют круг, по которому передают горящую или тлеющую, то есть курящуюся лучинку и при этом поют песню, в её тексте есть слова *«Жив, жив Курилка, жив, жив, не умер!...»* [Там же]. Игрок, у которого лучина гасла, проигрывал. Вариантов текста существовало много, один из них, бытовавший в Пензенской губернии, был опубликован в 1847 г. в петербургской газете «Северная пчела» (№ 215). Известно ещё, что в 1806 г. Иоганн Прач на

народные слова создал песню «Жив курилка, жив, жив, да не умер», а в 1825 году А.С. Пушкин написал эпиграмму на критика и журналиста Михаила Каченовского «Жив, жив, курилка...». Меньшиков использует ФЕ в соответствии с её значением, предваряя её появление в структуре текста высказыванием «*Вы еще живы, хотя и отнесло Вас бурей вон куда*». Автор сначала пытается передать информацию с помощью указанных единиц в их сочетании, затем используется эмотивная ФЕ *жив, курилка*.

В письме к О.А. Фрибес (26 ноября 1917 г.) [Меньшиков 1993: 252] М.О. Меньшиков интересуется: «*Напишите, если знаете, что Розановы? Где они? Как себя чувствует Вас. Вас. Сообщите ему мой адрес, не откликнется хоть открыткой. Есть ли в поле жив человек?*». У И.А. Герцена встречаем ту же единицу: «*Моя жизнь не удалась, побоку ее. Я точно герой наших народных сказок, которые я, бывало, переводил вам, ходил по всем распутьям и кричал: "Есть ли в поле жив человек?" Но жив человек не откликался... мое несчастье!.. А один в поле не ратник...*» [ruscorpota.ru]. И.А. Герцен преобразует поговорку *Один в поле не воин*, заменяя компонент *воин* на *ратник*. Анализируемая единица *Есть ли в поле жив человек?* представляет собой, скорее всего, прецедентное высказывание, восходящее к русскому народному творчеству, на что указывает Герцен.

Далее Меньшиков характеризует издание Розанова единицей *журнальчик с пальчик*. Это созданная автором единица является результатом преобразования ФЕ *мальчик-с-пальчик* ‘1. Персонаж народных сказок – крошечный мальчик, действующий весьма умно и с большой находчивостью; 2. Разг. экспресс. о человеке невысокого роста или малолетнем’ [ФСРЛЯ 1: 365]. В механизме преобразования когнитивно-семантической структуры ФЕ участвуют семы ‘Крошечный’, ‘Маленький’, ‘Действующий умно и с находчивостью’, компонентный анализ *журнальчик с пальчик* выявляет соответствующие семы в структуре единицы *с пальчик*, кроме того, выделяется эмсема ‘Ирония’. Компоненты анализируемого сочетания

лексем не образуют единого значения: *журнальчик* – ‘Маленький журнал’, *с пальчик* – ‘Маленький, действующий весьма умно и с большой находчивостью’, а потому единица не является фразеологической, хотя в окказиональном употреблении устойчива: «*Но «журнальчик–с–пальчик» расшевелил всё-таки мою инертность. Ведь и я мечтаю об этом! Но я трезвее В.В. и на явную неудачу идти не хочу*» (М.О. Меньшиков О.А. Фрибес, 10 января 1918 г.) [Там же: 256].

Используемая автором единица *надевать чистую рубаху* имеет генетическую связь с традициями и приметам моряков. Анализ контекстуального употребления единицы выявляет смысловую структуру ФЕ *надевать чистую рубаху*, имеющей значение ‘Готовиться к бою’*. Обратимся к когнитивно-дискурсивной составляющей анализируемой единицы. В русской культуре белые одежды имели по краям ворота, рукавов и подола красный рисунок. Считалось, такая одежда тем более защищает, чем она белее и чище. Поэтому перед боем надевали чистую рубаху. Сравним употребление анализируемого у Ю.Н. Тынянова: «*<...> критика продолжает как ни в чем не бывало допотопные типы и даже не задумывается над тем, что пора и ей, если она хочет быть литературно живой – а стало быть нужной, – задуматься над критическими жанрами, над своей собственной, а не чужой литературной сущностью. «Пора сбросить грязное белье, **пора надеть чистую рубаху**»* [Тынянов 1977: 149]. В данном употреблении значение устойчивой единицы иное: ‘Пора меняться, пора отбросить старые привычки, взгляды, посмотреть на себя критично, начать новое’*.

Нами не зафиксировано использование данной ФЕ в других письмах М.О. Меньшикова, а также в письмах авторов того же временного периода. Окказиональная ФЕ *надевать чистую рубаху* генетически восходит к прецедентному тексту. Завершает рассказ о трудностях жизни предположение: «*Авось как-нибудь еще выкарабкаемся из беды. По-моему,*

Бог всем посылает не только по заслугам, но и по нужде их» [Меньшиков 1993: 91]. Процесс понимания, декодирования смысла высказывания – важное звено в коммуникативно-прагматической цепи [Алексеев 2001], поэтому особенный интерес представляют ответные письма, в которых содержится объективация результатов декодирования и их обсуждение. Вступая в диалог, В.В. Розанов пишет: *«Бог – Вседержитель, если он не дал хлеба мне одному, пусть только мне и детям моим одним, и не есть для меня Вседержитель, п. ч. кто дал жизнь, озаботится и прокормлением. Ибо не напрасно и не для умиранья дана жизнь. Видите ли, вот от Бога, Который если дал чрево женщине, чтобы родить – дал и груди, чтобы вскормить ребенка»* [Меньшиков 1993: 91]. В данном случае возмущение Розанова вызывает эмоциональный настрой Меньшикова, его отчаяние, тревога.

В письмах Ольге Александровне Фрибес, другу семьи Меньшиковых, Михаил Осипович откровенно делился своим видением времени и событий, переживаниями: *«Я убедился ещё раз проштудировав с детьми несколько азбук, до чего Россия сгнила. <...> И крестьянских и некрестьянских детишек спешат набивать, как чучела, трухой из простонародного юмора, **цена** которому **грош**»* (Фрибес О.А., 26 ноября 1917 г.) [Меньшиков 1993: 252]. ФЕ *грош цена* – ‘Прост. Пренебр. никуда не годится, ничего не стоит’ [ФСРЛЯ 2: 358] – использована автором с переменной места компонентов, что актуализирует экспрессивную сему. Эмотивное и денотативное содержание ФЕ при этом сохраняется. Меньшиков умело использует фразеологические ресурсы, обращаясь как к узуальным, так и к потенциальным свойствам ФЕ: *«Я расскажу при свидании некоторые щекотливые моменты моего обыска. По-видимому, я был **на волоске** от большой опасности»* (Фрибес О.А., 10 декабря 1917 г.) [Меньшиков 1993: 254]. ФЕ *на волоске* претерпевает незначительную структурную трансформацию с сохранением фразеологического значения ФЕ *на волосок* – ‘Разг. Экспресс. В непосредственной близости, совсем рядом от чего-либо опасного’ [ФСРЛЯ 1:

94]. Также М.О. Меньшиков преобразует формальную и семантическую структуру ФЕ *бог знает*: «*Доживём ли до Нового года и как доживём – ни Аллах, ни прочие боги иудейские и христианские, не ведают*» (Фрибес О.А., 10 декабря 1917 г.) [Меньшиков 1993: 254]. Сравним с использованием непреобразованной единицы: «*Первым же выстрелом из пулемёта несчастному иугмену разбило три ребра и лёгкое... Будет ли жив – бог знает*». (Фрибес О.А., 3/16 июля 1918 г.) [Там же: 261]. Единицы функционируют в значении 'Неизвестно', оно закреплено в словаре за ФЕ *Бог знает* [ФСРЛЯ 1: 32]. Преобразование позволяет наполнить смысловую структуру единицы экспрессивным и ЭК. Преобразование формального состава является мощным способом дополнительной экспрессии, ср.: «*Согласитесь, дорогая, что в моём отчаянном положении это больше, чем соломинка для утопающего*» (Фрибес О.А., 17/30 июня 1918 г.) [Меньшиков 1993: 260]. Единица *соломинка для утопающего* – 'Единственная возможность выйти из тяжёлого положения'* – генетически восходит к ФЕ *хвататься за соломинку* – 'Разг. Ирон. Будучи растерянным в тяжёлой ситуации, поспешно искать спасения, прибегая к крайнему средству, которое помочь не может [ФСРЛЯ 2: 343]. Автор отдаёт предпочтение наиболее эффективной: «*Всё это не по рылу копощающемуся в земле и дикому, как земля, первочеловеку*» (Фрибес О.А., 22 декабря 1917 г.) [Меньшиков 1993: 255]. ФЕ *не по рылу (кому)* в значении 'Грубо-прост. Не подходит по положению, достатку и т.п.' [ФСРЛЯ 2: 209] выбрана автором как единица, имеющая стилистическую относённость (просторечное), экспрессивность и эмотивность. Сравним с семантикой ФЕ *не по зубам* – 'Прост. Экспресс. 1. Нет или не хватает, недостаёт умения, способностей, силы и т.п. на что-либо. 2. О недоступном, недостижимом человеке' [ФСРЛЯ 1: 268]. Помимо различий в денотативном содержании, налицо разная степень эмотивности: ФЕ *не по зубам* потенциально эмотивна, то есть возможна актуализация эмосем в контексте, а *не по рылу* – узуально эмотивная единица.

В сентябре 1918 года М.О. Меньшиков арестован по сфабрикованному против него делу. Шесть дней он находился в заключении, не зная точно, что его ждёт. В этот период письма адресованы родным: жене, Марии Владимировне, и детям. В этой группе корреспонденции велика частотность использования ФЕ с компонентом **Бог**: «**Ради Бога**, если есть какая-нибудь возможность, дай знать о себе хотя бы на словах» (Родным, 4 сентября 1918 г.) [Меньшиков 1993: 229], «Заверни провизию чистой бумагой, чтобы писать можно. **Ради Бога** успокойся: расстрела немедленно не будет, по-видимому» (Меньшиковой М.В., 5 сентября 1918 г.) [Там же: 229–230], «**Ради Бога**, не посылай мне ничего вкусного – знаю, чего стоит и как вам приходится обрывать себя во всём» (Меньшиковой М.В., утро 6 сентября 1918 г.) [Там же: 231], «Если же дело затянется, и я останусь здесь, **ради Бога** не присылай так много еды и такой хорошей» (Меньшиковой М.В., вечер 6 сентября 1918 г.) [Там же: 233] или «Береги себя, родная, **ради Христа**, умоляю тебя» (Родным, 4 сентября 1918 г.) [Меньшиков 1993: 229], «Простите меня, **Христа ради**, что я был слишком беспечен и не уберёг себя и вас» (Меньшиковой М.В., 3 часа дня 6 сентября 1918 г.) [Меньшиков 1993: 232]. ФЕ *ради Бога* ‘Разг. Пожалуйста’ [ФСРЛЯ 1: 38] и ФЕ *Христа ради* ‘Разг. 1. Экспресс. Настоятельная просьба, обращение за милостыней или предложение принять подавание, милостыню; 2. Экспресс. Пожалуйста, очень прошу; 3. Из милости (жить, существовать и т.п. или делать что-либо)’ [ФСРЛЯ 2: 355] в контекстуальном употреблении синонимичны (ФЕ *Христа ради* выступает во втором значении). Впрочем, контекст и дискурсивная основа употребления ФЕ с компонентом *Бог* актуализирует фразеологическую внутреннюю форму. Например, «Пусть не забывают **Бога** и не изменяют совести своей <...> Милая Манюша, прости меня, **ради Бога**, что невольно заставил пережить тебя тяжёлые страдания, которые ты теперь переживаешь. Прошу прощения и у милых моих детей. Родные мои, прощайте. Ещё не вполне потеряна надежда, что мы увидимся, но если

даст мне Господь этого великого счастья, то что же делать» (М.О. Меньшиков М.В. Меньшиковой, 1/14 сентябрь 1918 г., тюрьма) [Меньшиков 1993: 227]. ФЕ *воля Божия* в значении ‘Церк. По религиозным представлениям: предначертания Бога’ использовано автором один раз: «*Не унывай, дорогая, лишь бы жизнь оставили, а там воля Божия»* (Меньшиковой М.В., 5 сентября 1918 г.) [Меньшиков 1993: 229].

В русской лингвокультуре актуально концептуальное образование, вербализованное анализируемой ФЕ. Сравним ряд паремий: *Воля Божья, а суд царев; Божьей воли не переволишь (не переможешь); Выше Божьей воли не будешь (не станешь); Власть Господня, воля Божья, святая воля Его; На волю Божью просьбы не подашь* и д.т. У Меньшикова не оставалось надежды на справедливый суд, либо помощь высокопоставленных покровителей. Шестого сентября, за день до расстрела, он признавался жене: «*Суд, вероятно, будет сегодня, а завтра меня не будет в живых – разве «Чудо Архистратига Михаила» (6 сент.) спасёт. Молюсь моему Богу о спасении, но не надеюсь на него. Боже, как хотелось бы мне лично обнять вас и поцеловать»* (Меньшиковой М.В., 3 часа дня 6 сентября 1918 г.) [Меньшиков 1993: 232]. Актуализируется и внутренняя форма компонента *Христос* во ФЕ *Христос с тобой*: «*Вернусь если когда-нибудь – будем до гроба беречь друг друга, как святыню. Лишь бы вернуться, но надежды мало. Христос с Вами. Молитесь»* (Меньшиковой М.В., утро 6 сентября 1918 г.) [Там же: 232] или «*Ну, Христос с вами, милые. Благослови вас Бог»* (Меньшиковой М.В., вечер 6 сентября 1918 г.) [Там же: 233]. Сопоставим семантические структуры идентичных по модели ФЕ *Бог с тобой (с ним, с ней, с вами, с ними)* и *Христос с тобой (с ним, с ней, с вами, с ними)* (табл. 19):

Таблица 19.		
<i>Бог с тобой (с ним, с ней, с вами, с ними)</i>	<i>Христос с тобой (с ним, с ней, с вами, с ними)</i>	
1. Разг. ладно, пусть будет так, согласен	устар.экспресс	1. Пожелание благополучия, счастья, покоя кому-либо
2. Экспресс. удивлён, не могу понять, согласиться		2. Ладно, пусть будет так; выражение согласия, нежелания спорить с кем-либо
3. Желая удачи; пусть всё будет удачно, благополучно, счастливо		3. Возглас, выражающий участие, испуг, удивление и .п.

Как видим, набор денотативных сем совпадает, как и модель формальной структуры. Различия семантических структур в позиции денотативных сем в полевой организации фразеологического значения.

В письмах периода «после ареста» М.О. Меньшиков активно использует ФЕ, семантика которых подчёркивает искренность эмоционального состояния адресанта: «*Видел я вас, милые, из окна, и **на душе** легче*» (Меньшиковой М.В., вечер 6 сентября 1918 г.) [Там же: 233]. Приведём ещё пример: «*Дорогая, бесценная моя Манюшка. Пишу утром, 6-й день заключения. Пока **жив и здоров**, но тяжело **на сердце***» (Меньшиковой М.В., утро 6 сентября 1918 г.) [Там же: 229]. Сами по себе ФЕ в значении *на душе* 'В мыслях и в настроении у кого-либо' [ФСРЛЯ 1: 223] и ФЕ *на сердце* в значении 'Разг. Экспресс. Кто-либо испытывает какие-либо чувства, переживания' [ФСРЛЯ 2: 231] не являются эмотивными, но акцентируют внимание на глубине переживаемых эмоций, особенной искренности. Палитра эмоций, вербализованных фразеологическими средствами, в письмах Меньшикова, датированных после 1/14 сентября, представлена негативными эмоциями, что обусловлено эмоциональным состоянием автора.

Наименование негативной эмоции может входить в состав ФЕ: «*Милые, золотые, дорогие. Я пока **жив** и сравнительно **здоров**, только плохо сплю: душно, и шесть человек, лежащих рядом, храпят. Все мои **товарищи по несчастью** ко мне чрезвычайно добры и предупредительны*» (Родным, 4 сентября 1918 г.) [Меньшиков 1993: 228]. В зафиксированном словарном

значении ФЕ *товарищ по несчастью* выделяется эмосема 'Ирония': 'Разг. Ирон. Тот, кто вместе с кем-либо попал в беду, неприятное положение' [ФСРЛЯ 2: 306]. Автор находится в условиях тюремного заключения, исход которого неизвестен арестанту, более того, есть предположение о расстреле. В данном контекстуальном употреблении на фразеологическое значение *товарищи по несчастью* наслаивается лексическое значение лексемы *несчастье*. Ср.: «На моих **товарищей по заключению** наложена контрибуция, о себе я ничего не знаю» (Родным, 4 сентября 1918 г.) [Меньшиков 1993: 229], где используется свободносинтаксическая конструкция. ЭК, объективирующий эмоцию иронии и зафиксированный лексикографически, очевидно, нивелируется. Сравним с контекстуальной реализацией семантической структуры ФЕ: «**Товарищей** общего нашего **несчастья**» (И.И. Горбачевский Н.А. Бестужеву, 23 сентября 1839 г., Петровский завод) [Горбачевский 1963: 128] и ФЕ той же модели: «**Друг мой!** Верю, что мы до сих пор **братья по духу**» (Ап. Григорьев С.М. Соловьёву, 20 декабря 1842 г., Москва) [Григорьев 1999: 7]. Думается, в письмах Меньшикова лексемы, являющиеся компонентами формальной структуры ФЕ, используются в прямономинативных значениях, поэтому ЭК семантической структуры анализируемой ФЕ не актуализируется.

Буквализация как приём реализации смысловой структуры ФЕ наглядно представлена употреблением ФЕ *жив и здоров* (в предыдущих примерах) 'Разг. о том, кто находится в благополучном состоянии, в целостности и невредимости' [ФСРЛЯ 1: 232]. Компоненты *жив* и *здоров* функционируют в тексте своими лексическими значениями: «**Пока жив и здоров**» и «...**пока жив и сравнительно здоров**...». Если учесть, что сам арестант, не говоря уж о его родных, находился в полном неведении, особенно относительно будущего, то становится понятным, что он старался успокоить своих шестерых детей и ожидающую седьмого ребёнка жену, сообщив если не прогноз событий, то хотя бы происходящее с ним. Итак, видна чёткая

граница в языковом оформлении писем периода «до» и «после ареста». В этом проявляется роль интердискурса в организации ЧЭД в целом и в выборе языковых единиц для трансляции эмоциональной информации. Обнаружены различия этих двух групп писем на уровне трансляции эмоциональной информации единицами фразеологического уровня, например, частотность употребления ФЕ с компонентом *Бог*, фразеологическая эмотивность объективирует по большей части негативные эмоции.

5.3. Интердискурс и языковая личность автора частного эпистолярного дискурса в когнитивно-прагматических механизмах фразеологической объективации эмоций (лексикографический аспект)

Языковая личность интересует исследователей в разных аспектах её проявления. В последние годы две тенденции, а именно, внимание к языковой личности и интерес к источникам личного происхождения, обнаруживают точки пересечения в работах [Белунова 2009; Фокина 2010; Курьянович 2013б и др.]. Так, например, А.В. Курьянович справедливо считает, что «дискурс как текстовая реализация речевого поведения отдельно взятой языковой личности выявляет своеобразие её жизненной идеологии, индивидуальные социально-психологические черты» [2013б: 8]. Сосредоточим своё внимание на особенностях фразеологической объективации эмоциональной информации в цикле писем одной языковой личности на примере эпистолярия С.А. Есенина.

В понимании языковой личности ЧЭД мы отталкиваемся от формулировки значения термина, данного Ю.Н. Карауловым: «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведённых им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определённых целей в этом мире» [РЯ: 671]. Роль языковой личности автора ЧЭД начинается

проявляться на этапе мотивационных механизмов формирования ЧЭД. С.А. Есенин, по его признанию, не любил писать письма: *«В словах, особенно письменных, можно сказать лишь очень малое. Письма не искусство и не творчество»* (С.А. Есенин М. Горькому, 3 июля, 1925 г., Москва), однако вдалеке от близких людей письма были единственным способом общения, единственной возможностью поделиться не только информацией о событиях, происходящих в жизни поэта, но и отношением адресанта к описываемым фактам. Иначе говоря, потребность в эмоциональном диалоге пересиливала предубежденность Есенина о несоответствии частного письма потребностям трансляции эмоциональной информации. Сопоставление результатов анализа эпистолярной фразеологии разных авторов привело к мысли о том, что эмотивная «плотность» писем разных авторов, в том числе создаваемая средствами фразеологического уровня языка, может быть различной и может соотноситься с эмоциональным типом личности и другими интердискурсивными факторами. Например, в письмах П.А. Флоренского, адресованных жене и созданных в условиях, когда Павел Александрович сначала едет на место отбывания наказания, а затем живёт там, трансляции подвергается оценочная информация, эмотивных единиц крайне мало, фразеология писем также нейтральна по эмотивному содержанию. То же можно сказать о письмах К.Г. Паустовского, сами эмоции, транслируемые средствами языка разных уровней, не характеризуются высокой степенью интенсивности, имеется в виду ирония, досада и т.д.

На фоне проанализированного нами материала письма С.А. Есенина выделяются своей эмоциональностью. Эмоциональная «плотность» ЧЭД формируется комплексом средств, среди которых эмотивная фразеология занимает особое место. На основе анализа той эмоциональной информации, которая транслируется средствами ЧЭД, можно сделать выводы о динамике эмоциональной сферы личности. При этом не следует забывать, что трансляции, как уже было нами замечено ранее, подвергается, в основном,

информация о негативных эмоциях. Более того, есть мнение, что «письма почти всегда и большею частью имеют значение случайности и не могут служить къ полному изображенію и лица писавшаго и того, о чемъ и къ кому написано; они дороги только какъ непосредственное выраженіе минуты» (П.Б.) (Из предисловия к публикации письма В.И. Даля С.И. Шевырёву http://az.lib.ru/d/dalx_w_i/text_1842_pismo_k_shevrevy_olderfo.shtml). Тем не менее это «непосредственное выражение минуты» и есть самое ценное для исследователя, так как именно в этом раскрывается личность пишущего.

Современники говорили о «покоряющей силе есенинской эмоциональности» (В.А. Мануйлов). Поэт должен чутко прислушиваться к случайным разговорам крестьян, рабочих и интеллигенции, особенно к разговорам, эмоционально окрашенным, и тут поэту открывается целый клад. Новая интонация или новое интересное выражение к писателю идут из живого разговорного языка (В.Ф. Наседкин). Таким образом, по воспоминаниям людей, лично знавших С. Есенина, поэт был яркой эмоциональной личностью. Нас интересует эмоциональная сфера личности и проявление её в специфике организации языковой личности автора писем, влияние интердискурсивных факторов на объективацию эмоциональной информации в ЧЭД.

Для реализации этих исследовательских задач обращаемся к языковой личности Есенина через призму эмотивности созданного им ЧЭД. Рассмотрев особенности трансляции эмоциональной информации в ЧЭД в создании автором образа заграницы (не-родины) и роль ФЕ в этом трансляционном процессе [Калёнова Н.А. 2013б], мы пришли к выводу, что базирующаяся на оценке эмоция отражает ценностные ориентиры личности автора ЧЭД. Не соответствующие ожиданиям события и явления вызывают всплеск негативных эмоций, а оценочный компонент географического концепта формируется в координатах двух ориентиров: степени востребованности поэзии самого Есенина и «хорошей», по его мнению,

поэзии вообще, заставляющей читателя думать и чувствовать, способности публики воспринимать такое творчество; а также качества воздействия полученных поэтом впечатлений на его творческую мысль.

С.А. Есенин – загадочный и до сих пор не до конца изученный микрокосм, в котором, как в зеркале, отражены эпоха, сильная яркая личность, сама Россия в ее непростые времена. Исследователи разных лет (А.К. Воронский, О.Е. Воронова, А.Н. Задонский, А.Н. Захаров, С.П. Куняев, Н.И. Шубникова-Гусева и др.) по-разному характеризовали творчество поэта, подчеркивая сложность и нелинейность его личности. Так, современник Сергея Есенина, Александр Константинович Воронский, отмечая его уникальную одаренность, «каких у нас в России можно счесть по пальцам одной руки» [Воронский 1924: 283], обвиняет его в как будто сознательном подчеркивании своей дисгармоничности, противоречивости, которую «возводит в принцип, культивирует, нарочно оттеняет, старательно показывает. Получается поза, что-то наигнанное, кокетство, какое-то переодевание на глазах у читателя» [Там же]. «А когда художник легко, без особых усилий, без внутренней жестокой борьбы, без мучений, без работы над собой, без попытки преодолеть – переходит от одного настроения и системы чувств к другим, противоположным, и все это укладывается в одном поэтическом ящике свободно, бок о бок, то – здесь кроется большая опасность для художника» [Там же: 283]. Нельзя не согласиться с мнением, что «письма Есенина – ценный документальный материал для изучения жизни и творчества поэта» [Захаров 1999: 233], однако это еще и источник изучения его эмоциональной сферы, ведь письмо наиболее приближено к ситуации реального речевого общения и раскрывает мир повседневности участников коммуникации.

Анализ материала и внимание к языковой личности С.А. Есенина подтолкнули к мысли о возможности лексикографического описания есенинской эпистолярной фразеологии, показанной через призму

когнитивно-прагматического анализа фразеологической эмотивности. Лексикографическое отражение особенностей языковой личности актуально ещё и в силу того, что «по степени развития русского языка прежде всего как национального инструмента общения, науки, культуры, общественной жизни словарей – и словарей различных типов, и словарей одного типа, но инициированных разными составителями, – может и должно быть на порядок больше» [Харченко 2008: 95]. Кроме того, «если составители общих словарей добиваются формулировки неперенных, «независимых» элементов значения слова, то в писательском словаре прямым объектом исследования является образная реализация слов, определяются именно зависимые контекстуально оттенки значений, которые лишь изредка оставляют прочные следы в общем языке и не всегда улавливаются читателем, и не всяким читателем» [Ларин 1974: 97].

История авторской лексикографии [Караулов 2002; Ларин 1974; История русской лексикографии 2001; Шестакова 2011 и др.] убедительно доказывает, что язык отдельной языковой личности, особенно художника слова, нуждается в разноаспектном отражении в словарях разных типов, что позволяет наиболее полно представить как особенности идиолекта, так и особенности функционирования языковых единиц как элементов языка, реализующих контекстуальные семантические свойства: «Словарь должен «облегчить наблюдения над языком и слогом писателя», – заключал Р.Р. Гельгардт, опираясь на идеи академика Я. Грота, – и вместе с тем он как «частный труд» может служить материалом для истории общеупотребительного языка, для общего словаря и грамматики» [Антология: 2002: 24].

Язык творчества С.А. Есенина стал объектом таких лексикографических проектов, как «Словарь языка русской поэзии XX века» [СЯРП], «Язык Сергея Есенина. Имя существительное» [Шипулина 2013], идёт работа над «Есенинской энциклопедией», призванной во всей полноте

описать жизнь и творчество поэта, проект поддержан грантом РГНФ 17.09.91 (руководитель Н.И. Гусева). Таким образом, анализу подвергается язык художественных произведений С.А. Есенина. Язык частных писем поэта, на наш взгляд, заслуживает особого внимания.

Осмысление этих идей легло в основу «Словаря эпистолярной фразеологии С.А. Есенина» [Калёнова 2015в]. В «Словарь» были включены все ФЕ, выбранные из всех частных писем С.А. Есенина, опубликованных в академическом Полном собрании сочинений [Есенин 1999] (см. Приложение 1). При этом условно можно разделить все ФЕ, а их оказалось 174 единицы, используемые Есениным в частных письмах, на 2 группы: 1) узуальные ФЕ и 2) неuzuальные, т.е. не зафиксированные в словарях. Среди ФЕ второй группы выделяются ФЕ, а) воспроизводимость которых обнаружена в художественной и публицистической литературе (по материалам Национального корпуса русского языка), а также б) речевые, т.е. преобразованные, подвергшиеся структурно-семантическим преобразованиям, и в) окказиональные, т.е. созданные автором единицы. Кроме того, нам показалось интересным обратиться и к паремиологии С.А. Есенина, так как он мастерски использует паремиологический фонд русского языка, подвергая паремии в некоторых случаях преобразованиям (Приложение 2). Главной задачей в составлении словаря для нас было всё-таки не просто представить эпистолярную фразеологию С.А. Есенина, но и продемонстрировать особенности фразеологической объективации эмоциональной информации данной языковой личностью. Для этого был разработан ещё один раздел, а именно словарь фразеологической эмотивности (см. Приложение 3).

Трудности в работе над словарём возникали в основном при формировании словарной статьи для преобразованной или окказиональной ФЕ. По замыслу, заголовок словарной статьи предваряется словом, которое определяет синтаксическую структуру ФЕ, эта практика принята во многих

фразеологических словарях. Разделяя узуальные, речевые и окказиональные ФЕ в картотеке эпистолярной фразеологии, мы исходили из того, что узуальные ФЕ зафиксированы в словарях, фразеологических или толковых. В контекстах употребления, приведённых в иллюстративной части статьи словаря, эти ФЕ реализуют те элементы фразеологического значения, которые отражены в словарных статьях. Например, ФЕ *с головы до ног* в значении ‘Разг. Полностью, целиком’ [ФСРЛЯ 1: 152]: «*Милый Шура! Извини, голубчик, что так редко тебе пишу, дела, дорогой мой, ненужные и бесполезные дела съели меня с головы до ног*» (А.В. Ширяевцу, 26 июня 1920 г., Москва) [Есенин 1999: 111]. Анализ показал, что никаких существенных смысловых оттенков, отличающихся от зафиксированного в словарях значения, не выявлено. В статьях к таким ФЕ указано узуальное значение единицы.

В случае, если ФЕ имеет несколько значений, то иллюстративная часть статьи содержит помету, какое именно значение реализуется в данном контексте. Например, ФЕ *альфа и омега* имеет значение ‘1. Начало и конец чего-либо. 2. Самое главное, основное в чём-либо’ [ФСРЛЯ 1: 17], в частных письмах Есенина эта ФЕ встречается дважды. Один раз – в первом значении [Есенин 1999: 38], а второй раз – во втором значении [Есенин 1999: 37]. Вот какой облик при этом принимала словарная статья:

А

Альфа

Альфа и омега

◆ Книжн.

1. Начало и конец чего-либо. 2. Самое главное, основное в чём-либо [ФСРЛЯ 1: 17]

–в 1 зн.: *Вот она, жизнь, а ее назначение Истина, которая определила назначение, где **альфа**, там и **омега**, а где Начало, там и конец* (Г.А. Панфилову, 23 апреля 1913 г., Москва).

–во 2 зн.: *Истина должна быть истиной, у нее нет доказательств, и за ней нет границ, ибо она сама **альфа и омега*** (Г.А. Панфилову, 23 апреля 1913 г., Москва).

► Цитируемое письмо отражает «увлечение Есенина идеями теософии и необуддизма, бывшими весьма популярными в России в начале XX века» [Есенин С.А. 1999: 289]. Использование ФЕ ***альфа и омега*** в письме комментируется ссылкой на строки: «Я есть Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь...» (Откр. I, 8) [Есенин С.А. 1999: 291].

Обратим внимание, что статья содержит указание на значение, зафиксированное в словаре, при этом приводится ссылка на лексикографический источник, также вводится стилистическая помета («Книжн.»). Иллюстративная часть статьи демонстрирует реализацию ФЕ в первом и втором значениях. В словаре мы не указывали ссылки на страницы, на которых опубликованы письма, но в приложении был список писем с указанием выходных данных, которые в целях экономии места в словарную статью не включали. Отдельное поле отводилось для комментария, в данном случае помещено пояснение причин данного фразеологического употребления.

В случае семантической трансформации формальная структура ФЕ остаётся без изменений, но в контексте ФЕ обнаруживает иную смысловую структуру, чем это зафиксировано лексикографически. Например, *бить челом* имеет значение ‘1. Просить милостыню (низко кланяясь при этом). 2. Почтительно просить о чём-либо. 3. Почтительно раскланиваясь, приветствовать кого-либо 4. (за что) Благодарить кого-либо. 5. (на кого) Жаловаться на кого-либо’ [ФСРЛЯ 1: 30]. В письме С.А. Есенина обнаруживаем семантическую трансформацию ФЕ: *Америка делает нам предложение через Ригу, Вена выпускает к пасхе сборник на немецком, а Берлин в лице Верфеля **бьет челом** нашей гениальности* (А.Б. Мариенгофу и Г.Р. Колобову, 19 ноября 1921 г., Москва) [Есенин 1999: 128]. Анализ

показывает, что ФЕ реализует смысловую структуру – ‘Восхищаться’ (кому, чему)*, обратим внимание на специфику глагольного управления: *восхищаться (чему?) нашей гениальности*, как это задано автором. В словарной статье указываем содержание новой смысловой структуры, т.е. те смысловые оттенки, которые выявлены в ходе исследования, прежде представляя узувальное значение со ссылкой на лексикографический источник или источники.

Для претерпевших структурные трансформации ФЕ указан формальный компонентный состав, зафиксированный в словарях, с указанием авторской вариативности. ФЕ *витать в облаках* у Есенина трансформируется в *витать под облаками* с сохранением смысловой структуры – ‘Предаваться бесплодным мечтам, фантазиям, не замечая окружающего, быть непрактичным’ [ФСРЛЯ 1: 83]. Сохраняется в смысловой структуре единицы статус и характер ЭК, объективирующего эмоцию иронии. Узувальная вариативность, как показалось, должна была быть отмечена в словаре иначе, чем окказиональная: *«Ростов – дрянь невероятная, грязь, слякоть и этот «Сегёжа», который торгуется со всеми из-за 2-х коп. С ним всюду со стыда горюшь»* (А.Б. Мариенгофу, февраль 1922 г., Ростов-на-Дону) [Есенин 1999: 130]. В словарях зафиксирована ФЕ *сгорать от (со) стыда* ‘Разг. Очень стыдится’ [ФСРЛЯ 2: 225].

Особое внимание уделено в словаре окказиональным ФЕ: *(всё равно) что у турок на колу висеть, входит в гроб, дым все глаза сожрал, есть глазами дым, жать в кулаки* и др. Окказиональные ФЕ даны в Словаре в том виде, как они используются в контексте. Приведём пример словарной статьи:

Дым *Дым (все) глаза сожрал^а*
♦ Прост.
‘Кто-либо скучает по родине’

Живу, Ваня, отвратно. Дым все глаза сожрал (А.Б. Мариенгофу и

Г.Р. Колобову, 19 ноября 1921 г., Москва).

►Окказиональная ФЕ генетически связана с крылатой фразой ***И дым отечества нам сладок и приятен*** из комедии «Горе от ума» (1824) А.С. Грибоедова: «*Опять увидеть их мне суждено судьбой! Жить с ними надоест, и в ком не сыщешь пятен? Когда ж постранствуешь, воротись домой, И дым отечества нам сладок и приятен*». В свою очередь, Грибоедов цитировал строку из стихотворения «Арфа» (1798) Г.Р. Державина: «Мила нам добра весть о нашей стороне. Отечества и дым нам сладок и приятен». Сравним также: «*Поэт сказал – и стих его для нас понятен: // «Отечества и дым нам сладок и приятен»! // Не самоваром ли – сомненья в этом нет – // Был вдохновен тогда великий наш поэт?»* (П.А. Вяземский. Самовар, 1838); «*Державин камские воспоминал дубравы; // Отчизны сладкий дым и древний град отцов*» (К.Н. Батюшков. Послание И.М. Муравьеву-Апостолу, 1815). «Сама же мысль о сладости «дыма отечества» принадлежит легендарному поэту Древней Греции Гомеру (IX в. до н. э.), который в своей поэме «Одиссея» говорит, что Одиссей был готов и на смерть, лишь бы «видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий» (речь идет о дыме очагов родной для путешественника Итаки). Позже эту же мысль повторит римский поэт Овидий (Публий Овидий Назон, 43 до н. э. – 18 н. э.) в своих «Понтийских посланиях». Будучи сослан на побережье Черного моря (по-гречески – Понт), он мечтал увидеть «дым отечественного очага». Ибо «родная земля влечет к себе человека, пленив его какою-то невыразимой сладостью и не допускает его забыть о себе». Видимо, на основе этого стиха Овидия и возникла известная римская пословица: *Dulcis fumus patriae* (дульцис фумус патриэ) – ‘Сладок дым отечества’. В державинское время это речение было широко известно. Например, заглавный лист журнала «Российский музей» (1792–1794) был украшен латинским эпитафией *Dulcis fumus*

patriæ. Очевидно, и Державин вдохновлялся строками Гомера и Овидия, творчество которых он хорошо знал. Иносказательно о любви, привязанности к своему отечеству, когда даже мельчайшие признаки своего, родного вызывают радость, умиление» [ЭСКС: 288–289].

Как уже было сказано, в некоторые словарные статьи были включены комментарии, куда вносили сведения о возможных генетических лингвокультурных связях окказиональной единицы, о фактах жизни и творчества Есенина, относящихся к образованию или использованию окказиональной единицы. Кроме того, проанализирована воспроизводимость окказиональных ФЕ с использованием Национального корпуса русского языка. Иные сведения, содержащиеся в словарях и справочниках, а также научной литературе, приводятся, если это необходимо для пояснения тех или иных семантических процессов функционирования ФЕ в контексте. В предыдущем примере комментарий позволяет проследить генетические связи образа, который лёг в основу окказиональной ФЕ.

При формировании словарной статьи внимательно отнеслись к пометам, отражающим стилистическую характеристику ФЕ [Калёнова 2015г]. Фразеология как «важнейший источник стилистических ресурсов русского языка» [Алефиренко 2009: 207] составляет два класса: общеупотребительную и функционально закреплённую [Голуб 1997: 122 и др.]. Общеупотребительная фразеология, межстилевая [Алефиренко 2009: 208], фразеология нейтрального стиля (Сравним с принятой в [СОВРЯ] пометой «Речевой стандарт» [СОВРЯ: 8]), вслед за сложившейся в лексикографии традиции [ФСРЛЯ; БСРП и др.], не имеет в «Словаре» соответствующих помет. Функционально закреплённую фразеологию условно, вслед за сложившейся лексикографической практикой, можно разделить на следующие группы: книжные, разговорные, просторечные и грубо-просторечные, нецензурные ФЕ. В соответствии с отнесённостью ФЕ к

той или иной группе функционально закреплённой фразеологии формулировались пометы, отражающие стилистическую характеристику единицы. Так, ФЕ использующиеся в речи философской направленности, отражающие возвышенный пафос ЧЭД, определяются как книжные ФЕ и имеют помету «Книжн.». Таких ФЕ всего 12, что составляет 7% от общего числа ФЕ. Продемонстрируем место стилистической пометы, обозначенной значком ♦, в структуре словарной статьи:

Свет ***Белый свет***

♦ Книжн.

‘Окружающий мир; земля со всем, что существует на ней’ [ФСРЛЯ 2: 219]

Да, Гриша, тяжело на белом свете (Г.А. Панфилову, 23 апреля 1913 г., Москва).

Большая часть есенинских эпистолярных ФЕ, а именно 74 единицы, составляющие 43% от общего количества ФЕ, – разговорные, что зафиксировано пометой «Разг.». Это обусловлено тем, что эпистолярный – письменная форма разговорного стиля. Рассмотрим оформление словарной статьи разговорной ФЕ *ей Богу*:

Богу ***Ей Богу***

♦ Разг.

Божба, клятвенное заверение в чём-либо; уверен, клянусь; честное слово [ФСРЛЯ 1: 38]

Не могу! Ей-Богу, не могу (А.Б. Кусикову, 7 февраля 1923 г., Атлантический океан).

Стилистическая характеристика определена по лексикографическим источникам, так как ФЕ зафиксирована в словарях, в контекстуальном

употреблении реализует своё значение. Обратим внимание ещё на один пример:

Берeditь **Берeditь/ поднимать <старую> рану / точить язвы**

◆Разг.

Касаться того, что причиняло кому-либо страдания, душевную боль [ФСРЛЯ 1: 26]

◇ IV Отчаяние: *Маня, я искренно жалею, что не пришлось доверить до конца этих святых порывов; сил не хватило переносить насмешки и обиды. Кто знает, может быть, это самые высокие идеалы, которых еще пугается человечество, но раз им не пришлось осуществиться, так предоставим их разбирать уже дальнейшему поколению. Воли у меня хватило бы идти на крест, но силы душевной и телесной совершенно был лишен я. Ну... Впрочем, я об этом никому никогда не расскажу, и к чему **поднимать старые раны!**.. Ох, как тяжело. Маня! Да и зачем я буду мучить себя (М.П. Бальзамовой, 1 июня 1913 г., Москва).*

*Письмо твое меня огорчило, если действительно нет искренности, так к чему же надевать маску лицемерия. Лучше уж разом нанести удар, чем медленно **точить острые язвы** (М.П. Бальзамовой, 12 июня 1913 г., Москва).*

► Трансформация ФЕ в последнем контексте связана с заменой компонента *берeditь* на *точить*, *раны* – на компонент *язвы*, оба компонента объективируют более интенсивный признак.

Из словарной статьи становится видно, что ФЕ встречается в двух контекстах, причём в обоих случаях она подвергается трансформации, а именно замене компонентов, что фиксируется в формальном составе ФЕ с указанием вариативности.

В определении таких характеристик, как *просторечная* и *грубо-просторечная* ФЕ, опирались на сложившийся лексикографический опыт. Под просторечием понимаем «язык повседневного общения «простого» человека» [<http://www.philology.ru/linguistics2/dyachok-03a.htm#27>].

Обозначали пометой «Прост.» или «Грубо-прост.»:

Черта ***Ни черта***

◆ Прост.

‘Совершенно, абсолютно ничего (не иметь, не знать, не понимать и т.п.)’ [ФСРЛЯ 2: 366]

*Особенно жду я, потому что Изадора ровно **ни черта** не понимает в практических делах, а мне оч<ень> больно смотреть на всю эту свору бандитов, которая ее окружает* (И.И. Шнейдеру, 13 июля 1922 г., Брюссель).

Или другой пример словарной статьи, в которой зона стилистических помет содержит помету «Грубо-прост.»:

Чёрт ***На кой чёрт***

◆ Грубо-прост.

‘Зачем, для чего’ [ФСРЛЯ 2: 368]

*И **какой черт** ты доверяешься вообще разным с.....?* (А.В. Ширяевцу, 26 июня 1920 г., Москва)

*И правда, **на кой черт** людям нужна эта душа, которую у нас в России на пуды меряют* (А.Б. Мариенгофу, 12 ноября 1922 г, Нью-Йорк).

В случае создания словарной статьи к окказиональным ФЕ ориентировались на стилистические характеристики слов-компонентов.

Спекёшь ***Пирогов не спекёшь^а***

◆ Прост.

‘Денег, средств не хватит’

Тут у меня очень много записано сказок и песен. Но до Питера с ними пирогов не спекешь (Д.В. Философову, до 20 августа 1915 г.).

Окказиональная ФЕ *пирогов не спекешь* имеет компонент, представляющий собой ошибочную форму глагола *печь*, на этом основании указываем помету «Прост.», что отражает отнесённость данной единицы к просторечной фразеологии.

Эпистолярный С.А. Есенина содержит ненормативную, обценную фразеологию, опубликованную в некоторых случаях и без купюр. В «Словаре» в компонентах ФЕ, являющихся обценными, указывали первую букву, остальные буквы обозначены значком *. В словарной статье к таким ФЕ указывали помету «Неценз.»

Е***

*Е*** с высокой лестницы* (кого)

◆ Неценз. ◇ I Гнев / презрение.

‘Выражение гнева, презрения’

*Я даже книг не захотел издавать здесь, несмотря на дешевизну бумаги и переводов. Никому здесь это не нужно. Ну и е*** я их тоже с высокой лестницы* (А.М. Сахарову, 1 июля 1922 г., Дюссельдорф)

5. Устар. – устаревшая ФЕ. Помета «Устар.» не является, строго говоря, стилистической. Использование устаревшей фразеологии в письмах Есенина реализует определённые стилистические цели, например, стилизации особого эпистолярного слога в традиции XVIII века, или же объективации эмоции иронии. Условно выносим отдельно как стилистическую помету.

Око

Недрёманное / всевидящее око

◆ Устар. ◇П Ирон.

‘1. О бдительном наблюдателе; о политическом сыске в полиции.

2. О человеке, проявляющем неустанную заботу о ком-либо, оказывающем постоянное внимание кому-либо’
[ФСРЛЯ 2: 55]

Объяснять в письме все не стану, ибо от сих наших и их всевидящего ока не скроешь и булавочной головы (Г.А. Панфилову, после 23 сентября 1913 г., Москва).

Другие характеристики, как то «Ирон.» (ироничное), «Шутл.» (шутливое) не рассматриваем как стилистические, так как они отражают эмотивное содержание фразеологической семантики. Для этого вводится система помет эмотивно-оценочных характеристик ФЕ. Если эмотивные свойства ФЕ в контекстуальном функционировании не были обнаружены, то словарная статья не содержит указания на характер ЭК. Например, ФЕ *альфа и омега* в значении ‘Начало и конец’, где эмотивно-оценочная функция нивелирована, коннотативный потенциал единицы заключён в образном и экспрессивном компонентах.

Помета «неодобр.» используется для указания на отрицательную оценочную семантику. В словарных статьях ФЕ с отрицательной эмотивной семантикой подобная помета не приводится, так как спектр эмоциональных состояний коррелирует с оценкой номинируемого объекта или ситуации субъектом речи.

Учитывая, что ФЕ по-разному объективирует эмоции, о чём было подробно сказано в параграфе «Способы фразеологической объективации эмоций в ЧЭД» (2.4.3.), выделяем в зоне эмотивно-оценочных характеристик следующие пометы: I – у ФЕ с ядерным ЭК; II – у ФЕ с околядерным и заядерным ЭК; III – у ФЕ, которые реализуют потенциальный ЭК в данном

контексте; IV – у ФЕ, которые сами не объективируют эмоции, но, вступая в комплексное взаимодействие, участвуют в данном контексте в объективации эмоций.

Узуальная эмотивность лексикографически зафиксирована, что позволило, следуя соответствующим пометам в словарях, указать и в словарной статье на тот или иной ЭК, если это семантическое свойство в полной мере отражено в смысловой структуре используемой Есениным ФЕ. Смысловая структура ФЕ реализуется в контексте и не всегда совпадает со структурой значения ФЕ: «Каждая ФЕ как элемент системы языка представляет собой структурно-семантическую модель, наполняющуюся индивидуализированным смысловым содержанием в том или ином речевом окружении» [Алефиренко 2004: 229]. Принимая тот факт, что эмотивность типа I и II свойственна ФЕ, у которых ЭК является частью фразеологического значения, указываем эти характеристики в зоне помет, относящихся к значению ФЕ. Пометы, фиксирующие несистемную эмотивность, находятся в иллюстративной части словарной статьи, предваряют тот контекст, в котором ФЕ реализует потенциальную или контекстуальную эмотивность. В случае с полиэмотивными ФЕ предпринимался эксперимент, выявляющий особенности объективации эмоций в каждом конкретном контексте. Оказиональная эмотивность также подверглась исследованию в ходе эксперимента.

Помету «Экспрессивное» не использовали, так как «разумеется, почти каждый фразеологизм обладает экспрессией. Значит, эту помету (экспресс. – *К.Н.*) надо бы ставить за каждым помещённым в словаре фразеологизмом, что было бы излишним» [ФСРЛЯ 1: 12]. Экспрессивность понимается нами как свойство единицы, возникающее в необычном, привлекающем внимание воспринимающего субъекта употреблении языковой единицы, что характеризует в разной степени фразеологию в целом, на что указывал ещё А.И. Фёдоров. Отметим, что единицы преобразованные или собственно

авторские, в отличие от узуальных, имеют бо́льшую воздействующую силу, т.е. отличаются большей экспрессивностью.

Таким образом, словарь даёт представление как о составе эпистолярной фразеологии С.А. Есенина, так и о структуре «эмоционального смыслового пространства языковой личности» [Шаховский 2009: 21]. Выявлены 152 узуальные ФЕ (87 % от общего числа ФЕ, используемых С.А. Есениным в его частных письмах) и 22 ФЕ речевые, не узуальные (13%, соответственно). При этом у 26 узуальных ФЕ (из 152) зафиксирована вариативность компонентного состава. В процессе контекстуальной реализации ФЕ в письмах С.А. Есенина у 7 узуальных единиц смысловые структуры существенно отличаются от структур фразеологического значения, причём воспроизводимость этих явлений не обнаружена.

Анализ эмотивной семантики каждой ФЕ позволил указать в словарной статье к ней статус ЭК в её смысловой структуре, а также продемонстрировать фразеосемантическое поле «Эмоции», реализующееся в ЧЭД С.А. Есенина (см. схему 8). Фразеосемантические микрополя конкретных эмоций объективируют преимущественно отрицательные эмоции, что соответствует подобной тенденции в языке. Из общего количества эпистолярных ФЕ 61 единица (35%) участвует в объективации эмоций: иронии – 21 ФЕ (34% от количества эмотивных ФЕ и 12% от общего количества эпистолярных ФЕ), отчаяния – 11 (18% и 6% соответственно), презрения – 11 (18% и 6% соответственно), возмущения – 6 (10% и 3%), гнева – 4 (6% и 2%), восхищения – 3 (5% и 1,7%), удивления – 2 (3% и 1%), особая группа ФЕ, синонимичных ФЕ *знай наших* в её эмотивной функции – 2 (3% и 1%), грусти – 2 (3% и 1%), пренебрежения – 1 (1,6% и 0,5%).

Именно движение от анализа контекстуального употребления ФЕ к теоретическому описанию наблюдений помогло выявить группы ФЕ, указывающие, какие именно эмоции объективируются, а также группу ФЕ, которые объективируют эмоциональное состояние, не подходящее ни под

одну из базовых эмоций. На наш взгляд, именно такой подход может обеспечить объективную картину эмоционального пространства языковой личности. Безусловно, анализ всех средств объективации эмоций, а не только фразеологических, может быть более информативным в реконструкции эмоциональной сферы языковой личности с учётом интердискурсивных факторов, а также с учётом прагматики ЧЭД.

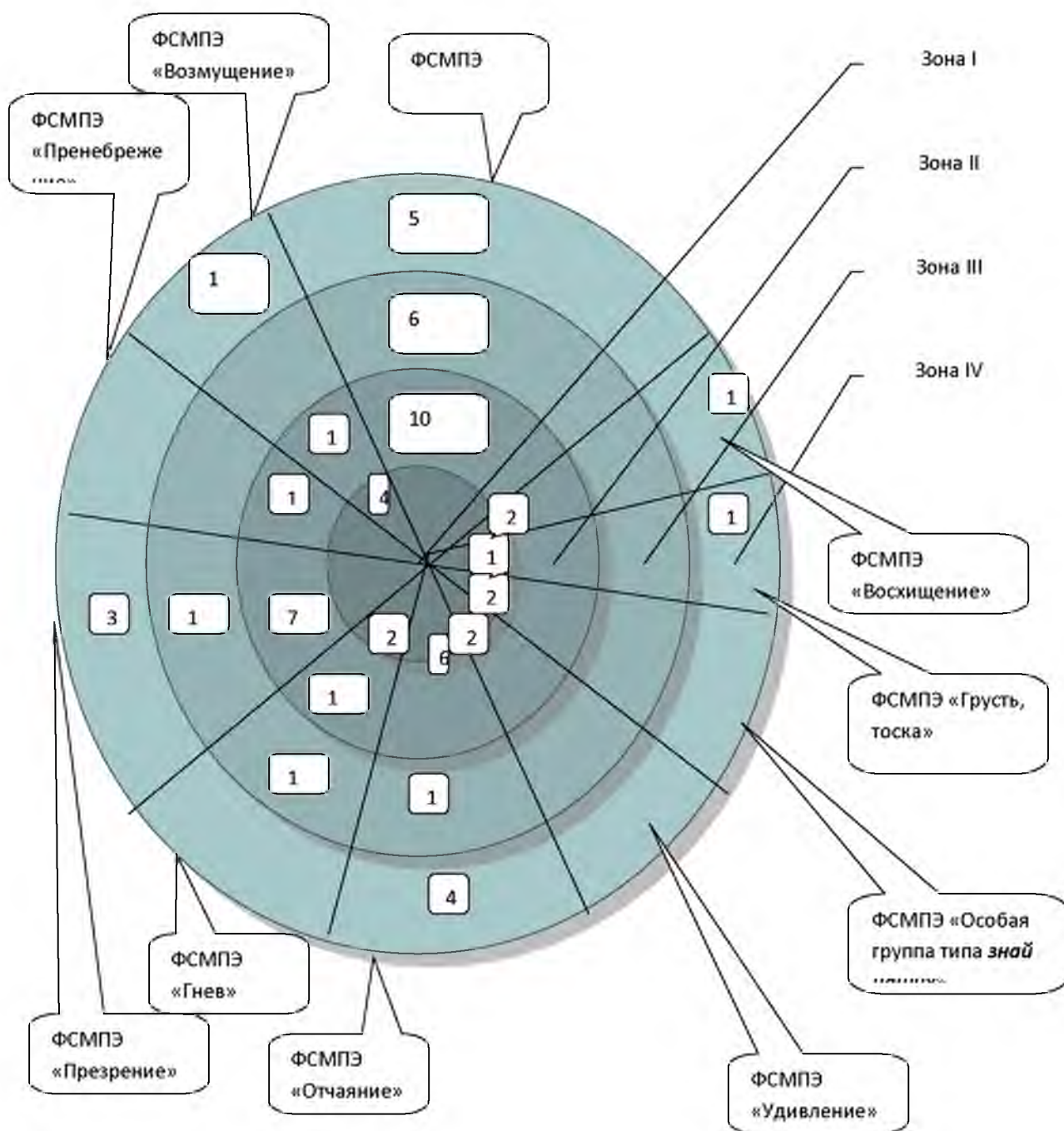

Схема 8.

Зона ФСПЭ I – зона фразеосемантического поля «Эмоции», представляющая собой его ядро. Она содержит те ФЕ, которые имеют ЭК в ядре своего значения.

Зона ФСПЭ II – зона фразеосемантического поля «Эмоции», содержащая ФЕ, в структуре значения которых есть ЭК, но он не является ядерным, а «сопровождает» денотативную семантику.

Зона ФСПЭ III – зона фразеосемантического поля «Эмоции», которая содержит ФЕ, реализующие потенциальную эмотивность в данном конкретном контексте.

Зона ФСПЭ IV – зона фразеосемантического поля «Эмоции», в которой представлены те ФЕ, которые, сами не являясь собственно эмотивными, участвуют в объективации эмоций, т.е. именно комплексное взаимодействие с участием этих ФЕ формирует эмотивную семантику высказывания.

ФСМПЭ – фразеосемантическое микрополе «Эмоции» (с указанием конкретной эмоции)

Выводы по Главе 5

Когнитивное пространство, которое остаётся за дискурсом и определяет его формацию, называем предложенным в когнитивистике термином *интердискурс*. Нас интересовали вопросы, насколько интердискурс влияет на внутреннюю организацию ЧЭД, когнитивно-прагматические механизмы фразеологической объективации эмоций; как интердискурс воздействует на ЧЭД одной языковой личности, а также вопрос о роли самой языковой личности и других интердискурсивных факторов в когнитивно-прагматических механизмах трансляции эмоциональной информации посредством ФЕ в ЧЭД.

С позиций осмысления роли интердискурса в функционировании когнитивно-прагматических механизмов фразеологической объективации эмоций в ЧЭД мы рассмотрели частное письмо, созданное на фронте, так как оно наиболее ярко демонстрирует эту роль. Выявлено, что координаты интердискурса задают трансформацию параметров коммуникативной ситуации «частное письмо», влияют на функционирование когнитивно-прагматических механизмов частного эпистолярного дискурса. Результаты трансформации позволяют считать эту группу писем частными, однако трансляционные процессы претерпевают изменения, прежде всего это касается когнитивного блока адресанта: информационное сгущение, подготовленное для трансляции посредством частного эпистолярного дискурса, содержит информацию, характер которой определён интердискурсом. Война как дискурс «сужает» рамки информации, которая могла бы быть транслирована. Интердискурс обуславливает особую роль в ЧЭД «письмо с фронта» ФЕ *жив и здоров*, смысловая структура которой насыщается, с одной стороны, за счёт буквализации знака косвенно-производной ногминации, с другой стороны – за счёт наращивания индивидуально-личностных эмотивных смыслов.

На материале писем М.О. Меньшикова рассмотрена роль интердискурса в когнитивно-прагматических механизмах трансляции эмоциональной информации в ЧЭД отдельной языковой личности. Исследование показало, что письма Меньшикова можно разделить на две группы: периода «до ареста» и «после ареста». Уже в этом проявляется роль интердискурса в организации ЧЭД в целом и в выборе языковых единиц для трансляции эмоциональной информации. Обнаружены различия этих двух групп писем на уровне трансляции эмоциональной информации единицами фразеологического уровня, например, частотность употребления ФЕ с компонентом *Бог* в письмах второй группы.

Завершая изучение роли интердискурса в когнитивно-прагматических механизмах трансляции эмоциональной информации в ЧЭД, проанализировали эпистолярную фразеологию С.А. Есенина. В результате был сделан вывод о том, что роль языковой личности в организации ЧЭД, начиная от функционирования мотивационных механизмов дискурса, продолжает проявляться в выборе той информации, которая предполагается для трансляции посредством ЧЭД, а затем обнаруживается в выборе языковых единиц разных уровней, а также в организации их комплексного взаимодействия, рассчитанного на наиболее эффективное воздействие на адресата.

Систематизация наблюдений над эмотивными свойствами эпистолярной фразеологии в аспекте языковой личности С.А. Есенина завершилась созданием словаря его эпистолярной фразеологии. Словарь даёт представление как о составе эпистолярной фразеологии С.А. Есенина, так и о структуре «эмоционального смыслового пространства языковой личности» [Шаховский 2009: 21]. В большинстве случаев Есенин использует узуальные ФЕ (87 % от общего числа ФЕ). Однако творческий подход к языку проявляется не только в умении преобразовывать, но и создавать окказиональные ФЕ.

Анализ эмотивной семантики эпистолярной фразеологии Есенина показывает, что чаще объективируется эмоция иронии, отчаяния, презрения и т.д. При этом подчеркнём, что тенденция к объективации отрицательных эмоций характерна для языка в целом, однако в том, что именно оказывается эмоциогенным из элементов интердискурса, может проиллюстрировать картину ожиданий, т.е. «идеал» индивидуальной картины мира языковой личности.

Заключение

Допуская особый статус ФЕ как единиц, способных объективировать эмоции в акте эпистолярной коммуникации, мы опирались на мысль о письменной природе эпистолярия, являющегося средством повседневного неформального общения, предполагающего трансляцию субъективной информации. Первоочередной задачей было выявление таких критериев, на основании которых можно было бы отличить частные письма от других речевых произведений, осуществив таким образом отбор материала исследования эмотивной фразеологии. Анализ научной литературы показал, с одной стороны, возрастающий интерес к частному письму как лингвистическому источнику, а с другой, – отсутствие комплексных, разноаспектно обобщающих теорий частного эпистолярия.

В результате анализа лингвистических изысканий эпистолярия, а также осмысления частной эпистолярной коммуникации и эпистолярной фразеологии в лингвофилософском, социолингвистическом, психолингвистическом, правовом и этическом аспектах мы пришли к выводу, что критерии для отбора частных писем основываются на параметрах коммуникативно-прагматической ситуации, в которой создается и функционирует частное письмо как речевое произведение. Критерии группируются как 1) *внетекстовые*, обусловленные самой ситуацией общения, в которой создаётся текст частного письма, это параметры частной эпистолярной коммуникации; и 2) *текстовые* параметры, связанные с функционированием единиц в тексте частного письма. Критерии первой группы обязательны в своей совокупности: 1) дистантность общения; 2) приватность сообщения; 3) близость отношений коммуникантов (семейные, дружеские, любовные); 4) конкуренция фатической и информативной функций; 5) повседневность предмета коммуникации (повседневная жизнь в её субъективном восприятии коммуникантами); 6) длительность, отсроченность коммуникации; 7) зафиксированность

сообщения на бумаге. Критерии второй группы могут быть нарушены, трансформированы, иначе говоря, вариативны: 1) элементы коммуникативной структуры текста частного письма; 2) эмотивность текста; 3) диалогичность, разговорность, политематичность. Произведения разных авторов были проанализированы на соответствие этим критериям, что позволило отобрать только те, которые соответствуют им, т.е. являются частными письмами. Итак, выявлены не только критерии отбора материала исследования, но и характеристики частного письма как дискурсивного пространства эпистолярной фразеологии.

Отталкиваясь от выявленных признаков частного письма и осмысливая анализируемое явление лингвокультуры в координатах когнитивно-прагматической парадигмы лингвистики, ЧЭД понимаем как отсроченное коммуникативное *событие*, происходящее при условии дистантного расположения двух сторон, находящихся в близких отношениях (семейных, дружеских, любовных); предполагающее приватность передачи сообщения, зафиксированного на бумаге; выполняющее информативно-фатическую функцию; предметом данного коммуникативного события выступает повседневная жизнь в её субъективном восприятии коммуникантами. В когнитивно-прагматическом аспекте ЧЭД рассматривается как акт трансляции «информационного сгущения» из концептосферы адреснта в концептосферу адресата. Такой подход позволяет представить ЧЭД как акт взаимодействия участников частной эпистолярной коммуникации, акт трансляции информации (рациональной и эмоциональной) из концептосферы адресанта в концептосферу адресата.

Рассматривая вербальные средства трансляции эмоциональной информации, мы пришли к выводу, что эмотивная семантика ЧЭД формируется взаимодействием средств объективации эмоций. Это взаимодействие невербальных и вербальных средств обнаруживается и в сфере фразеологии, что проявляется в особенностях формальной и

содержательной структур ФЕ. Специфическим именно для ЧЭД можно считать такое невербальное средство объективации информации, в том числе и эмоциональной, как предмет, вложенный в конверт.

Вербальные средства объективации эмоциональной информации представлены единицами всех уровней языка, кроме фонетического. Возможно, это связано с письменной природой частной эпистолярной коммуникации. Наиболее эффективными средствами объективации эмоций в ЧЭД являются знаки косвенно-производной номинации, которые аккумулируют эмотивный потенциал всех средств объективации эмоций. Базой эмотивных свойств ФЕ являются её внутренние ресурсы, которые сосредоточены в коннотативном макрокомпоненте фразеологического значения. Внутренние ресурсы фразеологической эмотивности участвуют в формировании ЭК не только фразеологического значения, но и смысловой структуры ФЕ в процессе её контекстуального употребления.

Выделены группы ФЕ, объективирующих эмоции в ЧЭД: 1) междометные ФЕ, специфика функционирования которых в ЧЭД заключается в том, что эти ФЕ имеют в ядре своей семантической структуры особый семантический компонент, коррелирующий с эмотивным компонентом другой языковой единицы, входящей в структуру высказывания; 2) узуально эмотивные ФЕ, эмотивный компонент коннотативного макрокомпонента которых актуализируется и в смысловой структуре ФЕ; 3) эмотивные ФЕ, которые объективируют контекстуальную эмотивность, не свойственную узуальной; 4) ФЕ, которые узуально не эмотивны, но контекстуально реализуют потенциальную эмотивность единицы; 5) ФЕ, которые сами не являются эмотивными, но, вступая в сложное семантическое взаимодействие, участвуют в объективации эмоций; 6) окказиональные и речевые эмотивные ФЕ.

Когнитивно-прагматический подход к исследованию фразеологической эмотивности позволил представить ЧЭД в виде модели, отражающей его

когнитивную структуру, заданную прагматическими установками, а также позволяющей наглядно представить ЧЭД как акт трансляции эмоциональной информации. Такая модель содержит указание на когнитивный блок адресанта, в котором формируются информационные сгущения, подлежащие трансляции посредством ЧЭД. Внимание сосредоточено на эмоциональной информации, включённой в транслируемое информационное сгущение. Когнитивно-текстовый блок модели ЧЭД – это зона смыслового содержания информационного сгущения, для трансляции которого адресант осуществляет поиск наиболее подходящей формы языкового воплощения. Текстовый блок отражает уровень текста письма, уровень взаимодействия речевых единиц разного уровня, среди которых нас в большей степени интересует ФЕ и проявление её эмотивных свойств. Блок, относящийся к деятельности адресата, демонстрирует те же элементы, хотя процессы, происходящие в них, отличаются от процессов, вычленяемых в блоке, относящемся к деятельности адресата.

Итак, принимая во внимание структуру ЧЭД, считаем, что ФЕ предстаёт как наиболее ёмкое по когнитивно-семантическому наполнению средство кодирования эмоциональной информации. Фонд эмотивных ФЕ расширяется за счёт реализации потенциальной эмотивности и обогащения семантической структуры ФЕ индивидуальными эмотивными смыслами. ФЕ включается в структуру высказывания как самостоятельный знак для объективации эмоций, а также как единица, участвующая своей когнитивно-семантической структурой в формировании эмотивной семантики высказывания в целом. Адресант программирует прагматический эффект, нацеленный на эмоциональное воздействие на адресата, но эффект может быть также и не запланированным.

Когнитивно-прагматический механизм трансляции эмоциональной информации в ЧЭД посредством ФЕ включает такие операции и процессы, которые обеспечивают анализ информационного сгущения, подлежащего

транслированию, поиск наиболее подходящей для целей ЧЭД единицы или сочетания единиц косвенно-производной номинации. Итак, деятельность адресата по объективации в ЧЭД эмоциональной информации посредством ФЕ включает следующие операции. Формирование информационного сгущения, подлежащего трансляции, базируется на механизмах перспективизации. Прогнозирование будущего речевого произведения, выбор языковых единиц, в том числе ФЕ, наиболее полно объективирующих запланированный для трансляции объём информации происходят с учётом их взаимодействия, а также с учётом эмотивной функции ФЕ в структуре высказывания. Механизмы контроля правильности высказывания связывают формирующийся элемент ЧЭД с представлениями об индивидуальной картине мира адресата. Эти операции поддерживаются механизмами памяти и воображения, ассоциативными механизмами. Механизм инференции, который сложно устроен, затрагивает область имплицитных эмотивных смыслов, вычленяемых адресатом из сообщения.

В случае, если выбранная для трансляции эмоциональной информации ФЕ не идеально подходит для объективации подготовленного фрагмента информационного сгущения, адресант прибегает к структурно-семантическим трансформациям, которые базируются на механизмах выдвижения и лаконизации. Преобразования ФЕ не всегда имеют цель введения ЭК в смысловую структуру ФЕ.

Интердискурсивные факторы понимаются как такие условия, такие координаты коммуникативно-прагматической ситуации, в которой создаётся и функционирует ЧЭД, которые находятся «за» дискурсом, влияют на его элементы на всех уровнях ЧЭД. Рассмотрев письмо с фронта с позиций влияния на ЧЭД интердискурсивных факторов, мы пришли к выводу о том, что воздействию подвергается отбор информационных сгущений, подлежащих трансляции, эмоциональная информация, подлежащая объективации, выбор языковых средств для объективации подготовленной

адресантом информации, выявили тенденцию к буквализации ФЕ *жив и здоров* в объективации эмоциональной информации. Воздействию интердискурсивных факторов подвержены и механизмы инференции. Особенности языковой личности являются одним из интердискурсивных факторов ЧЭД.

Внимание к языковой личности С.А. Есенина в объективации им эмоциональной информации с помощью ФЕ обусловлено тем, что эта яркая языковая личность иногда чрезвычайно эмоционально использует интересные случаи трансформации ФЕ с целью объективации эмоций, окказиональную фразеологию и паремиологию. Разрабатывая принципы словаря эпистолярной фразеологии С.А. Есенина, мы исходили из положения об интердискурсивных и дискурсивных факторах фразеологической эмотивности, о роли её внутренних ресурсов, опирались на результаты анализа ФЕ с использованием комплекса методов. Словарь даёт представление как о составе эпистолярной фразеологии С.А. Есенина, так и о структуре «эмоционального смыслового пространства языковой личности» [Шаховский 2009: 21]: 152 узуальные ФЕ (87 % от общего числа ФЕ, используемых С.А. Есениным в его частных письмах) и 22 ФЕ речевые, не узуальные (13%, соответственно). При этом у 26 узуальных ФЕ (из 152) зафиксирована вариативность компонентного состава. В процессе контекстуальной реализации ФЕ в письмах С.А. Есенина у 7 узуальных единиц смысловые структуры существенно отличаются от структур фразеологического значения, причём воспроизводимость этих явлений не обнаружена.

Фразесемантические микрополя конкретных эмоций объективируют преимущественно отрицательные эмоции, что соответствует подобной тенденции в языке. Из общего количества эпистолярных ФЕ 61 единица (35%) участвует в объективации эмоций: иронии – 21 ФЕ (34% от количества эмотивных ФЕ и 12% от общего количества эпистолярных ФЕ), отчаяния –

11 (18% и 6% соответственно), презрения – 11 (18% и 6% соответственно), возмущения – 6 (10% и 3%), гнева – 4 (6% и 2%), восхищения – 3 (5% и 1,7%), удивления – 2 (3% и 1%), *особая группа типа знай наших* – 2 (3% и 1%), грусти – 2 (3% и 1%), пренебрежения – 1 (1,6% и 0,5%).

В заключение отметим, что наиболее перспективным, по нашему мнению, является прежде всего изучение инференциальных механизмов не только на материале эпистолярной фразеологии в объективации ею эмоций, но и на материале современной эмотивной «повседневной» фразеологии, так как это актуальная проблема: внимание к результатам воздействия того или иного речевого произведения – это попытка найти закономерности инференциальных механизмов для того, чтобы использовать их для координации прагматической функции вербального кода. Именно в этом направлении мы видим перспективу исследования эмотивной фразеологии, которая считается одним из эффективных по эмотивной функции знаков языка. Ещё один вектор развития проведённого нами изыскания – это лексикографическое отражение результатов исследования авторской фразеологии в реализации ею коннотативной семантики в целом, её ассоциативно-образных смыслов, оценочного компонента, ЭК.

Библиография

1. Авалиани Ю.Ю. О коммуникативной функции фразеологических единиц в тексте // Коммуникативные единицы языка. М., 1984. С. 7–10.
2. Авоян Р.Г. Значение в языке. Философский анализ. М.: ВШ, 1985. 103 с.
3. Авторские права // Литература. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lit-info.ru/articles/copyright.htm>
4. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. СПб.: Наука, СПб отделение, 1994. 153 с.
5. Акимова Т.П. Тенденции использования эпистолярных формул приветствия и прощания в бытовых письмах русских писателей XIX–XX вв. // Современный русский язык: динамика и функционирование, 2009 г. Режим доступа: URL: <http://linguaconf2009.flybb.ru/topic35.html#p34>. (Дата обращения 12.01.2014).
6. Акимова Т.П. Особенности функционирования прецедентных текстов в русских частных письмах XIX–XX вв. // Известия ВГПУ. 2013. № 6. С. 70–73.
7. Акимова Т.П. Особенности употребления прецедентных текстов в письмах А.П. Чехова // Грани познания. 2014. № 1. С. 22–25.
8. Акишина А.А. Письмо как один из видов текста // Русский язык за рубежом. 1982. № 2. С. 57–63.
9. Александрова О.И. Окказионализмы в эпистолярном жанре разговорной речи (опыт функционального анализа) // Вопросы стилистики / Отв. ред. О. Б. Сиротинина. Саратов, 1972. Вып. 5. С. 17–32.
10. Алексеев А.Н. Письмо, дневник, автобиография: многообразие форм и сопряжение смыслов (теоретико-методологические заметки) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 4. С. 46–56.
11. Алексеев А.Н. Дневник и письмо // Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: События в СИ РАН 2008 / 2009 года). 2009.

- [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sundry.wmsite.ru/publikacii-druzej/analekseev-sociolog/dnevnik-i-pismo> (Дата обращения 22.05.2015).
12. Алексеев И.С. Об универсальном характере понимания // Вопр. философии. 1986. №7. С. 73–74.
 13. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. Волгоград: Перемена, 1999. 247 с.
 14. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. 394 с.
 15. Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: Теоретические исследования. ВГПУ, науч.-исслед. лаб. «Язык и культура». Волгоград: Перемена, 2003. 95 с.
 16. Алефиренко Н.Ф. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия): монография / Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых. Астрахань: Астраханский университет, 2004. 296 с.
 17. Алефиренко Н.Ф. Проблемы когнитивно-семиологического исследования языка // Слово-сознание-культура: сб. науч. тр. / сост. Л.Г. Золотых. М.: Флинта: Наука, 2006а. С. 31–41.
 18. Алефиренко Н.Ф. Когнитивная семантика: миф или реальность? // Вестник ТГПУ. Вып. 5. Серия Гуманитарные науки (филология). Томск, 2006б. С. 43–48.
 19. Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-прагматическая фразеология как лингвистическая проблема // Славянская фразеология и прагматика. *Slavenska frazeologija i pragmatika*. Zagreb: Knigra, 2007а. С. 219–225.
 20. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: монография. М.: Элпис, 2008а. 271 с.
 21. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремиология / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.

22. Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-прагматическая субпарадигма науки о языке // Когнитивно-прагматические векторы совр. языкознания: Сб. науч. тр. / Сост. И.Г. Паршина, Е.Г. Озерова. М.: Флинта, 2011. С. 16–27.
23. Алещенко Е.И. Русская поэтическая фразеология (на материале произведений В.М. Гаршина и Н.С. Лескова): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998. 195 с.
24. Андреева Е.С. Диалектика текста: Понятийная сеть как логическая основа естественного языка. 3-е изд., доп. М.: МАКС ПРЕСС, 2002. 112 с.
25. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003. 128 с.
26. Апресян В.Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, В. Д. Апресян // Вопр. языкознания. 1993. №3. С. 27–35.
27. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания// Вопр. языкознания. 1995. №1. С. 37-67.
28. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). М.: Просвещение, 1990. 300 с.
29. Артемова А.В. Коннотативный аспект семантики фразеологических единиц // Актуальные проблемы семасиологии. Л., 1991. С. 12–21.
30. Артёмова А. В. Эмотивно-оценочная объективация концепта «женщина» в семантике фразеологических единиц (на материале английской и русской фразеологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2000. 16 с.
31. Арутюнова Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Т. 16. С. 3–42.
32. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 388 с.
33. Арутюнова Н.Д. Дискурс // ЛЭС. М., 1990. С. 136–137.
34. Арутюнова Н.Д. Прагматика / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 389–390.

35. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
36. Арутюнова Н.Д. «Пропозиция», «факт», «событие» (опыт концептуального анализа) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1987. Т. 46. № 6. С. 529–546.
37. Архангельская Ю.В. Фразеология в языке Л.Н. Толстого: автореф. ... канд. филол. наук. Тула, 2005. 204 с.
38. Архангельская Ю.В. Фразеология в дискурсе Л.Н. Толстого: монография. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2008. 212 с.
39. Архангельский В.Л. Методы фразеологического исследования в отечественном языкознании (60-е годы XX века) // Вопросы лексики и фразеологии современного русского языка. Ростов н/Д, 1964. 315 с.
40. Архипкина О.С. Реконструкция субъективного семантического пространства, означающего эмоциональные состояния // Вести. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1981. №2. С. 25–31.
41. Архипова М.В. Психологические свойства и представления, связанные с практикой ведения личного дневника // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13. № 3. С. 197–207.
42. Асмолов А.Г. Психология личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. 367 с.
43. Ахманова О.С. Основы компонентного анализа / Под ред. Э.М. Медниковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 97 с.
44. Ахметсагирова Л.И. Об эмотивности фразеологизмов военной сферы (на материале русского и немецкого языков) // Вестник Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 21. С. 63–66.
45. Аюпова Р.А. Фразеологическая эмотивность в лексикографическом описании и в контексте (на материале английского, русского и татарского языков) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 66. С. 21–26.

46. Аюпова Р.А. Лексикографическое описание функционально-стилистического аспекта фразеологической коннотации (на материале английского, русского и татарского языков) // Вестник Университета российской академии образования. 2008. № 5. С. 72–82.
47. Бабенко Л.Г. Обозначение эмоций в языке и речи. Свердловск, 1986. 98 с.
48. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 189 с.
49. Бабенко Л.Г. Роль человеческого фактора в интерпретации эмоций: репрезентация эмотивных смыслов в словаре, предложении и тексте // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. Екатеринбург, 1995. С. 65–66.
50. Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л.: Наука, 1970. 263 с.
51. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1998. 41 с.
52. Бабушкин А.П. «Здравый смысл» в денотативных значениях фразеологических единиц // Когнитивные факторы взаимодействия фраземики со смежными дисциплинами / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. Белгород: БелГУ, 2013. С. 4–43.
53. Баженова И.С. Обозначение эмоций в художественном тексте: прагматический аспект: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 42 с.
54. Багатурова Е.Г. Фразеологические единицы как внутренние факторы текстообразования в романе Л. Толстого «Воскресение» // Язык и стиль Л.Н. Толстого. Тула: ТГПИ им. Л.Н. Толстого, 1992: С. 3–18.
55. Багаутдинова Г.А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2007. 333 с.

56. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
57. Бакина М.А. Структурно-семантические преобразования фразеологических единиц в современной русской поэзии // Русский язык в школе. 1980. №3. С. 67–73.
58. Бакина М. А. Общеязыковая фразеология в русской поэзии второй половины XIX века. М., 1991. 127 с.
59. Бакина В.И. Лирика в переписке Р.М. Рильке и М.И. Цветаевой как выражение их духовного родства (опыт лингвостилистического анализа) / В.И. Бакина, О.А. Кострова // Вопросы филологии. 2004. № 1. С. 76–80.
60. Балакина Л.В. Проявление гендерного фактора в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук. Орёл, 2005. 303 с.
61. Балакина З.Ю. Национально-культурная специфика лексикографического описания эмоциональных концептов (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 19 с.
62. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: УРСС, 2001. 416 с.
63. Баранов А.Н. Когнитивное моделирование актуального значения идиомы / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Уч. зап. Тартусского ун-та. Тарту, 1990. Вып. 903. С. 20–26.
64. Баранов А.Н. Постулаты когнитивной семантики / Изв. Рос. акад. наук. Сер. литературы и языка. 1997. Т. 56. №1. С. 11–21.
65. Баркова Л.А. Прагматические свойства фразеологизмов и их речевая реализация (на материале англоязычной журнальной рекламы) // Фразеология и контекст. М., 1982. Вып. 198. С. 3–13.
66. Безрукова Л.Г. Двойная актуализация как универсальная и идиоэтническая черта функционирования ФЕ (Опыт контрастного описания

- на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 192 с.
67. Беликов В.И. Социоллингвистика / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. М.: РГГУ, 2001. 439 с.
68. Белоусов А.Ф. Русский школьный фольклор: от вызываний Пиковой дамы до семейных рассказов. М.: АСТ; Ладомир, 1998. 752 с.
69. Белова А.В. Лингвопрагматическая характеристика обратимой эпистолярной коммуникации (на материале переписки Ал.П. Чехова и А.П. Чехова): дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2005. 159 с.
70. Белунова Н.И. Текст дружеского письма творческой интеллигенции конца XIX–первой четверти XX века как объект лингвистического исследования (коммуникативный аспект): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 475 с.
71. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
72. Берлизон С.Б. Специфика семантики ФЕ и роль структурных компонентов в ее определении // Семантическая структура слова и фразеологизма: сб. науч. тр. Рязань, 1980. С. 14–28.
73. Бизюков Н.В. Эволюция структуры коннотации фразеологических единиц в контексте (на материале газетно-публицистической статьи) // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 1. С. 90–94.
74. Блумфилд Л. Язык. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1990. 606 с.
75. Богуславская Н.Е. Этикет письма (на материале родственных и дружеских писем свердловских школьников) / Н.Е. Богуславская, Н.А. Купина // Функционирование литературного языка в уральском городе / Отв. ред. Л.М. Майданова. Свердловск, 1990. С. 26–34.

76. Бойченко В.В. Индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1993. 16 с.
77. Бодалев А.А. О психологии воспитательного воздействия в межличностном общении / А.А. Бодалев, А.Г. Ковалёв // Вопросы психологии межличностного познания и общения. Краснодар, 1985. С. 8–29.
78. Болдарева Е.Ф. Языковая игра как форма выражения эмоций: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 149 с.
79. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. 123 с.
80. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1 С. 18–36.
81. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. М.: Просвещение, 1987. 160 с.
82. Бондаренко В.Т. О смеховой функции русской фразеологии // Русский язык в школе. 2001. №3. С. 74–76.
83. Бондарко А.В. Понятийные категории и язык. Семантические функции в грамматике // Универсалии и типологические исследования. М.: Наука, 1974. С. 62–75.
84. Бондарь А.В. Реализация эмотивного потенциала фразеологических единиц в поэтическом дискурсе Б.Л. Пастернака // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами / отв. ред. Н.Ф. Алефиренко. Белгород: Белгород, 2013. С. 331–335.
85. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. М.: URSS, 2006. 286 с.
86. Бочарова О.М. Гендер во фразеологической семантике / О. М. Бочарова, Л. Ю. Буянова // Фразеология и миропонимание народа: материалы

- Международ. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 1. Фразеологическая картина мира / сост. В.Т. Бондаренко, Г.В. Токарев. Тула, 2002. С. 235-238.
87. Брысина Е.В. Экспрессивно-выразительные средства диалекта: учеб. пособие по спецкурсу. Волгоград: Перемена, 2001. 131 с.
88. Брысина Е.В. Роль фразеологических коммуникативов в процессе выражения эмоционального состояния диалектной языковой личности // Фразеология, познание и культура: сб. докл. 2-й Межд. науч. конф. Белгород: БелГУ, 2010а. Т. 1. С. 138–141.
89. Брысина Е.В. Прагматическая функция фразеологических единиц в диалектной речи // Вопросы краеведения. Волгоград, 2010б. С. 123–129.
90. Брысина Е.В. Экспрессивность диалектных фразем как их прагматическая характеристика (на материале донских говоров) // Живое слово Севера. Вып. 2. Архангельск: Кира, 2012. С. 71–77.
91. Буняева М.В. Особенности чеховского эпистолярного дискурса // Северо-Кавказский психологический вестник. 2010. № 8 / 1. С. 51–54.
92. Бурмако В.М. Значение фразеологизма и его компонентов // Фразеологизм и слово в системе языка. Новгород, 1996. С. 32–33.
93. Бурмистров О.Ю. Путь фразеологизма от процесса образования до процесса фиксации в словаре и далее // Фразеологизм и слово в системе языка. Новгород, 1996. С. 34–35.
94. Бурукина О. А. Гендерный аспект перевода // Гендер как интрига познания / под ред. И.И. Халеевой. М., 2000. С. 99–107.
95. Буряков М.А. К вопросу об эмоциях и средствах их языкового выражения // Вопр. языкознания. 1979. №3. С. 47–59.
96. Бухаркин П.Е. Образ адресата в письмах Д.И. Фонвизина из Франции к П.И. Панину // Вестник Ленингр. ун-та. Сер. истории, яз., лит. 1980. № 20. Вып. 4.

97. Буянова Л.Ю. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство концептуализации сферы моральных качеств личности: монография / Л.Ю. Буянова, Е.Г. Коваленко. М.: Флинта, 2012. 183 с.
98. Быдина И.В. Движение эмотивной семантики поэтического слова (на материале поэзии А. Вознесенского, Н. Матвеевой): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1994. 217 с.
99. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993. 502 с.
100. Вакуров В.Н. Развитие эмоциональных значений и полиэмоциональность фразеологических единиц // Филологические науки. 1991. № 6. С. 74–82.
101. Василенко А.П. Значение контекстуально преобразованных фразеологизмов // В мире научных открытий. 2010. № 4–2. С. 104–106.
102. Васильев И.А. Эмоции и мышление / И.А. Васильев, В.Л. Поплужный, О.К. Тихомиров. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 192 с.
103. Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопр. языкознания. 1971. №5. С. 105–113.
104. Ватолина Т.Г. Когнитивная модель детективного дискурса (на материале англоязычных детективных произведений XIX-XX вв.): автореф. дис. канд. филол. наук. 2011. 22 с.
105. Вашунина И.В. Взаимовлияние вербальных и невербальных (иконических) составляющих при восприятии креолизованного текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 42 с.
106. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Рус. словари, 1997. 416 с.
107. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 783 с.
108. Вендина Т.И. Языковое сознание и методы его исследования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 1999. № 4. С. 15-33.

109. Верещагин Е.М. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
110. Вилюнас В.К. Основные проблемы психологической теории эмоций // Психология эмоций. Тексты. М., 1984. С. 3–28.
111. Виноградов В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.
112. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
113. Витт Н.В. Об эмоциях и их выражении в речи // Вопросы психологии. 1964. № 3. С. 140–153.
114. Водяха А.А. Эмоциональная рамка высказывания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1993. 16 с.
115. Волкова Н.Н. Русская эмотивная фразеология в языке и тексте: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 221 с.
116. Волынкина Г.Ю. Нейрофизиологическая структура эмоциональных состояний человека / Г.Ю. Волынкина, Н.Ф. Суворов. Л.: Наука, 1981. 160 с.
117. Воронина Л.В. Инференция именных производных слов немецкого языка // Научные ведомости БелГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2010. № 24 (95). Т. 8. С. 121–127.
118. Выготский Л.С. Спиноза и его учение об эмоциях в свете современной психоневрологии // Вопр. философии. 1970. №6. С. 119–127.
119. Выготский Л.С. Учение об эмоциях // Полн. собр. соч. М.: Наука, 1984. Т.6. С. 91–319.
120. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 350 с.
121. Гак В. Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 87–93.
122. Гак В.К. Языковые преобразования. М., 1998. 768 с.
123. Гальперин И.Р. Информативность единиц языка. М.: Высш. шк., 1974. 176 с.

124. Гарифуллина А.М. Фразеологические единицы, выражающие эмоции и чувства человека, в турецком и английском языках: дис... канд. филол. наук. Казань, 2005. 325 с.
125. Гаузенблас К.О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста. М., 1978. С. 57–78.
126. Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразообразования: монография. Изд-е 2-е, испр. и доп. Ростов-на-Дону: Логос, 2010. 246 с.
127. Гик Мэри Л. Когнитивные основы переноса знаний / Мэри Л. Гик, Кет Дж. Холиок. М.: ИНИОН, 1990. 67 с.
128. Глинкина Л.А. Весь Ваш без церемоний: речевой этикет в частных письмах 19 в. // Русская речь, 1985. № 1. С. 39–45.
129. Говердовский В.И. История понятия коннотация // Филол. науки. 1979. №2. С. 83–86.
130. Говердовский В.И. Диалектика коннотации и денотации: Взаимодействие эмоционального и рационального в лексике // Вопр. языкознания. 1985. №2. С. 71–79.
131. Голованевский А.А. Оценочность и ее отражение в политическом и лексикографическом дискурсах (на материале русского языка) // Филол. науки. 2002. С. 78-87.
132. Голубева О.В. Проблемы инференции в психолингвистическом аспекте // Вестник ТвГУ. Серия Филология. 2013. № 24. Вып. 5. С. 151–158.
133. Гончарова Ю.Л. Слова-названия эмоций в когнитивном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 20 с.
134. Гончарова Н.В. О словаре предметной поэтической фразеологии О. Мандельштама // Словарное наследие В.П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии. Великий Новгород, 2004. С. 355–358.
135. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М.: Наука, 1980. 104 с.

136. Горелов И.Н. Основы психолингвистики: уч. пос. / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. М.: Лабиринт, 1998. 256 с.
137. Городникова Н.Д. О семантической структуре лексических и фразеологических единиц, выражающих эмоции // Семантическая структура слова и фразеологизма: сб. науч. тр. Рязань, 1980. С. 31–39.
138. Горошко Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма // Методология современной психолингвистики : сб. науч. тр. М.; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 99–102.
139. Грайс Г.Ф. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
140. Грехнев В.А. Дружеское послание пушкинской поры как жанр // Болдинские чтения. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1978. С.32–49.
141. Греч Н.И. Учебная книга российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе. СПб., 1819. 4.1. С. 52–59.
142. Григорьева А.С. Статистическая структура русского эпистолярного текста (лексика частных писем): автореф. дис. . канд. филол. наук. Л., 1981.
143. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагматический и когнитивный аспекты: монография. Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. тех ун-та, 2007. 288 с.
144. Гридин В.Н. Семантика эмоционально экспрессивных средств языка // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983. С. 113–119.
145. Гриднева Т.В. Когнитивная основа фразеологической семантики // Мир русского слова и русское слово в мире // Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. София, 2007. Т. 2. 99–103.
146. Гужанов С.И. Разговорная и просторечная фразеология в поздних дневниках Л.Н. Толстого (1895–1910 гг.) // Особенности языка и стиля Л.Н. Толстого. Тула: ТГПИ им. Л.Н. Толстого, 1990. С. 29–36.

147. Гужанов С.И. Фразеология как средство речевой характеристики персонажей в повести Л.Н. Толстого «Казачья» // Язык и стиль Л.Н. Толстого. Тула: ТГПИ им. Л.Н. Толстого, 1992. С. 60–62.
148. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. 397 с.
149. Гурвич-Лицинер С.Д. Эпистолярные циклы в публицистике А.И. Герцена 60-х гг. // Проблемы изучения Герцена. М: АН СССР, 1963. С. 189–214.
150. Гусева С.В. Перифрастическая в эпистолярном дискурсе А.П. Чехова // Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: Традиции и современность: труды и материалы: в 2 тт. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. Казань: Казан. ун-т, 2003. Т. 1. С. 42–45.
151. Давлетбаева Д.Н. Исследование процесса восприятия окказиональных фразеологических единиц в психолингвистическом эксперименте на материале генетически неродственных языков // Интеграция образования. 2011. № 11. С. 114–120.
152. Давлетбаева Д.Н. Типологическая моделируемость фразеологических трансформаций (на материале русского, английского, французского и турецкого языков): дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2012. 490 с.
153. Данилевский И.Н. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники Рос. истории: учеб пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 2000. 701 с.
154. Данкер З.М. Функционально-семантическая организация частного письма (ситуативная установка контакта): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. 18 с.
155. Дарвин Ч. Выражение эмоций у человека и животных // Хрестоматия по психологии. М., 1987. С. 112–231.
156. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989: 312 с.

157. Дейк Т. А. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. С. 24–27.
158. Дейк Т. А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 153–211.
159. Декатова К.И. Смыслообразование знаков косвенно-производной номинации русского языка: Когнитивно-семиологический аспект исследования. Волгоград: Перемена, 2009. 216 с.
160. Демьянков В. З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний. М., 1992. С. 39–77.
161. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
162. Дёмин А.С. Русские письмовники XV–XVII вв. (К вопросу об эпистолярной культуре): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1964. 17 с.
163. Дзедисова Ж.В. Эмотивность текстов частных посланий Лоренса Стерна (на материале лексического состава писем) // Вестник Пятигорского лингвистического университета. 2010. № 4. С. 200–203.
164. Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов-на Дону, 1979. 172 с.
165. Диброва Е.И. Фразеология на современном этапе // Вести. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1994. №5. С. 21–29.
166. Дмитриева Е.Е. Письма Пушкина в восприятии читателей XIX в. // Проблемы интерпретации художественных произведений. М., 1985. С. 72–79.
167. Дмитриева Е.Е. Русские письмовники середины XVIII – первой трети XIX в. и эволюция русского эпистолярного этикета // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 6. С. 543–552.
168. Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопр. языкознания. 1996. №1 С. 71–93.

169. Добрыднева Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии: дисс... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 453 с.
170. Додонов Б.И. Классификация эмоций при исследовании эмоциональной напряжённости личности // Вопр. психологии. 1975. №6. С. 21–33.
171. Докучаев И.И. Общение в истории культуры: Методологический и типологический аспект: дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2003. 519 с.
172. Дубинина А.М. Русско-французский эпистолярный I пол. XIX в.: фразеология и иноязычные вкрапления: дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 2005. 249 с.
173. Дурова Е.Н. Синтаксические средства выражения состояний в современном русском языке // Труды молодых учёных. Научный журнал Воронежского гос. университета. 2012. Выпуск 1–2. С. 105–108.
174. Ейгер Г. В. Механизмы контроля правильности высказывания. Харьков: Основа, 1990. 183 с.
175. Еременко И.А. Фразеология писем Л.Н. Толстого: автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Львов, 1988. 23 с.
176. Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия: уч. пос. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 1990. 81 с.
177. Жинкин Н. И. Механизмы речи. М.: Наука, 1958. 370 с.
178. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 156 с.
179. Жинкин Н. И. Язык – речь – творчество// Избр. тр. М.: Лабиринт, 1998. 368 с.
180. Жуков В.П. Внутренняя форма и целостное значение фразеологизма // Вопросы фразеологии и грамматики современного русского языка. Новгород, 1967. Т.12. С. 18–29.
181. Жуков В.П. Русская фразеология. М.: Высш. шк., 1986. 310 с.
182. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. М.: Просвещение, 1987а. 160 с.

183. Забабурова Н.В. Письма мадам де Севинье: новый эпистолярный дискурс // *Мировая культура XVII–XVIII вв. как метатекст: дискурсы, жанры, стили. Материалы международного научного симпозиума «Восьмые Лафонтеновские чтения»*. Серия «Simposium», вып. 26. СПб: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 80–83.
184. Залевская А.А. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // *Исследования речевого мышления в психолингвистике*. М., 1985. С. 150–171.
185. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1990. 204 с.
186. Залевская А.А. Психолингвистический подход к анализу языковых явлений // *Вопр. языкознания*. 1999а. №6. С. 31–42.
187. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 1999б. 382 с.
188. Замалюдинова М.З. Роль эмотивного компонента во фразеологии // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2013. № 9. С. 75–76.
189. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Изд-во Моск ун-та, 1976. – 307 с.
190. Зверева Т.Р. Эмоции во фразеологической картине мира русского языка (с позиции носителя удмурд. яз.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 19 с.
191. Зимняя НА. Смысловое восприятие речевого сообщения // *Смысловое восприятие речевого сообщения в условиях массовой коммуникации / под ред. Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьева*. М., 1976. С. 5–8.
192. Зимняя И.Я. Вербальное мышление (психолингвистический аспект) // *Исследование речевого мышления в психолингвистике*. М., 1985а. С. 51–72.
193. Зимняя И. А. Функциональная психологическая схема формирования и формулирования мысли посредством языка // *Исследование речевого мышления в психолингвистике*. М., 1985б. С. 72–85.

194. Зимняя И. А. Способ формирования мысли как реальность языкового сознания // Язык и сознание: Парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 51–58.
195. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: МОДЭК, 2001. 432 с.
196. Золотых Л.Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики: монография. Астрахань: Астрах. университет, 2007. 265 с.
197. Золотых Л.Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики (на материале русского языка): дис. ... д-ра филол. наук. Астрахань, 2008. 384 с.
198. Зыбина Н.П. Семантизация фразеологизмов-агномимов рядовыми носителями языка // Когнитивные факторы взаимодействия фраземики со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Международной научной конференции (Белгород, 19 – 21 марта 2013 года) / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. С. 171–175.
199. Зыкова И.В. Способы конструирования гендера во фразеологии: монография. М.: Едиториал УРСС, 2003. 232 с.
200. Зырянова Е.Г. Частная записка как жанр естественной письменной русской речи: дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2009. 218 с.
201. Иванов А.Ю. Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник: дис ... канд. истор. наук. Казань, 2009. 249 с.
202. Иванов В.М. Современные проблемы публикации писем периода ВОВ 1941-1945 гг. // Отеч. архивы. 2011. № 2. С. 50–56.
203. Изард К. Эмоции человека. М., 1980. 285 с.
204. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Питер, 2013. 576 с.

205. Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998. 197 с.
206. Ипполитов Н. Б. Междометная фразеология русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974. 16 с.
207. Йокояма О.Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М.: Языки славянской культуры, 2005. 424 с.
208. Кабанова Т.Н. Эпистолярый текст частной переписки в аспекте теории речевого общения (На материале рукописных и опубликованных текстов XX века): дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2004. 210 с.
209. Кавуля Т. Модально-междометные фразеологические единицы в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-н/Д, 1987. 27 с.
210. Кайгородова И.Н. Проблемы синтаксической идиоматики (на материале русского языка): монография. Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед ун-та, 1999. – 249 с.
211. Казыдуб Н.Н. Дискурсивное протранство как фрагмент языковой картины мира: теоретическая модель: дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2006. 311 с.
212. Калёнова Н.А. «Жив и пока ещё здоров»: авторские преобразования фразеологизмов в эпистолярном дискурсе как реализация структуры языковой личности // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 15. Сочи: СГУТиКД, 2010. С. 71–78.
213. Калёнова Н.А. Язык личного письма (на примере писем В.С. Норова 1812–1813 гг. родителям) // Реалии и легенды 1812 г.: Сб. науч. статей. / Отв. ред. С.В. Денисенко. СПб.: Изд-во М. Батасовой, 2012а. С. 82–89.
214. Калёнова Н.А. Текстология частного письма//Текст как единица филологической интерпретации: сборник статей II Всероссийской научно-

- практической конференции с международным участием / отв. ред. А.А. Куруленок. Новосибирск: Немо Пресс, 2012б. С. 96–101
215. Калёнова Н.А. Философские грани эпистолярной коммуникации: к лингвокогнитивному изучению частного письма // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012в. № 3. Т. 1. С. 69–72.
216. Калёнова Н.А. О проблемах и перспективах исследования частного письма в современной лингвистики // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. 2013а. № 1. С. 80–87.
217. Калёнова Н.А. Образ заграницы в письмах С.А. Есенина // Русский язык за рубежом. 2013б. № 1. С. 80–87.
218. Калёнова Н.А. Паралингвистические средства эпистолярной коммуникации: когнитивно-прагматический подход // Известия Сочинского государственного университета. 2013в. № 3 (26). 214–217.
219. Калёнова Н.А. Основные параметры частного письма как речевого произведения (на примере эпистолярия С.А. Есенина) // Известия ВГПУ. 2014а. № 10. С. 68–75.
220. Калёнова Н.А. Когнитивно-прагматическая модель эпистолярного дискурса (на материале частных писем) // Когнитивные исследования языка. 2014б. № 18. С. 618–621.
221. Калёнова Н.А. Когнитивно-прагматические механизмы смысловой реализации фразеологического значения в эпистолярном дискурсе // Смысловая презентация языковой картины мира: монография / под ред. Л.Г. Золотых. – Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2014в. – 187 – 224.
222. Калёнова Н.А. Эпистолярный как источник лингвокультурологических исследований русской фразеологии // Русское слово. Выпуск 4: К юбилею декана филологического факультета профессора Е.В. Брысиной / под ред. Е.И. Алещенко. Волгоград: Олимпия, 2015а. С. 319–325.

223. Калёнова Н.А. Приватность частного письма и возможность его опубликования: правовой и этический аспекты проблемы // Филология и человек. 2015б. № 2. С. 18–29.
224. Калёнова Н.А. Словарь эпистолярной фразеологии С.А. Есенина. – Волгоград: Волгоградское научное издательство. 2015в. – 134 с.
225. Калёнова Н.А. Стилистические характеристики эпистолярной фразеологии С.А. Есенина // Апробация. – 2015г. - № 1. – 51–53.
226. Калёнова н.А. Специфика «письма с фронта» как частного неофициального письма (на материале фронтовых писем сталинградцев 1941–1945 гг.) // Царицынские рождественские чтения: Сб. материалов конференции. Вып. 2. / Под ред. В.И. Супруна. Волгоград: Издательство ИП Поликарпов И.Л., 2015д. С. 124 – 132.
227. Калимуллина Л.А. О тенденциях семантической эволюции эмотивной лексики и фразеологии русского языка // Вестник Башкирского университета. 2005. Том 10. № 3. С.53–55.
228. Калимуллина Л.А. Семантическое поле эмотивности в русском языке: синхронный и диахронический аспекты: с привлечением материала славянских языков: дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2006. 556 с.
229. Калимуллина Л.А. Семантическая специфика эмотивной фразеологии в русском языке XVIII–XIX вв. // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. 2009. № 12. С. 246–254.
230. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.:ИТДГК «Гнозис», 2002. 333 с.
231. Караулов Ю.Н. Научная школа «Языковая личность» // Гуманитарные исследования: журнал фундаментальных и прикладных исследований. Астрахань: Астрах. ун-т, 2004. № 3. С. 14 – 23.
232. Кашина И.В. Фразеологизмы со значением эмоционального состояния лица в современном русском языке (структурно-семантическая характеристика): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 24 с.

233. Кацнельсон С.Д. Речемыслительные процессы // Вопр. языкознания. 1984. №4. С. 3–12.
234. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке). М.: Эдиториал УРСС, 2002. 332 с.
235. Кибрик А.Е. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопр. языкознания, 1994. №5. С. 21—29.
236. Кириллина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 1999. 189 с.
237. Кириллова Н.Н. О денотате фразеологической семантики // Вопр. языкознания. 1986. №1. С. 82–90.
238. Кириллова Н.Н. Внутренняя форма фразеологизма в концепции фразеологической картины мира // Фразеология и миропонимание народа: материалы Междунар. научконф.: в 2 ч. Ч. 1. Фразеологическая картина мира / сост. В.Т. Бондаренко, Г.В. Токарев. Тула, 2002. С. 35–40.
239. Киров Е.Ф. Теоретические проблемы моделирования языка. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. 255 с.
240. Киришбаум Э. Психологические состояния / Э. Киришбаум, А. Еремеева. Владивосток, 1990. 164 с.
241. Киселёва Л.В. Язык как средство воздействия (на материале эмоционально-оценочной лексики современного русского языка): лекции спецкурса Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. 60 с.
242. Киселёва Т.А. Устные произведения и частные письма – объекты авторского права в XIX веке // Вестник Костромского государственного технологического университета. 2006. № 14. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vestnik.kstu.edu.ru/numbers.php?id_k=7 (Дата обращения 22.06.2013).

243. Климова Н.В. Структура и стилистические функции обращения в письмах И.С. Тургенева // Исследования по русскому языку. Днепропетровск, 1970. С. 127–133.
244. Клэнер Л.-Л.-В. Й. Эпистолярный дискурс на рубеже XVIII–XIX вв. в Германии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 1. С. 252–254.
245. Ковалева Л.В. К методике определения стилистических помет фразеологизмов // Образование и функционирование фразеологических единиц. Ростов-на-Дону, 1981. С. 142–143.
246. Ковалёва Н.А. Русское частное письмо XIX века: коммуникация, жанр, речевая структура: дисс. ... докт. филол. наук. М., 2002. 537 с.
247. Козлова Н.Н. «Я так хочу назвать кино». Наивное письмо. Опыт лингво-социологического чтения. Записки Киселёвой Е.Г. / Н.Н. Козлова, И.И. Сандомирская. М.: Гнозис, 1996. 256 с.
248. Козлова О.Д. Эго-текст в культурноречевом пространстве / О.Д. Козлова, Л.В. Кушина // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://science-education.ru/104-r6831> (Дата обращения 21.05.2014).
249. Козеренко А.Д. Тело как объект природы и тело как объект культуры (о семантике фразеологизмов, построенных на базе жестов) / А. Д. Козеренко, Т. Е. Крейдлин // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 269–277.
250. Козырева Л.Ф. Функционирование фразеологических единиц в речи: учеб. пособие / Л.Ф. Козырева, А.Ф. Скрипкина. Ростов н/Д., 1980. 78 с.
251. Колоколова Н.М. Теоретические исследования гендерного направления в лингвистике. Методология гендерных исследований // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 2. Ч. 2. С. 89–92.
252. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975. 231 с.

253. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский; отв. ред. А. М. Шахнарович. М.: Наука, 1990. 103 с.
254. Комарова Е.В. Фразеологизмы, выражающие различные формы отношений к людям в русском, болгарском и польском языках// Филол. науки. 1994. №4. С. 70–76.
255. Коммуникативно-прагматическая семантика: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. 176 с.
256. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1964. 192 с.
257. Копыленко М.М. Очерки по общей фразеологии. Проблемы, методы, опыты / М.М. Копыленко, З.Д. Попова. Воронеж, 1978. 143 с.
258. Кормилицына М.А. Языковая личность В.В. Виноградова в его письмах жене // Вопросы стилистики. Вып. 26. Саратов, 1996.
259. Королева Н.А. Когнитивные механизмы формирования эмотивного компонента фразеологического значения: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 256 с.
260. Коршунова Л.С. Глаголы чувства в говорах Нижегородской области: эмоционально-оценочный компонент // Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н. Головина: сборник статей по материалам Международной научной конференции, посвященной 85-летию профессора Б.Н. Головина. Н. Новгород, 2001. С. 175–177.
261. Косякова Ю.Г. Фразеологические единицы эмотивной семантики как фрагмент национальной языковой картины мира: дис... канд. филол. наук. Омск, 2006. 218 с.
262. Котков С.И. Русская частная переписка как лингвистический источник // Вопросы языкознания. 1963. № 6. С. 107–116.
263. Кохтев Н.Н. Русская фразеология / Н.Н. Кохтев, Д.Э. Розенталь. М., 1986. 304 с.

264. Кравченко А.В. Знак, значение, знание: Очерк когнитивной философии языка. Иркутск: Иркутская обл. тип. № 1, 2001. 261 с.
265. Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации: монография. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 2004. 206 с.
266. Красавчикова Л.О. Авторское право и право на письма, дневники, записки, заметки // Проблемы советского авторского права. М., 1979.
267. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М., 1998. 352 с.
268. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М.: Гнозис, 2001. 270 с.
269. Козеренко А. Русские жесты и жестовые фразеологизмы II (тело как объект природы и тело как объект культуры) / А.Г. Козеренко, Г.Е. Крейдлин // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 36–37.
270. Крейдлин Г.Е. Русские жесты и жестовые фразеологизмы III: отражение наивной этики в вербальном и невербальном семиотических кодах // Логический анализ языка. Языки этики / Ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 341–352.
271. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
272. Кругликова Л.Е. Структура лексического и фразеологического значения: учеб. пос. М.: Моск. гос. пед. ин-т, 1988. 83 с.
273. Кругликова Л.Е. Виды эмоционально-оценочной окраски лексических и фразеологических единиц // Коммуникативно-прагматические аспекты фразеологии. Волгоград, 1999. С. 114–116.
274. Крысин Л.П. Социальная маркированность языковых единиц // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 110–137.
275. Крюкова Н.А. Взаимодействие фразеологической единицы со словами окружения // Когнитивные факторы взаимодействия фраземики со

- смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Международной научной конференции / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. С. 203–208.
276. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004а. 560 с.
277. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Изв. Рос. акад. наук. Серия литературы и языка. 2004б. Т. 64, № 3. С. 3–12.
278. Кувалина С.С. Становление языковых стереотипов вежливости в эпистолярном жанре второй половины XVII – первой четверти XVIII вв.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1975. 24 с.
279. Кузин В.С. Психология: учеб. пособие. М.: Рандеву; Агар, 1999. 304 с.
280. Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. М.: Наука, 1986. 123 с.
281. Кунин А.В. Механизм окказиональной фразеологической номинации и проблема оценки // Сб. науч. тр. М., 1980. Вып. 169. С. 158–185.
282. Кунин А.В. Внутренняя форма фразеологических единиц // Слово в грамматике и словаре. М.: Наука, 1984. С. 183–188.
283. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., 1986. 336 с.
284. Курьянович А.В. Динамика жанрово-стилистических особенностей русского эпистолярного дискурса носителей элитарного типа речевой культуры (XX–XXI вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2013а. 39 с.
285. Курьянович А.А. Теоретические вопросы изучения эпистолярия в современной лингвистике: монография / под. ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2013б. 220 с.

286. Курьянович А.В. Жанрово-стилистические особенности русского эпистолярного письма первой трети XX века: узус и идеостиль (на материале писем М.В. Нестерова, Ф.И. Шаляпина, В.И. Вернадского, М.И. Цветаевой): монография / под ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск: ТГПУ, 2013в. 308 с.
287. Кустова О.Ю. Письмо как самостоятельный текст и как композиционная часть художественного произведения: На материале писем Теодора Фонтане: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1998. 225 с.
288. Лавров В.Н. Смысловая структура диалектной фразеологической единицы: учеб. пос. Новгород: НГПУ, 1992. 90 с.
289. Лаврушкина Е.В. Фразеология как компонент идиостиля И.С. Тургенева и проблемасохранения этого компонента в иноязычных переводах произведений писателя: автореф. ... канд. филол. наук. М., 1999. 16 с.
290. Лазариди М.И. Номинативно-функциональное поле психических состояний в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2001. 377 с.
291. Лазуткина Е.М. К проблеме описания прагматических механизмов языковой системы // Филол. науки. 1994. № 5–6. С. 56–65.
292. Лакофф Дж. Когнитивная семантика// Язык и интеллект: пер. с англ. и нем. М., 1996. 143–184.
293. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
294. Лалаянц И.Э. Новейшие исследования механизмов языковой функции мозга / И.Э. Лалаянц, Л.С. Милованова // Вопр. языкознания. 1992. №2. С. 112–122.
295. Ланге Н.В. Эмотивно-оценочная лексика эпистолярного дискурса А.С. Пушкина: на примере анализа наименований лиц: дис. ... канд. филол. Смоленск, 2010. 302 с.
296. Ласкова М.В. Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики: дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-н/Д, 2001. 302 с.

297. Латкина Т.В. Концепт СМЕРТЬ в идиостиле И.А. Бунина // Современные проблемы науки и образования. 2009. № 6. С. 136–138.
298. Лебедева Н.Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник БГПУ: Гуманитарные науки. Барнаул. 2001. № 1. С. 4–11.
299. Лебедева Н.Б. Естественная письменная речь: основные понятия и аспекты изучения // Письменная культура народов России: материалы Всероссийской научной конференции 19–21 ноября 2008 г. / Под ред. Б.И. Осипова. Омск: Омск.гос. ун-т, 2008. С. 12–18.
300. Лебедева Н.Б. Жанры естественной письменной речи: студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка / Н.Б. Лебедева, Е.Г. Зырянова, Н.Ю. Плаксина, Н.И. Тюкаева. М.: Editorial URSS, 2011. 256 с.
301. Левин Ю.И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. 822 с.
302. Леонтович О.А. Типология внутренних форм идиом для их фразеологического описания // Фразеологические словари и компьютерная фразеология. Орел, 1990. С. 112-114.
303. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.
304. Леонтьев А.А. Восприятие текста как психологический процесс // Психолингвистическая природа текста и особенности его восприятия. Киев, 1979.
305. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
306. Леонтьев А. Н. Эмоции // Философская энциклопедия : в 5 т. М., 1970. Т. 5. С. 553-556.
307. Леонтьева Е.А. Формально-содержательные варианты междометных фразеологизмов // Явление вариативности в языке. Кемерово, 1994. С. 217–250.

308. Лепешев И.Я. Об использовании фразеологизмов в художественном произведении // Русский язык в школе. 1981. №4. С. 53–56.
309. Лесина И.М. Семантическое обновление фразеологизмов как стилистический прием // Семантическая структура слова и фразеологизма: сб. науч. тр. Рязань, 1980. С. 52–56.
310. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Серия литературы и языка. Т.52. №1. С. 3–9.
311. Лихачёв Д.С. Ответ Б.Я. Бухштабу и Е.И. Прохорову // Русская литература. 1965. № 3. С. 156–162
312. Логунова Н.В. Эпистолярный жанр в русской литературе второй половины XVIII первой трети XIX вв.: автореф. дис. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1999. 167 с.
313. Логунова Н.В. Эпистолярный текст как показатель культурно-аксиологических установок языковой личности / Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова // Шестые Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры в начале XXI столетия». Челябинск: Челябинская гос. академия культуры и искусств, 2013. С. 267–271.
314. Ломов А.Г. Фразеология в творческой лаборатории А.Н. Островского. Ташкент: ФАН, 1987. 96 с.
315. Ломов Б.Ф. Вербальное кодирование в познавательных процессах / Б.Ф. Ломов, В.Н. Носуленко и др. М.: Наука, 1986. 128 с.
316. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. 447 с.
317. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: МГУ, 1982. 479 с.
318. Лук Н.Н. Эмоции и личность. М.: Знание, 1982. 175 с.
319. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1979. 319 с.
320. Лысакова И.П. Указательные местоимения в языке русской частной переписки XVII–нач. XVIII в.: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971. 227 с.

321. Макаров В.И. Фразеологическое значение и употребление в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новгород, 1997. 22 с.
322. Маркелова Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке // Филол. науки. 1995. № 3. С. 67-79.
323. Маслова В.А. К построению психолингвистической теории коннотации // Вопросы языкознания. 1989. № 1. С. 108–121.
324. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. Минск: ТетраСистемс, 2004. 256 с.
325. Машина О.Ю. Фразеологическое значение и его оттенки: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новгород, 1998. 34 с.
326. Марканова Ф.А. Словарь народноразговорной лексики и фразеологии, составленной по собранию сочинений И.С. Тургенева. Ташкент: ФАН, 1968. 693 с.
327. Мартынов В.В. Основы семантического кодирования. Опыт представления и преобразования знаний. Минск: Издательство Европейского гуманитарного университета, 2001. 138 с.
328. Мелерович А.М. О внутренней форме фразеологизма // Вопросы семантики фразеологических единиц: тез. докл. Новгород, 1971. С. 58–66.
329. Мелерович А.М. К вопросу о типологии внутренних форм фразеологических единиц современного русского языка // Актуальные процессы в области фразеологии. Иваново, 1980. С. 13–36.
330. Мелерович А.М. Особенности индивидуально-авторских преобразований ФЕ различных структурно-семантических видов // Системные связи и отношения фразеологизмов. Свердловск, 1989. С. 104–114.
331. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. Пособие для студентов гуманитарных вузов. 2-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2000. 207 с.

332. Минец Д.В. Концепты идентичности в автодокументальном дискурсе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 5 (3). С. 68–73.
333. Мирцхулава Е.Ю. Вербально-невербальная экспликация презрения в разносистемных лингвокультурах: сопоставительное исследование на материале английских и русских речевых видеофрагментов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2005. 16 с.
334. Мительская Ж.З. Языковые свойства фразеологизмов модального класса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1996. 24 с.
335. Мишин А.В. Невербальные средства коммуникации и их отражение в художественном тексте: дис. . канд. филол. наук. М., 2005. 176 с.
336. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М.: Высшая шк., 1989. 287 с.
337. Мокиенко В.М. Фразеологическая прагматика как объект славистических исследований // Slavenska frazeologija i pragmatika. Zagreb: Knigra, 2007. С. 30–38.
338. Мокиенко В.М. Когнитивное в диахроническом и диахроническое в когнитивном // Когнитивные факторы взаимодействия фраземики со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Межд. научн. конф. / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. Белгород: БелГУ, 2013. С. 8–14.
339. Молдованова Л.И. Лингвопрагматическая характеристика русских фразеологизмов (газетно-публицистический стиль): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1994. 22 с.
340. Морозов Б.Н. Частное письмо начала XVII века // История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. М.: Наука, 1982. С. 287–291.
341. Монашвили С.А. Специфика восприятия фразеологических единиц в художественном тексте // Филол. науки. 1991. №1. С. 75–80.
342. Морозова Н.Н. Гендерные проблемы во фразеологии // Фразеология и миропонимание народа: материалы Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 1.

- Фразеологическая картина мира / сост. В. Т. Бондаренко, Г. В. Токарев. Тула, 2002. С. 221-228.
343. Мудрая О.В. Функции невербальных компонентов в системе языка: автореф. дис. . канд. филол. наук. М, 1995. 16 с.
344. Музычук Т.Л. Невербальная составляющая дискурса персонажа в модели и языковой репрезентации: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2013. 382 с.
345. Мыркин В.Я. Язык – речь – контекст – смысл: учеб. пособие. Архангельск: Изд-во Поморского пед. ун-та, 1994. 94 с.
346. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. Воронеж: Воронеж. ун-т, 1990. 108 с.
347. Нагель О.В. Перевод как интерпретанта семантической насыщенности синкретичного детивата // Язык и культура. 2008. № 1. С. 49–60.
348. Нажуа Б. Особенности текстов эпистолярного жанра // Русский язык за рубежом. 1984. № 3. С. 81–84.
349. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. М.: ВШ, 1987. 287 с.
350. Наумова Л.А. Пресуппозиции в логике и лингвистике // Философия: в поисках онтологии: Сб. тр. СГА. Вып. 5. Самара: САГА, 1998. С. 236–255.
351. Нижникова Л.В. Письмо как тип текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1991. 17 с.
352. Никитина О.В. Семантико-стилистический анализ писательского эпистолярия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999. 20 с.
353. Никифоров А.С. Эмоции в нашей жизни. М.: Сов. Россия, 1974. 272 с.
354. Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы: уч. пос. для вузов. М.: Флинта: Наука, 2002. 422 с.
355. Новиков. Вычисление информации

356. Ножкина Э.М. Средства выражения адverbального признака в эпистолярном стиле // Вопросы стилистики. Устная и письменная формы речи. Межвуз. научн. сб. Вып. 23. Саратов, 1989. С. 140–145.
357. Носова О.Е. Стратегические ресурсы молчания // Вестник ЧелГУ. 2009. Вып. 31. № 31 (151). С. 89–95.
358. Олешков М.Ю. Системное обоснование дискурсивной модели: лингвопрагматический подход // Вопросы филологии, 2006, № 1 (22). С. 39-43.
359. Осипова А.А. Концепт СМЕРТЬ в русской языковой картине мира и его вербализация в творчестве В.П. Астафьева 1980–1990-хх гг.: дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2005. 250 с.
360. Павлючко И.П. Эмотивная компетенция автора художественного текста (на материале произведений Г. Гессе): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 205 с.
361. Падучева Е.В. Семантические исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
362. Панкратова Н.П. Из истории частной переписки на Руси // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 127–155.
363. Паперно И.А. Переписка как вид текста. Структура письма // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1974. № 1. (5) С. 214–215.
364. Папьян Ю.М. Словесные ряды в письмах русских писателей XVIII в. (на материале писем Н.И. Муравьева, Д.И. Фонвизина, С.Г. Домашнева, Н.А. Львова, Н.М. Карамзина, А.Н. Радищева): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1992. 17 с.
365. Паршин А.Ю. Просодические средства выражения презрения в современном английском языке (экспериментально-фонетическое исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2004. 18 с.

366. Паршина В.В. Наблюдения над языком эпистолярного наследия Н.С. Лескова // Семантика лексических и грамматических единиц / Отв. ред. П.А. Лекант. М., 1995. С. 11–18.
367. Пегина Т.П. Структурно-семантические и коммуникативные особенности междометных эмоциональных идиом: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1994. 18 с.
368. Перехватова Е.И. Когнитивно-прагматическая обусловленность фреймовой структуры фразеологического значения // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: Сб. науч. тр. / Сост. И.Г. Паршина, Е.Г. Озерова. М.: Флинта, 2011. С. 16–27.
369. Перов Ю.В. Стратегии философского осмысления социального общения // Коммуникация и образование/ под ред. С.И. Дудника. СПб., 2004. С. 9–32.
370. Пестова М.С. Эмотивность и оценочность как основные компоненты коннотации дисфемистичных фразеологических единиц, построенных на гиперболе, в английском и русском языках // Лингвокультурология. 2010. № 4. С. 128–137.
371. Пиз А. Язык жестов (Как читать мысли людей по их позам, мимике, жестам) // Язык жестов. Минск, 1995. С. 9–256.
372. Пименова М.В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на примере эмоциональных концептов) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 82–90.
373. Плотникова С.Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и функциональном аспектах): монография. Иркутск: ИГЛУ, 2000. 244 с.
374. Подьяпольская О.А. Типология адресованности в текстах эпистолярного жанра (на материале писем Ф. Кафки): дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2004. 193 с.
375. Покровская Я.А. Отражение в языке агрессивных состояний человека: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998. 19 с.

376. Попов Б.В. Частные письма, не предназначавшиеся к напечатанию // Журнал Министерства юстиции. 1913. № 4.
377. Попов Р. Н. Методы исследования фразеологического состава языка. Курск: Изд-во КГПИ, 1976. 83 с.
378. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы изучения: учеб. пособие. Воронеж: Изд-во Воронеж.ун-та, 1984. 148 с.
379. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стренин . М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. 314 с.
380. Попова Н.В. Дихотмия конфронтирующих категорий во фразеологических картинах мира немецкого и русского языков: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 496 с.
381. Поселенова А.В. Коммуникативно-прагматические свойства фразеологических единиц в диалогической речи (на материале русской драматургии XIX века): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 230 с.
382. Потемня А.А. Эстетика и поэтика. М: Искусство, 1976. 612 с.
383. Поцелуева Н.В. Сопоставительный анализ вербализации эмоций посредством междометных фразеологических единиц (на материале русской, английской и казахской анималистической фразеологии) / В.Н. Поцелуева, Т.Н. Федуленкова // Язык и культура. 2012. № 2. 72–79.
384. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, 2001. 656 с.
385. Преснякова Н.А. Соматическая фразеология эмотивной семантики: структурно-грамматическая характеристика (на материале русского и английского языков) // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. СПб., 2013. № 3 (17). С. 92–98.
386. Прохоров А.В. Обусловленность процессов инференции импликатурами рекламного текста: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006. 159 с.

387. Прохоров А.В. К проблеме содержания понятия «инференция» // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследования познавательных процессов в языке: сб. науч. тр. / Гл. ред. серии Е.С. Кубрякова. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: ИД ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 196–201.
388. Прохоров Е.И. Издание эпистолярного наследия // Принципы издания эпистолярных текстов. Вопросы текстологии. Выпуск 3. М., 1964. С.
389. Пушкарёва Н. Частная жизнь женщин в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница. М.: Ломоносовъ, 2011. 216 с.
390. Пятигорский А.М. Некоторые общие замечания относительно рассмотрения текста как разновидности сигнала // Структурно-типологические исследования. М., 1962. С. 144–154.
391. Распопов И.П. Методология и методика лингвистических исследований: (Методы синхронного изучения языка): пособие по спецкурсу. Воронеж: Изд-во Воронеж.ун-та, 1976. 110 с.
392. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М.: Прогресс, 1979. 512 с.
393. Роголёва Е.И. Отображение фразеологической вариантности в заголовке словарной статьи // Вестник НовГУ, 2010. №. 57. С. 66–68.
394. Романов Д.А. Сигнификативно-эмоциональное значение русских фразеологизмов // Роль языка и литературы в мировом обществе: сб. науч. ст. Междунар. науч.–практ. конференции. Тула, 2000. Ч. II. С. 19-26.
395. Романов Д.А. Теоретические принципы исследования эмоционального фонетического значения // Филол. науки. 2004а. №4. С. 87–93.
396. Романов Д.А. Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование и системы исследований (на материале русского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2004б. 48 с.
397. Романов Д.А. Невербальные формы эмоциональных реализаций в их отношении к языку // Современная лингвистика: теория и практика: межвуз. сб. науч. тр. Краснодар, 2004в. С. 87-94.

398. Рубинштейн С.Л. Эмоции // Психология эмоций. М., 1984. С. 152–161.
399. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер Ком, 1999. 720 с.
400. Румянцева И.М. Психолингвистические механизмы и методы формирования речи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 40 с.
401. Рушчак Ф. Основные вопросы эпистолярного стиля // *Resueilinguistique de Bratislava. Br.*, 1985. Vol. 8. P. 178–184.
402. Сальникова О.Г. Приемы преобразования фразеологизмов в произведениях А.Н. Толстого / О.Г. Сальникова, С.Г. Шулежкова // Русский язык в школе. 1983. №5. С. 48–54.
403. Самарина В.С. Гендер во фразеологии: когнитивно-культурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 199 с.
404. Самигулина Ф.Г. Языковая семантика: реализация когнитивных и коммуникативных задач в дискурсе: монография. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. 212 с.
405. Самойлова Н.Г. Функционально-стилистическое использование фразеологизмов в драматургии Л.Н. Толстого // Лев Толстой. Проблемы языка и стиля. Тула: ТГПИ им. Л.Н. Толстого, 1971. С. 255–259.
406. Санников В.З. Каламбур как семантический феномен // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 59–69.
407. Сапожникова Н.В. Философско-антропологическая природа эпистолярного дискурса: дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2004. 337 с.
408. Сапожникова Н.В. «Авторский голос» как элемент эпистолярно-историософской репрезентации личности (на материалах XIX в.) // Известия Уральского гос. ун-та. 2005. № 34. С. 81–89.
409. Седов К.Ф. Коммуникативные стратегии дискурсивного поведения и становление языковой личности // Языковая личность:

- Социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград, Саратов, 1998. С. 9–20.
410. Седова О.Н. Эпистолярный стиль в системе функциональных стилей русского языка // Филологические науки. 1985. № 6. С. 57–62.
411. Седых А.П. Эмоционально-экспрессивные компоненты фразеологического дискурса В.В. Путина и А. Меркель // Политическая лингвистика. 2012. № 2. С. 39–45.
412. Семенов Н.Н. Событийный план и ситуативная основа загадок и пословиц в аспекте когнитивно-прагматического описания паремической семантики // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: Сб. науч. тр. / Сост. И.Г. Паршина, Е.Г. Озерова. М.: Флинта, 2011. С. 88–94.
413. Селиванов Г.А. Фразеология батальных картин в романе «Война и мир» // Лев Толстой. Проблемы языка и стиля. Тула: ТГПИ им. Л.Н. Толстого, 1971. С. 190–197.
414. Семенова Л.Н. Церковнославянская фразеология в повести Л.Н. Толстого «Отец Сергей» // Материалы XII Толстовский чтений. Тула: ТГПИ им. Л.Н. Толстого, 1974. С. 121–126.
415. Семенова Л.Н. Фразеологические галлицизмы в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» (К проблеме калькирования) // Материалы XI Толстовский чтений. Тула: ТГПИ им. Л.Н. Толстого, 1971. С. 127–131.
416. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 244 с.
417. Сергеева Л.А. Проблемы оценочной семантики: монография. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 140 с.
418. Серио П. Анализ дискурса во Французской школе. Дискурс и интердискурс. // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. М.: «Академический Проект»; Екатеринбург: «Деловая книга», 2001. С. 549–563.

419. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: «Прогресс», 2002. С. 24–53.
420. Серль Дж. Что такое речевой акт? / Дж. Серль // Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. Теория речевых актов. С. 151–194.
421. Свечникова И.В. Авторское право: уч. пос. М.: Дашков и К, 2009. 208 с.
422. Симонов П.В. Эмоциональный мозг: Физиология. Нейроанатомия. Психология эмоций. М.: Наука, 1981. 216 с.
423. Симонов П.В. Потребностно-информационная теория эмоций // Вопр. психологии. 1982. №6. С. 44–56.
424. Синельникова И.И. Семантические интенсификаторы выражения эмоциональных состояний во французской эмотивной фразеологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2008. № 2. С. 116–118.
425. Синельникова И.И. Вариативность и синонимия эмотивных фразеологизмов французского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2010. № 1–2. С. 200–204.
426. Синельникова И.И. Эмотивные фразеологизмы французского языка в полевом аспекте: монография. Белгород: ИД Белгород, 2013. 188 с.
427. Синюк В.Б. Фразеологизмы как выразитель эмоций в языке // Разноуровневые характеристики лексических единиц: сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. 2. Смоленск, 1999. С. 164–168.
428. Сиротинина О.Б. Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек. Текст. Культура. – Екатеринбург, 1994. – С. 26–33.
429. Сметанин В.А. Эпистолография. Свердловск, 1970. 32 с.
430. Смольникова Е.Л. Когнитивный механизм прототипной субстантивной метафоры как конструкта американского сленга // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 4. С. 197–203.

431. Соболева Н.П. Когнитивные аспекты функционирования трансформированных фразеологических единиц в рекламных слоганах // Когнитивные факторы взаимодействия фраземики со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. Белгород: ИД «Белгород», 2013. С. 239–243.
432. Соколова Г.Г. Фразообразование во французском языке. М.: Высшая шк., 1987. 114 с.
433. Соколова Т.С. Этнокультурная значимость соматизмов в составе русских фразем // Фразеология и миропонимание народа: материалы Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 1. Фразеологическая картина мира / сост. В.Т. Бондаренко, Г.В. Токарев. Тула, 2002. С. 85-89.
434. Соловьев В.Д. Экспериментальные исследования концептов эмоций // Когнитивные исследования: сб. науч. тр. / под ред. В. Д. Соловьева. 2006. Вып. 1. С. 173–185.
435. Соловьева О.И. Фразеологические единицы как средство создания комического в произведениях А.Т. Аверченко и Н.Э. Тэффи: дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2001. 180 с.
436. Солодовникова Н.Г. Авторский курс проф. В.И. Шаховского «Язык и эмоции»: формирование эмотивной компетенции коммуникативной личности // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. С. 13–21.
437. Солодуб Ю.П. Роль словесного комплекса-прототипа в реализации коннотативных возможностей фразеологизма // Филол. науки. 1996. №1. С. 67–79.
438. Солсо Р.Л. Экспериментальная психология. СПб; М.: Прайм ЕВРОЗНАК; ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 272 с.
439. Старцева Т.В. Когнитивные аспекты текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. 17 с.

440. Степанов Н.Л. Дружеское письмо начала XIX в. // Русская проза. Л., 1926. С. 74–101.
441. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж: Воронежский гос. ун-т., 1979. 156 с.
442. Стернин И.А. Значение в языковом сознании // Вопросы психолингвистики. 2006. № 4. С. 171–179.
443. Сторожева Е.М. Коннотация и её структура // Вестник ЧелГУ. 2007. С. 113–118.
444. Тагильцева Ю.Р. Методологический аспект информационно-психологической войны // Политическая лингвистика. 2012. № 4. С. 175–178.
445. Тарасов Е.Ф. Социоллингвистика и психолингвистика // Теоретические проблемы социальной лингвистики. М.: Наука, 1981. С.140–166.
446. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
447. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
448. Тер-Минасова С.Г. Методологические проблемы изучения фразеологии // Филол. науки. 1985. №5. С. 42–48.
449. Торсуева И.Г. Эмоциональность в речи // Смысловое восприятие речевого сообщения. М.: Наука, 1976. С.228–233.
450. Трескова С.И. Социоллингвистические проблемы массовой коммуникации. Принципы измерения языковой вариативности. М., 1989. 153 с.
451. Третьякова И.Ю. Окказиональная фразеология (структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ярославль, 2011а. 51 с.

452. Третьякова И. Ю. Окказиональная фразеология: монография. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011б. –290 с.
453. Трусов В.П. Выражение эмоций на лице (по материалам работ П. Экмана) // Вопр. психологии. 1982. №5. С. 144–147.
454. Труфанова И.В. Типология окказиональных фразеологизмов Ф.М. Достоевского: автореф. ... канд. филол. наук. М., 1985. 21 с.
455. Тодд У.М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху. СПб.: Наука, 1994. 207 с.
456. Уланович О.И. Концепты эмоций в англоязычной эмотивной фразеологии / О.И. Уланович, М.И. Мороз // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2013. № 1. С. 121–125.
457. Федоров А.И. Лексикографическая характеристика фразеологизмов, помещенных в словаре // Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX в. М.: Топикал, 1995. С. 6–10.
458. Федосов И.А. Стилистические функции фразеологических единиц в авторской речи романа «Война и мир» // Лев Толстой. Проблемы языка и стиля. Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 1971. С. 198–203.
459. Фесенко О.П. Эпистолярный: жанр, стиль, дискурс // Вестник ЧелГУ. Сер. Филология. Искусствоведение. 2008. № 23 (124). Вып. 24. С. 132–143
460. Фесенко О.П. Комплексное исследование фразеологии дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX в.: автореф. дисс. ... д. ф. н. Томск, 2009. 37 с.
461. Филиппов А.В. К проблеме лексической коннотации // Вопросы языкознания. 1978. № 1. С. 57–64.
462. Фокина К.В. Аксиологическая модель языковой личности в дружеском эпистолярном дискурсе (на материале писем швейцарского писателя XX в. Макса Фриша): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. 202 с.

463. Фролова О.Е. Мир, стоящий за текстом: Референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 320 с.
464. Фрумкина Р.М. Экспериментальные методики изучения речевого мышления // Исследование речевого мышления в психолингвистике. М., 1985.
465. Хайруллина Р.Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию: монография. Уфа: Вагант, 2008. 330 с.
466. Харченко В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. 1976. №3. С. 66–71.
467. Харченко В.К. Фраземика родословного дискурса // Фразеология, познание и культура: сб. докладов 2-й междунардн. научн. конф.: в 2 тт. Т.2. Дискурсивные и дидактические проблемы фразеологии. Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. С. 331-335.
468. Харченко В.К. Мозаика современной речи: материалы для исследования. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2012620966 от 19 сентября 2012 г. (свыше 3, 6 тыс. лично собранных высказываний разговорного дискурса).
469. Харченко В.К. Мозаика разговорной речи: новые аспекты исследования, электронная база высказываний. М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2013а. 192 с.
470. Харченко В.К. Фразеологизмы в спонтанной речи (по материалам 2012 г.) // Когнитивные факторы взаимодействия фраземики со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. С. 260–264.
471. Хомская Е.Д. Мозг и эмоции / Е.Д. Хомская, Н.Л. Батова. М.: Изд-во МГУ, 1992. 180 с.

472. Хомский Н. Язык и мышление. Язык и проблемы знания: монография / Н. Хомский. Благовещенск: Благовещенский Гуманитарный колледж им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1999. 259 с.
473. Цапникова В.М. Фразеология романа Л.Н. Толстого «Война и мир» // Толстовский сборник № 3. Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 1967. С. 209–224.
474. Цоллер В.Н. Эмоционально-оценочная энантиосемия фразеологизмов // Филол. науки. 2000. №4. С. 56–64.
475. Чейф У. Значение и структура языка. М., 1975. 432 с.
476. Чепуренко А.А. Роль фразеологических единиц в создании образов мужчины и женщины (на материале романов Ф. Абрамова) // Фразеология и миропонимание народа: материалы Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 1. Фразеологическая картина мира / сост. В. Т. Бондаренко, Г. В. Токарев. Тула, 2002. С. 247-251.
477. Чернышева И.И. Фразеологический уровень и фразеологическая система языка // Уровни языка и их взаимодействие. М., 1967. С. 165–167.
478. Чупина Г.А. Принцип деятельности и язык: Философско-методологический анализ. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1987. 188 с.
479. Чупова М.Д. История авторского права в России XIX в.: дис. ... канд. юр. наук. М., 2000. с.
480. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Высш. шк., 1985. 160 с.
481. Шахнарович А.М. Экспериментальное исследование понимания метафоры / А. М. Шахнарович, Н. М. Юрьева // Экспериментальные методы в психолингвистике. М., 1987. С. 146–151.
482. Шахнарович А.М. Лингвистический эксперимент как метод лингвистического и психолингвистического исследования // Основы

- теории речевой деятельности / под ред. А.А.Леонтьева. М.: Наука, 1974. С. 129–134.
483. Шаховский В.И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантической категории лингвостилистики // Проблемы семасиологии и лингвостилистики. Вып. 2. Рязань: Рязанск. пед. ин-т, 1975. С. 3–25.
484. Шаховский В.И. Эмотивный потенциал значения и методы его изучения. Волгоград: Изд-во ВГПУ, 1983. 93 с.
485. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987. 192 с.
486. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М: Гнозис. 2008. 416 с.
487. Шаховский В.И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии: уч. пос. Волгоград: Перемена, 2009. 170 с.
488. Шведова Н.В. Фразеологизмы с компонентами *бог* и *чёрт* в современном русском языке: автореф. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 21 с.
489. Швейцер А.Д. Введение в социолингвистику / А.Д. Швейцер, Л.Б. Никольский. М.: Высш. шк., 1978. 216.
490. Шевченко О.К. Когнитивная модель дискурса интервью: на материале современной англоязычной прессы: дис. ... канд. филол. наук. Тольятти, 2006. 210 с.
491. Шелепова Н.В. Контекстуальная эмотивность единиц лексико-фразеологического поля «Цвет» (на материале англоязычной художественно прозы XX века): дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2007. 219 с.
492. Шестак Л.А. Русская языковая личность: коды образной вербализации концепта: монография. Волгоград: Перемена, 2003. 312 с.

493. Шестак Л.А. Когнитивное моделирование в прикладной лингвистике: социальные модели презентации знаний // Когнитивные исследования языка. 2014. № 18. С. 815–818.
494. Шеховцова И.А. Вербализация базовых эмоциональных концептов посредством фразеологических единиц // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этнического сознания. Волгоград, 2002. С. 67-72.
495. Шиганова Г.А. Механизм формирования значения релятивных фразеологизмов // Вестник ЧГПУ: Филология, 1997. №2. С. 49-68.
496. Ширяева Т.А. Когнитивное моделирование институционального делового дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2008. 540 с.
497. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. 428 с.
498. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964. 244с. .
499. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
500. Шкатова В.В. Фразеологическая картина мира как объект лингвистического изучения // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 7. № 1. С. 208–215.
501. Штеба А.А. Структурно-функциональный аспект эмотивных валентностей слова (на примере слова *sœur*): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 17 с.
502. Щур Г. Теория поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. 254 с.
503. Экспериментальные методы в психолингвистике. М.: АН СССР, 1987. 196 с.
504. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте Ташкент: Фан, 1988. 91 с.

505. Эмих Т.А. Мир эмоций как фрагмент языковой картины мира // Картина мира: язык, философия, наука. Томск, 2001. С. 111–113.
506. Эмотивный код языка и его реализация: коллективная монография. Волгоград: Перемена, 2003. 174 с.
507. Юрковская Е.А. Функционально-прагматический и концептуальный аспекты идиом в дискурсе редакторской статьи (на материале британской и американской прессы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2001. 17 с.
508. Юрченко В.С. Языковое поле: Лингвофилософский очерк. Саратов: Изд-во Саратовского гос. пед. ун-та, 1996. 54 с.
509. Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград, Саратов: Перемена, 1998. 234 с.
510. Якобсон Р. Избранные работы по лингвистике. Благовещенск: Гуманитарный колледж им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. 448 с.
511. Яковлева Е.Л. Эмоциональные механизмы личностного и творческого развития // Вопр. психологии. 1997. С. 20–27.
512. Яцеленко В.А. Анализ семантической структуры фразеологических единиц русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 20 с.
513. Barnes D.H. Letters from a Suicide / D.H. Barnes, F.W. Lawal-Solarin, D. Lester // *Death Studies*. 2007. Vol. 31. № 7. P. 671–678.
514. Daher J. Written Arabic of Personal Letters // *International Linguistics Community Online: Academic Paper*. URL: <http://linguistlist.org/pubs/papers/browse-papersaction.cfm?PaperID=6881> (дата обращения: 17.05.2012).
515. Cienki A. 19-th and 20-th century theories of case: comparison of lokalist and cognitive approaches / A.Cienki // *Historiographia.lingvistika*. 1996. V. 22 P. 129–155.
516. Christer G. Gender-Based Variation in Nineteenth-Century English Letter Writing // *Language and Computers, Corpus Analysis: Language Structure and*

- Language Use / Ed. by Pepi Leistyna and Charles F. Meyer. Amsterdam: Rodopi. P., 2003. 87–106.
517. Grady J., Oakley T., Coulson S. Blending and metaphor / Gibbs R., Steen J. // Metaphor in cognitive linguistics. Amsterdam: Benjamins, 1997. P. 101–125.
518. Laccoff G. Pronominalisation negation and analysis of adverbs // Reading in english transformational grammar. Washington D.C.: Georgetown University press, 1980. P. 145–166.
519. Fesenko O.P. On gender notions correlation and individually – author’s style (on material of the friendly letters) // Scientific notes. Vol. 4. Krasnoyarsk. 2006. P. 84–85.
520. Fillmor C.J. The grammar of hitting and breaking // Reading in english transformational grammar. Washington D.C.: Georgetown University press, 1980. P. 120–134.
521. Mortensen L. Written Discourse and Acquired Brain Impairment Evaluation of Structural and Semantic Features of Personal Letters from a Systemic Functional Linguistic Perspective // Clinical Linguistics and Phonetics. 2005. V. 19. №. 3. P. 227–247.
522. Wright S. Private Language made public: The language of letters as literature // Poetics. 1989. Vol. 18. № 6. P. 549–578.

Словари и справочники

1. БСРП – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. 784 с.
2. КСКТ – Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Е.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.
2. КСТ – Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: Словарь-тезаурус. М.: Флинта: Наука, 2009. 384 с.
3. СРРЭ – Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001.

4. ТСРЯ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: ООО А Темп, 2006. 944 с.
5. ФСРЛЯ 1 – Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. Сост. А.И. Фёдоров. Т. 1. А – М. М.: Цитадель, 1997. 391 с.
6. ФСРЛЯ 2 – Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. Сост. А.И. Фёдоров. Т. 2. Н – Я. М.: Цитадель, 1997. 396 с.
7. ФСЯЛ – Байрамова Л.К., Денисов П.Н. Фразеологический словарь языка В.И. Ленина. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1991. 348 с.

Источники

1. Аксаков И.С. Письма А.Д.Блудовой / Публикация В.Г.Бухерта // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. [Т. XI]. С. 337–349.
2. Аксаков И.С. Письма из провинции. Присутственный день. В уголовной палате / Вступ. ст., сост. и примеч. Т.Ф. Пирожковой. М.: Правда, 1991. 544 с.
3. Александр II. Переписка Александра II и великого князя Константина Николаевича. 1857–1861 гг. (70 писем) // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. [Т. II–III]. С. 119–251.
4. Андреев Л. Письма к Н.А. Чукмалдиной // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. [Т. XI]. С. 488–499.
5. Анненков П.В. Письма к И.С. Тургеневу. Книга 1. 1852–1874 / Изд. подг. Н.Н. Мостовская, Н.Г. Жекулин. СПб.: Наука, 2005а. 532 с.
6. Анненков П.В. Письма к И.С. Тургеневу. Книга 2. 1875–1883 / Изд. подг. Н.Н. Мостовская, Н.Г. Жекулин. СПб.: Наука, 2005б. 421 с.

7. Анфилов Г.И. Выдержки из писем // Москвичи в ГУЛАГе: Письма Глеба Анфилова; Список бывших политзаключенных / отв. сост. И.А. Мазус. М.: Мемориал, 1996. С. 5–48.
8. Базарова А. «Здравствуй, Ваня!»: как на самом деле жилось в тылу // Родина. 2007. N 5.
9. Бартенев П.И. Письма П.И. Бартенева П.А. Бессонову 1848–1887 // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Студия ТРИТЭ: Рос.Архив, 2007. [Т. XV]. С. 254–305.
10. Брюс Я.А. Письма Долгорукову-Крымскому В.М. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2007. С. 197–203.
11. Будницкий О. Евреи на войне // Лехаим. 2010. Май, № 5 (217). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/217/217.html>
12. Бунин И.А. Собрание сочинений в 9-ти томах / Под общ.ред. А.С. Мясникова [и др.]. Т. 9. М., 1967.
13. Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской. 1886–1889 гг. / Сост. Н.В. Филиппова; Отв. ред. Б.В. Левшин. М.: Наука, 1988. 304 с.
14. Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской. 1889–1892 гг. / Сост. Н.В. Филиппова; Отв. ред. Б.В. Левшин. М.: Наука, 1991. 320 с.
15. Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской. 1893–1900 гг. / Сост. Н.В. Филиппова; Отв. ред. Б.В. Левшин. М.: Техносфера, 1994. 368 с.
16. Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской. 1901–1908 гг. / Сост. Н.В. Филиппова; Отв. ред. Б.В. Левшин. М.: Наука, 2003. 295 с.
17. Волкова М.А. Из писем М.А. Волковой В.И. Ланской // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2007. С. 558–559.
18. Волконская М.Н. Письма М.Н. Волконской и А.Г. Муравьевой В.А. Муравьевой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и

документах XVIII–XX вв. М.: Студия ТРИТЭ: Рос.Архив, 2001. [Т. XI] С. 41–59.

19. Волошин М. Избранное: Стихотворения, воспоминания, переписка. Сост. Э. Давыдова, В. Купченко. Минск: Мастацка літ., 1993.

20. Волошин М. Воспоминания о Максимилиане Волошине / Сост. В.П. Купченко, З.Д. Давыдов; Вступ. ст. Л. Озерова. М.: Сов. писатель, 1990. 718с.

21. Вульф В. Зинаида Райх. Мой серебряный шар. Телеканал «Культура». URL: http://russia.tv/video/show/brand_id/3962/episode_id/89957?utm_source=sharik&utm_medium=banner&utm_campaign=sharik

22. Григорьев Ап. Письма / Изд. подг. Р. Виттаке, Б.Ф. Егоров. М.: Наука, 1999. 476 с.

23. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 6: Выбранные места из переписки с друзьями. М., 2009. 744 с.

24. Гончаров И.А. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 8. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма / Подг. текста ст., заметок и рецензий, автобиографий и примеч. А.П. Рыбасова; Подг. текста писем А.П. Могилянского, М.Я. Полякова; Примеч. К письмам М.Я. Полякова. М.: Гос. Изд-во Художественной литературы, 1955. 576 с.

25. Горбачевский И.И. Записки. Письма / Изд. подгот. Б.Е. Сыроечковский, Л.А. Сокольский, И.В. Порох; Отв. ред. Ю.Г. Оксман. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 354 с.

26. Достоевский Ф.М. Ф.М. Достоевский, А.Г. Достоевская. Переписка. Л.: Наука, 1976. 480 с.

27. Думин С.В. Романовы. Императорский дом в изгнании. М.: АСТ, 1998. 382 с.

28. Елизавета Фёдоровна, вел. кн. Письма к императрице Марии Фёдоровне 1883–1916 гг. / Публикация Л.И. Тютюнник // Российский архив:

История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. [Т. XI]. С. 453–487.

29. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. / Гл. ред. Ю.Л. Прокушев; Ред. коллегия: Л.Д. Громова, Н.В. Есенина, С.П. Есенина, С.П. Кошечкин, Ф.Ф. Кузнецов, Г.И. Ломидзе, Л.А. Озеров, Н.Н. Скатов, В.В. Сорокин. Т. 6. Письма. М.: Наука; Голос. 1999. 816 с.

30. Иванов В. Собрание соч. в 4 томах. Т. 3. М.: Художественная литература, 1979. URL: http://www.v-ivanov.it/brussels/vol3/01text/02papers/3_152.htm

31. Ильф И.А., Петров Е.П. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 4. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. 596 с.

32. Красин Л.Б. Письма жене и детям 1917–1925 // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 83–98.

33. Красин Л.Б. Письма жене и детям 1917–1925 // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 91–118.

34. Красин Л.Б. Письма жене и детям 1917–1925 // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 79–104.

35. Красин Л.Б. Письма жене и детям 1917–1925 // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 98–126.

36. Красин Л.Б. Письма жене и детям 1917–1925 // Вопросы истории. 2002. № 5. С. 92–126.

37. Константин Николаевич (князь). Письмо Александру II, 15/27 июня 1857 г. Стрельна // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. С. 155–156.

38. Ключевский В.О. Письма Н.И. Сперанскому // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. С. 174.

39. Князь Иоанн Константинович. Письма князя Иоанна Константиновича великому князю Константину Константиновичу и великой княгине Елизавете Маврикиевне 1900–1914 гг. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2007. [Т. XV]. С. 387–421.

40. Корнилович А.О. Сочинения и письма / Подг. изд. А.Г. Грумм-Гржимайло, Б.Б. Кефенгауз. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 550 с.

41. Ксения Александровна, вел. кн. Письма А.А. Оболенской // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2005. С. 454–543.

42. Курапова Е.Р. «Что такое Теберда...». Из писем М.В. Нечкиной мужу Д.А. Эпштейну. 1928 г. // Отечественные архивы. 2008. № 4. URL: <http://www.rusarchives.ru/publication/teberda.shtml>

43. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус.лит. (Пушкин.дом). Т. 4. Проза. Письма / Подгот. текста и примеч. И.С. Чистовой и др. Изд. 2-е, испр. и доп. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979–1981. 591 с.

44. Лохвицкая М.А. Неопубликованные стихотворения, переписка, воспоминания о ней (1890–1920) // Российский архив: История в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2005. С. 544–604.

45. Меньшиков М.О. Материалы к биографии // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. Вып. 4. 272 с.

46. Меньшикова М.В. Как убили моего мужа / Записала Л.И. Веселитская-Микулич // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1993. С. 239–250.

47. Никандров Н.Н. Письма Е.Л. Янтарёву // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2007. С. 476–487.

48. Оригинальные письма из армии 1812–1813 гг. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1996. С. 150–169.

49. Они сражались за Родину. Представители репрессированных народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны: книга-хроника / Сост.: С.И. Аккиева [и др.]. М., 2005. 368 с.

50. Островский А.Н. Полное собрание сочинений в 16 тт. Т. 14. Письма 1842–1872 гг. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953а. URL: http://az.lib.ru/o/ostrovskij_a_n/text_0560.shtml

51. Островский А.Н. Полное собрание сочинений в 16 тт. Т. 15. Письма 1873–1880 гг. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953б. URL: http://az.lib.ru/o/ostrovskij_a_n/text_0580.shtml

52. Островский А.Н. Полное собрание сочинений в 16 тт. Т. 16. Письма 1881–1886 гг. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953в. URL: http://az.lib.ru/o/ostrovskij_a_n/text_0650.shtml

53. Островский Н.А. Собрание сочинений в 3 тт. Т. 3. Письма 1924–1936 гг. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956.

54. От пушек к науке. Воспоминания, дневники и письма участников Великой Отечественной войны – ветеранов Томского государственного университета / Сост.: С.Ф. Фоминых [и др.]. Томск, 2008.

55. Паустовский К.Г. Письма. URL: <http://paustovskiy.niv.ru>

56. Писемский ...

57. Письма из немецкого плена / Публикация М.В. Миловской // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. С. 468–471.

58. Погорельский А. Сочинения. Письма / Изд. подг. М.А. Турьян; отв. ред. Б.Ф. Егоров. СПб.: Наука, 2010. 755 с.
59. Попов Н. В.Н. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия. М.: Типография В. Грачёва и К, 1861. 804 с..
60. Пушкин А.С. Письма. Труды Пушкинского дома АН СССР / Под ред., с предисл. (С. III–XLVIII) и с примеч. Б.Л. Модзалевского. Т. I: 1815–1825 гг. М., Л., 1926.
61. Пушин И.И. Записки о Пушкине. Письма / Редкол.: В.Э. Вацуρο, Н.К. Гей, Г.Г. Елизаветина и др. Вступ. ст., сост. и коммент. М.П. Мироненко и С.В. Мироненко. М.: Худож. лит., 1988. 559 с.
62. Пчелов Е.В. Романовы. История династии. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 494 с.
63. Ремизов А. Кукха. Розановы письма / подг. текста, вст. ст. и коммент. Е. Обатниной. СПб.: Наука, 2011. 610 с.
64. Салтыков-Щедрин М.Е. Письма 1845–1889 гг. с приложением писем к нему и других материалов / Под ред. Н.В. Яковлева, при участии Б.Л. Модзалевского. М: Государственное издательство, Типография «Печатный двор» (Ленинград), 1924 (обложка 1925). 392 с.
65. Серно-Соловьевич Н.А. Публицистика. Письма / Изд. подготовили И.Б. Володарский, Г.А. Кайкова; отв. ред. Н.А. Дружинин. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 432 с.
66. Собинов Л.М. «Ничего не должно быть недосказанного» / Публ. К.Н. Кириленко // Встречи с прошлым. Выпуск 2. М.: Советская Россия, 1986. URL: http://az.lib.ru/s/sobinow_1_w/text_0020.shtml
67. «Сохрани мои письма...». Сб. писем евреев периода Великой Отечественной войны / Сост. И.А. Альтман, Л.А. Терушкин, И.В. Бродская; под ред. и с предисл. И.А. Альтмана. М., 2010.

68. Суворин А.С. Письма к В.В. Розанову. СПб.: Новое время, 1913. 183 с.
69. Сухотин П.С. Письма П.С. Сухотина к К.Ф. Некрасову / Публ. И.В. Вагановой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. С. 493–519.
70. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 тт. Т. 19–20. М.: Художественная литература, 1984.
71. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 90 тт. Т. 65. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. Электронный ресурс. Режим доступа: http://az.lib.ru/tolstoj_lew_nikolaewich/text_1430.shtml
72. Толстой Л.Н. и А.А. Толстая. Переписка (1857–1903) / Изд. подгот. Н.И. Азарова, Л.В. Гладкова, О.А. Голиненко, Б.М. Шумова; отв. ред. Л.Д. Громова–Опульская, И.Г. Птушкина. М.: Наука, 2011. 974 с.
73. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Письма в 18 тт. Т. 1. Письма 1831–1849 гг. М.: Наука, 1982а. URL: http://az.lib.ru/t/turgenev_i_s/text_0600.shtml
74. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Письма в восемнадцати томах. Т. 2. Письма 1850–1854 гг. М.: Наука, 1982б. URL: http://az.lib.ru/t/turgenev_i_s/text_0820.shtml
75. Тургенев И.С. 1982в Письма за 1962г
76. Флоренский П.А. (священник). Сочинения : в 4 т. Т 4 : Письма с Дальнего Востока и Соловков / Сост. и общ.ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачевой. М.: Мысль, 1998. 795 с.
77. Фронтовые письма 1941–1945 годов. «Пока жив и здоров, что будет дальше – неизвестно». М.: Новое издательство, 2005. 164 с.

78. Чехов А.П. Собрание сочинений в 12 тт. Т. 11. Письма 1877–1892 гг. / Под общ. ред. В.В. Ермилова и др. М.: Гос. изд. художественной литературы, 1963. 696 с.

79. Якубович П.Ф. Письмо Л.Я. Тихомирову // Исторические источники. Хронос. URL:<http://hrono.ru/dokum/1800dok/18841031.html>

80. Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина / ред. и коммент. С.Я. Штрайха; отв. ред. М.В. Нечкина. СПб.: Наука, 2007. 739 с.

Приложения

Приложение 1.

Алфавитный указатель эпистолярных ФЕ С.А. Есенина

Примечания. Курсивом указаны вводимые С.А. Есениным компоненты в преобразованных ФЕ. Значком ^а отмечены окказиональные ФЕ. Значком * заменялись буквы в компонентах ФЕ, представляющих собой обценную лексику.

1. Альфа и омега
2. Бередить / *поднимать* <старую> рану / *точить язвы*
3. Бить челом
4. Бог весть / *знает* куда
5. Бог с тобой (с ним, с ней, с вами, с ними)
6. Ради Бога / *бога* / *Спаса* / *бога или чёрта*
7. Ей Богу!
8. Боже <ты> мой
9. Ваш / *свой* брат
10. Брать за горло
11. Брать на себя
12. Брать в рот / *губы*
13. Валиться с ног
14. Валять дурака
15. Не верить своим глазам
16. Хоть вешайся
17. Вешать собак
18. Висеть / *быть* на волоске
19. (Всё равно) что у турок на колу висеть^а
20. Витать в облаках / под облаками
21. Влачить (волочить) жизнь / *цепи земли*
22. Вылетать из головы
23. Выходить в свет

24. Входить в гроб^а
25. В глубине души
26. До глубины души
27. Дурная /дурья голова
28. С головы до ног
29. Города и веси
30. Гляди в оба
31. Ни гроша
32. Губа не дура
33. Ни гу-гу
34. Давать <себе> зарок
35. Дела не важат^а
36. Дело не чисто
37. Держать марку
38. Держать язык за зубами
39. Сукины (сучьи) дети
40. На днях
41. В доску
42. Будь другом
43. Душа моя
44. На душе
45. По душе
46. Мёртвые души
47. Дым все глаза сожрал^а
48. Е**** с высокой лестницы (кого)
49. Есть глазами дым^а
50. Ё* прое** в распрое**
51. Жать в кулаки^а

52. Жечь / *рубить и взрывать* мосты
53. Жив и здоров
54. Жить припеваючи
55. Жму руку
56. Задевать <за> струну
57. С замиранием сердца
58. Знай наших
59. Игра стоит свеч
60. Идти к чёрту
61. Идти на Голгофу / *крест*
62. Идти прахом
63. Изливать душу / *чувства*
64. Испытывать / *пытать* судьбу
65. Как ни в чем не бывало
66. Класть душу
67. Клеймить позором
68. Без копейки <в кармане>
69. Ни копейки / *монетки*
70. На все корки
71. Хоть караул кричи
72. На кулачки (выходить)
73. На разные лады
74. Лезть / *залезать* под юбку
75. Какого лешего?
76. Лизать жопу
77. К лицу
78. Ломать руки^а
79. На мази

80. На пуды мерить^a
81. Молодо-зелено
82. Мухи дохнут
83. Надевать маску
84. Навострить лыжи
85. Насовать в зубы (кому)^a
86. Дальше <ехать> некуда
87. Нет как нет
88. (Чтоб) ноги / *нога* не было / *не была* (чьей, где)
89. Нюхать колодовые останки^a
90. Остались только х** да трубка^a
91. Отживать свой век
92. Недрёманное / *всевидающее око*
93. Открывать глаза
94. Отрывать голову
95. Переливать / *перегонять из пустого в порожнее*
96. Мышинный писк^a
97. Пить кровь
98. Поднимать меч
99. Поднимать на ноги
100. Подставить спину^a
101. Показать е... в... м...
102. Показываться на глаза
103. Хоть шаром покати
104. Попадать в историю
105. Попадать(ся) на зубок
106. Посылать к е* / *е***ейшей* / *священной* / *этой* матери
107. Посылать к чёрту

108. Посылать в кем^a
109. Преклонить голову
110. Продавать душу дьяволу
111. Продаст <и> отца и мать / *родного брата*
112. Протягивать руку помощи / *примирения*
113. В пух и прах
114. Пятнать имя^a
115. С руками рвать
116. Ради революции^a
117. Под рукой
118. Каши не сварить
119. Белый свет
120. Сгорать от <со> стыда
121. Стены лечат^a
122. Слава Богу
123. На чём свет стоит
124. Не в силах
125. До слёз / рёву
126. Пару слов
127. Снимать последнюю рубашку / *последний крест с груди*
128. Снимать шляпу
129. Как собаку
130. Сматывать / *собирать* <свои> монетки
131. Собираться с духом
132. Спускаться / *сходить* с небес / *высоты*
133. Составить партию
134. Пирогов не спекёшь^a
135. Под спуд

136. Ставить крест
137. Хоть становись но большую дорогу
138. Выеденного яйца не стоит
139. Строить глазки
140. Сходить / *спятить* с ума
141. <И> так и сяк
142. Травить душу
143. Хоть убей
144. На убой
145. Из угла в угол
146. С утра до вечера
147. Умирать с голоду
148. Умереть можно
149. Уходить в себя
150. Демьянова уха
151. Фельдфебель на фельдфебеле^а
152. Врать не хуже Ваньки^а
153. На кой х**
154. Целовать подмётки^а
155. Целую руки
156. Хоть к чёрту на кулички
157. Ни черта
158. На кой чёрт
159. Чёрт бы взял / *побрал*
160. Чёрт возьми!
161. Чёрт знает что <такое>!
162. Чёрт с ним (с ней и т.д.)
163. Чёрт несёт

164. Чёрт его (их) знает
165. Чёрт дёрнул / *намекнул*
166. До чёртиков / *дьявола*
167. Чёрт знает <как>
168. К чертям (к чёрту)
169. Школа жизни
170. Пустые языки
171. Ни 000

Приложение 2.

Алфавитный указатель паремий

1. Бодливой корове рога не даются
2. В эти оглобли не коренник^а
3. Всё перемелется и будет Девкин переулочок
4. Давши слово – крепись
5. Лёг камушком / камешком, а поднялся калачиком
6. Маши каслом не испортишь
7. Мышиными зубами горы не подточишь^а
8. Не так страшен чёрт, как его малютки
9. Ни лебедя, ни гуся вода не мочит^а
10. С глаз долой – из сердца вон
11. Сей вор хуже Приблудного

Словарь эмотивной фразеологии С.А. Есенина

ФСМПЭ «Отчаяние»

I:

Хоть вешайся / повеситься / даже повеситься можно

Было бы так плохо, что **хоть повеситься**

Господи! **даже повеситься можно** от такого одиночества

Хоть караул кричи

Хоть караул кричи или бери нож да становись на большую дорогу

Хоть плачь

Прощайте, милая, и писать не могу. Горько, обидно, **хоть плачь**

Хоть становись на большую дорогу^а

Хоть караул кричи или бери нож да становись на большую дорогу

Умирать с голоду

Никому оно не нужно, значение его для всех, как значение Изы Кремер, только с тою разницей, что Иза Кремер жить может на свое <пение>, а тут **хоть помирай с голоду**

II –

III:

Ломать руки (пальцы)

И я в отчаянии **ломаю руки**, что делать? Как жить?

IV:

Бередить/ поднимать <старую> рану / точить язвы

Впрочем, я об этом никому никогда не расскажу, и к чему **поднимать старые раны!**.. Ох, как тяжело. Маня! Да и зачем я буду мучить себя

Ради Бога / бога / Спаса / чёрта или бога

Ради черта или Бога, пришлите мне денег

Ради Бога, если не хочешь моей смерти, не медлите

Есть глазами дым^а

*Боже мой, лучше было **есть глазами дым**, плакать от него, но только бы не здесь, не здесь*

ФСМПЭ «Особая группа¹ (**знай наших!**)»

I

Боже <ты> мой

*Им все нравится подстриженное, ровное и чистое, а тут вот возьмешь им да кинешь с плеч свою вихрастую голову, и **боже мой**, как их легко взбаламутить*

Сукины (сучьи) дети

*Ну что, сволочи?! **Сукины дети?! Что, прохвосты?! Я теперь после всего этого завожу себе пару кобелей и здороваться буду со всеми только хвостами или лапами моих приближенных.***

II --

III --

IV---

ФСМПЭ «Отвращение»

I

Боже <ты> мой

Боже мой, какая это гадость, а я, вероятно, еще хуже бывал

¹ Анализ эмотивного содержания представленной ФЕ показал, что эти единицы объективируют эмоции, но в процессе классифицирования материала в соответствии с вербализуемой эмоцией оказалось, что данные единицы не могут быть включены ни в одну из сформированных групп. Это позволило выделить их в особую группу. Так было выделено ФСМПЭ, название которому дать оказалось затруднительно вследствие того, что ФЕ объективирует сложное эмоциональное состояние: гордость за свои достижения, свой поступок (или достижения/ поступок группы лиц, общность с которой субъект речи осознаёт и подчёркивает), радость, задор, но не злорадство. Фразеологический фонд русского языка содержит ФЕ *знай наших* в значении 'Прост. Экспрес. Нам есть чем гордиться, вот мы какие' [ФСРЯ I: 264]. Сравним эмотивное содержание выделенных в анализируемую группу единиц с эмотивным содержанием ФЕ *знай наших*: - *Молодец! Молодец!* – закричали они ему со всех сторон. – *знай наших!* – произнёс он самодовольно (А. Писемский. Взбаламученное море); *Ходила по грязным улицам разгорячённая утехами молодёжь, махала белыми с нитяной вышивкой платками, ухала и плясала вприсядку под гармонь. Знай наших!* (Н. Кочин. Девки) [ФСРЯ I: 264–265].

Во-первых, **Боже мой**, такая гадость однообразия, такая духовная нищета, что блевать хочется

II--

III

Посылать к е*.../е***ейшей / священной / эной матери (кого)

Порой мне хочется **послать** все это к **е***ейшей матери** и наострить лыжи обратно.

Здесь такая тоска, такая бездарнейшая «северянница» жизни, что просто хочется **послать** это все к **эной матери**.

IV --

ФСМПЭ «Тоска, грусть»

I

Боже <ты> мой

Боже мой, лучше было есть глазами дым, плакать от него, но только бы не здесь, не здесь

II-

III-

IV-

На душе (у кого)

Я чувствую себя прескверно. Тяжело **на душе**, злая грусть залегла

ФСМПЭ «Презрение»

I-

II

Лизать жопу (КОМУ)

Остались только х** да трубка

Теперь, когда от революции **остались только х** да трубка**, теперь, когда там эжмут руки тем и **лизуют жопы**, кого раньше расстреливали, теперь стало очевидно, что мы и были и будем той сволочью, на которой можно всех собак вешать

Мухи дохнут

По линии писать абсолютно невозможно. Будет такая тоска, что **мухи сдохнут**

Мышинный писк^а

Ибо то, что вы сочли с Андреем Белым за верх совершенства, я счел только за **мышинный писк**

Пить кровь (ЧЬЮ, ИЗ КОГО)

Горе тем, кто **пьет кровь** моего брата!

Продаст <и> отца и мать / родного брата

За грош они рады **продать родного брата**

Пятнать имя (об кого)^а

Я не хочу знать такую сволочь, как Ливкин, и не хочу **пятнать** об него свое **имя**

Снимать последнюю рубашку / последний крест с груди

Как он смеет судить, когда сам готов **снять последний крест с груди** бедняка. Небойсь, где хочешь бери четвертак ему за молебен. Ух, я б его...

III

Целовать подмётки^а (КОМУ)

Ну разве все эти Ремизовы, Замятины и Толстые (Алекс.) создали что-нибудь подобное? Да им нужно **подметки целовать** Белому. Все они подмастерья перед ним

IV

Ваш /свой брат

Не вы ли своими холодными поступками заставляете **своего брата** (родства с которым вы не признаете) делать подобные преступления

Вешать собак

Жму руку

Теперь, когда от революции остались только х** да трубка, теперь, когда там **жмут руки** тем и лизжут жопы, кого раньше расстреливали, теперь стало очевидно, что мы и были и будем той сволочью, на которой можно **всех собак вешать**

ФСМПЭ «Гнев»

I

Е*** с высокой лестницы (кого)

Я даже книг не захотел издавать здесь, несмотря на дешевизну бумаги и переводов. Никому здесь это не нужно. Ну и е*** я их тоже с **высокой лестницы**

Ё* прое** в распрое** (кого)

Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод и людоедство, зато у нас есть душа, которую здесь за ненадобностью сдали в аренду под смердяковщину.
Е* их прое в распрое****

II

На кой х**

Конечно, кой-где нас знают, кой-где есть стихи переведенные, мои и Толькины, но **на кой х**** все это, когда их никто не читает

III

(Чтоб) ноги / нога не была / не будет (чьей, где)

Передай ей, **чтоб** больше ее **нога** в Москве **не была**

IV ---

ФСМПЭ «Возмущение»

I

Черт бы взял (побрал) (кого)

Очень много барышень, и очень наивных. В первое время они совершенно меня замучили. Одна из них, **черт ее бы взял**, приставала, сволочь, поцеловать ее и только отвязалась тогда, когда я назвал ее дурой и послал к дьяволу

Милый Толя! **Черт бы** тебя **побрал** за то, что ты вляпал меня во всю эту историю (А.Б. Мариенгофу, февраль 1922 г., Ростов-на-Дону).

Черт возьми!

Черт возьми, ведь я бы на вокзал приехал

Черт знает что <такое>!

Черт знает, что такое: в конторе жизнь становится невыносимее.

Главным образом грустен потому, что дьявольски растолстел. Костюм не сходится. Белье приходится перепарывать. **Черт знает что такое!**

II—

III

Как собаку

Мне обидно это. Я возмущен до глубины души. Если б я его увидел, то избил бы как собаку

IV

*Держать язык за зубами Прежде чем тебе говорить о том, что ты серьезна, я советую тебе покрепче **держать язык за зубами***

ФСМПЭ «Восхищение»

I

Боже <ты> мой

Боже мой! Я люблю себя сейчас даже пьяного со всеми моими скандалами.

Боже мой! до чего прекрасна и богата Россия в этом смысле

Умереть можно

*А какой язык, какие лирические отступления! **Умереть можно***

II--

III

Бить челом (кому, чему)

*Америка делает нам предложение через Ригу, Вена выпускает к пасхе сборник на немецком, а Берлин в лице Верфеля **бьет челом** нашей гениальности*

IV --

ФСМПЭ «Ирония»

I-

II

Витать в облаках / под облаками

Читаю твое письмо и, право, удивляюсь. Где же у тебя бывают мысли в то время, когда ты пишешь? Или **витают под облаками?**

Дурная /дурья голова

Дурья голова Вардин выкинул очень много стихов, но они у меня лежат в целости

Губа не дура (у кого)

Да, у тебя **губа не дура**

В доску

Вчера была домашняя пирушка. Пильняк, Воронский, Ионов, Флеровский, Берзина, Наседкин, я и сестра. Нарезались **в доску**

Бабель придет раньше. Уложите его **в доску**

Навострить лыжи

Порой мне хочется послать все это к е***ейшей матери и **навострить лыжи** обратно

Насовать в зубы (кому)^a

Боже! какой оказался маленький Казин. Читал «Май» и поставил 2. При таких обещаниях так не делают. Даже Тихонов, совсем неизв<естный> до него, и тот **насовал** ему **в зубы**

Переливать / перегонять из пустого в порожнее

С книгами делайте как угодно, чего **из пустого в порожнее перегонять**. Это уж меня начинает раздражать

Ради революции^a

Милый Коля! **Ради революции**, не обижайся на меня, голубарь!

Сматывать / собирать <свои> манатки

Скоро **соберу манатки** и перееду в Баку, а пока пишите сюда

Демьянова уха

Демьяновой ухи я теперь не хлебаю

Валять дурака

Да и вообще с женьбой я просто **дурака валял**

Жму руку

Отцу **пожми лапу** и скажи ему, чтоб он погрозил хоть мизинцем Ваське – за то, что он не приходит.

Показать е... в... м...(КОМУ)

Уж они вам **покажут е... в... м.....**

Посылать в кем^а

Избавлюсь, улажу, **пошл**

ю всех **в кем** и, вероятно, махну за границу

Составить партию

Потом можешь скоро на танцевальных вечерах (в ногах твоя душа) сойтись с любым студентом и **составишь** себе прекрасную **партию**, и будешь жить ты **припеваючи**

(Врать) не хуже Ваньки^а

Изадора прекраснейшая женщина, но **врет не хуже Ваньки**

Целую руки

Привет Юкову. **Целую твои лапки**

IV

Ни гу-гу

Дюжину писем я изволил отправить Вашей сволочности, и Ваша сволочность **ни гу-гу**

Жить припеваючи

Потом можешь скоро на танцевальных вечерах (в ногах твоя душа) сойтись с любым студентом и **составишь** себе прекрасную **партию**, и будешь **жить** ты **припеваючи**

Лезть / залезть под юбку (КОМУ)

Дура моя – Ягодка! ты тоже сволочь из сволочей. Как тебе не стыдно, собаке, – залезть под юбку и забыть самого лучшего твоего друга. Мартын – это одно, а я другое.

Попадать в историю

*Милый Толя! Черт бы тебя побрал за то, что ты вляпал меня **во** всю эту историю*

Снимать шляпу (перед кем)

*Извини, голубчик, это вся моя Москва. Включая Жоржа и его рыжую, которым шлю горячий поцелуй. Больше и кланяться некому, а если бы и было, то все равно **шляпы не сниму**¹*

ФСМПЭ «Презрение»

I-

II

Выеденного яйца не стоит (кто, что)

*Но, а в общем-то, ведь все это **выеденного яйца не стоит***

III-

IV –

ФСМПЭ «Удивление»

I

Черт возьми!

*Интересно, **черт возьми**, в разногласии мнений!*

***Черт возьми!** Однако я здорово записался, 4 стр<аницу> пишу.*

¹ Соединение элементов разговорного и книжного стилей

II-

III-

IV -